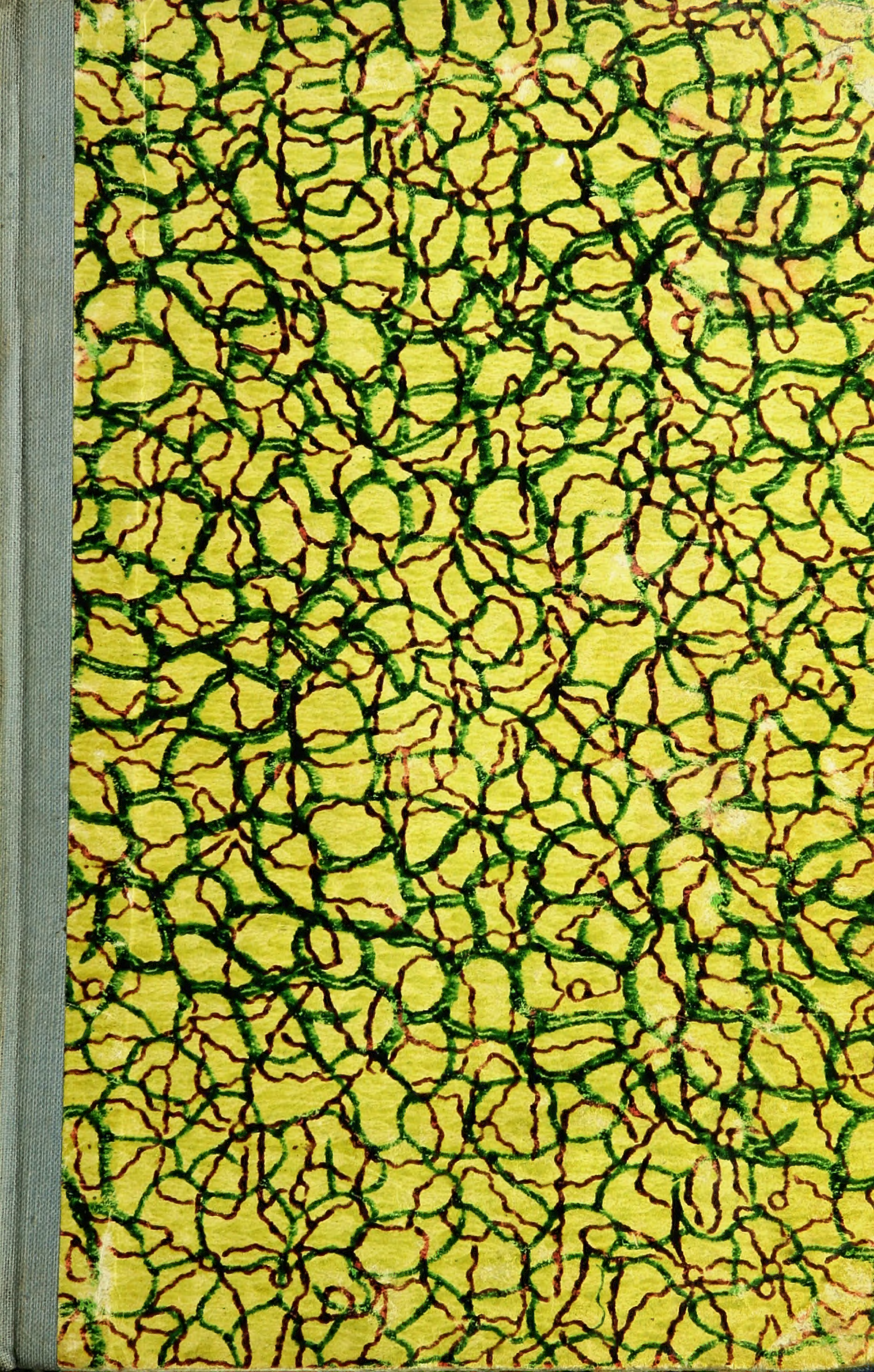

Св

ИСТОРІЯ РОССІИ

ВЪ РАЗСКАЗАХЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

СОЧИНЕНІЕ

АЛЕКСАНДРЫ ИШИМОВОЙ

Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки,
Что вашу прелесть замѣнитъ?
О родина святая!
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя?

Жуковскій

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

20

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1890

ИСТОРІЯ РОССІИ

ВЪ РАЗСКАЗАХЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

СОЧИНЕНІЕ

АЛЕКСАНДРЫ ИШИМОВОЙ

Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки,
Что вашу прелесть замѣнитъ?
О родина святая!
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя?

Жуковскій

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1890

 Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

КНЯЗЬ МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ СКОПИНЪ-ШУЙСКІЙ.

отъ 1609 до 1610 года.

(1 годъ).

Этотъ избавитель, о которомъ было упомянуто въ концѣ предыдущей главы, былъ племянникъ царя, князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій. Прекрасный душою, прекрасный наружностію, необыкновенный превосходными качествами ума и сердца, молодой князь точно могъ назваться существомъ небеснымъ и утѣшителемъ, посланнымъ отъ Бога любимому Имъ народу въ трудное время бѣдствій.

Когда несчастія Василія Іоанновича достигли высочайшей степени, когда окруженный измѣнниками, безпрестанно переходившими изъ Москвы въ Тушино и изъ Тушина въ Москву, онъ не находилъ уже надежныхъ защитниковъ царства между русскими, князь Скопинъ, не разъ отличавшійся побѣдами надъ войскомъ самозванца, посланъ былъ просить помощи у короля шведскаго. Умный посланникъ, не смотря на двадцати-лѣтній возрастъ свой, исполнилъ самымъ лучшимъ образомъ важное порученіе: король шведскій принялъ истинное участіе въ бѣдствіяхъ Россіи и далъ князю Михаилу пять тысячъ воиновъ подъ начальствомъ молодого генерала Делагарди. Сходство высокихъ характеровъ, равное благородство, равная любовь къ чести и справедливости соединили обоихъ полководцевъ тѣснѣйшею дружбою. При единодушномъ желаніи спасти Россію, для двухъ друзей не было ничего невозможнаго: Делагарди удерживалъ корыстолюбивыхъ шве-

довъ, когда, не получая во всей исправности обѣщаннаго имъ жалованья, они нѣсколько разъ сбирались воротиться въ Швецію; Скопинъ, не имѣя казенныхъ денегъ, платилъ имъ изъ собственныхъ. Дѣйствуя съ такимъ усердіемъ, въ нѣсколько мѣсяцевъ они выгнали мятежниковъ изъ всѣхъ мѣстъ отъ границъ новгородскихъ до московскихъ, возвратили подъ власть Василія всѣ города, чрезъ которые проходили; въ другіе же, отдаленнѣйшіе, посылали для того чиновниковъ; вездѣ напоминали жителямъ о священной присягѣ ихъ, данной законному государю, однимъ словомъ употребляли всѣ средства, какія были въ ихъ власти, и имѣли полный успѣхъ: 12-го января 1610 года вѣрные и благочестивые монахи лавры Троицкой уже прославляли избавителя своего князя Михаила и съ радостію смотрѣли, какъ бѣжалъ отъ стѣнъ ихъ гордый Сапѣга, шестнадцать мѣсяцевъ осаждавшій знаменитую обитель святого Сергія.

Поляки, жившіе въ Тушинѣ, узнавъ о побѣдахъ Скопина и о томъ, что онъ приближается къ Москвѣ, немедленно оставили Тушино и разбрелись въ разныя стороны. Надобно сказать вамъ, милые читатели, что самозванца уже тамъ не было: онъ убѣжалъ оттуда при первомъ извѣстіи объ успѣхахъ войскъ князя Скопина и союзниковъ его. Дерзкій обманщикъ отправился въ Калугу, а тамъ собралъ новые полки изъ безразсудныхъ жителей, добродушно вѣрившихъ его разсказамъ. Но теперь ему труднѣе было находить приверженцевъ, кромѣ сильнаго удара, которымъ поразилъ его Скопинъ; еще другой человѣкъ жестоко вредилъ ему. Это былъ король польскій. Долго смотря на ужасные безпорядки, происходившіе въ отечествѣ нашемъ, честолюбивый Сигизмундъ разсудилъ, что гораздо выгоднѣе для него воспользоваться ими самому, нежели помогать негодяю овладѣть знаменитымъ престоломъ, котораго давно добивались короли польскіе. Итакъ, онъ началъ тѣмъ, что отправилъ въ Россію новое войско, которому приказано было не защищать, но преслѣдовать самозванца, возвратить отъ него всѣхъ поляковъ подъ знамена короля и обѣщать всѣмъ русскимъ миръ, спокойствіе и счастіе, если они свергнутъ съ престола Шуйскаго и покорятся Польшѣ.

Какъ скоро поляки, уже болѣе двухъ лѣтъ разорявшіе Россію съ тушинскимъ самозванцемъ, узнали о новыхъ распоряженіяхъ Сигизмунда, то вмѣсто того, чтобы покориться волѣ короля своего, многіе изъ нихъ остались защитниками Лжедимитрія и смѣло пошли противъ Сигизмунда. Такимъ образомъ бѣдное отечество наше должно было видѣть не только междоусобную войну собственныхъ сыновъ своихъ, но и кровопролитныя ссоры чужеземцевъ! Сигизмундъ уже осаждалъ Смоленскъ; тушинскій воръ, вмѣстѣ съ недостойною Мариною, величался послѣдними своими успѣхами въ Калугѣ въ то время, какъ князь Скопинъ разогналъ изъ Тушина остатки поляковъ и русскихъ измѣнниковъ.

Довольный счастливыми успѣхами, относя ихъ не къ себѣ, но къ чудесной помощи Бога, надѣясь довершить избавленіе отечества и изгнать изъ Смоленска Сигизмунда, изъ Калуги—самозванца, молодой герой былъ въ это время счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Благодарный народъ въ восторгѣ признательности называлъ его не иначе, какъ *отцомъ отечества, своимъ возлюбленнымъ Михаиломъ!* Радостныя восклицанія встрѣчали и провожали его вездѣ, гдѣ онъ показывался. Не любя Василія Іоанновича и приписывая ему всѣ несчастія свои, русскіе—иные шопотомъ, другіе громко—говорили, что никто болѣе Михаила не заслуживаетъ чести быть царемъ Россіи и что старый, никакими достоинствами не отличающійся дядя долженъ уступить престолъ молодому, храброму, великодушному племяннику, обѣщающему столько славы отечеству. Рязанскіе дворяне осмѣлились даже торжественно предложить корону Скопину чрезъ намѣстника своего, думнаго дворянина *Ляпунова.*

Безкорыстная, великая душа молодого героя, нелицемѣрно уважавшаго несчастнаго дядю, содрогнулась отъ гнѣва при такомъ предложеніи. Онъ съ твердостію отвергнулъ его и только слезы и раскаяніе спасли отъ наказанія дерзкихъ рязанцевъ.

Великъ былъ Михаилъ, любезные читатели, въ эту минуту, лучшую въ жизни его! Рѣдко встрѣтите вы въ исторіи царей и царствъ человѣка, который отказался бы отъ престола

и отказался такъ искренно, не только не пожалѣвъ, но даже не подумавъ ни одной минуты о великости того счастія, отъ котораго отказывался. Еще болѣе: невинная душа его даже не понимала, какъ могло быть что нибудь выше того счастія, какимъ наслаждался онъ, спасая отечество свое и видя радость и веселіе народа, бывшаго еще такъ недавно печальнымъ и близкимъ къ отчаянію!

Съ сладостнымъ чувствомъ этого счастія, съ самымъ чистымъ намѣреніемъ посвятить жизнь свою милой родинѣ, молодой князь вмѣстѣ съ другомъ своимъ Делагарди въѣхалъ въ Москву, гдѣ встрѣтили его съ различными чувствами: народъ — съ неописаннымъ восторгомъ, дядя — съ притворною радостію: онъ узналъ о предложеніи рязанцевъ и уже боялся великодушнаго князя, слишкомъ любимаго всѣми русскими.

Этотъ страхъ возбудилъ въ Василіи братъ его, князь Димитрій Шуйскій, надѣявшійся быть современемъ наслѣдникомъ престола и потому ненавидѣвшій Скопина. Съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе пугалъ онъ брата своими подозрѣніями, такъ что царь, хотя и зналъ, что надобно какъ можно скорѣе послать помощь къ осажденному Смоленску, все еще не могъ рѣшиться поручить опять войско Михаилу, и чтобы не дать замѣтить своей медленности, старался отклонить племянника отъ его цѣли пышными праздниками. Безпрестанно кто нибудь изъ бояръ давалъ пиръ въ честь избавителя, и на одномъ изъ нихъ—на обѣдѣ у Димитрія Шуйскаго — молодой князь вдругъ занемогъ и чрезъ нѣсколько часовъ прекрасная душа его вмѣстѣ съ лучшими надеждами Россіи отлетѣла на небо!

Невозможно описать ужаса Москвы! Какъ скоро страшная вѣсть о неожиданной кончинѣ Михаила разнеслась въ столицѣ вмѣстѣ съ разсказами о томъ, что болѣзнь его случилась въ ту самую минуту, какъ онъ выпилъ кубокъ вина, поднесенный хозяйкою дома, княгинею Екатериною Шуйскою, народъ съ отчаяніемъ и яростію бросился въ домъ брата царскаго, и едва Димитрій спасся отъ смерти, благодаря воинамъ, присланнымъ отъ государя. Усмиряя народъ, старались увѣрять его, что молодой князь скончался естественною смертію, но немногіе вѣрили тому, и почти

всѣ подозрѣвали, что въ винѣ, поднесенномъ знаменитому гостю, былъ положенъ ядъ.

Такое бѣдственное происшествіе могло ли не вооружить весь народъ противъ Шуйскихъ? Они отняли у него того, кто одинъ могъ спасти Россію въ это трудное время. Всѣ знали, что и поляки, и самозванецъ, и измѣнники русскіе боялись только одного Михаила, и всѣ ожидали, что съ извѣстіемъ о кончинѣ его они всѣ оживутъ новыми надеждами. Такъ и случилось: всѣ они снова обратились къ Москвѣ. Одинъ Сигизмундъ не хотѣлъ оставить Смоленска, но за то онъ отправилъ къ несчастной столицѣ русской одного изъ самыхъ умныхъ и храбрыхъ полководцевъ своихъ: гетмана Жолкевскаго и съ нимъ нѣсколько тысячъ войска. Къ многочисленнымъ врагамъ Василія Іоанновича прибавился еще новый родъ злодѣевъ: люди, увѣрявшіе народъ, что онъ былъ причиною смерти племянника.

Это обвиненіе, вовсе несправедливое, довершило погибель Шуйскаго. Число ненавидящихъ его вдвое увеличилось, и полякамъ еще легче было теперь склонять русскихъ на измѣну къ Василію. Они и измѣнники русскіе дѣйствовали такъ усердно, что прежде нежели прошли три мѣсяца послѣ кончины Михаила—17-го іюля 1610 года—Василій Іоанновичъ былъ вывезенъ силою изъ дворца вмѣстѣ съ молодою супругою своей и на другой день силою же пострижен въ монахи.

Но этимъ еще не кончились страданія государя, въ полной мѣрѣ заслужившаго названіе *несчастнаго*. Впослѣдствіе времени неблагодарные подданные выдали его, какъ плѣнника, полякамъ. Увезенный въ Варшаву, онъ долженъ былъ видѣть торжество Польши надъ бѣднымъ отечествомъ своимъ, долженъ былъ перенесть всю великость униженія для царя русскаго—быть *плѣнникомъ* въ столицѣ польской! Но онъ перенесъ его съ честію, достойной знаменитой короны, четыре года украшавшей его голову. Это можно видѣть изъ слѣдующихъ немногихъ словъ, сказанныхъ имъ въ минуту, самую горькую для него и самую пріятную для поляковъ.

Когда, во время торжественнаго представленія Василія при дворѣ польскомъ, гордый Сигизмундъ со всею надмен-

ностію побѣдителя принималъ своего царственнаго плѣнника, сидя на великолѣпномъ тронѣ, поляки хотѣли, чтобы онъ поклонился королю,—Василій съ благородною гордостію отвѣчалъ имъ: «Царь московскій не кланяется королямъ! По волѣ Бога я плѣнникъ, но взятъ не вашими руками: меня выдали вамъ мои подданные—измѣнники». Такая твердость и чувство собственнаго достоинства въ положеніи безнадежномъ удивили поляковъ и заставили ихъ уважать Василія.

Оплакивая бѣдствіе милаго отечества, оплакивая собственную судьбу и судьбу семейства своего, Шуйскій жилъ въ зàмкѣ Гостинскомъ, близь Варшавы, и тамъ скончался 12-го сентября 1612 года. Тамъ же умерли и братья его, вмѣстѣ съ нимъ привезенные въ Польшу. Сигизмундъ поставилъ надъ могилою Василія памятникъ. Гордая надпись говорила прохожимъ о торжествѣ короля и униженіи русскихъ. Поляки двадцать три года величались этою славною для нихъ гробницею и только въ 1636 году принуждены были отдать ее Россіи.

Можетъ быть читатели мои съ сердечнымъ участіемъ и нетерпѣніемъ спросятъ меня: «Что же въ это время дѣлалось съ отечествомъ нашимъ? Кто управлялъ имъ, когда несчастный государь его кончилъ жизнь въ землѣ враговъ своихъ? Кто защищалъ его? Кто заботился о немъ!» О, друзья мои! оно было несчастнѣе, нежели когда нибудь: *въ немъ не было царя!* Этого довольно, чтобы дать вамъ понять весь ужасъ тогдашняго положенія нашихъ предковъ! Въ слѣдующемъ разсказѣ вы увидите эту новую картину бѣдствій ихъ, но вы можете смотрѣть на нее съ утѣшительною мыслію: она блещетъ и добродѣтелями того народа, къ которому вы принадлежите, и прекрасною зарею счастія, разлившеюся по небу Россіи вмѣстѣ съ сіяніемъ имени Романовыхъ на престолѣ нашего отечества.

Семейство царя Василія V Іоанновича Шуйскаго.

Супруга: княжна *Марія* Петровна Буйносова-Ростовская.

Дочь: Анастасія, скончалась въ дѣтствѣ.

МЕЖДУЦАРСТВІЕ.

отъ 1610 до 1613 года.

(3 года).

Такъ называется въ исторіи нашей это несчастное время, когда русскіе не имѣли государя, по всей справедливости называемаго *отцомъ народа*, и потому испытывали всю горесть сиротства и беззащитности! Только тѣ изъ насъ, читатели мои, которыхъ зовутъ *сиротками* и которыхъ некому ни приласкать, ни защитить, ни остановить отъ дурныхъ поступковъ, ни похвалить за добрые, могутъ имѣть нѣкоторое понятіе о томъ, что чувствовали предки наши во время междуцарствія. Оно продолжалось три года и заключало въ себѣ столько бѣдствій, что я не знаю съ чего начать разсказъ мой! Сказать ли вамъ о томъ, что терпѣли бѣдные жители Смоленска во время продолжительной осады ихъ города королемъ польскимъ? Сказать ли вамъ о той твердости, съ которою они переносили свои страданія, о той неустрашимости, съ которою около двухъ лѣтъ защищали городъ свой и, наконецъ, о томъ геройствѣ, съ которымъ знатнѣйшіе изъ нихъ рѣшились лучше умереть, нежели сдаться непріятелю. Для этого они затворились въ одной изъ главныхъ городскихъ церквей, зажгли порохъ, лежавшій въ подвалахъ церковныхъ, и взлетѣли на воздухъ въ виду удивленныхъ поляковъ! Показать ли вамъ на четырнадцать шатровъ, раскинутыхъ въ окрестностяхъ Смоленска за версту отъ королевскаго стана? Эти шатры бѣдны, некрасивы и вовсе не походятъ на тѣ покойныя, чистыя, бѣлыя, какъ снѣгъ, палатки, которыми бываютъ усѣяны поля и холмы Краснаго Села въ то время, когда полки нашей гвардіи проводятъ тамъ теплые дни іюня и іюля. И знаете ли вы, милые читатели мои, кто жилъ въ этихъ бѣдныхъ шатрахъ въ глубокую, холодную осень? Не солдаты и офицеры, которые, привыкнувъ ко всѣмъ трудностямъ войны, легко перенесли бы холодъ и сырость октябрьскихъ ночей, но знаменитые бояре, пріѣхавшіе къ Сигизмунду послами отъ всего московскаго народа, чтобы

предложить престолъ русскій шестнадцати-лѣтнему сыну его *Владиславу.* Вы вѣрно удивитесь такому предложенію, друзья мои? Да, положеніе бѣдныхъ предковъ нашихъ было такъ горестно, что для избавленія себя отъ несчастій и отъ сильнаго врага своего Сигизмунда они не находили другого средства, какъ назвать государемъ своимъ сына его! До такого униженія довелъ ихъ гетманъ Жолкевскій, уже вошедшій въ Москву со всѣмъ своимъ войскомъ. Однакожъ русскіе покорялись судьбѣ своей съ тою мыслію, что королевичъ польскій, принимая корону царей ихъ, приметъ въ то же время вѣру и обычаи ихъ; и потому, чувствуя всю важность посольства своего, они выбрали для этого людей, самыхъ отличныхъ по уму, добродѣтелямъ и преданности къ отечеству. Первыя мѣста занимали между ними: ростовскій митрополитъ Филаретъ Никитичъ Романовъ и князь Василій Васильевичъ Голицынъ. Свита ихъ состояла также изъ самыхъ знатныхъ дворянъ и духовенства; злые поляки заставили ихъ терпѣть холодъ и даже голодъ въ шатрахъ, разбросанныхъ на поляхъ смоленскихъ. Болѣе восьми мѣсяцевъ они держали ихъ тамъ и потомъ отправили плѣнниками въ Польшу за то, что они не согласились отдать Россію безъ всякихъ условій во власть польскаго короля. Ужасно было положеніе этихъ вѣрныхъ защитниковъ отечества, этихъ знаменитыхъ страдальцевъ за честь престола русскаго! Оставимъ эту печальную картину; она слишкомъ мрачна для вашего свѣтлаго воображенія, милыя дѣти. Но на чемъ же остановимся мы? Описать ли вамъ состояніе Калуги, гдѣ въ одинъ день тушинскій злодѣй былъ убитъ, а у Марины родился сынъ, котораго она назвала царевичемъ Іоанномъ Димитріевичемъ! Говорить ли вамъ о новыхъ замыслахъ этой достойной презрѣнія женщины, которая вскорѣ потомъ подружилась съ дерзкимъ атаманомъ днѣпровскихъ казаковъ Заруцкимъ и обвѣнчалась съ нимъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ посадилъ на престолъ московскій маленькаго сына ея, и подъ именемъ этого сына управлялъ бы вмѣстѣ съ нею государствомъ? Представить ли вамъ южную часть бѣднаго отечества нашего, которую крымцы опустошали набѣгами; Астрахань—гдѣ безпрестанно появлялись новые

самозванцы; Новгородъ — гдѣ прежній знаменитый другъ князя Михаила Скопина-Шуйскаго, генералъ Делагарди, уже дѣйствовалъ какъ непріятель и, пользуясь всеобщимъ разстройствомъ, заставлялъ не только новгородцевъ, но и жителей многихъ другихъ городовъ выбрать въ цари принца Филиппа, сына короля шведскаго? Или посмотрѣть намъ, что дѣлается въ это ужасное время въ самомъ сердцѣ Россіи, въ столицѣ ея Москвѣ? Такъ, остановимся въ ней! По крайней мѣрѣ здѣсь мы можемъ отдохнуть! Здѣсь еще блеститъ слабая надежда на спасеніе. Какъ ни велики несчастія москвитянъ, принужденныхъ принять къ себѣ гетмана Жолкевскаго со всѣмъ войскомъ его, принужденныхъ видѣть собственными глазами весь ужасъ власти поляковъ надъ отечествомъ ихъ, принужденныхъ, наконецъ, присягнуть сыну короля полькаго, но у нихъ есть еще люди, которые, не смотря на бурю, страшно бушующую вокругъ нихъ, еще осмѣливаются мечтать о спасеніи, еще не боятся говорить и дѣйствовать за погибающую родину! Это были: патріархъ *Гермогенъ,* не соглашавшійся признать царемъ Владислава и за то гонимый поляками; *Прокопій Ляпуновъ,* мятежникъ противъ Шуйскаго, впослѣдствіи времени рѣшившійся употребить всѣ усилія, чтобы избавить русскихъ отъ власти чужеземцевъ, и *князь Трубецкой,* второй послѣ него начальникъ войска русскаго, пришедшаго къ Москвѣ для ея избавленія. Третьимъ отрядомъ, дружиною казаковъ, управлялъ Заруцкій. Еслибы этотъ злодѣй не отдѣлилъ желаній своихъ отъ желаній всей Россіи и не сдѣлался защитникомъ безбожной Марины и сына ея, то, вѣроятно, бѣдствія отечества нашего не были бы такъ продолжительны и поляковъ выгнали бы изъ Москвы въ то самое время, о которомъ мы говоримъ теперь, т. е. въ 1611 году; но вмѣсто того, чтобы дѣйствовать согласно съ товарищами, Заруцкій, думая только о пользѣ Марины, старался погубить Ляпунова, — того, кто первый началъ призывать русскихъ на спасеніе отечества, кто первый собралъ и привелъ къ стѣнамъ Москвы полки защитниковъ! Съ надеждою смотрѣли на него всѣ русскіе, но, почти прежде нежели начались подъ Москвою важныя сраженія съ поляками, Ляпуновъ уже былъ убитъ казаками Заруцкаго!

Это послѣднее несчастіе, уничтоживъ всѣ ожиданія предковъ нашихъ, привело въ неописанное уныніе сердца ихъ: они не знали уже къ кому обратиться съ своею горестію, кого молить о помощи! Уже нельзя было искать ее на землѣ: только помощь небесная могла спасти ихъ! И Богъ послалъ ее тѣмъ, которые всегда твердо надѣялись на Него! Чудесна была эта помощь, любезные читатели, удивительны средства, какія употребилъ Господь для спасенія Россіи, безпредѣльна должна быть благодарность наша за это спасеніе! Послушайте разсказъ объ этомъ важнѣйшемъ періодѣ въ исторіи нашей и порадуйтесь, что вы родились въ странѣ, такъ много любимой Творцомъ міра.

Изъ священнаго жилища Сергія — нѣкогда усерднаго защитника Россіи,—изъ монастыря Троицкаго блеснулъ первый лучъ надежды для русскихъ. Тамошніе архимандритъ *Діонисій* и келарь *Авраамій Палицынъ* первые начали великое дѣло спасенія отечества. Они уговорили двѣсти человѣкъ стрѣльцовъ и пятьдесятъ монастырскихъ слугъ идти на избавленіе Москвы. Этотъ небольшой отрядъ, конечно, ничего не значилъ въ сравненіи съ силами поляковъ, но онъ былъ счастливымъ началомъ того великаго ополченія, которое собралось впослѣдствіи со всѣхъ концовъ Россіи по призванію Діонисія и Авраамія. Они писали грамоты во всѣ города и просили всѣхъ жителей ихъ идти противъ враговъ отечества. Авраамій, увлеченный своимъ пламеннымъ усердіемъ, даже оставилъ тихую жизнь монастырскую и былъ неразлученъ съ воинами: ободрялъ ихъ въ опасностяхъ, разбиралъ ихъ споры, мирилъ поссорившихся и даже самъ участвовалъ въ сраженіяхъ.

Между тѣмъ какъ это происходило въ окрестностяхъ Москвы, наполненной гордыми поляками, смѣющимися надъ слабыми усиліями монаховъ лавры Сергіевской, грамоты Діонисія и Авраамія производятъ чудо въ Нижнемъ-Новгородѣ. Усердно сходился слушать ихъ народъ во всѣхъ городахъ и селеніяхъ русскихъ: весело было людямъ грамотнымъ читать ихъ землякамъ своимъ, собравшимся около нихъ и боявшимся проронить одно слово изъ умныхъ посланій. Всѣ они готовы были летѣть на смерть за милую родину, но, не зная какъ сдѣлать это, проводили время

въ напрасныхъ толкахъ и, ничего не придумавъ, печально расходились въ разныя стороны. Такъ дошла очередь и до Нижняго; но тамъ случилось иначе: тамъ жилъ избавитель Россіи! И кто-жъ бы вы думали былъ этотъ избавитель, любезные читатели? Вѣрно вы скажете, какой нибудь знаменитый и богатый бояринъ, извѣстный всему государству? Нѣтъ, друзья мои, любовь къ отечеству не принадлежитъ одной знатности и богатству: она равно разлита во всѣхъ добрыхъ и благородныхъ сердцахъ. Избавителемъ Россіи въ горестное время междуцарствія былъ простой мѣщанинъ Нижняго-Новгорода — *Козьма Миничъ Сухорукой*, котораго мы обыкновенно зовемъ *Мининымъ*.

Какое-то особенное усердіе пылало въ душѣ Минина во время чтенія грамотъ лавры Сергіевской. Безъ сомнѣнія, оно зажглось въ немъ по волѣ Божіей, потому что могла ли высокая мысль спасти Россію, уже погибавшую, уже преданную во власть поляковъ и шведовъ, уже называвшую царями своими и Владислава, и Филиппа,— могла ли эта смѣлая мысль прійти сама собою простому человѣку, неимѣвшему никакихъ средствъ сдѣлать такое чудо? Самъ Мининъ чувствовалъ, что она внушена ему Богомъ по той надеждѣ, какую имѣлъ на успѣхъ. Не медля ни одной минуты, онъ тутъ же на площади, гдѣ читали грамоты, сказалъ народу: «Вѣра и отечество наше погибаютъ, но мы можемъ спасти ихъ. Не пощадимъ жизни и имущества для избавленія Москвы: продадимъ свои домы, заложимъ женъ и дѣтей своихъ и выкупимъ изъ бѣды отечество. Богъ благословитъ наше предпріятіе!»

Какія прекрасныя слова, друзья мои! Какъ хорошо, что исторія сохранила ихъ во всей точности! Если они и теперь восхищаютъ насъ, то подумайте, какое дѣйствіе произвели они на собравшихся нижегородцевъ! Прибавьте къ тому, что слезы текли по щекамъ Минина, когда онъ говорилъ ихъ, что святой огонь любви къ отечеству блисталъ въ его взорахъ, что благословеніе Всевышняго вмѣстѣ съ лучами яркаго солнца, озарявшаго въ этотъ славный день небо Нижняго-Новгорода, лилось на говорившаго,— и вы не удивитесь, что дѣйствіе словъ его было чудесно, неописанно. Нижегородцы въ одинъ голосъ вскричали:

«Умремъ за Русь святую!»—и спасеніе отечества нашего было рѣшено. Въ этомъ крикѣ соединились всѣ сердца, всѣ души, всѣ мысли, всѣ желанія русскихъ. Съ площади Нижегородской раздался онъ во всѣхъ отдаленныхъ странахъ Россіи; онъ привелъ къ одной цѣли всѣхъ вѣрныхъ дѣтей ея: онъ одушевилъ одинакимъ усердіемъ всѣхъ защитниковъ ея. Это усердіе было безпримѣрно: оно пылало не только въ сердцахъ мужчинъ, но также и женщинъ. Будучи не въ состояніи проливать кровь свою за милое отечество, они приносили ему въ жертву все, что̀ имѣли самаго лучшаго: всѣ драгоцѣнныя украшенія свои, всѣ алмазы и жемчуги съ богатыхъ одеждъ своихъ. Скажу вамъ еще болѣе, милые читатели мои: даже дѣти, смотря на родителей, дѣлали то же и, принося къ родителямъ все, что было у нихъ дорогого, просили ихъ отослать въ ту же общественную казну народа, куда съ такимъ чистымъ усердіемъ сыпалось чистое золото русское. Эта казна хранилась у Минина: онъ продавалъ драгоцѣнныя пожертвованія и на вырученныя деньги содержалъ воиновъ, со всѣхъ сторонъ сходившихся на защиту родины. Благодаря такому усердію, новое войско имѣло уже все нужное; недоставало только полководца, которому бы можно было поручить спасеніе царства. Мининъ и въ этомъ случаѣ вывелъ изъ затрудненія своихъ соотечественниковъ. Служивъ нѣкогда въ полкахъ царскихъ, онъ, не смотря на лѣта свои, еще былъ храбръ и любилъ слушать разсказы о дѣлахъ знаменитыхъ полководцевъ русскихъ; зналъ почти всѣхъ ихъ лично и безошибочно могъ судить, который изъ нихъ былъ первымъ по достоинствамъ. Онъ отдавалъ это первенство князю *Дмитрію Пожарскому*, уже извѣстному своею любовію къ отечеству, своимъ усердіемъ къ народу, своею въ полной мѣрѣ русскою неустрашимостію. Защищая бѣдныхъ москвитянъ съ небольшими отрядами своими противъ многочисленныхъ поляковъ, князь Пожарскій за годъ передъ тѣмъ былъ опасно раненъ и въ это время, выздоравливая отъ ранъ, жилъ въ деревнѣ своей, за 120 верстъ отъ Нижняго-Новгорода. Вотъ къ нему-то отправился Мининъ, его-то умолялъ именемъ всѣхъ русскихъ спасти Россію. Тронутый такою довѣренностію,

готовый пожертвовать послѣднею каплею крови за вѣру и отечество, Пожарскій съ восхищеніемъ принялъ предложеніе народа и, уже не думая о ранахъ своихъ, едва закрывавшихся, отправился тотчасъ къ войску, съ нетерпѣніемъ его ожидавшему. Съ этой минуты судьба Россіи перемѣнилась и торжество поляковъ надъ бѣдными предками нашими кончилось. Злые враги, при первомъ извѣстіи о всеобщемъ ополченіи русскихъ, предчувствовали гибель свою, и первою жертвою ихъ злобы сдѣлался патріархъ Гермогенъ: они замучили голодною смертію этого святого защитника церкви и престола, но онъ умеръ спокойно, потому что уже зналъ о приближеніи къ Москвѣ Пожарскаго, и праведная душа его, разставаясь съ жизнію, благословляла воиновъ и молилась объ успѣхахъ ихъ.

Народное ополченіе, подъ защитою этого благословенія и молитвы, уже соединилось въ концѣ августа 1612 года съ войскомъ, болѣе года стоявшимъ около Москвы. Начальникъ его князь Трубецкой и Авраамій Палицынъ съ радостію встрѣтили новыхъ сподвижниковъ. Теперь уже не страшны были для нихъ замыслы Заруцкаго: слава Пожарскаго, присутствіе Минина, пламенное усердіе народа ручались за побѣду. Видъ московскаго стана совсѣмъ перемѣнился: надежда на милость Бога, всегда помогающаго правому дѣлу, оживляла каждое сердце, и, не смотря на то, что многочисленное войско польское, подъ начальствомъ гетмана Хоткевича, шло на помощь къ полякамъ, владѣвшимъ Москвою, русскіе были увѣрены въ побѣдѣ. 22-го августа первые отряды Хоткевича перешли Москву-рѣку и остановились близь Новодѣвичьяго монастыря. Пожарскій и Трубецкой встрѣтили ихъ и сражались нерѣшительно три дня. Храбрость видна была съ обѣихъ сторонъ, но побѣду русскихъ замедляли казаки, находившіеся въ войскѣ князя Трубецкого: они вздумали въ ту минуту, когда рѣшалась судьба отечества, спорить о жалованьѣ своемъ, и говоря, что они еще не получали его, не хотѣли сражаться. Слава Богу, что въ эту ужасную минуту, когда могли погибнуть всѣ великія намѣренія спасителей Россіи, нашелся человѣкъ, который былъ въ состояніи поправить зло, причиненное измѣнниками чести русской: то былъ добрый, не-

утомимый въ усердіи Авраамій Палицынъ. Съ чувствомъ души высокой и благородной, съ трогательными слезами человѣка, пламенно любившаго отечество свое и боявшагося видѣть погибель его, онъ началъ представлять казакамъ всю низость поступка ихъ; обѣщалъ имъ, вмѣсто денегъ, которыхъ уже не было ни у него, ни въ казнѣ лавры Сергіевской,—всѣ утвари церковныя; умолялъ ихъ именемъ Бога и святого Сергія не отказываться отъ сраженія. Эти убѣдительныя слова, это имя Бога и Его угодника напоминали казакамъ долгъ ихъ, показали имъ всю безразсудность, все малодушіе ихъ. Съ раскаяніемъ въ сердцѣ, съ клятвою побѣдить или умереть, полетѣли они на поле сраженія, гдѣ счастіе уже было на сторонѣ гетмана. Храбрость казаковъ перемѣнила судьбу его, но побѣда все еще оставалась нерѣшенною, какъ вдругъ Мининъ, отобравъ триста отличныхъ воиновъ, бросился съ ними на непріятелей съ тыла. Такое неожиданное нападеніе смѣшало польское войско: ряды его разстроились, а русскіе воспользовались этимъ безпорядкомъ, и славная побѣда сдѣлала навсегда незабвеннымъ для насъ день 24-го августа. Болѣе 15,000 поляковъ было убито, а остальные съ гетманомъ ушли въ Польшу.

Освободясь такимъ образомъ отъ сильнаго войска непріятельскаго, посланнаго на помощь къ полякамъ, князья Пожарскій и Трубецкой еще смѣлѣе приступили къ несчастной столицѣ и окружили ее войскомъ со всѣхъ сторонъ. Поляки, не имѣя возможности выѣзжать изъ города за съѣстными припасами, видѣли погибель свою, страдали отъ голода, который былъ такъ великъ, что они ѣли собакъ, кошекъ и мышей, но все еще не хотѣли покориться.

Наконецъ страшный голодъ дошелъ до крайности, и 22-го октября 1612 года поляки сдались, и Москва, обезображенная, разоренная, но оживленная надеждами на будущее счастіе, приняла съ любовью и благодарностію храбрыхъ освободителей своихъ.

Вслѣдъ за этою радостію русскіе услышали о другой: Сигизмундъ, узнавъ о разбитіи Хоткевича и видя, что войско его гибнетъ въ Россіи отъ голода и наступившихъ морозовъ, отказался на время отъ своихъ намѣреній за-

владѣть отечествомъ нашимъ и отправился въ Польшу. Но не онъ одинъ былъ сильнымъ врагомъ земли Русской и опаснымъ искателемъ престола ея. Съ другой стороны страшилъ ее грозою знаменитый Густавъ-Адольфъ, тогда только что сдѣлавшійся королемъ шведскимъ. Онъ напоминалъ Новгороду и другимъ сѣвернымъ городамъ нашимъ клятву, данную ими Делагарди въ томъ, что они избираютъ царемъ меньшого брата королевскаго, принца Филиппа.

И такъ, прежде нежели вѣрный народъ успѣлъ порадоваться побѣдѣ своей, новая буря уже собиралась надъ головой его! Спасти себя отъ нея можно было только подъ могущественною защитою царя, а его не было у русскихъ! Страхъ подвергнуться новымъ бѣдамъ и увѣренность въ томъ, что счастіе Россіи есть всегда *дѣло* государя ея, заставили и вельможъ, и народъ поспѣшить избавленіемъ того, кому надобно было поручить судьбу отечества. Но какъ труденъ былъ этотъ выборъ послѣ двухъ неудачныхъ! Царствованіе Годунова и Шуйскаго пугало русскихъ. Съ горестію вспоминали они снова о несчастной кончинѣ царевича Димитрія и о томъ, что уже не поколѣніе прежнихъ царей ихъ будетъ управлять ими. Печально и сомнительно смотрѣли они на знаменитые домы бояръ и не знали, въ которомъ изъ нихъ искать *Надежу-государя!* Во время этой нерѣшительности, чувство живѣйшей благодарности привязывало ихъ къ князю Пожарскому и, какъ разсказываютъ нѣкоторые повѣствователи, многіе, увлеченные имъ, уже думали назвать царемъ героя-спасителя отечества.

Утѣшительно было для князя Пожарскаго услышать о такомъ намѣреніи соотечественниковъ его: оно доказывало любовь и благодарность ихъ, а эти два чувства составляютъ всегда лучшія радости человѣка. Насладившись ими, знаменитый князь хотѣлъ быть въ полной мѣрѣ достойнымъ ихъ, и потому вмѣсто того, чтобы воспользоваться восторгомъ, которымъ увлекались благодарныя сердца русскихъ, онъ отклонилъ намѣреніе ихъ и былъ изъ первыхъ, напомнившихъ вельможамъ и боярамъ-избирателямъ о томъ, кто имѣлъ право на корону Россіи: это былъ близкій родственникъ царей нашихъ, племянникъ незабвеннаго ангела Анастасіи. «Правда»,—говорилъ князь Пожарскій и другіе

бояре, бывшіе одного съ нимъ мнѣнія,—«онъ не принадлежитъ уже свѣту; умный и добрый Филаретъ нашъ—служитель Божій и, къ тому же, онъ теперь въ Польшѣ плѣнникомъ Сигизмунда; но у него есть сынъ, у него есть шестнадцати-лѣтній Михаилъ! Вотъ кто долженъ быть царемъ нашимъ и по праву рожденія, и по праву заслугъ его предковъ, и по праву воспитанія своего: келіи монастырскія и наставленіе блогочестивой матери-монахини ручаются намъ за чистоту его сердца! И такъ, друзья, пусть будетъ царемъ нашимъ *Михаилъ Романовъ*».

«Да здравствуетъ царь нашъ! да здравствуетъ Михаилъ!» воскликнуло въ одинъ голосъ все собраніе. Такъ согласно и быстро сдѣланъ былъ этотъ счастливый выборъ! Имя Михаила, произнесенное такъ единогласно, казалось для всѣхъ волею Бога, опредѣленіемъ небесъ. Народъ съ восхищеніемъ повторялъ восклицанія бояръ; родство избраннаго царя съ поколѣніемъ Рюрика, съ добродѣтельною Анастасіею, удовлетворяло пламенныя желанія русскихъ, обѣщало имъ снова продолжительное счастіе. Съ чувствомъ радости, уже не боясь за свою будущность, всѣ пошли въ церкви благодарить Бога. Вы вѣрно угадаете, друзья мои, что въ это время всѣхъ пріятнѣе было молиться князю Пожарскому. На совѣсти у него было такъ чисто, такъ свѣтло, какъ будто сами ангелы прилетали за молитвою его и, небесно улыбаясь ему, несли ее къ престолу Божію! Память объ этомъ знаменитомъ и великодушномъ избавителѣ отечества нашего, во время величайшихъ опасностей его, продлится до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать Россія и пока русскіе будутъ чувствительны къ добродѣтелямъ своихъ предковъ. Эти добродѣтели были не перенятыя отъ другихъ народовъ, но врожденныя въ сердцахъ ихъ; онѣ равно свойственны были у нихъ людямъ всѣхъ званій и состояній, и читатели мои, удивляясь славнымъ дѣламъ царей, князей, бояръ, духовенства и наконецъ простыхъ мѣщанъ, въ числѣ которыхъ былъ Мининъ, удивятся еще болѣе, когда я скажу, что и самые крестьяне ихъ могли гордиться героями, достойными въ полной мѣрѣ этого названія! Прочитайте слѣдующій разсказъ, и вы повѣрите этому.

ИВАНЪ СУСАНИНЪ И ЕГО ПОТОМСТВО.

1613 годъ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Костромы есть село *Домнино.* Въ немъ живутъ свободные поселяне, которые не платятъ никому податей, не исполняютъ никакихъ повинностей, т. е. не мостятъ дорогъ, не держатъ лошадей для почты и проѣзжихъ, не представляютъ рекрутъ на службу государеву, однимъ словомъ, не знаютъ никакихъ тягостей жизни общественной, но пользуются всѣми выгодами ея. Этихъ счастливцевъ называютъ *бѣлопашцами.* Знаете ли, милые друзья мои, отчего они наслаждаются такою пріятною жизнію и кому обязаны всѣми преимуществами своими? О! это любопытное и трогательное происшествіе. Вы вѣрно поблагодарите меня, если я разскажу его. Послушайте же.

Въ то время, когда сердца всѣхъ русскихъ съ согласнымъ, единодушнымъ восторгомъ назвали государемъ своимъ Михаила Романова и уже съ нетерпѣніемъ ожидали извѣстія о томъ, какъ приметъ онъ и благочестивая мать его монахиня Мароа Іоанновна пословъ московскихъ, поѣхавшихъ къ нимъ съ усердными мольбами отъ имени всего народа, поляки, узнавъ объ этой новости и предвидя, какъ повредитъ она намѣренію ихъ завладѣть Россіей, рѣшились погубить избраннаго царя. Шестнадцати-лѣтній юноша, котораго отецъ, плѣнникъ въ Варшавѣ, оплакивалъ въ тишинѣ бѣдствія своего отечества, а мать, невольно постриженная, проводила печальные дни въ келіи монастырской, не могъ быть страшенъ для враговъ сильныхъ и многочисленныхъ, и погибель его казалась для нихъ легкою: все зависѣло оттого только, чтобы сдѣлать это прежде, нежели послы успѣютъ пріѣхать къ нему и превратить скромное, беззащитное жилище молодого боярина въ неприступный, окруженный вѣрными подданными дворецъ избраннаго государя.

Разсуждая такимъ образомъ, отправили они отрядъ самыхъ рѣшительныхъ злодѣевъ въ помѣстье Романовыхъ. Это помѣстье было въ Костромской губерніи; къ нему

принадлежало также и то село Домнино, о которомъ мы говорили въ началѣ этого разсказа. Отрядъ поляковъ съ ужаснымъ намѣреніемъ уже явился въ Домнинѣ: оставалось не болѣе версты до той деревни, гдѣ былъ господскій домъ, въ которомъ жилъ молодой Михаилъ въ разлукѣ съ добрыми родителями, тоскуя о несчастной судьбѣ отца и услаждая горесть свою только свиданіями съ матерью-монахинею, жившею въ нѣсколькихъ верстахъ отъ него въ монастырѣ Ипатьевскомъ. Убійцы не знали дороги въ эту деревню и случайно встрѣтили крестьянина изъ села Домнина *Ивана Сусанина.* Нетерпѣливо они начали разспрашивать у него, какъ имъ найти помѣстье новаго царя Михаила Ѳеодоровича, и чтобъ не показаться подозрительными, злодѣи притворились, что посланы отъ друзей его съ тѣмъ, чтобы прежде всѣхъ поздравить съ неожиданнымъ счастіемъ. Но Сусанинъ былъ уменъ и смѣтливъ: онъ скоро догадался, что имѣлъ дѣло не съ друзьями, но съ самыми жестокими врагами господина своего. По платью, онъ тотчасъ увидѣлъ въ нихъ поляковъ, а въ то время этого довольно было, чтобы встревожить всякаго русскаго. Чувствуя, что отъ его скромности зависѣла жизнь боярина его, онъ въ ту же минуту рѣшился на всякое пожертвованіе, чтобы только спасти его. Искусно скрывъ радость, которая взволновала сердце его при извѣстіи о томъ, что молодой Михаилъ Ѳеодоровичъ избранъ царемъ Россіи, онъ отвѣчалъ на разспросы поляковъ самымъ простодушнымъ разсказомъ о томъ, что онъ оченъ хорошо знаетъ помѣстье Романовыхъ, что часто бываетъ тамъ и можетъ проводить дорогихъ гостей помѣщика до самаго дома его. Притворное простодушіе крестьянина обмануло поляковъ: они повѣрили словамъ его и велѣли вести себя какъ онъ знаетъ. Что-жъ онъ сдѣлалъ и куда повелъ ихъ? Совсѣмъ въ противную сторону отъ настоящей дороги! А между тѣмъ успѣлъ еще отправить къ молодому царю вѣсть объ угрожавшей ему опасности. Долго поляки шли съ проводникомъ своимъ, нигдѣ не останавливаясь, и наконецъ ночью пришли въ самый густой дремучій лѣсъ, гдѣ никогда никто не проходилъ и не проѣзжалъ. И тамъ еще Сусанинъ долго водилъ ихъ,

увѣряя, что сбился въ темнотѣ съ тропинки. Наконецъ злодѣи начали догадываться, что проводникъ обманываетъ ихъ, и съ гнѣвомъ сказали ему это. «Нѣтъ!» — отвѣчалъ добрый, неустрашимый Сусанинъ, уже предвидя свою мучительную смерть, — «нѣтъ, не я васъ, но вы обманули сами себя. Какъ могли вы думать, что я выдамъ вамъ нашего государя? Онъ спасенъ теперь и вы очень далеко отъ его помѣстья! Вотъ вамъ голова моя, дѣлайте со мною что хотите, я отдаю себя Богу!»

Вы можете представить себѣ, милые читатели, какія жестокія мученія были наградой благороднаго Сусанина за его вѣрность и мужество, за его великодушное пожертвованіе собою! Злодѣи, видя предъ собою вѣрную смерть въ лѣсу, гдѣ никогда еще не было протоптано ни одной тропинки, гдѣ земля покрыта была глубокимъ снѣгомъ, какъ будто грозившимъ заморозить ихъ, бросились съ неописанною яростію на добраго слугу Романовыхъ и ужасны были страданія, какія вытерпѣлъ онъ, умирая отъ рукъ ихъ. Но эти страданія были вознаграждены: на небесахъ — Богъ принялъ съ любовію прекрасную душу Сусанина; на землѣ — царь по-царски наградилъ усердіе и вѣрность его: онъ далъ дѣтямъ своего спасителя земли, лежавшія въ окрестностяхъ села Домнина, половину деревни *Деревнищъ*, принадлежавшей къ этому селу, и наконецъ всѣ преимущества и выгоды, которыя должны на вѣчныя времена отличать потомковъ Сусанина отъ другихъ крестьянъ государственныхъ. Слово *бѣлопашцы* или *бѣляне* произошло, вѣроятно, оттого, что встарину отмѣненіе всѣхъ податей и повинностей съ какого нибудь селенія или земли называлось *обѣленіемъ* ихъ, и въ царской граматѣ, полученной дѣтьми Сусанина, приказано было *обѣлить* деревню, имъ пожалованную. Здѣсь кстати сказать вамъ, что эти дѣти и потомство ихъ не носятъ названія Сусаниныхъ, но *Собининыхъ*. Это потому, что у Ивана не было сына, но одна дочь *Антонида*, которая была тогда замужемъ за *Богданомъ Собининымъ* и имѣла двухъ сыновей: *Данила* и *Константина*. Вотъ они-то и воспользовались наградой за геройскій подвигъ своего дѣдушки, и отъ нихъ-то происходятъ всѣ бѣлопашцы, кото-

рыхъ по послѣднимъ извѣстіямъ считалось уже въ 1836 году сто пять мужескаго и сто двадцать одна душа женскаго пола.

Графиня Ростопчина въ своемъ «Собраніи стихотвореній»[1]) посвятила нѣсколько прекрасныхъ строкъ воспоминанію Сусанина. Вѣрно, читатели мои съ большимъ удовольствіемъ прочтутъ ихъ:

Тебѣ-ль чугунъ, тебѣ ли мраморъ ставить,
Сусанинъ, вѣрный сынъ, честь родины своей?...
Тебя ли можемъ мы прославить
Дѣяньемъ рукъ и грудами камней?
Чугунъ растопится... Полудня мраморъ бѣлый
Раздробятъ долгіе морозы русскихъ зимъ...
Есть памятникъ иной: онъ твердъ, несокрушимъ,
Онъ силенъ и великъ, какъ ты, Сусанинъ смѣлый!
Сей вѣчный памятникъ тебѣ сооруженъ
Въ сердцахъ признательныхъ потомковъ,
Во дни крамолъ и смутъ, изъ пепла, изъ обломковъ,
Съ Россіей новою возсталъ какъ фениксъ онъ,
И съ ней цвѣтетъ поднесь, могучій и спокойный.
Да!... благоденствіе и слава россіянъ
Да... громкія хвалы позднѣйшихъ согражданъ—
Вотъ памятникъ, Сусанина достойный!...

СКРОМНОСТЬ РОМАНОВЫХЪ.

Прекрасная цѣль, къ которой стремилось доброе сердце вѣрнаго Сусанина, была достигнута почти въ то самое время, какъ онъ умиралъ отъ рукъ убійцъ своихъ: московскіе послы нашли молодого Михаила въ совершенной безопасности у родительницы его, въ монастырѣ Ипатьевскомъ. Весело приблизились они къ этимъ священнымъ стѣнамъ, заранѣе радуясь счастію показать усердіе свое новому царю прежде всѣхъ другихъ подданныхъ. Въ граматѣ, которую они везли къ нему, народъ такъ трогательно умолялъ его принять корону русскую; эта корона была такъ знаменита; блескъ, окружающій престолъ, такъ пышенъ и пріятенъ, что никто изъ пословъ никакъ не во-

[1]) Изданіе 1841 года.

ображалъ, чтобы молодой бояринъ могъ одну минуту помедлить своимъ согласіемъ на такое счастіе! Но какъ же обманулись эти добрые люди! Они не знали, какая скромность отличала семейство будущихъ царей ихъ! И Михаилъ, и кроткая мать его не только не обрадовались, но даже испугались высокой чести, имъ предложенной! Первый, не смотря на молодость, обыкновенно гордую и высоко о себѣ думающую, совсѣмъ не считалъ себя способнымъ быть государемъ обширнаго царства русскаго; вторая, воспитавъ въ смиреніи милое дитя свое, совсѣмъ не приготовивъ его къ величію, еще болѣе трудному по причинѣ чрезвычайной молодости Михаила, и зная, какія опасности окружали въ это бурное время престолъ русскій, видѣла одни бѣдствія въ неожиданной перемѣнѣ судьбы сына своего и, проливая слезы, никакъ не соглашалась благословить его на царство. Напрасно умоляли ихъ послы и всѣ знатнѣйшіе бояре и духовенство: они съ твердостію отказывались и согласно говорили, что почитаютъ дерзостію думать о такомъ предложеніи и никогда не примутъ его.

Всѣ поражены были неожиданною горестію, лишаясь царя, съ такимъ восторгомъ всѣми избраннаго,—царя, котораго скромность и добродѣтели уже въ шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ такъ много обѣщали народу. Не зная, что дѣлать въ этомъ затруднительномъ положеніи, добрые предки наши прибѣгли къ обыкновенному помощнику своему Богу и, усердно помолясь Ему въ соборной церкви Богородицы, пошли съ крестами и образами еще разъ убѣждать государя. Михаилъ и набожная родительница его вышли навстрѣчу священнаго шествія, приложились къ образамъ и вмѣстѣ съ ними вошли въ церковь. Здѣсь начались новыя просьбы, полились новыя слезы! но уже плакала не одна смиренная Марѳа, плакалъ весь народъ, умоляя о согласіи. Главный изъ пословъ, рязанскій архіепископъ Ѳеодоритъ, представлялъ ей разстроенное состояніе Россіи и всѣ несчастія, какія терзали ее съ тѣхъ поръ, какъ, сиротѣя безъ царя, она лишилась могущественнаго защитника своего и сдѣлалась игралищемъ иноземцевъ и собственныхъ злодѣевъ; говорилъ все, что сердце, любящее

отечество, можетъ придумать самаго убѣдительнаго; но видя, что всѣ слова его имѣютъ мало успѣха, сказалъ наконецъ, что Богъ въ день страшнаго суда спроситъ у сына ея отчетъ въ счастіи того народа, который отъ его одного ожидалъ окончанія своихъ бѣдствій и былъ отвергнутъ имъ.

Эта мысль о судѣ Божіемъ, о несчастіяхъ соотечественниковъ и о томъ, что Богъ, ниспосылая Михаилу высокую судьбу царя, безъ сомнѣнія ниспошлетъ ему и силы къ исполненію всѣхъ трудныхъ обязанностей его, заставила ее рѣшиться. Со всѣмъ смиреніемъ христіанки подняла она кроткіе, полные слезъ взоры на небо, взяла за руку сына и, приведя его къ образу Богородицы, сказала: «Великъ Господь и чудны дѣла Его! Волѣ Его никто не можетъ противиться! Тебѣ, о Матерь Божія! предаю дитя мое, устрой ему и всему православному христіанству полезное!»

Такова была молитва благочестивой матери перваго изъ Романовыхъ! Мы видимъ, какъ прекрасно исполнилась она, какъ блистательна слава августѣйшихъ потомковъ Михаила, какъ могуществен народъ, живущій подъ ихъ правленіемъ! Мы видимъ это, и потому имѣемъ полное право раздѣлить тотъ восторгъ, который въ эту торжественную минуту чувствовали предки наши. Согласіе матери обѣщало согласіе сына; и подлинно, скромный Михаилъ, какъ ни огорчался опаснымъ величіемъ будущей судьбы своей, какъ ни боялся всей важности новыхъ обязанностей, какъ ни умолялъ и мать, и народъ оставить его въ счастливой неизвѣстности, но наконецъ долженъ былъ согласиться. Набожный, какъ и родительница его, онъ прежде всего объявилъ предъ Богомъ согласіе свое и, упавъ на колѣни, произнесъ трогательнымъ голосомъ: «Господи! да будетъ воля Твоя! Спаси меня: на Тебя одного уповаю!»

Прекрасна, незабвенна для Россіи была та минута, когда новый государь ея съ смиреніемъ ангела поднялся съ колѣнъ и принялъ первыя привѣтствія своихъ подданныхъ! Смотря на храмъ Божій, гдѣ все это происходило, на священные лики образовъ, хранительно осѣнявшихъ молодого государя, на кроткій видъ его матери, стоявшей подлѣ него въ святой одеждѣ монахини, нельзя было не сознаться, что Самъ Богъ посылалъ Россіи избраннаго ею

царя, съ его дѣтскою непорочностію, съ его глубокимъ благочестіемъ, съ его скромнымъ нравомъ, съ его добрымъ сердцемъ! Архіепископъ тутъ же возложилъ на него животворящій крестъ царскій, а старшій бояринъ поднесъ скипетръ. Это было 14-го марта 1613 года.

Спустя нѣсколько дней, государь выѣхалъ изъ Костромы и, останавливаясь во многихъ городахъ для занятія дѣлами государственными, и въ монастыряхъ для моленья, не прежде 29-го апрѣля пріѣхалъ въ Москву. Не буду разсказывать вамъ, друзья мои, съ какимъ восторгомъ народъ встрѣчалъ его во всѣхъ мѣстахъ этого путешествія и наконецъ въ самой Москвѣ! Вы уже имѣете понятіе о привязанности русскихъ къ царю своему во время величайшаго счастія и славы ихъ и потому можете представить себѣ, что чувствовали они, встрѣчая во время бѣдствій того, отъ кого ожидали облегченія своихъ страданій, вознагражденія за все претерпѣнное, новой жизни послѣ своего уничиженія. Въ это время Москва, сожженная разграбленная, обезображенная, переставъ считать себя сиротою, не замѣчала печальныхъ развалинъ своихъ и въ очарованіи радости казалась для всѣхъ горделивою, пышною и прекрасною. Зато добрый Михаилъ замѣчалъ эти развалины и, не смотря на всѣ пріятныя ощущенія сердца, не разъ отиралъ слезы, проѣзжая въ день въѣзда своего по улицамъ московскимъ. О! какъ хотѣлось ему утѣшить бѣдныхъ москвитянъ! Какъ хотѣлось ему скорѣе возвратить имъ прежнее счастіе ихъ!

ВОЗСТАНОВЛЕНІЕ ПОРЯДКА И СПОКОЙСТВІЯ.

отъ 1613 до 1619 года.

(6 лѣтъ).

Съ первыхъ дней своего царствованія Михаилъ началъ заботиться о водвореніи порядка и въ полной мѣрѣ оправдалъ надежды русскихъ, не смотря на всѣ трудности, какія должно было ему побѣдить, управляя государствомъ, со

всѣхъ сторонъ разоряемымъ. Жестокіе враги нашего отечества еще не усмирились, и шведы—въ сѣверныхъ областяхъ его, поляки и помощникъ ихъ, гетманъ запорожскихъ казаковъ Сагайдашный,—въ западныхъ, измѣнникъ Заруцкій—въ Астрахани, продолжали свои злодѣянія. Первые дѣйствовали именемъ принца Филиппа; вторые—именемъ Владислава, который, наконецъ, и самъ пришелъ съ войскомъ къ Москвѣ требовать короны русской; третій—съ такъ называемою *царицею* Мариною еще не оставлялъ безумной надежды завладѣть со временемъ престоломъ и, покоривъ себѣ Астрахань, жилъ тамъ царемъ и уже отправлялъ посольства къ персидскому шаху Аббасу, прося его покровительства противъ русскихъ.

Вотъ сколько опасностей угрожало Михаилу! Но съ твердостію, осторожностію и благоразуміемъ онъ всегда находилъ средства избѣгать или совсѣмъ уничтожать ихъ. Прежде всего онъ старался избрать въ совѣтники свои самыхъ достойныхъ изъ тѣхъ бояръ и воеводъ, которые участвовали въ спасеніи отечества. Разумѣется, что первое мѣсто въ этомъ избранномъ числѣ занимали: князья Пожарскій и Трубецкой, и знаменитый гражданинъ Нижняго-Новгорода Мининъ. Но послѣдній недолго пользовался своимъ счастіемъ. Жизнь при дворѣ была не по немъ; доброе сердце его, привыкшее къ простотѣ, тосковало по родинѣ, не смотря на всѣ милости царскія, и спустя три года Мининъ выпросилъ у государя позволеніе оставить свою должность *думнаго дворянина* и отправиться домой. Въ томъ же году онъ скончался и погребенъ въ нижегородской соборной церкви Преображенія Господня.

Я увѣрена, что каждый и каждая изъ читателей моихъ, которыхъ судьба какимъ нибудь случаемъ приведетъ въ Нижній-Новгородъ, нарочно сходятъ поклониться этой знаменитой и драгоцѣнной для насъ гробницѣ. Знаете ли, кто поклонился ей однажды? Петръ, нашъ незабвенный Петръ! Вѣдь вы вѣрно ужъ знаете, какимъ великимъ государемъ онъ почитается во всѣхъ исторіяхъ, гдѣ только говорятъ о немъ; вы знаете, какъ прославляютъ его не только русскіе, но и всѣ другіе народы, знающіе русскихъ! Итакъ, этотъ знаменитый Петръ, проѣзжая однажды мимо

Нижняго-Новгорода, былъ въ церкви Преображенія и, подошедши къ гробницѣ Минина, поклонился ей до земли и сказалъ: «На этомъ мѣстѣ погребенъ освободитель Россіи!» О! какъ эти слова должны быть пріятны для того, кто заслужилъ ихъ! Безсмертная душа Минина, можетъ быть, въ небесномъ мірѣ почувствовала сладость ихъ и тамъ благословила внука, такъ какъ на землѣ благословляла дѣда за счастіе отечества! Петръ былъ внукъ того Михаила, къ которому мы возвратимся теперь, друзья мои.

Итакъ, выбравъ себѣ умныхъ и вѣрныхъ совѣтниковъ, наградивъ всѣхъ, кто показывалъ усердіе къ отечеству въ несчастное время междуцарствія и противъ всѣхъ раскаявшихся измѣнниковъ, молодой государь, коронованный 13-го іюля того же 1613 года, любимый единодушно народомъ, покровительствуемый Богомъ, принялся за устройство царства, почти разрушеннаго.

Изъ многочисленныхъ враговъ Россіи прежде всѣхъ погибъ Заруцкій. Усмирить его помогъ тотъ самый шахъ Аббасъ, отъ котораго онъ ожидалъ покровительства. Зная о его злодѣйствахъ, умный шахъ не поддался въ обманъ и, уважая царя русскаго, выдалъ посланнику его чиновниковъ Заруцкаго. Вскорѣ потомъ Заруцкій услышалъ, что къ Астрахани приближается отрядъ войскъ, посланныхъ противъ него изъ Москвы, подъ начальствомъ князя Одоевскаго. Злодѣй испугался и вмѣстѣ съ Мариною и сыномъ ея бѣжалъ на одинъ изъ острововъ рѣки Урала. Но князь Одоевскій и тамъ отыскалъ его, взялъ въ плѣнъ и, успокоивъ бѣдныхъ астраханцевъ, страдавшихъ подъ жестокою властію бунтовщика, привезъ его въ Москву. Здѣсь и онъ, и сынъ Марины были казнены, а сама она умерла въ темницѣ.

Освободивъ Россію отъ этихъ внутреннихъ враговъ ея, молодой царь въ то же время старался объ усмиреніи внѣшнихъ. Заботясь гораздо болѣе о спокойствіи подданныхъ, нежели о распространеніи владѣній своихъ, онъ благоразумно согласился на миръ съ Швеціей. Этотъ миръ, заключенный въ 1617 году въ *Столбовѣ,* близъ нынѣшняго Тихвина, не былъ выгоденъ для Михаила, потому что онъ долженъ былъ уступить Швеціи Ингерманландію

и Карелію и отказаться отъ правъ своихъ на Лифляндію и Эстляндію; но зато Новгородская область благословила умѣренность царя своего и несчастные жители ея отдохнули отъ бѣдствій, какія нѣсколько лѣтъ терпѣли отъ шведскихъ войскъ и Делагарди.

Въ слѣдующемъ 1618 году Михаилъ заключилъ миръ и съ Польшею. Читатели знаютъ, что Владиславъ вмѣстѣ съ атаманомъ Сагайдашнымъ былъ уже подъ стѣнами Москвы. Ему очень хотѣлось надѣть на себя корону русскую, и потому неудивительно, что онъ даже и разбойниковъ бралъ въ союзники свои. Запорожскіе казаки съ атаманомъ своимъ были настоящіе разбойники. Кромѣ того, Владиславъ привелъ съ собою наемное войско венгровъ и нѣмцевъ и старался, сколько могъ, возмутить противъ царя жителей всѣхъ областей, мимо которыхъ проходилъ; но все это было напрасно: пятилѣтнее правленіе такъ утвердило русскихъ въ привязанности ихъ къ Михаилу, такъ явно показало имъ всѣ прекрасныя качества и всѣ умныя распоряженія его, такъ убѣдило ихъ въ мысли, что онъ одинъ можетъ спасти отечество ихъ отъ погибели, что жадный королевичъ польскій почти вездѣ встрѣчалъ отказы на безчестныя предложенія свои и только развѣ силою могъ заставить жителей нѣкоторыхъ городовъ и селеній измѣнить законному государю. Другимъ препятствіемъ для намѣреній Владислава были храбрые полководцы Михаила, между которыми болѣе всѣхъ отличались князья Пожарскій и Трубецкой, окольничій Годуновъ и воевода Жеребцовъ. Первые три заставили Владислава отступить отъ Москвы, послѣдній—отъ монастыря Троицкаго. Это священное мѣсто, такъ часто защищавшее отечество наше, опять спасло его: здѣсь Владиславъ въ первый разъ почувствовалъ невозможность завладѣть престоломъ Россіи и отказался отъ этого безразсуднаго намѣренія. Онъ послалъ въ монастырь къ воеводѣ Жеребцову и келарю Авраамію грамату, въ которой писалъ, что соглашается переговорить о мирѣ. Вы можете представить себѣ, друзья мои, что послѣ всѣхъ ужасовъ, какіе происходили въ Россіи отъ этой продолжительной войны съ поляками, предки наши очень обрадовались предложенію королевича, и царь Михаилъ Ѳеодо-

ровичъ тотчасъ же отправилъ въ монастырь для мирныхъ переговоровъ одного изъ первыхъ бояръ своихъ — *Шереметева* съ двумя дьяками—*Болотниковымъ* и *Сомовымъ*. Они съѣхались съ польскими министрами и чиновниками въ деревнѣ Деулиной, лежавшей въ 3 верстахъ отъ монастыря, и послѣ многихъ споровъ съ обѣихъ сторонъ согласились помириться на четырнадцать лѣтъ и шесть мѣсяцевъ. Это перемиріе дорого стоило Россіи: она должна была уступить Польшѣ много городовъ своихъ и въ томъ числѣ: *Смоленскъ*, *Черниговъ*, *Новгородъ-Сѣверскій* и *Стародубъ*. Но эти потери вознаграждались тѣмъ, что всѣ войска польскія оставляли Россію и родитель Михаила, знаменитый *Филаретъ Никитичъ*, получилъ свободу послѣ девяти-лѣтняго плѣна въ Варшавѣ.

Не знаю, что описать вамъ, милые читатели мои,—ту ли тихую небесную радость отца, какую чувствовалъ добродѣтельный Филаретъ въ минуту, когда узналъ, что Богъ такъ милостиво вознаграждалъ его продолжительныя страданія и съ такою славою возвращалъ на родину въ объятія милаго сына и царя, уже нѣсколько лѣтъ прославляемаго народомъ, — или то пылкое, неограниченное восхищеніе, какимъ наполнялось сердце сына при одной мысли о близкомъ свиданіи съ нѣжнымъ родителемъ? Вамъ не понять еще высокое, святое чувство этого счастливаго отца, и къ маленькимъ сердцамъ вашимъ гораздо ближе сыновная радость молодого Михаила.

Итакъ, послушайте объ этой радости. Въ то время во всей Россіи говорили о ней. И старики, и дѣти разсказывали другъ другу о томъ, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ царь отца своего, какія почести готовитъ ему, съ какою заботливостію посылаетъ государственныхъ чиновниковъ встрѣчать его во всѣхъ городахъ, гдѣ онъ будетъ останавливаться! О! какъ бы желала я, чтобы всѣ вы, маленькіе друзья мои, со вниманіемъ прочли и навсегда оставили въ памяти то, что разсказываетъ исторія объ этомъ глубокомъ уваженіи царя Михаила Ѳеодоровича къ своему родителю? Михаилъ выѣхалъ изъ Москвы навстрѣчу къ отцу своему и, увидѣвъ его, упалъ предъ нимъ на колѣни, не смотря на свое царское достоинство! Какая картина мо-

жетъ сравниться съ этою трогательною картиною? Бояре и народъ, видѣвшіе ее, надолго сохранили драгоцѣнное воспоминаніе о ней и навсегда — увѣренность въ счастіи отечества: добрый сынъ не могъ не быть добрымъ отцомъ и государемъ.

Михаилъ въ этотъ счастливый день не хотѣлъ радоваться одинъ. Онъ осыпалъ милостями своихъ подданныхъ, простилъ всѣхъ преступниковъ, освободилъ всѣхъ заключенныхъ и, наконецъ, заложилъ каменную церковь во имя того святого, чья память праздновалась въ день возвращенія Филарета.

Со времени этого возвращенія счастіе Россіи еще болѣе утвердилось. Съ свѣжими, юношескими силами Михаила, съ пылкимъ усердіемъ его молодого сердца соединилась вся зрѣлость ума, вся долговременная опытность его родителя. Какъ благодѣтельно было для Россіи это соединеніе! Всѣ дѣла его государственныя шли въ стройномъ порядкѣ: сынъ съ уваженіемъ принималъ малѣйшіе совѣты отца; отецъ не имѣлъ другой цѣли, кромѣ счастія и славы Россіи. Во всѣхъ граматахъ царскихъ писали такъ: «Государь, царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Россіи, и отецъ его, великій государь святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ московскій и всея Россіи, указали...» — Филаретъ Никитичъ посвященъ былъ въ патріархи вскорѣ послѣ пріѣзда изъ Польши, но только однѣ неотступныя просьбы сына, бояръ и всего народа преклонили добродѣтельнаго и смиреннаго митрополита принять это высокое званіе.

ЦАРИЦА ЕВДОКІЯ.

Первая супруга Михаила Ѳеодоровича была Марія Владиміровна, княжна Долгорукова. Они нѣжно любили другъ друга и потому были очень счастливы, но это счастіе исчезло какъ сонъ: молодая Марія скончалась чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы своей. Печальный царь неутѣшно плакалъ по ней и долго не могъ рѣшиться вы-

брать другую супругу, не смотря на то, что народъ пламенно желалъ, чтобы добрый государь его, за всѣ труды и безпокойства, соединенныя съ престоломъ, былъ снова награжденъ счастіемъ семейной жизни. Не одинъ разъ подданные Михаила даже просили его объ этомъ, но царь продолжалъ отказываться: для него довольно было любви добрыхъ родителей его. Но когда и они начали совѣтывать ему выбрать себѣ другую супругу, Михаилъ Ѳеодоровичъ рѣшился исполнить общее желаніе и въ январѣ 1626 года приказалъ, по обыкновенію прежнихъ царей русскихъ, привести ко двору прекрасныхъ дѣвицъ изъ знатнѣйшихъ фамилій въ государствѣ.

Красавицы не съ такимъ страхомъ сбирались на этотъ съѣздъ, какъ въ то время, когда Іоаннъ IV выбиралъ первую супругу свою. Слухъ о кротости и любезныхъ качествахъ Михаила былъ такъ различенъ отъ того, что говорили о Грозномъ, что всѣ молодыя боярышни, назначенныя къ выбору, съ радостію спѣшили въ Москву и съ самыми пріятными надеждами входили во дворецъ государевъ. Ихъ было шестьдесятъ. Каждая изъ нихъ имѣла при себѣ прислужницу. Эти прислужницы оставались съ ними во дворцѣ, пока онѣ находились тамъ.

Въ назначенный для выбора день молодой государь, вмѣстѣ съ родительницею своею, пришелъ къ невѣстамъ: нѣсколько времени смотрѣлъ на прекрасное собраніе красавицъ, но взоры его равнодушно переходили съ одной изъ нихъ на другую и вовсе не восхищались ни привлекательными лицами ихъ, ни пышностію наряда. Вдругъ выраженіе этихъ взоровъ перемѣнилось: они привѣтливо остановились на дѣвушкѣ, робко притаившейся нѣсколько поодоль блистательныхъ княженъ. Повязка ея не сіяетъ алмазами, простой темненькій сарафанъ не украшенъ золотыми нашивками, на прекрасной шеѣ и рукахъ не перевиваются зерна крупнаго жемчуга, но едва примѣтно нѣсколько ниточекъ разноцвѣтнаго бисера. Кто бы подумалъ, что на эту дѣвушку, такъ скромно одѣтую, на эту дѣвушку, по всему походившую на прислужницу которой нибудь изъ знаменитыхъ боярышень, можно было хотя однажды взглянуть въ той комнатѣ, гдѣ было шестьдесятъ

пышныхъ красавицъ? Но молодой царь взглянулъ на нее и не захотѣлъ глядѣть ни на кого болѣе. Кроткое, милое лицо ея рѣшило выборъ и сердце Михаила въ ту же минуту назвало ее своею супругою. Однакожъ никто еще не узналъ этого намѣренія въ то время, когда царь вышелъ изъ комнаты: онъ долженъ былъ прежде всего объявить его своей матери. Какъ удивилась Мароа Іоанновна! Сначала она старалась перемѣнить мысли сына своего, представляя ему, какъ огорчатся выборомъ его знатнѣйшіе бояре, отцы и родственники собравшихся невѣстъ; но потомъ, видѣвъ твердую рѣшительность его, согласилась. Послали узнать имя счастливицы; оно было — *Евдокія Лукьяновна Стрѣшнева*—дочь можайскаго дворянина.

Евдокія—которой отецъ, не смотря на свое старинное дворянство, былъ такъ бѣденъ, что самъ обработывалъ поле свое и жилъ въ маленькой деревушкѣ—пріѣхала въ Москву прислужницею при дальной родственницѣ своей. Эта родственница была горда, сердита, своенравна и потому бѣдной Евдокіи, съ ея тихимъ и кроткимъ нравомъ, часто случалось плакать отъ горя; но чтобы имѣть возможность помогать отцу, добрая дѣвушка терпѣливо переносила все, никогда не жалуясь и надѣясь, что Богъ наградитъ когда нибудь ея труды и терпѣніе. Въ какомъ неописанномъ положеніи находилась она въ то время, когда эта надежда исполнилась, и Богъ въ самомъ дѣлѣ наградилъ доброе сердце ея такимъ блистательнымъ образомъ! Почитая неожиданное счастіе свое этою драгоцѣнною наградою, она приняла его съ радостію и смиреніемъ, и была на тронѣ царскомъ еще привѣтливѣе и добрѣе, нежели прежде въ своемъ бѣдномъ состояніи. Это чувствовала болѣе всѣхъ молодая родственница ея, которая прежде такъ грубо обходилась съ нею, и теперь не знала, какъ благодарить добрую царицу за ласки, которыми она старалась доказать, что простила всѣ сдѣланныя ей обиды.

Съ такою добродѣтельною подругою Михаилъ Θеодоровичъ не могъ не быть счастливымъ. Любовь ея услаждала для него огорченія, неразлучныя съ управленіемъ государствомъ, во всѣхъ частяхъ разстроеннымъ, подкрѣпляла мужество его въ неудачахъ, увеличивала радость

въ счастливыхъ окончаніяхъ намѣреній, предпринятыхъ для пользы любимаго народа. Наконецъ, почтительная привязанность Евдокіи къ благочестивымъ родителямъ Михаила, соединяя еще нѣжнѣе семейство царское, доставляло ему то счастіе, какимъ рѣдко можно наслаждаться на тронѣ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА ДО КОНЧИНЫ ЕГО.

отъ 1619 до 1645 года.

(26 лѣтъ).

Но, не смотря на все семейственное счастіе свое, увеличившееся впослѣдствіи времени рожденіемъ двухъ дочерей, а въ 1629 году—рожденіемъ наслѣдника престола царевича *Алексія*, у Михаила Ѳеодоровича бывали минуты, въ которыя не могли развеселить его ни нѣжность супруги и родителей, ни ласки дѣтей. Это бывало тогда, когда какія нибудь новыя опасности угрожали подданнымъ его, какія нибудь новыя несчастія растравляли свѣжія, еще незажившія раны ихъ. Такого рода огорченія чаще всѣхъ причиняли доброму государю неугомонные сосѣди наши поляки. Королевичъ ихъ Владиславъ, не смотря на заключенное перемиріе, не смотря на обѣщаніе свое отказаться отъ всѣхъ требованій на царство русское, все еще тайно ласкался надеждою, рано или поздно, завладѣть имъ. Въ 1632 году умеръ отецъ его, Сигизмундъ III, и Владиславъ, сдѣлавшись наслѣдникомъ его, началъ еще смѣлѣе надѣяться, и не постыдился при самомъ восшествіи своемъ на престолъ принять на себя вмѣстѣ съ именемъ *короля польскаго* и имя *царя московскаго*. Такая дерзость не могла остаться безъ наказанія и, зная, какъ гибельно было всякое нашествіе поляковъ на Россію, осторожный Михаилъ принужденъ былъ предупредить Владислава и послать войско къ Смоленску. Съ горестію видя этотъ знаменитый городъ въ рукахъ непримиримыхъ враговъ своихъ, царь

хотѣлъ при этомъ случаѣ возвратить его. Русскіе радовались тому намѣренію и надѣялись, что оно будетъ удачно: войско состояло изъ 100,000 человѣкъ и было подъ начальствомъ знаменитаго воеводы Михаила Борисовича Шеина. Шеинъ прославился въ томъ же самомъ Смоленскѣ во время продолжительной и несчастной осады этого города Сигизмундомъ. Читатели мои вѣрно помнятъ, какую отчаянную храбрость показали тогда смоляне и какъ многіе изъ нихъ, будучи принуждены сдаться, рѣшились лучше погибнуть ужасною смертью подъ развалинами взорванной церкви, нежели быть плѣнниками поляковъ. Первый примѣръ этой неустрашимости, этой пламенной любви къ отечеству подавалъ жителямъ Смоленска градоначальникъ ихъ *Шеинъ*. Зато, когда поляки взяли Смоленскъ, Шеинъ сдѣлался первою жертвою ихъ. Безчеловѣчно погубивъ все его семейство, они отправили его самого плѣнникомъ въ Варшаву. Онъ прожилъ тамъ девять лѣтъ и возвратился въ одно время съ Филаретомъ Никитичемъ. Въ душѣ его пылала непримиримая ненависть къ полякамъ — убійцамъ супруги и дѣтей его; кому же лучше можно было поручить возвращеніе того города, гдѣ былъ онъ счастливъ вмѣстѣ съ ними, и отмщеніе врагамъ его? Такъ думалъ государь, такъ думали всѣ. Но вышло не то! Подивитесь, друзья мои, что разсказываютъ современники объ этомъ странномъ, удивительномъ для русскихъ происшествіи.

Шеинъ уже подошелъ съ войскомъ къ Смоленску и тотчасъ приказалъ сдѣлать приступъ. Воины быстро взлетѣли на стѣны, но вдругъ сзади, изъ собственнаго лагеря ихъ, стали стрѣлять въ нихъ изъ пушекъ! Пораженные ужасомъ, въ недоумѣніи, несчастные не могли продолжать своего дѣла и принуждены были отступить. Причина такого поступка осталась неоткрытою. Одни писатели называютъ это ошибкою, происшедшею отъ торопливости воеводы, не разсмотрѣвшаго своихъ; другіе приписываютъ это измѣнѣ его; третьи, и самые достовѣрнѣйшіе, говорятъ, что измѣнникомъ былъ не онъ, а начальникъ наемнаго войска, генералъ *Леслій*. Какъ бы то ни было, но русскіе отступили и уже во все продолженіе несчастной войны

чувствовали вліяніе этой жестокой неудачи: уныніе распространилось по всему войску и съ каждымъ днемъ увеличивалось, особенно съ того времени, какъ оно услышало, что самъ король идетъ къ Смоленску. Огорченный царь, узнавъ о такомъ жалкомъ положеніи воиновъ, на которыхъ такъ много надѣялся, послалъ на помощь къ нимъ новые полки подъ начальствомъ князей Черкасскаго и Пожарскаго. Но прежде нежели они успѣли дойти до Смоленска, Владиславъ съ сильною арміею былъ уже тамъ, и не разбилъ, но какъ будто какою-то волшебною силою побѣдилъ русскихъ: они почти безъ сраженія начали отступать и такъ скоро и съ такимъ, казалось, страхомъ, что всю артиллерію свою, всѣ военные снаряды и весь обозъ оставляли непріятелю, а знамена даже положили передъ королемъ! Однимъ словомъ, русское войско не узнавало само себя въ этомъ постыдномъ дѣлѣ, а иностранцы, бывшіе въ немъ, и самъ король польскій, не вѣрили глазамъ своимъ! Когда же вѣсть объ этомъ разнеслась по Россіи, всѣ въ одинъ голосъ сказали, что русскіе неспособны къ такой трусости, что въ этой легкой побѣдѣ поляковъ есть что-то особенное, что главный воевода долженъ быть измѣнникъ, и Шеинъ—еще такъ недавно любимый и уважаемый всѣми соотечественниками своими, Шеинъ—надежда государя и народа, сдѣлался ненавистнымъ для всѣхъ и заплатилъ жизнію за свою вину и несчастіе.

Вотъ какія огорченія оставляли глубокіе слѣды въ чувствительной душѣ Михаила. Въ то время, какъ онъ испытывалъ ихъ, Владиславъ наслаждался побѣдами и только имя князя Пожарскаго остановило блестящіе успѣхи его: какъ скоро онъ услышалъ, что избавитель Россіи приближается къ Смоленску, тотчасъ показалъ готовность къ миру, и чтобъ не продолжать войны, которая могла дурно кончиться для него, не смотря на самое лестное начало, согласился на многія требованія русскихъ, напримѣръ: обязался возвратить имъ большую часть сокровищъ, увезенныхъ поляками изъ Кремля, отдать тѣло царя Василія Іоанновича Шуйскаго, а что всего важнѣе—отказался навсегда отъ имени *царя русскаго.* Но и Михаилъ Ѳеодоровичъ не возвратилъ при этомъ мирѣ ни одного изъ горо-

довъ, отданныхъ полякамъ въ 1618 году, и кромѣ того, долженъ былъ оставить всѣ свои требованія на Ливонію, Эстляндію и Курляндію.

Судьба, уменьшая владѣнія Михаила на Западѣ, увеличивала ихъ на Востокѣ: храбрые казаки, слѣдуя примѣру знаменитаго Ермака, помогали русскимъ купцамъ распространять торговлю въ странѣ, имъ завоеванной, и съ каждымъ годомъ далѣе и далѣе проводили караваны ихъ, такъ что уже около 1635 года почти вся Сибирь до Камчатскаго моря принадлежала русскимъ. Города, одинъ за другимъ строившіеся тамъ, оживляли лѣса и пустыни новаго царства, знакомили дикихъ жителей его съ началомъ образованнаго общества, доказывали попечительность государя о самыхъ отдаленныхъ подданныхъ его. Туринскъ, Енисейскъ, Ирбитъ, Якутскъ и многіе другіе города въ Сибири были построены въ это время. Въ Туринскѣ тогда же открыта была первая желѣзная руда въ Россіи.

Заботясь объ устройствѣ всѣхъ частей государства своего, Михаилъ Ѳеодоровичъ выдалъ также важный указъ о крестьянахъ. Надобно сказать вамъ, милые читатели, что встарину крестьяне наши имѣли право переходить отъ одного помѣщика къ другому. Вы легко можете представить себѣ, сколько безпорядковъ происходило отъ этого права: своевольные крестьяне то сами безпрестанно переходили отъ одного господина къ другому, то богатые помѣщики переманивали ихъ отъ бѣдныхъ, чтобы населять свои обширныя земли. Во время междуцарствія эти безпорядки дошли до крайности: крестьяне цѣлыми селеніями переходили съ одного мѣста на другое, и дорогою, не боясь наказаній, дѣлали разбои и даже убійства. Михаилъ Ѳеодоровичъ при самомъ началѣ своего правленія обратилъ на это вниманіе, но воюя съ Швеціею и Польшею и усмиряя самозванцевъ, разорявшихъ бѣдное отечество наше, онъ не могъ до 1625 года сдѣлать рѣшительное распоряженіе о крестьянахъ. Въ этомъ году вышелъ указъ о томъ, чтобы всѣхъ ихъ переписать и оставить навсегда при тѣхъ деревняхъ и помѣстьяхъ, при которыхъ они будутъ записаны. Съ тѣхъ поръ кончились своевольства всякаго рода: помѣщики начали болѣе заботиться о людяхъ, которые

должны были всегда оставаться у нихъ; крестьяне, зная, что уже не могутъ перемѣнить господъ своихъ, болѣе старались заслуживать любовь ихъ и прилежнѣе работали на тѣхъ поляхъ, которыхъ уже не смѣли оставить.

Въ 1634 году скончался великій помощникъ царя въ трудномъ дѣлѣ правленія: родитель его патріархъ Филаретъ Никитичъ. Твердо помня всѣ наставленія его, Михаилъ, съ такою же какъ и прежде славою, продолжалъ свое царствованіе и до самой кончины своей, послѣдовавшей 13-го іюля 1645 года, остался тѣмъ благодѣтельнымъ ангеломъ Россіи, который, казалось, посланъ былъ ей съ небесъ, чтобы воскресить умирающія силы ея и, разогнавъ темную ночь безнадежности, пролить на все существо ея прекрасный свѣтъ новой жизни.

Семейство царя Михаила I Θеодоровича Романова.

Супруги: 1) *Марія* Владиміровна, княжна Долгорукова. 2) *Евдокія* Лукьяновна, дочь дворянина Стрешнева.

Дѣти отъ послѣдней: a) Алексѣй, наслѣдовалъ престолъ. b) Іоаннъ, c) Василій—скончались въ дѣтствѣ. d) Ирина. e) Пелагея. f) Анна. g) Марθа. h) Софія. i) Татьяна. k) Евдокія.

БОЯРИНЪ МОРОЗОВЪ И МЯТЕЖИ НАРОДНЫЕ.

ОТЪ 1645 ДО 1649 ГОДА.

(4 года).

Сынъ и наслѣдникъ скончавшагося государя, пятнадцати-лѣтній царевичъ Алексѣй, былъ еще такъ молодъ, что не могъ царствовать безъ совѣтника. Судьба въ этомъ случаѣ не была къ нему такъ милостива, какъ къ его родителю, и первый совѣтникъ его вовсе не походилъ на благочестиваго руководителя Михаилова, великаго патріарха Филарета. Это былъ бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ, человѣкъ гордый, завистливый, жадный къ богатству. Будучи очень хитръ, онъ научился съ самыхъ молодыхъ лѣтъ

скрывать свои пороки подъ такою пріятною и обманчивою наружностію, что всѣ считали его самымъ лучшимъ изъ бояръ, и Михаилъ Ѳеодоровичъ поручилъ ему даже воспитаніе наслѣдника. Хитрый наставникъ скоро узналъ прекрасное сердце своего воспитанника: оно было чувствительно и благородно, оно обѣщало вѣчную привязанность тому, кто умѣлъ заслужить ее, и Морозовъ началъ пользоваться всѣми случаями, чтобы показать свои мнимыя достоинства, чтобы плѣнить ими всѣхъ окружавшихъ царевича и такимъ образомъ непримѣтно завладѣть нѣжною душою младенца, довѣрчиво полюбившаго своего умнаго, всѣми выхваляемаго воспитателя. Съ каждымъ днемъ эта любовь увеличивалась, и когда Алексѣй Михайловичъ вступилъ на престолъ, Борису Ивановичу не оставалось желать ничего болѣе: онъ сдѣлался первымъ вельможею въ государствѣ. Молодой царь никого не уважалъ столько, какъ его, ни для кого не дѣлалъ такъ много, какъ для него. Гордый бояринъ, совершенно успѣвъ въ своемъ намѣреніи, достигнувъ до высочайшей знаменитости, какая только возможна для подданнаго, осмѣлился возвыситься еще болѣе: въ 1648 году Алексѣй Михайловичъ выбралъ, по совѣту его, въ супруги дочь дворянина Ильи Милославскаго *Марію;* въ 1649 г. Морозовъ женился на сестрѣ молодой царицы—*Аннѣ.*

Сдѣлавшись такимъ образомъ ближнимъ родственникомъ царя, гордый честолюбецъ уже не считалъ нужнымъ скрывать свои истинныя свойства и мало-по-малу началъ показываться народу тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ. Только передъ государемъ былъ онъ еще прежнимъ, по наружности, добродѣтельнымъ Морозовымъ, только государь могъ еще любить его; всѣ же другіе вскорѣ возненавидѣли, потому что корыстолюбіе приводило его часто къ дѣламъ самымъ несправедливымъ. Онъ могъ тѣмъ удобнѣе исполнить свои желанія, что, по старанію его, всѣ важнѣйшія государственныя должности были заняты его родственниками—Милославскими, или друзьями и приверженцами ихъ, въ числѣ которыхъ отличались своею дерзостію окольничіе: *Плещеевъ* и *Траханіотовъ.* Съ ними, а иногда и съ тестемъ своимъ, бояриномъ Ильею Милославскимъ,

Морозовъ обдумывалъ новые планы свои, изобрѣталъ новые способы наживаться, налагалъ новыя подати на подданныхъ кроткаго и правосуднаго Алексѣя, совсѣмъ не подозрѣвавшаго бояръ своихъ въ такой недобросовѣстности. Богатые, жертвуя своимъ состояніемъ, еще могли переносить притѣсненія любимцевъ царскихъ, но ужасна была судьба бѣдныхъ! У нихъ часто отнимали послѣднія крохи, и они все еще не роптали громко, все еще помнили, что жестокій притѣснитель ихъ женатъ на сестрѣ царицы. Наконецъ наложили тягостную подать на самыя необходимыя потребности жизни: на соль, хлѣбъ, медъ и другіе предметы Это было уже выше силъ несчастныхъ: они заговорили. Но жалобы ихъ не доходили до государя; осторожные любимцы не допускали ихъ до стѣнъ дворца: они знали, какъ добрый царь любилъ своихъ подданныхъ. Вельможи, не участвовавшіе въ притѣсненіяхъ, разорявшихъ бѣдныхъ людей, не смѣли доносить на родственниковъ царскихъ, и такъ недовольные рѣшились сами управиться съ своими притѣснителями, и страшный мятежъ вспыхнулъ въ Москвѣ. Шумныя толпы ворвались въ домы ненавидимыхъ ими бояръ. Прежде всего ограблены были великолѣпныя палаты Бориса Ивановича, потомъ Плещеева, Траханіотова, думнаго дьяка Чистова. Трое послѣднихъ были убиты; перваго бунтовщики не нашли дома и, думая, что онъ скрылся во дворцѣ, побѣжали въ Кремль и въ бѣшенствѣ требовали, чтобы царь выдалъ имъ Морозова и Милославскаго.

Государь, огорченный и дерзостью народа, и печальною новостію, что любимцы его явились передъ нимъ преступниками, принужденъ былъ силою усмирить мятежниковъ и царскимъ заступленіемъ своимъ спасти отъ смерти Морозова и Милославскаго. Народъ остановился при видѣ царя и, вспомнивъ, что Милославскій его родственникъ, оставилъ свое мщеніе и отдалъ его на судъ Божій.

Но ропотъ недовольныхъ раздавался не въ одной Москвѣ: Алексѣй Михайловичъ едва успѣлъ усмирить мятежниковъ въ столицѣ, какъ получилъ извѣстіе о безпокойствахъ, происходившихъ во Псковѣ и Новгородѣ. Причина вездѣ была одинакова, и тѣ же притѣсненія, отъ которыхъ взволновались москвитяне, вывели изъ терпѣнія и псковитянъ, и

новгородцевъ. Первые при этомъ случаѣ убили своего градоначальника и всѣхъ тѣхъ чиновниковъ, которыхъ считали друзьями и приверженцами Морозова, даже осмѣлились противиться войску, которое государь послалъ противъ нихъ, и съ трудомъ опомнились только тогда, когда духовенство съ граматами отъ царя и патріарха прибыло къ нимъ изъ Москвы.

Бунтъ новгородцевъ начался также ужасно, но кончился скорѣе, потому что тамъ былъ человѣкъ, умѣвшій усмирить его пожертвованіемъ собою. Это былъ тамошній митрополитъ *Никонъ*, о которомъ вамъ надобно узнать подробнѣе, милые читатели мои: онъ занимаетъ важное мѣсто въ нашей исторіи.

ПАТРІАРХЪ НИКОНЪ.

ОТЪ 1649 ДО 1654 ГОДА.

(5 лѣтъ).

Въ деревнѣ Вельяминовѣ, близь Нижняго-Новгорода, жилъ крестьянскій мальчикъ *Никита*. Бѣдные родители его замѣтили въ немъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ большую охоту къ ученью, и потому очень обрадовались, когда одинъ добрый монахъ изъ монастыря, находившагося недалеко отъ Нижняго-Новгорода, вызвался выучить его грамотѣ. Мальчикъ же обрадовался еще болѣе ихъ и началъ такъ прилежно твердить свои уроки, что въ короткое время могъ уже читать *часовникъ* и *псалтирь*. Встарину это были первыя книги, даваемыя дѣтямъ, начинающимъ читать. Я думаю, вамъ не нужно сказывать, друзья мои, что *часовникъ* есть книга, заключающая въ себѣ службу *часовъ*, а *псалтирь*—псалмы Давида. Маленькій Никита, проводя почти все свое время въ монастырѣ, полюбилъ монашескую жизнь, и когда выросъ, то очень желалъ постричься тамъ, но родителямъ его это не нравилось: они тосковали по миломъ сынѣ, просили его не разлучаться съ ними и съ свѣтомъ такъ рано, и Никита послушался ихъ, оста-

вилъ монастырь, и чтобы совершенно успокоить и утѣшить ихъ, женился и жилъ съ ними. Благочестіе его и знаніе всей службы церковной скоро доставили ему мѣсто приходскаго священника. Никита былъ совершенно счастливъ и доволенъ судьбой своей. Вдругъ умираютъ у него родители, потомъ всѣ дѣти. Въ сильной горести онъ подумалъ, что Богъ хотѣлъ показать ему этими несчастіями, что онъ назначилъ его не для свѣтской, но для монашеской жизни. Какъ скоро пришла ему въ голову эта мысль, онъ уже не могъ оставаться болѣе въ свѣтѣ, уговорилъ жену свою разстаться съ нимъ и уѣхалъ на островъ Анзерскій, лежащій на Бѣломъ морѣ, недалеко отъ Соловецкаго. Тамъ былъ въ то время монастырь, называвшійся *Анзерскій скитъ* [1]). Этотъ монастырь славился строгими правилами монаховъ: сюда-то спѣшилъ Никита и вскорѣ послѣ пріѣзда своего постригся и былъ названъ *Никономъ*.

Примѣрная жизнь его, не смотря на отдаленность пустыннаго острова, обратила на себя вниманіе высшаго духовенства московскаго и Никонъ сдѣланъ былъ настоятелемъ Кожеозерскаго монастыря, на озерѣ Онежскомъ. Читатели мои знаютъ, что это озеро гораздо ближе къ древней столицѣ нашей, нежели Бѣлое море, да къ тому же и Никонъ былъ уже теперь не простымъ монахомъ, но начальникомъ монастыря; стало быть имѣлъ дѣла, для которыхъ долженъ былъ ѣздить въ Москву. Вотъ въ одинъ изъ такихъ пріѣздовъ ему удалось видѣть царя. Алексѣй Михайловичъ, быстро умѣвшій различать людей и цѣнить истинныя достоинства ихъ, замѣтилъ необыкновенный умъ Никона и повелѣніемъ его настоятель неизвѣстнаго монастыря Кожеозерскаго поставленъ архимандритомъ Новоспасскаго монастыря въ Москвѣ. Въ этомъ званіи Никонъ провелъ счастливѣйшіе дни своей жизни. Душа его еще не имѣла и тѣни того честолюбія, какое овладѣло ею впослѣдствіи; она наполнена была только пламенною любовью къ Богу, неограниченнымъ усердіемъ къ государю, нѣжнымъ состраданіемъ ко всѣмъ ближнимъ. Помогать несчастнымъ и просить за нихъ царя—было единственнымъ занятіемъ

---

[1]) *Скитъ* значитъ *пустыня* или *жилище отшельниковъ*.

архимандрита Никона въ то время, когда онъ не стоялъ на молитвѣ. Любимый день его—была *пятница:* въ этотъ день онъ ѣздилъ къ государю. Алексѣй Михайловичъ такъ любилъ разговаривать съ умнымъ архимандритомъ, что приказалъ ему каждую недѣлю пріѣзжать во дворецъ. Здѣсь-то совершилось множество добрыхъ дѣлъ, которыя составили лучшую славу Никона! здѣсь-то онъ былъ ходатаемъ за всѣхъ обиженныхъ, за всѣхъ несчастныхъ, неимѣвшихъ случая и возможности излить свои жалобы предъ самимъ государемъ. Алексѣй Михайловичъ, увѣренный въ справедливости любимца своего, исполнялъ всѣ его просьбы, и часто добрый Никонъ прямо изъ дворца спѣшилъ въ жилища страдальцевъ отнесть щедрое пособіе или живительное слово царское.... Такъ прошло три года, и — архимандритъ Новоспасскій сдѣлался митрополитомъ новгородскимъ.

Съ тѣми же добродѣтелями, съ тою же любовію къ народу Никонъ пріѣхалъ къ мѣсту новаго своего назначенія. И здѣсь сыпалъ онъ благодѣянія царскія: устроилъ на счетъ казны четыре богадѣльни, гдѣ старые люди и дѣти-сироты жили спокойно и счастливо; смотрѣлъ за тѣмъ, чтобы чиновники хорошо исполняли свои обязанности: посѣщалъ темницы и, находя тамъ иногда невинно-заключенныхъ, представлялъ о нихъ царю, съ которымъ не только часто переписывался, но даже и видался: Алексѣй Михайловичъ приказывалъ ему каждую зиму пріѣзжать въ Москву. Въ это время своихъ свиданій и сладкихъ бесѣдъ съ царемъ Никонъ испрашивалъ для жителей Новгорода всѣ тѣ милости, о которыхъ они умоляли его предъ отъѣздомъ.

Но подумайте, друзья мои, какъ были неблагодарны новгородцы, или, лучше сказать, подивитесь, до чего могутъ дойти люди, какъ скоро они рѣшатся сбросить съ себя власть, которой должны повиноваться, какъ скоро они рѣшаются дѣлать, что хотятъ. Я говорю о томъ времени, когда новгородцы, недовольные притѣсненіями боярина Морозова, вздумали взбунтоваться. Надобно сказать вамъ, что главною причиною этого бунта былъ одинъ безсовѣстный купецъ новгородскій, по имени *Волкъ*. Ужъ можно сказать, что по немъ было дано ему это имя! Вотъ этотъ Волкъ

очень не любилъ иностранныхъ купцовъ, которыхъ всегда было множество въ торговомъ и богатомъ Новгородѣ. Онъ отъ природы былъ завистливъ и досадовалъ, что многіе изъ нихъ были богаче его. Что-жъ сдѣлалъ этотъ злой человѣкъ? Онъ началъ распускать въ народѣ слухи, что иностранные купцы, скупивъ хлѣбъ, самовольно возвысили на него цѣну. Ну, этого было довольно, чтобы взволновать всѣхъ новгородцевъ, которые всегда любили своевольничать. Итакъ, дерзкій народъ бросился на домы иностранцевъ и разграбилъ ихъ.

Въ эти ужасныя минуты бунта, когда каждый заботился о своемъ спасеніи, митрополитъ думалъ только о средствахъ успокоить народъ и не находилъ другого, какъ, забывъ собственную опасность, выйти къ мятежникамъ и начать увѣщевать ихъ. Но могли ли они слушать кого нибудь, когда бѣшенство потемняло разсудокъ ихъ? Безумные, вмѣсто того, чтобы обратить вниманіе на слова своего добродѣтельнаго митрополита, бросились на него съ кольями и каменьями; и пастырь едва не погибъ подъ ихъ ударами! Вы думаете, что это остановило его усердіе? Нѣтъ! На другой же день онъ опять явился на площади, опять говорилъ къ народу и слова его уже не остались безъ дѣйствія: они тронули жестокія сердца мятежниковъ, смирили гордость ихъ и заставили просить помилованія у оскорбленнаго святителя. Вы можете себѣ представить, что имъ не надобно было долго умолять Никона: онъ не только простилъ имъ собственную обиду, но выпросилъ прощеніе и у царя; только одинъ купецъ Волкъ былъ казненъ съ главными изъ своихъ сообщниковъ.

Государь не зналъ, чѣмъ наградить своего вѣрнаго подданнаго, своего благороднаго и неустрашимаго любимца. За такое великодушное пожертвованіе собою только одна дружба царя могла быть достойною наградою, и Алексѣй Михайловичъ въ полной мѣрѣ наградилъ ею Никона. Въ 1654 году счастливый другъ одного изъ лучшихъ царей земли возведенъ былъ въ достоинство патріарха. Достигнувъ этого высокаго званія — можетъ быть тайной цѣли давнишнихъ желаній своихъ — Никонъ прославилъ себя дѣломъ столь же труднымъ, какъ и знаменитымъ.

Имѣя отъ природы тонкій и проницательный умъ, онъ быстро могъ отличить хорошее отъ дурного и, любя Россію, искренно желалъ просвѣтить и сдѣлать счастливыми своихъ соотечественниковъ. Просвѣщеніе того времени заключалось болѣе въ книгахъ церковныхъ, а умный патріархъ находилъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ ошибки и недосмотры, вкравшіеся отъ переписчиковъ, но тѣмъ не менѣе подавшіе поводъ къ нѣкоторымъ страннымъ толкамъ. Напримѣръ, говорили, что тѣ люди, которые носили платья новаго покроя и брили бороды, были беззаконники, достойные проклятія и отлученія отъ церкви. А особенно брить бороды считали величайшимъ грѣхомъ. И, къ сожалѣнію, такія правила, въ числѣ многихъ другихъ полезныхъ и достойныхъ похвалы, были утверждены въ царствованіе Іоанна Грознаго и даже вошли въ *Стоглавъ*, книгу правилъ, названную такъ потому, что въ ней было *сто* разныхъ статей, и изданную въ то время.

Вотъ патріархъ Никонъ, видя зло, которое происходило отъ этихъ предразсудковъ, рѣшился уничтожить ихъ, не смотря на всю опасность такого намѣренія: нельзя было ожидать, чтобы народъ вдругъ согласился отказаться отъ нихъ. Никонъ предвидѣлъ, что многіе будутъ противиться ему и для того не приступилъ къ этому важному дѣлу одинъ, но созвалъ Соборъ изъ всего высшаго духовенства и поручилъ ему разсмотрѣть недостатки книгъ церковныхъ.

Въ 1655 году, ровно черезъ годъ послѣ созванія собора, была напечатана первая исправленная книга: *Служебникъ церковный*. Народъ, давно слышавшій о замышляемыхъ патріархомъ перемѣнахъ и заранѣе недовольный ими, съ нетерпѣніемъ началъ читать новую книгу. Съ первыхъ страницъ она поразила его: вмѣсто того, чтобы писать, какъ неправильно писали прежде *Исусъ*, въ исправленномъ служебникѣ церковномъ напечатано было вездѣ: *Іисусъ!* Для грубыхъ умовъ жестокихъ суевѣровъ довольно было одной этой поправки: они не захотѣли и читать далѣе эту, по мнѣнію ихъ, безбожную книгу, закричали, что православная вѣра погибла и съ ужасомъ отдѣлились отъ тѣхъ изъ соотечественниковъ своихъ, которые одобрили благоразумныя исправленія, сдѣланныя Соборомъ, и

приняли ихъ съ благодарностью, сохраняя въ душахъ своихъ чувства вѣры и благочестія. Отдѣлившіеся безумцы, назвавшіеся православными *староверами,* имѣли такое отвращеніе къ прежнимъ братьямъ своимъ по вѣрѣ, или, какъ они называли ихъ теперь, къ *никоніанцамъ,* или *нововѣрамъ,* что даже не хотѣли ѣсть и пить изъ одной съ ними посуды; не хотѣли ходить въ тѣ церкви, гдѣ служили по новымъ книгамъ, не хотѣли слушать священниковъ тѣхъ церквей, а если ихъ принуждали къ тому, то они скорѣе соглашались умереть самою мучительною смертію, нежели оставить упрямство свое и называли это упрямство усердіемъ къ вѣрѣ, а себя—святыми мучениками! Однимъ словомъ. трудно повѣрить, сколько безпорядковъ, сколько бѣдъ и несчастій произвело такое намѣреніе, за которое, казалось, надобно было благодарить Никона. Но твердость его въ этомъ случаѣ была удивительна; онъ не обращалъ вниманія на жалобы и ропотъ недовольныхъ и продолжалъ вмѣстѣ съ Соборомъ заниматься начатымъ дѣломъ. Прежде нежели оно было окончено и Соборъ распущенъ, случилось происшествіе, прославившее царствованіе Алексѣя Михайловича,—происшествіе, котораго русскіе давно желали и ожидали, и наконецъ дождались!

МАЛОРОССІЯ И БОГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦКІЙ.

отъ 1654 до 1667 года.

(13 лѣтъ).

Сколько земель заключаетъ въ себѣ наша обширная Россія, милые читатели! Почти нѣтъ мѣры ея пространству, нѣтъ счета ея богатствамъ. Читая со вниманіемъ ея исторію, вы знаете, что еще до царствованія Алексѣя Михайловича къ ней принадлежали и неизмѣримыя страны Сибири со всѣми сокровищами своихъ лѣсовъ и со всею прежнею славою гордыхъ хановъ своихъ, и земли донскихъ казаковъ со всѣмъ изобиліемъ въ произведеніяхъ природы, со всею храбростію своихъ жителей. Но малень-

кіе друзья мои, вѣрно, замѣтили, что, кромѣ всего этого, Россія раздѣлялась еще на *Великую, Малую* и *Бѣлую*. Это раздѣленіе сохранилось до нашихъ временъ; еще недавно назывались у насъ губерніи: *Великороссійскими, Малороссійскими* и *Бѣлорусскими*. Учась географіи русской, вы, вѣрно, помните имена всѣхъ этихъ губерній. Въ числѣ Великороссійскихъ вы видѣли тѣ страны, кототыя, не смотря на всѣ перевороты въ судьбѣ отечества нашего, принадлежали всегда законнымъ владѣтелямъ, и хотя страдали подъ мучительною властію татаръ, но страдали вмѣстѣ съ государями своими и потомъ вмѣстѣ съ ними воскресли къ новой жизни. Въ Малороссіи же, часть которой также зовутъ и *Украиною*, вы видѣли Кіевъ, Черниговъ, Владиміръ на Волыни, города Сѣверскіе. Это были мѣста, знаменитыя важнѣйшими событіями въ исторіи нашихъ предковъ, мѣста, гдѣ разлился на нихъ свѣтъ христіанства, гдѣ побѣждали они и печенѣговъ, и казаровъ, и болгаръ, и даже грековъ. Кто изъ нихъ могъ безъ восхищенія вспомнить о славныхъ временахъ Олега, Святослава, св. Владиміра? Но что сдѣлалось впослѣдствіи съ потомками этихъ героевъ? Ахъ! они не сохранили чести предковъ и не умѣли защитить себя отъ враговъ своихъ, и въ мѣстахъ, гдѣ гремѣли отголоски славы русской, раздались вскорѣ веселые крики побѣдителей ихъ, поляковъ и литовцевъ! Вы давно знаете, милые читатели мои, судьбу городовъ южной Россіи. Они вмѣстѣ съ Бѣлоруссіею, которая называлась прежде землею кривичей, завоеваны были въ началѣ XIV вѣка литовскимъ княземъ Гедиминомъ.

Гедиминъ, не притѣсняя подданныхъ, показалъ благоразумный примѣръ своимъ наслѣдникамъ, и бѣдные соотечественники наши, разлученные съ матерью своею—Россіею, вели сначала жизнь довольно сносную, но впослѣдствіи, когда Литва и Польша соединились въ одно государство, русскіе, или, лучше сказать, малороссіяне, съ каждымъ годомъ болѣе терпѣли отъ гордыхъ побѣдителей. Чаще всего они нападали на вѣру ихъ. Поляки, будучи сами католиками, хотѣли непремѣнно и русскихъ сдѣлать такими же. Они никакъ не думали, что грѣшатъ, принуждая несчастныхъ перемѣнять вѣру отцовъ; напротивъ того,

они воображали, что угождают тѣмъ Богу, потому что и папы римскіе, начальники всего духовенства католическаго, очень старались о томъ, чтобы соединить церковь греческую съ латинскою. Усерднѣе другихъ былъ въ этомъ случаѣ папа Евгеній IV. Онъ созвалъ 8-й вселенскій соборъ во Флоренцію, на который приглашенъ былъ и императоръ греческій Іоаннъ Палеологъ. Греческая имперія склонялась въ это время къ своему паденію и Іоанну очень нужна была помощь противъ турокъ. Евгеній обѣщалъ ему все, если только онъ согласится на соединеніе вѣръ. Императоръ боялся потерять престолъ и согласился. Но впослѣдствіи ни греки, подданные императора, ни русскіе и тогдашній государь ихъ Василій III не приняли этого соединенія, и теперь слѣды его остались только въ Польшѣ, потому что поляки, подъ предлогомъ его, могли удобнѣе принуждать русскихъ къ перемѣнѣ закона. Это соединеніе вѣръ назвали *уніей*, отъ слова *union*, а тѣхъ людей, которые согласились принять его—*уніатами*. Однакожъ не прежде какъ чрезъ 150 лѣтъ послѣ Флорентинскаго собора, и именно въ 1595 году, принято было это соединеніе въ Литвѣ и Польшѣ, гдѣ съ того времени явились двѣ церкви: *уніатская* или *соединенная* и *православная*, несогласная на соединеніе. Тогда-то начались самыя сильныя гоненія поляковъ на соотечественниковъ нашихъ греческаго закона! Не было горести, которой бы они не испытали, не было обиды, которой бы не заставили ихъ вытерпѣть! Но впослѣдствіи времени провидѣніе Божіе обратило все это къ пользѣ обиженныхъ, и чрезъ эти самыя несчастія доставило малороссіянамъ средства освободиться отъ власти враговъ ихъ. Вы удивляетесь, читатели мои; но развѣ есть что нибудь невозможное для Бога? Послушайте, какъ все это сдѣлалось.

Вѣдь вы знаете казаковъ и любите слушать о славныхъ дѣлахъ ихъ на войнѣ? Итакъ, вы будете довольны тѣмъ, что я разскажу вамъ теперь. Вы помните, что первые, извѣстные въ исторіи нашей казаки были *запорожскіе* или *украинскіе*, т. е. *малороссійскіе*. Они состояли изъ тѣхъ самыхъ малороссіянъ, которые, скрываясь отъ притѣсненій поляковъ, удалялись къ низовымъ странамъ

Днѣпра и поселялись тамъ, не жалѣя о родинѣ, гдѣ каждую минуту должны были бояться или за жизнь, или за свободу, или за вѣру свою. Поляки непремѣнно хотѣли, чтобы малороссіяне были католиками, или, по крайней мѣрѣ, уніатами. Малороссіяне же, отъ природы набожные и усердные къ закону, не хотѣли слышать о такой перемѣнѣ, и лучше соглашались разстаться не только съ домами, но даже съ семействами своими, нежели измѣнить православной вѣрѣ отцовъ своихъ. Въ новыхъ жилищахъ они занимались звѣриною и рыбною ловлями; вели войну съ сосѣдями, если они осмѣливались нападать на нихъ, и вообще жизнь ихъ во всемъ походила на своевольную жизнь прежнихъ казаковъ.

Число этихъ храбрыхъ и отчаянныхъ воиновъ на берегахъ Днѣпра безпрестанно умножалось: къ нимъ приходили товарищи со всѣхъ сторонъ и посреди ихъ можно было видѣть, кромѣ русскихъ,—и поляковъ, и молдаванъ, и валаховъ, и болгаръ, и даже иногда татаръ. Они принимали къ себѣ всѣхъ бѣглецовъ съ тѣмъ только, чтобы они были греческой вѣры. Малороссійскіе казаки раздѣлялись на два разряда: на женатыхъ и холостыхъ. Первые жили въ деревняхъ между Днѣпромъ и Бугомъ, вторые же выбрали мѣстомъ жилища своего островъ Хортицкій, лежавшій на Днѣпрѣ, за порогами его [1]). Оттого ихъ называли *запорожцами*. Не имѣя семействъ, для которыхъ бы они любили жизнь и желали сохранить ее, эти молодые казаки были храбры до дерзости, рѣшительны до отчаянія! Умереть вовсе ничего не значило для нихъ: они готовы были каждую минуту побѣждать или умирать, и оттого сдѣлались скоро такъ страшны для своихъ сосѣдей, крымскихъ татаръ, и такъ полезны для поляковъ, боявшихся нападеній крымцевъ, что прежніе притѣснители ихъ не только не думали наказывать ихъ за бѣгство изъ родины, но даже старались подружиться съ ними. Они видѣли, что добрые малороссійскіе казаки

---

[1]) *Порогами* называются такія мѣста въ рѣкѣ, гдѣ дно ея наполнено каменьями, и иногда такими высокими, что они бываютъ видны почти на поверхности воды.

могли быть для нихъ тѣмъ же, чѣмъ была для лукавой обезьяны та бѣдная кошка, которой лапами она таскала каштаны изъ горячей золы,—они видѣли это и начали ласкать тѣхъ самыхъ людей, которыхъ прежде безпрестанно мучили. Король ихъ Сигизмундъ I объявилъ, что принимаетъ малороссійскихъ казаковъ подъ свое покровительство, далъ имъ много земель по берегамъ Днѣпра, помогалъ имъ устраивать ихъ безпорядочное войско, однимъ словомъ показалъ столько расположенія къ нимъ, что малороссіяне начали забывать оскорбленія, какія терпѣли предки ихъ отъ поляковъ, и охотно жертвовали за нихъ жизнію въ битвахъ съ непріятелями ихъ. Иногда они простирали это усердіе такъ далеко, что ходили съ поляками даже и на прежнихъ соотечественниковъ своихъ—русскихъ. Чрезъ нѣсколько времени потомъ король Стефанъ Баторій докончилъ начатое Сигизмундомъ: онъ еще болѣе благодѣтельствовалъ казакамъ и еще заботливѣе старался о ихъ счастіи и выгодахъ: его умными распоряженіями храброе войско въ 1576 году раздѣлилось на полки и сотни, которыми управляли *полковники* и *сотники*. Главнаго же атамана или начальника ихъ Баторій назвалъ *гетманомъ*, и это достоинство сравнилъ важностію съ достоинствомъ гетмановъ польскихъ и литовскихъ, далъ ему тѣ же самые знаки: королевское знамя, бунчукъ, булаву и печать. Кромѣ того, Стефанъ подарилъ казакамъ городъ Терехтемировъ, который сдѣлался ихъ главнымъ мѣстомъ, позволилъ имъ селиться до самаго Кіева и записаннымъ въ полки или служащимъ казакамъ назначилъ жалованье.

Съ этихъ поръ казаки начали наслаждаться совсѣмъ другою жизнію: общество ихъ походило на небольшое, хорошо устроенное государство, и въ то время, когда бѣдные жители малороссійскихъ областей нашихъ страдали подъ жестокою властію польскихъ воеводъ, управлявшихъ ими по законамъ королей своихъ, казаки пользовались всѣми правами свободнаго народа, и дѣла ихъ судились собственными старшинами ихъ. Власть надъ ними короля польскаго была слаба и почти незамѣтна для нихъ: иногда они не слушались его приказаній и гораздо выше

его считали своего гетмана, избираемаго ими изъ самыхъ храбрыхъ товарищей. Маленькіе читатели мои уже слышали нѣсколько объ этихъ гетманахъ. Одинъ изъ нихъ князь *Романъ Рожинскій* помогалъ полякамъ разорять Россію во время самозванцевъ, а другой—*Петръ Сагайдашный*, вмѣстѣ съ королевичемъ Владиславомъ, приходилъ осаждать Москву и дѣлалъ ужасныя опустошенія въ ея окрестностяхъ.

Но малороссійскіе казаки недолго пользовались тѣмъ выгоднымъ состояніемъ, какое доставилъ имъ Баторій; наслѣдникъ его Сигизмундъ III, отецъ Владислава, уже началъ бояться возрастающей силы этого военнаго народа и старался болѣе и болѣе покорять его власти своей. Всѣ преимущества, данныя имъ Стефаномъ, были отмѣнены: поляки начали селиться во всей Малороссіи, заняли важнѣйшія мѣста и должности и въ Кіевѣ, и у казаковъ, и, привезя съ собою римскихъ священниковъ и польскаго епископа, начали строить въ Кіевѣ католическіе монастыри и церкви, а наконецъ уже и явно заставляли жителей принимать латинскую вѣру. Весь народъ опять встревожился, но не всѣ могли противиться: одни казаки рѣшились защищать оружіемъ свою вѣру и свои отмѣненныя права. Гетманомъ ихъ былъ въ это время герой, отличавшійся въ исторіи Малороссіи, герой, освободившій ее отъ власти польской—*Богданъ Хмельницкій*. Надобно разсказать вамъ, читатели мои, нѣсколько подробнѣе исторію этого знаменитаго человѣка. Онъ былъ сынъ сотника казачьяго Чигиринскаго полка, имѣлъ отъ природы отличныя способности, обучался прежде въ Кіевѣ, а потомъ у іезуитовъ. Служивъ, какъ и отецъ, сотникомъ въ казачьемъ войскѣ, онъ имѣлъ случай видѣть всѣ притѣсненія, какія терпѣли отъ поляковъ и мирные соотечественники его—жители Малороссіи, и не столько спокойные товарищи—казаки! Пламенно любя свою родину, онъ огорчался ея несчастіями и часто размышлялъ о томъ, какъ бы облегчить ихъ. Во время такихъ размышленій удивительно ли, что ему приходила въ голову мысль: какъ несправедливо владѣли поляки страною, отнятою отъ законныхъ государей ея! Вслѣдъ за этою мыслію являлась другая: это

была сладостная, славная, великая мысль—избавить несчастныя области отъ чужеземнаго владычества и возвратить ихъ древнему отечеству. Вообразите же, друзья мои, его восторгъ и удивленіе, когда вдругъ, вскорѣ послѣ этого, казаки избираютъ его своимъ гетманомъ! Ему показалось, что самъ Богъ показываетъ ему средства къ исполненію великаго намѣренія его, самъ Богъ помогаетъ ему избавить христіанъ греческаго закона отъ гоненій католиковъ и уніатовъ. Итакъ, съ этою мыслію онъ принимается за дѣло и начинаетъ его съ своихъ вѣрныхъ казаковъ. Ему не нужно было *заставлять* ихъ думать по-своему: общее неудовольствіе на поляковъ было такъ велико, что стоило только назвать законныхъ владѣтелей Малороссіи—великихъ князей русскихъ, чтобы зажечь во всѣхъ сердцахъ казаковъ пламенное желаніе освободиться отъ власти завоевателей и снова принадлежать къ любимому отечеству.

Это желаніе недолго оставалось тайною: казаки не скрывали его, и съ 1648 года послы Хмельницкаго начали ѣздить въ Москву съ просьбами къ царю Алексѣю Михайловичу принять присягу въ подданствѣ и вѣрности отъ малороссійскаго войска. Какъ ни выгодно было это предложеніе, но благоразумный царь, находясь въ то время въ мирѣ съ Польшею, не хотѣлъ такимъ образомъ нарушить его и обѣщалъ казакамъ быть только посредникомъ между ними и королемъ польскимъ. Онъ сдержалъ свое обѣщаніе и нѣсколько лѣтъ старался вразумить короля Яна Казимира [1]), какъ несправедливо преслѣдовать народъ за вѣру его и отнимать преимущества, однажды ему данныя. Но всѣ старанія его были напрасны: чѣмъ усерднѣе царь просилъ за казаковъ, тѣмъ болѣе нападали на нихъ. Наконецъ Янъ Казимиръ склонилъ дарами на свою сторону хана крымскаго и условился съ нимъ совершенно покорить Малороссію Польшѣ, напасть вмѣстѣ на москвитянъ и возстановить для хана астраханское царство.

---

[1]) На престолѣ польскомъ былъ уже въ это время не Владиславъ, умершій въ 1648 году, но избранный поляками *Янъ Казимиръ II.*

Извѣстіе о такомъ союзѣ остановило великодушіе Алексѣя Михайловича. Онъ увидѣлъ, что его не понимаютъ и что изъ состраданія къ бѣдствующимъ единовѣрцамъ онъ долженъ принять ихъ подъ защиту свою. Итакъ, въ концѣ 1653 года отправлены были послы русскіе—ближній бояринъ *Батурлинъ*, окольничій *Альферьевъ* и думный дьякъ *Лопухинъ* въ Малороссію для принятія присяги отъ Хмельницкаго и казаковъ его. Въ Переяславлѣ назначено было сборное мѣсто. Послы пріѣхали туда въ январѣ 1654 года. 7-го числа было торжественное собраніе всѣхъ старшинъ казачьихъ и всего народа. Здѣсь Хмельницкій говорилъ къ нимъ рѣчь, въ которой описалъ прежде все, что терпѣла Малороссія отъ поляковъ, потомъ всѣ старанія короля польскаго и хана крымскаго завладѣть Украйною, и наконецъ сказалъ, что русскій царь соглашается принять ихъ подъ свою державу. Рѣчь его кончилась слѣдующими словами: «Кромѣ его царской высокой руки, мы не можемъ найти лучшаго пристанища, и если кто съ нами несогласенъ, тотъ иди куда хочешь,—вольная дорога».

«Волимъ подъ царя Восточнаго, православнаго!»—закричалъ тогда въ одинъ голосъ народъ, и съ радостію произнесъ присягу свою въ вѣчной вѣрности.

Такъ исполнилось желаніе Хмельницкаго. Вскорѣ потомъ онъ имѣлъ утѣшеніе видѣть, что и жители Кіева и всѣхъ другихъ городовъ малороссійскихъ послѣдовали примѣру казаковъ и сдѣлались также подданными Алексѣя Михайловича.

Вообразите теперь, милые читатели мои, досаду и гнѣвъ поляковъ! Они видѣли, что 166 городовъ и мѣстечекъ и 60,000 войска [1]), еще такъ недавно имъ принадлежавшаго,

---

[1]) Въ то время, когда казаки присоединились къ Россіи, записное войско ихъ состояло уже изъ 60,000 человѣкъ. Можетъ быть милымъ читательницамъ моимъ давно уже наскучилъ этотъ длинный разсказъ о нашихъ храбрыхъ казакахъ и добрыхъ малороссіянахъ. Но. маленькіе читатели мои, эти будущіе герои наши, защитники отечества, вѣрно, не думаютъ такъ! По живымъ, быстрымъ глазкамъ ихъ примѣтно, какъ весело имъ слушать о дѣлахъ военныхъ! И такъ, для васъ, мои смѣлые друзья, и для тѣхъ изъ сестрицъ вашихъ, которыя терпѣливѣе другихъ и ни разу еще не пересчитали, сколько страницъ осталось до конца этого разсказа, я скажу, на сколько полковъ раздѣлялись эти 60,000 малороссійскихъ казаковъ, сдѣлавшихся подданными Алексѣя

вдругъ перешли подъ власть ненавистной для нихъ Россіи! Разумѣется, что гордость ихъ не могла перенесть такого сильнаго оскорбленія и жестокая война началась. Она была продолжительна и такъ неудачна для польскаго короля, что, безпрестанно теряя полки и города свои, онъ принужденъ былъ бѣжать къ самой Варшавѣ. Напротивъ того, счастіе и слава не оставляли войско Алексѣя Михайловича. Причиной успѣховъ его, вѣроятно, было и то, что въ этомъ войскѣ уже были полки, устроенные по-европейски. Умный Алексѣй вызывалъ изъ разныхъ государствъ Европы офицеровъ и поручалъ имъ обучать вновь набранныхъ солдатъ. Въ 1655 году уже были у него правильные конные полки и многіе офицеры назывались по-европейски — полковниками, маіорами, ротмистрами и проч. Прежде же, вы знаете, ихъ звали дѣтьми боярскими, жильцами, дворянами. Въ русской службѣ было тогда много и иностранныхъ европейскихъ офицеровъ.

Въ то время, когда Алексѣй Михайловичъ, начальствуя лично своею арміею, отнималъ отъ Польши города Бѣлорусскіе и Сѣверскіе, шведскій король напалъ также на Польшу и хотѣлъ завладѣть всѣмъ Балтійскимъ моремъ. Это угрожало большою опасностію торговлѣ русскихъ и предусмотрительный царь долженъ былъ воевать и съ шведами, чтобы остановить успѣхи ихъ. Война съ ними продолжалась до 1661 года, съ поляками же до 1667. Съ первыми заключенъ былъ миръ въ деревнѣ *Кардисъ*, на границѣ Эстляндіи, съ послѣдними — въ деревнѣ *Андрусовѣ,* близъ Смоленска. Условія мира съ Швеціею были тѣ же, на какихъ мирились въ Столбовѣ; съ Польшею — гораздо выгоднѣйшія прежнихъ: Россія получала, кромѣ Малороссіи и Кіева, города Сѣверскіе и Смоленскъ.

Такимъ образомъ въ счастливое царствованіе Алексѣя Михайловича возвратились къ Россіи старинныя владѣнія

Михайловича; скажу даже и то, какъ назывались эти полки. Я угадываю, что вамъ хочется знать это. Такое любопытство похвально.

Полковъ малороссійскихъ казаковъ было *десять*. По именамъ городовъ, около которыхъ жили казаки, эти полки назывались: кіевскій, черниговскій, стародубскій, нѣжинскій, переяславскій, прилуцкій, лубенскій, гадячскій, миргородскій и полтавскій.

ея, и въ титулѣ царя русскаго съ 1-го іюля 1654 года начали писать: *всея Великія и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержецъ*.

ВЕЛИЧІЕ ДУШИ АЛЕКСѢЯ.

отъ 1667 до 1670 года.

(3 года).

Присоединеніе Малороссіи — это важное, такъ давно желаемое русскими событіе — случилось очень кстати, чтобы разсѣять нѣсколько горестныя чувства добраго государя ихъ: отеческое сердце его страдало отъ безпокойствъ и непріятностей, почти безпрестанно происходившихъ въ послѣднія десять лѣтъ между подданными его. Началось безпорядками, происшедшими отъ исправленія книгъ церковныхъ. Вы можете представить себѣ, друзья мои, что не легко было царю видѣть, какъ народъ его погибаетъ отъ своего упрямства; какъ суевѣры, умирая въ мученіяхъ, говорили, что настало гоненіе на христіанъ православныхъ, что они съ радостію переносятъ это гоненіе и ожидаютъ, что дѣти ихъ сдѣлаютъ то же. Ожиданія ихъ, къ сожалѣнію, исполнились: даже и до сихъ поръ, когда уже прошло почти двѣсти лѣтъ послѣ того, есть еще люди, послѣдующіе ихъ правиламъ, и не только во многихъ губерніяхъ нашихъ, но даже и здѣсь, въ Петербургѣ, вы найдете этихъ упрямцевъ. Добрые государи наши не преслѣдуютъ и не наказываютъ ихъ, но стараются кротостію и просвѣщеніемъ показать имъ заблужденіе ихъ. Это въ самомъ дѣлѣ производитъ такое хорошее дѣйствіе, что съ каждымъ годомъ число ихъ уменьшается, и можно основательно надѣяться, что современемъ всѣ эти бѣдные, ослѣпленные суевѣріемъ братья наши соединятся съ нами снова въ одной церкви.

Мы можемъ уже равнодушно смотрѣть на мирныя секты ихъ, но не таковы они были при царѣ Алексіи Михайловичѣ, и потому не удивительно, что споры ихъ очень озабочивали доброе сердце его. Почти въ то же

время долженъ онъ былъ испытать новое огорченіе: война съ Польшею и Швеціею стоила такъ дорого, что почти вся казна истощилась, и первые бояре царя посовѣтовали ему надѣлать мѣдныхъ денегъ и дать имъ ту же цѣну, по какой ходили серебряныя. Это шло хорошо, пока всѣ вещи продавались попрежнему, но какъ скоро нѣкоторые изъ тѣхъ же самыхъ бояръ начали пользоваться случаемъ и сбирать всѣ серебряныя деньги къ себѣ, а въ оборотѣ оставлять только однѣ мѣдныя, то все вздорожало, а отъ этого и весь народъ взволновался. Только одно благоразуміе государя остановило новыя несчастія, какія могли произойти отъ этого смятенія: онъ увидѣлъ, какъ неоснователенъ былъ совѣтъ бояръ и отмѣнилъ употребленіе мѣдныхъ денегъ. Все успокоилось.

Вскорѣ потомъ Алексѣй огорченъ былъ такимъ человѣкомъ, отъ котораго всего менѣе могъ ожидать этого. Повѣрите ли вы, милые читатели, что этотъ человѣкъ былъ патріархъ Никонъ! этотъ умный, этотъ добродѣтельный Никонъ, котораго прекраснымъ качествамъ мы еще такъ недавно удивлялись! Да, трудно повѣрить, но, къ сожалѣнію, это была правда!

Вы знаете, какъ любилъ его государь. Никонъ имѣлъ даже счастіе быть другомъ его. Но, видно, сердце Никона, не смотря на необыкновенный умъ его, было слабо: оно не могло выдержать всей полноты этого счастія и позабылось отъ величости его. Патріархъ сдѣлался такъ гордъ, что захотѣлъ быть болѣе самого царя, и не только иногда спорилъ съ нимъ, но даже явно не хотѣлъ исполнять тѣхъ повелѣній, какія государь отдавалъ, не спросивъ его мнѣнія или совѣта. Добрый царь, помня прежнія заслуги патріарха, прощалъ его дерзости, но уже гораздо менѣе началъ цѣнить его. Это такъ разсердило Никона, что онъ самовольно отказался отъ своего высокаго званія, оставилъ всѣ дѣла, зависѣвшія отъ патріарха, и уѣхалъ за 46 верстъ отъ Москвы—въ любимой свой монастырь Воскресенскій [1]). Здѣсь жилъ онъ нѣсколько лѣтъ, не согла-

---

[1]) Этотъ монастырь лежалъ по Волоколамской дорогѣ. Онъ основанъ былъ самимъ Никономъ и назывался *Новымъ Іерусалимомъ,* по-

шаясь ни на какія просьбы всего духовенства и почти всей Россіи, умолявшей его вступить въ прежнюю должность. Наконецъ терпѣніе кроткаго Алексѣя истощилось, и Никонъ былъ преданъ суду. Для этого важнаго дѣла вызвали изъ Греціи двухъ патріарховъ: александрійскаго и антіохійскаго. Они рѣшили, что гордый святитель за самовольное оставленіе своего мѣста, за дерзость и неповиновеніе царю не можетъ быть патріархомъ. Торжественно предъ всѣмъ собраніемъ судей сняли съ него всѣ знаки этого высокаго достоинства и потомъ сослали въ Ѳерапонтовъ монастырь, бывшій на Бѣломъ озерѣ. Не думаете ли вы, друзья мои, что жестокое наказаніе открыло, наконецъ, глаза надменному Никону и заставило его раскаиваться въ своихъ поступкахъ, такъ мало приличныхъ для служителя Божія? О! вовсе нѣтъ! Онъ не показывалъ печали, когда снимали съ него клобукъ и панагію, украшенные дорогими камнями. Этого еще мало: онъ имѣлъ духъ говорить въ эту минуту греческимъ патріархамъ, что если они раздѣлятъ между собою эти каменья, то поправятъ свое бѣдное состояніе невольниковъ турецкаго султана. А когда передъ отъѣздомъ его въ Ѳерапонтовъ монастырь великодушный государь, думая утѣшить нѣсколько участіемъ своимъ горесть прежняго друга, послалъ ему съ придворнымъ чиновникомъ денегъ, двѣ шубы и разныя другія вещи, то этотъ гордый упрямецъ ничего не взялъ и сказалъ: «Никонъ ничего не требуетъ».

Гордость его была одинакова и въ ссылкѣ, которая продолжалась пятнадцать лѣтъ, и уже не Алексѣй Михайловичъ, но сынъ его царь Ѳеодоръ позволилъ ему въ 1681 году возвратиться въ Воскресенскій монастырь. Однакожъ, не доѣхавъ до него, онъ умеръ на дорогѣ.

тому что все въ немъ было устроено такъ, какъ въ іерусалимскомъ храмѣ Воскресенія Господня, гдѣ хранится святая гробница Спасителя. Всѣ мѣста этого монастыря назывались такъ же, какъ въ палестинскомъ Іерусалимѣ: здѣсь былъ и Назаретъ, и село Скудельничье, и гора Елеонская, и гора Ѳаворъ, а рѣка *Истра*, протекавшая около монастыря, названа была *Іорданомъ*. Чтобы имѣть точные планы и модели іерусалимской церкви Гроба Господня, посланъ былъ нарочно въ Палестину келарь Троицкой лавры Арсеній Сухановъ. Это доказываетъ, съ какою легкостію исполнялись всѣ желанія патріарха.

И такъ, вы видите, читатели мои, сколько горестей, одна за другою, терзали чувствительное сердце Алексѣя. Но это еще не все. Послушайте, какой новый ударъ поразилъ его: вы знаете, какъ хорошо начинало уже устраиваться сухопутное войско его и даже какъ правильны были нѣкоторые полки. Но знаете ли вы, чѣмъ занимался великій умъ Алексѣя въ то время, когда выписанные изъ чужихъ краевъ офицеры и генералы обучали русскихъ воиновъ? Онъ занимался мыслію о будущемъ флотѣ Россіи. Такая мысль для государя, не имѣвшаго еще ни одного корабля, была въ полной мѣрѣ смѣлою, высокою, блистательною мыслію! Онъ предался ей съ надеждою на успѣхъ; съ какимъ-то предчувствіемъ необыкновенной славы, назначенной Богомъ народу его, и русскіе гонцы полетѣли въ Голландію, всегда славившуюся корабельнымъ дѣломъ, за мастерами и моряками.

Между тѣмъ недалеко отъ московскаго города Коломны, въ селѣ Дедиловѣ, на берегахъ рѣки Оки, приготовлено мѣсто для корабельной верфи. Ока, какъ извѣстно, течетъ въ Волгу, а Волга въ Каспійское море, на которомъ царь хотѣлъ обновить первые корабли свои. Вотъ уже голландскіе мастера, изъ которыхъ главнымъ былъ капитанъ Бутлеръ, пріѣхалъ, работы начались и скоро широкая Ока приняла на голубыя волны свои, еще незнакомыя съ тяжестію кораблей, русскаго *Орла:* такъ назывался первый большой корабль Алексѣя Михайловича. Въ то же время построено было нѣсколько малыхъ морскихъ судовъ, и новая флотилія, удивляя всѣ селенія береговъ, мимо которыхъ проходила, поплыла къ Астрахани.

Казалось, все обѣщало полный успѣхъ прекрасному началу; иностранные моряки, снарядившіе молодой, можно сказать новорожденный флотъ Россіи, были искусны и честны. Русскіе матросы, ученики ихъ, только что начавшіе трудное ученье, вознаграждали неопытность свою пламеннымъ усердіемъ и удивительною понятливостію, отличающею русскихъ. Но вообразите, милые друзья мои, чѣмъ кончились лестныя ожиданія и царя, и почти всего народа? Ужасно сказать это! Корабль и всѣ суда, построенныя въ Дедиловѣ, были сожжены однимъ разбойникомъ,

разъѣзжавшимъ по Волгѣ и морю Каспійскому—*Разинымъ!* Если вы хотите знать, кто былъ этотъ жестокій и безбожный Разинъ, то я скажу вамъ въ короткихъ словахъ, что онъ былъ донской казакъ, появившійся на Дону въ 1667 году. Злодѣйства его были ужасны! Вы получите нѣкоторое о нихъ понятіе, когда узнаете, что онъ набралъ обманомъ и угрозами до 200,000 человѣкъ войска, въ которомъ по большей части были донскіе и малороссійскіе казаки, взялъ Астрахань, погубивъ мучительною смертію астраханскаго воеводу князя Прозоровскаго и все семейство его, ограбилъ, кромѣ Астрахани, города Царицынъ, Симбирскъ, Саратовъ! Долго нельзя было усмирить этого злодѣя, но наконецъ онъ былъ пойманъ и казненъ.

Такое неожиданное разрушеніе предпріятія, уже оконченнаго и стоившаго безчисленныхъ трудовъ и издержекъ, могло бы привести въ уныніе человѣка слабаго и нетерпѣливаго, но умный Алексѣй не лишился своей твердости и даже имѣлъ духъ помышлять снова о дѣлѣ, такъ безжалостно уничтоженномъ безбожнымъ злодѣемъ.

Но чтобъ въ полной мѣрѣ показать вамъ, милые читатели, великую душу Алексѣя Михайловича, надобно разсказать о томъ, что̀ сдѣлалъ онъ въ 1664 году съ англичанами. Въ это время въ Англіи происходили ужасныя дѣла: жители, по какимъ-то причинамъ недовольные королемъ своимъ Карломъ I дошли до такого безумія, что, по совѣту нѣкоторыхъ вельможъ, казнили его и признали надъ собой власть одного изъ главныхъ убійцъ — Кромвеля, назвавъ его не королемъ, но *протекторомъ,* т. е. покровителемъ Англіи. Весь этотъ новый и безумный порядокъ былъ скоро разрушенъ, но судьба не вдругъ наказала Кромвеля, и хотя онъ жестоко мучился безпокойствомъ и страхомъ душевнымъ, однакожъ нѣсколько времени пользовался славою, и вскорѣ послѣ смерти несчастнаго Карла, изгнавъ изъ Англіи сына его и завладѣвъ властію, равнявшеюся съ королевскою, отправилъ пословъ ко всѣмъ европейскимъ дворамъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ это всѣ государи, вступающіе на престолъ, чтобы объявить о своемъ вступленіи. Эти посольства приняты были вездѣ съ великою честію: всѣ боялись богатой и

сильной Англіи, у которой давно уже былъ самый лучшій флотъ и самая значительная торговля. И такъ, каждое государство, для собственныхъ выгодъ, должно было принять хорошо ихъ важныхъ лордовъ. Вотъ два изъ нихъ, съ великолѣпною свитою, подъѣзжали и къ нашему отечеству, заранѣе мечтая о томъ лестномъ пріемѣ, какой, вѣроятно, сдѣлаютъ имъ въ государствѣ, только что начинающемъ входить въ сношенія съ Европою и потому, вѣрно, очень уважающемъ всѣхъ европейскихъ посланниковъ. Но какъ же ошиблись въ своихъ разсчетахъ эти важные господа? Только что царь Алексѣй Михайловичъ узналъ, что они пріѣхали въ Архангельскъ [1]), какъ послалъ имъ повелѣніе не ѣхать далѣе и тотчасъ оставить его царство. Вотъ какими словами онъ приказалъ объявить имъ это повелѣніе: *«что когда они своему королю осмѣлились голову отсѣчь, чего нигдѣ на свѣтѣ не слыхано, то царь русскій никакого сообщенія съ ними имѣть не хочетъ»*. Кромѣ того, почувствовавъ съ этого времени величайшее презрѣніе къ англичанамъ, Алексѣй Михайловичъ отмѣнилъ всѣ торговыя преимущества, какія даны имъ были въ Россіи царями Іоанномъ Васильевичемъ и Ѳеодоромъ Іоанновичемъ. Но этого еще недовольно: благородное сердце его, справедливо ненавидя убійцу, было исполнено нѣжнѣйшимъ состраданіемъ къ бѣдному, изгнанному изъ отечества принцу, наслѣднику престола Англіи. Онъ жилъ въ это время въ Копенгагенѣ, и царь Алексѣй Михайловичъ отправилъ къ нему пословъ, которымъ поручилъ изъявить ему свое участіе, вручить большую сумму денегъ и предложить даже помощь войсками противъ недостойныхъ подданныхъ его.

Это чистое, не соединенное ни съ какими разсчетами великодушіе, это смѣлое презрѣніе къ могущественному злодѣю заставили всю Европу обратить удивленные взоры

[1]) Я думаю, что не нужно объяснять маленькимъ друзьямъ моимъ, отчего англійскіе посланники пріѣзжали въ то время чрезъ Архангельскъ? Вѣрно, всѣ они знаютъ, что нашего Петербурга еще не существовало тогда и самая земля, гдѣ онъ построенъ, а слѣдовательно и Финскій заливъ, омывающій берега ея, принадлежали еще Швеціи. На Бѣломъ же морѣ началась торговля наша съ англичанами и сюда приходили почти всѣ корабли ихъ, отправляемые въ Россію.

на престолъ, гдѣ сіяло такое величіе. Никто не ожидалъ видѣть его въ странѣ, еще не имѣвшей европейской образованности, и съ тѣхъ поръ государи, съ унизительною для нихъ честію принявшіе пословъ Кромвеля, краснѣли всякій разъ, какъ произносили при нихъ благородное имя царя русскаго Алексѣя. А въ числѣ этихъ государей былъ даже знаменитый Людовикъ XIV, этотъ славный король, которымъ такъ гордятся французы!

РОЖДЕНІЕ ПЕТРА I.

1672 годъ.

Живо представляю себѣ, какъ обрадуетесь вы, друзья мои, прочитавъ названіе этой главы, увидѣвъ это имя, славное, великое, равно-прославляемое русскими и въ раззолоченныхъ палатахъ вельможъ ихъ, и въ бревенчатыхъ домикахъ крестьянъ. Скажите, кто изъ маленькихъ читателей моихъ еще не знаетъ его и не желаетъ нетерпѣливо слышать все, что разсказываютъ о немъ? О! въ этомъ случаѣ не уступятъ имъ и читательницы мои! Это уже не то, что длинный разсказъ о малороссійскихъ казакахъ! Такъ, мои милыя малютки, ваше нетерпѣніе очень справедливо, и я сожалѣю, что не могу въ эту же минуту удовлетворить его, не смотря на обманчивое названіе этого разсказа! Еще не настало время начать исторію Петра: будущій герой Россіи, вмѣстѣ съ будущимъ величіемъ ея, покоится въ дѣтской колыбели; младенческіе взоры его еще не зажглись огнемъ генія; маленькія ручки еще не чертятъ плановъ завоеванныхъ земель и новой столицы, но безпечно играютъ жемчужными нитками, обвивающими шею молодой красавицы, нѣжно наклонившейся надъ его колыбелью. Но кто-жъ эта счастливица, такъ сладко улыбающаяся младенцу Петру? Не такъ ослѣпителенъ блескъ царской одежды ея, какъ очаровательно счастіе, блистающее въ прекрасныхъ глазахъ ея. О! если она наслаждается такимъ блаженствомъ, то отгадать не трудно, кто она.

Это молодая супруга царя Алексѣя Михайловича, эта счастливая мать Петра!

Мать Петра! Сколько величія, сколько славы въ этомъ словѣ для женщины! Какъ занимательна должна быть ея исторія! какъ любопытны всѣ подробности, до нея касающіяся! Къ тому же, вѣдь это не первая супруга Алексія Михайловича, уже извѣстная намъ царица Марія Ильинишна, изъ рода Милославскихъ. Нѣтъ, она умерла въ 1669 году и царь женатъ теперь на другой. Итакъ, маленькіе друзья мои, ожиданія и желаніе ваше не были совсѣмъ напрасны: вы услышите исторію матери Петра, узнаете, кто была она прежде, нежели судьба возвела ее на тронъ Россіи. Возвратимся же нѣсколько назадъ, забудемъ, что Петръ уже родился, и представимъ себѣ то время, когда Алексѣй Михайловичъ, еще недавно лишившись супруги, съ которою жилъ долго и счастливо, долженъ былъ вскорѣ потомъ оплакать и смерть старшаго шестнадцати-лѣтняго сына, царевича Алексѣя Алексѣевича. Но и эти сильныя семейныя горести не производили своего гибельнаго дѣйствія надъ твердою душою царя. Съ прежнею неутомимостію продолжалъ онъ заниматься дѣлами государственными. Во всемъ обширномъ царствѣ его не было предмета, на который бы онъ не обращалъ своего благодѣтельнаго вниманія. Собранныя узаконенія уже давно выданы были новою книгою, подъ названіемъ *Уложеніе Царя Алексія Михайловича*, и эта книга, къ славѣ мудраго государя, сдѣлалась основаніемъ русскихъ законовъ. Послы его ѣздили не только въ Германію, Францію и Швецію, но даже въ Испанію и Италію, даже въ Турцію и Китай. Для торговли съ послѣднимъ построены были въ Сибири города: *Нерчинскъ* и *Иркутскъ*. Торговля вообще была много улучшена въ это примѣчательное царствованіе; самыя деньги получили другой видъ: Алексѣй Михайловичъ учредилъ монетный дворъ, гдѣ начали чеканить серебряные рубли и полтинники. Для распространенія просвѣщенія онъ основалъ въ Москвѣ первую академію, которая называлась *Заиконоспасскою*. Что-жъ касается до правосудія, то рѣдкій государь былъ правосуденъ такъ, какъ Алексѣй Михайловичъ. Кромѣ того, что онъ внимательно разсматри-

валъ всѣ дѣла, какія представляли ему бояре, предъ дворцемъ его всегда стоялъ запечатанный царскою печатью ящикъ съ такою скважиною на крышкѣ, въ которую можно было просунуть свернутый листъ бумаги. Въ этотъ ящикъ каждому позволялось класть свою просьбу. Вечеромъ его приносили къ государю, который самъ распечатывалъ его, самъ разсматривалъ всѣ положенныя просьбы и самъ тотчасъ же писалъ на нихъ свои рѣшенія.

Въ такомъ безпрестанномъ занятіи счастіемъ народа, великодушный Алексѣй проводилъ всю жизнь свою. Обманчивая преданность боярина Морозова рано сдѣлала его осторожнымъ въ выборѣ совѣтниковъ и искренныхъ друзей. Долго искалъ онъ человѣка, съ которымъ бы можно было раздѣлить тяжесть правленія, и все боялся ошибиться. Наконецъ казалось ему, что онъ встрѣтилъ такого, что онъ нашелъ вѣрнаго друга, готоваго пожертвовать ему и отечеству жизнію. Это былъ думный дворянинъ *Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ*. Съ каждымъ днемъ царь открывалъ въ немъ новыя достоинства, съ каждымъ днемъ любилъ его болѣе и болѣе; и, надобно сказать правду на этотъ разъ Алексѣй Михайловичъ не ошибся: изъ всѣхъ придворныхъ его не было никого благороднѣе, добрѣе и усерднѣе Матвѣева. Царь находилъ такъ много удовольствія въ бесѣдахъ съ умнымъ совѣтникомъ своимъ, что даже иногда ѣзжалъ къ нему въ гости. Съ удивленіемъ смотрѣли на это придворные: прежде никогда не бывало, чтобы цари русскіе посѣщали своихъ подданныхъ.

Со времени кончины супруги и сына эти посѣщенія сдѣлались чаще, потому что, не смотря на всю твердость души, государь не могъ не грустить о невозвратной потерѣ милыхъ сердцу его. Артамонъ Сергѣевичъ умѣлъ развлекать его горесть, умѣлъ утѣшать его лучше всѣхъ другихъ придворныхъ бояръ и вельможъ.

Такъ протекли два года и къ царю возвратились прежнее спокойствіе и веселость. Вотъ въ одинъ вечеръ Алексѣй Михайловичъ пріѣхалъ къ любимцу своему позже обыкновеннаго: у боярина, не ожидавшаго въ тотъ день гостей, уже былъ накрытъ столъ для ужина. Царь, замѣтивъ небольшое замѣшательство хозяина, шутливо сказалъ,

что столъ накрытъ очень кстати и что онъ вмѣстѣ съ нимъ отъужинаетъ; только съ тѣмъ, прибавилъ добрый государь, «чтобы за столомъ были всѣ тѣ, кто обыкновенно ужинаетъ съ тобою».

Желаніе царя было исполнено, и когда кушанье подали, въ комнату вошла хозяйка съ сыномъ и молодой дѣвушкой. Царь удивился: никогда не слыхалъ онъ, чтобъ у Матвѣева была дочь, и никогда прежде не видалъ въ домѣ его этой дѣвушки. За ужиномъ удивленіе его увеличилось: незнакомка была красавица изъ красавицъ. По обыкновенію того времени, она мало говорила, но за то всякое слово ея было такъ мило и умно, что восхищенный государь не могъ наслушаться ея сладкаго голоса, не могъ наглядѣться на прекрасныя черты ея лица. Почти не спуская съ нея глазъ, Алексѣй Михайловичъ даже позабылъ спросить, какъ зовутъ ту, которая такъ пріятно поразила его, и не прежде какъ уже въ половинѣ ужина поздравилъ хозяина съ такою прекрасною дочерью. Но тутъ узналъ онъ, что это была не дочь, а только воспитанница Матвѣева. Отецъ ея—*Кириллъ Полуехтовичъ Нарышкинъ* былъ небогатый дворянинъ, который, проживая лѣто и зиму въ бѣдной деревенькѣ своей, былъ очень радъ, что родственникъ и другъ его, Артамонъ Сергѣевичъ, взялъ къ себѣ маленькую дочь его. И такъ, Наталія выросла въ домѣ Матвѣева. Онъ и добрая жена его любили воспитанницу свою какъ родное дитя и, рано замѣтивъ чрезвычайную красоту дѣвочки, старались украсить и умъ ея всѣми познаніями, какія только можно было въ то время доставить знаменитой боярышнѣ русской. Наталія щедро вознаграждала эту любовь и эти нѣжныя попеченія: она была добра, чувствительна, прекрасна сердцемъ, точно столько же, какъ и наружностію. Любуясь ею, добрые Матвѣевы часто думали, что какъ Богъ помогъ имъ воспитать пріемную дочь ихъ, такъ современемъ поможетъ и выдать замужъ за хорошаго человѣка, который не посмотритъ на то, что она бѣдная дѣвушка.

Все это было разсказано Алексѣю Михайловичу, когда онъ началъ разспрашивать любимца своего о прекрасной воспитанницѣ его. Артамонъ Сергѣевичъ не скрылъ отъ добраго государя даже и того, какъ и онъ, и жена его же-

лали бы видѣть милую Наталію свою замужемъ. Царь не только одобрилъ такое желаніе, но даже, уѣзжая домой, сказалъ, что онъ подумаетъ о томъ, какъ бы найти хорошаго жениха для такой прекрасной дѣвушки, какъ Наталія.

Онъ и подлинно началъ думать объ этомъ, и—вообразите, кто былъ этотъ женихъ, котораго онъ выбралъ для счастливицы? Это былъ—онъ самъ! Да, прелестная дочь Нарышкина такъ плѣнила царя своею милою наружностію, а воспитаніе, полученное ею въ домѣ умнаго Артамона Сергѣевича, такъ хорошо ручалось за ея душевныя качества, что онъ рѣшился сдѣлать ее супругою своею, и на той же недѣлѣ пріѣхалъ сказать объ этомъ Матвѣеву. Вы можете представить себѣ, какъ удивился добрый воспитатель Наталіи! Сначала думалъ онъ, что слышитъ это во снѣ, но потомъ, когда государь повторилъ еще разъ слова свои, Матвѣевъ упалъ къ ногамъ его и умолялъ оставить это намѣреніе: оно, казалось, предвѣщало счастливому любимцу царя столько опасностей отъ зависти вельможъ, и безъ того уже не любившихъ его за это счастіе, что онъ съ ужасомъ смотрѣлъ на блистательную судьбу Наталіи.

Алексѣю Михайловичу пріятно было видѣть безкорыстную преданность вѣрнаго подданнаго и друга. Онъ ласково поднялъ его и старался успокоить искренними увѣреніями въ томъ, что никогда никакія причины не заставятъ перемѣнить расположеніе его къ тому, кто такъ часто доказывалъ ему свое усердіе и вѣрность.

По просьбѣ Матвѣева, царь не сказалъ въ тотъ день Наталіи ни слова о любви своей, но исполнилъ старинный обрядъ русскихъ государей. Вы вѣрно догадаетесь, друзья мои, что я говорю о томъ собраніи красавицъ, изъ которыхъ царь обыкновенно выбиралъ невѣсту свою. Да, и въ этотъ разъ онѣ съѣхались въ Кремлевскій дворецъ. Робко всходила на великолѣпное крыльцо царское и Наталія, съ удивленіемъ размышляя, отчего и ее—бѣдную и вовсе незнатную дѣвушку—назначили въ списокъ невѣстъ. Подлѣ нея шла нѣжная воспитательница ея, супруга Матвѣева, которая знала причину этого на-

значенія, и очень желала сказать ее своей милой питомицѣ; но Артамонъ Сергѣевичъ запретилъ это, и она молчала до тѣхъ поръ, пока участь Наталіи была тайною для нея самой и для всѣхъ; за то съ той минуты, какъ счастливая дѣвушка названа была царевною и въ великолѣпномъ нарядѣ невѣсты государя приготовлялась принимать поздравленія отъ всего народа, терпѣніе доброй боярыни кончилось, и она высказала знаменитой воспитанницѣ своей все, что̀ знала о любви къ ней государя.

Вотъ, милые читатели, подробности второго супружества царя Алексѣя Михайловича. Свадьба была 25 января 1671 года. Рѣдкое счастіе его и молодой царицы сдѣлалось совершеннымъ въ достопамятный, навѣки незабвенный для Россіи день: *30 мая 1672 года.* Это былъ день рожденія Петра! Хотя у Алексѣя Михайловича и остались отъ первой супруги два сына: царевичи Өеодоръ и Іоаннъ, но оба были такого слабаго здоровья, что вовсе нельзя было надѣяться на продолжительную жизнь ихъ, и потому царь восхищенъ былъ рожденіемъ третьяго! Можетъ быть счастливый отецъ предчувствовалъ славу новорожденнаго. Но небо отказало ему въ блаженствѣ видѣть, какъ чудесно развивались великія силы необыкновеннаго ребенка; самое младенчество Петра не протекло въ глазахъ родителя: прежде нежели исполнилось ему четыре года, Алексѣй Михайловичъ скончался и осиротѣвшее сердце печальной царицы уже одно, безъ нѣжнаго друга своего, прислушивалось къ первымъ словамъ героя, къ первымъ мыслямъ великаго ума его.

Семейство царя Алексѣя Михайловича.

Супруги: 1) *Марія* Ильинишна Милославская.

Дѣти отъ нея: a) Царевичъ *Алексѣй,* скончался 16-ти лѣтъ. b) *Өеодоръ,* наслѣдовалъ престолъ. c) *Іоаннъ.* d) *Марөа.* e) *Софія.* f) *Екатерина.* g) *Марія.* h) *Өеодосія.*

2) *Наталія* Кирилловна Нарышкина.

Дѣти отъ нея: i) *Петръ.* j) *Наталія.* k) *Өеодора.*

ЦАРЬ ѲЕОДОРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ.

отъ 1676 до 1682 года.

(6 лѣтъ).

Хотя наслѣдникъ царя Алексѣя Михайловича, девятнадцати-лѣтній сынъ его, *Ѳеодоръ*, былъ отъ самаго рожденія своего слабъ и боленъ, но, не смотря на тѣлесныя страданія, душевныя силы его были достойны знаменитаго отца его. Имѣя предъ глазами великій примѣръ его, онъ старался продолжать все начатое имъ, старался исполнять во всемъ волю его и, кромѣ того, сдѣлалъ много и собственныхъ улучшеній въ отечествѣ нашемъ. Непродолжительное, но примѣчательное царствованіе Ѳеодора много прославилось тѣмъ, что онъ уничтожилъ *мѣстничество,* причинявшее у насъ такъ много вреда. Тѣмъ изъ маленькихъ читателей моихъ, которые не понимаютъ этого слова, я разскажу вотъ что:

Мѣстничество — значитъ споръ между дворянами о томъ, чьи предки были знатнѣе и древнѣе родомъ. Этотъ споръ дѣлалъ много зла между спѣсивыми боярами нашей старинной Россіи. Напримѣръ, если случилось, что какой нибудь внукъ или правнукъ знаменитаго поколѣнія поступалъ въ службу подъ начальство такого человѣка, котораго предки были менѣе знатны, то ужъ этотъ гордый потомокъ важнаго дѣдушки ни за что не хотѣлъ исполнять приказаній своего начальника, и не хотѣлъ служить съ нимъ, хотя бы за это его даже казнили. Можно представить себѣ, какъ часто это могло случаться и какъ много было такихъ споровъ. Для разобранія ихъ учреждено было особенное присутственное мѣсто, которое называлось Разряднымъ приказомъ [1]).

---

[1]) Встарину почти всѣ присутственныя мѣста назывались *приказами.* Кромѣ *Разряднаго* въ Москвѣ были вотъ еще какіе приказы: 1) *Посольскій,* гдѣ разсматривались всѣ дѣла, касающіяся до сношеній съ иностранными государствами; 2) *Помѣстный,* гдѣ были дѣла о земляхъ, розданныхъ чиновникамъ за службу; 3) *Казанскій,* гдѣ были дѣла царствъ казанскаго, астраханскаго и сибирскаго; 4) Приказъ *Большой приходъ,* — это было государственное казначейство; 5) *Бронный приказъ,* — этотъ вѣрно походилъ на наши нынѣшніе арсеналы и литейные дворы,

Чиновники, которые служили тамъ, или — какъ ихъ тогда называли — приказные люди занимались только разборомъ споровъ о мѣстахъ службы, т. е. прилично ли такому-то имѣть равное мѣсто съ такимъ-то или служить подъ начальствомъ такого-то. По тогдашнему обыкновенію думали, что два боярина не могутъ имѣть равныхъ мѣстъ, если предки одного занимали нѣкогда мѣста выше предковъ другого, и даже если самъ государь назначалъ кого нибудь изъ нихъ въ какую либо должность при посольствѣ, при дворѣ или на войнѣ, то бояринъ тотъ прежде всего отправлялся въ разрядный приказъ, гдѣ хранились всѣ родословныя книги и тамъ справлялся: не занимали ли его предки высшихъ мѣстъ въ сравненіи съ предками того, кто назначался государемъ въ равную, или—что̀ еще хуже—въ высшую должность, и если находилъ, что въ самомъ дѣлѣ это было такъ, то объявлялъ государю, что ему *невмѣстно*, т. е. неприлично принять назначенную ему должность и дѣйствительно не принималъ ее, хотя бы его казнили; тотъ же, съ кѣмъ не хотѣлъ онъ служить, считалъ себя въ свою очередь обиженнымъ и подавалъ просьбу государю о сдѣланномъ ему безчестьѣ, умоляя о защитѣ. Странны и даже смѣшны кажутся намъ теперь дѣла такого рода, но тогда они были такъ важны, что самъ государь принималъ на себя трудъ разбирать эти споры, справлялся по разряднымъ книгамъ, кто былъ справедливѣе, и правыхъ оправдывалъ, виноватыхъ строго наказывалъ. Можно представить себѣ, сколько безпорядковъ происходило въ государствѣ отъ такихъ безразсудныхъ споровъ и сколько времени терялось на разбирательство ихъ! Случалось, что отъ нихъ въ военное время проигрывали сраженія, что воеводы, считавшіе себя обиженными, отказывались идти на защиту отечества; однимъ словомъ, нельзя исчислить всего зла, какое происходило отъ этого страннаго предразсудка. Цари Михаилъ Ѳеодоровичъ

потому что здѣсь заготовлялось оружіе; 6) *Житный приказъ*, — сюда относились всѣ запасные магазины, и наконецъ, 7) *Холопій судъ* или *приказъ*, гдѣ разбирались дѣла о крѣпостныхъ людяхъ. Другія же присутственныя мѣста назывались просто *избами*, напримѣръ *Дворцовая изба*, *Стрѣлецкая изба*, *Ямская изба*. Названія ясно показываютъ, какія дѣла разсматривались въ каждой изъ нихъ.

и Алексѣй Михайловичъ очень старались уничтожить его мало-по-малу, но честь совершеннаго уничтоженія его принадлежитъ Өеодору Алексѣевичу, и вотъ какимъ образомъ совершилъ онъ это дѣло.

Чувствуя болѣе всего это зло во время войны, государь рѣшился дать новое устройство войску, чтобы при этомъ случаѣ уничтожить мѣстничество. Созвана была дума изъ людей избранныхъ военнаго званія подъ предсѣдательствомъ одного изъ образованнѣйшихъ вельможъ того времени, князя Голицына, и этой думѣ поручено было обсудить, какъ устроить войско такъ, чтобы оно могло самымъ лучшимъ образомъ защищать отечество отъ враговъ. Дума рѣшила, что надобно преобразовать войско, раздѣлить полки на роты и вмѣсто прежнихъ сотенныхъ головъ, назначить ротмистровъ и поручиковъ, которые бы ни въ какомъ случаѣ своими предками не считались другъ съ другомъ, и чтобы такихъ разсчетовъ не было на будущее время ни въ дѣлахъ военныхъ, ни въ посольскихъ, ни при дворѣ и ни въ приказахъ. Өеодоръ, ожидая такого рѣшенія и совершенно соглашаясь съ нимъ, созвалъ Соборъ изъ самыхъ старшихъ чиновъ духовныхъ и свѣтскихъ, представилъ имъ мнѣніе избранныхъ людей военныхъ, представилъ имъ самымъ убѣдительнымъ образомъ всѣ несчастныя слѣдствія нелѣпаго предразсудка и просилъ совѣта: что̀ дѣлать. Соборъ въ одинъ голосъ рѣшилъ, что настала пора уничтожить такое зло. Государь, нетерпѣливо желавшій этого уничтоженія, спѣшилъ исполнить рѣшеніе Собора; приказалъ тотчасъ же принести всѣ разрядныя книги и тутъ же, въ присутствіи всѣхъ лицъ Собора, сжечь ихъ. Вмѣсто же нихъ позволилъ имѣть дворянамъ *родословную книгу* только для того, чтобы память предковъ не исчезла. Такъ уничтожились старинные споры мѣстничества, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣ несчастія, отъ нихъ происходившія.

Но больной и слабый Өеодоръ не однимъ этимъ дѣломъ заставилъ подданныхъ своихъ помнить о себѣ: нѣтъ, онъ безпрестанно занимался счастіемъ ихъ и съ строгою отчетливостію исполнялъ всѣ свои обязанности, вовсе не думая о томъ, что силы его еще болѣе слабѣли отъ того. Почти каждый день онъ присутствовалъ въ большой думѣ цар-

ской, каждый день принималъ всякаго, кто имѣлъ нужду лично о чемъ нибудь просить его, каждый день дѣлалъ какое нибудь новое благодѣяніе для народа своего. Какъ часто цѣлое семейство было спасаемо имъ отъ бѣдности, какъ часто цѣлымъ селеніямъ прощалъ онъ казенныя подати, обращалъ кроткими увѣщаніями нѣсколько сотъ магометанскихъ подданныхъ своихъ въ христіанство, или выкупалъ христіанъ изъ плѣна турецкаго! Однимъ словомъ, слушая о дѣлахъ Ѳеодора Алексѣевича, нельзя думать, что все это дѣлалъ государь, безпрестанно страдавшій и съ каждымъ днемъ ослабѣвавшій въ силахъ [1]). Напротивъ того, въ отечествѣ нашемъ примѣтна была въ это царствованіе безпрестанная дѣятельность: во многихъ мѣстахъ учреждались новыя училища, строились богоугодные домы для бѣдныхъ, больницы—для страждущихъ. Въ Москвѣ явилась даже новая академія *Славяно-греко-латинская*. Самъ государь очень часто посѣщалъ всѣ эти новыя, основанныя имъ заведенія. Обыкновенно дѣлалъ онъ эти посѣщенія верхомъ на прекрасной лошади; верховая ѣзда была его страстію. И эту самую страсть онъ умѣлъ сдѣлать полезною: видя, что государь любитъ прекрасныхъ лошадей, всѣ старались имѣть ихъ, и съ тѣхъ поръ завелись у насъ первые конскіе заводы и появились у многихъ хорошія лошади.

Но вотъ чего терпѣть не могъ Ѳеодоръ: излишней роскоши въ одеждѣ и вообще во всемъ. Онъ даже выдалъ на этотъ случай указъ, въ которомъ запрещено было носить дорогія платья, особливо татарскія, и приказано было носить нарядъ стариннаго русскаго или польскаго покроя, приличный сѣверному климату и неубыточный. Вскорѣ потомъ царь замѣтилъ, что, не имѣя возможности щеголять запрещенными платьями, русскіе начали показывать

---

[1]) Въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича былъ, однако же, горестный случай: ссылка знаменитаго боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева, по клеветѣ боярина Милославскаго, пользовавшагося въ это время большою силою при дворѣ. Великодушный другъ царя Алексѣя Михайловича посланъ былъ въ *Пустоозерскій острогъ*, мѣсто холодное и безлюдное, гдѣ онъ не столько плакалъ о несчастіи и бѣдности своей, какъ о томъ, что лишенъ былъ возможности благотворить. Ѳеодоръ Алексѣевичъ, повѣривъ совершенно хитрому Милославскому, былъ въ сильномъ гнѣвѣ на Матвѣева.

богатство свое въ упряжи. Государь и это остановилъ, и выдалъ новое повелѣніе, гдѣ расписано было кому какъ ѣздить: бояре, окольничіе и думные люди могли ѣздить лѣтомъ въ каретахъ, а зимою въ саняхъ, на *двухъ* лошадяхъ; въ праздничные же дни на *четырехъ*, а на свадьбы и на *шести* лошадяхъ. Но это могли дѣлать только высшіе бояре; всѣмъ же другимъ дворянамъ и чиновникамъ позволялось ѣздить только на одной лошади,—зимою въ саняхъ, а лѣтомъ—верхомъ.

Кромѣ всѣхъ этихъ полезныхъ распоряженій внутри царства своего, Θеодоръ Алексѣевичъ имѣлъ успѣхъ и въ своихъ сношеніяхъ съ сосѣдними государствами. Швеція и Польша не начинали съ нимъ войны, а намѣренія турецкаго султана Мугаммеда IV, давно старавшагося возмущать противъ царя жителей Малороссіи, остались неудачны и запорожскіе казаки, покорившіеся ему на нѣсколько времени, при Θеодорѣ Алексѣевичѣ признали надъ собой власть царя русскаго.

Исполняя съ величайшею точностію царскія обязанности, Θеодоръ точно также исполнялъ и семейственныя: онъ былъ рѣдкій сынъ, братъ, супругъ. Горестная вдова, царица Наталія Кирилловна, часто бывала тронута до слезъ тою нѣжною привязанностію, которую онъ показывалъ къ ней и къ сыну ея. Маленькій Петръ былъ утѣшеніемъ его: не только онъ любилъ его со всею нѣжностію брата, но онъ восхищался его необыкновенными способностями, любовался его прекрасною наружностію, тревожился при малѣйшей болѣзни его гораздо болѣе, нежели самыми сильными собственными страданіями: казалось, онъ боялся потерять надежду Россіи! Этотъ страхъ тѣмъ болѣе мучилъ его, что онъ не имѣлъ собственныхъ дѣтей и видѣлъ слабость тѣлесныхъ и душевныхъ силъ родного брата своего Іоанна. Вотъ еще доказательство, какъ превосходно было сердце добраго Θеодора Алексѣевича: онъ не смотрѣлъ на то, что по родству Іоаннъ былъ ближе къ нему, нежели Петръ; онъ смотрѣлъ только на пользу отечества своего, и когда въ семействѣ царскомъ заходила рѣчь о наслѣдникѣ престола, Θеодоръ всегда говорилъ, что этимъ наслѣдникомъ будетъ меньшой братъ его Петръ. Но прежде не-

жели дальновидный и великодушный государь успѣлъ сдѣлать письменный актъ объ этомъ распоряженіи, смерть отняла его въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ у любившей его Россіи! Онъ скончался 27-го апрѣля 1682 года, на 27-мъ году своего возраста. Нѣтъ нужды разсказывать о горести всего царскаго дома: она была одинакова для всѣхъ членовъ его, потому что всѣ равно любили умнаго, кроткаго, добродѣтельнаго Ѳеодора, но неутѣшнѣе всѣхъ плакали двѣ царицы: Марѳа Матвѣевна, молодая супруга его, и Наталія Кирилловна. Первая лишалась въ немъ нѣжнѣйшаго друга; послѣдняя—оплакивала второго отца своего вновь осиротѣвшаго сына.

Семейство царя Ѳеодора Алексѣевича.

Супруги: 1) *Агафія* Симеоновна Глушецкая. 2) *Марѳа* Матвѣевна Апраксина.

Сынъ отъ нея: Царевичъ *Илія*, скончался въ дѣтствѣ.

ПЕТРЪ, ДЕСЯТИЛѢТНІЙ ЦАРЬ РОССІИ.

1682 годъ.

Наконецъ на тронѣ Россіи является государь, назначенный судьбою произвесть въ отечествѣ нашемъ тотъ великій переворотъ, который въ полной мѣрѣ можетъ назваться чудеснымъ, неслыханнымъ ни у какихъ народовъ. Всѣ они, начиная съ самыхъ древнѣйшихъ, просвѣщались постепенно; русскіе же сдѣлали это вдругъ, какъ будто по какой-то волшебной силѣ. Эту волшебную, удивительную силу Богъ вложилъ въ душу любимца своего Петра. Точно, этотъ великій государь могъ назваться любимцемъ Бога: все въ немъ было прекрасно и необыкновенно! Чудесно самое младенчество его, чудесны лѣта дѣтства! Даже самое рожденіе его было чудесно предсказано за нѣсколько мѣсяцевъ. Это удивляетъ васъ, милые читатели? Да, вы правы, это удивительно, непонятно и объясняется развѣ

только тѣмъ, что Богъ для такого чрезвычайнаго смертнаго допустилъ чрезвычайное явленіе въ природѣ. Какъ бы то ни было, только прежде нежели онъ родился, два монаха, одинъ Симеонъ Полоцкій и другой, бывшій потомъ митрополитомъ въ Ростовѣ, св. Димитрій, сказали царю Алексѣю Михайловичу, что *у него родится сынъ Петръ, что онъ наслѣдуетъ престолъ его, и будетъ такимъ героемъ, съ которымъ не сравнится никто изъ современниковъ*. Они говорили, что видѣли это по расположенію звѣздъ на небѣ. Встарину во всей Европѣ вѣрили, что звѣзды имѣютъ вліяніе на рожденіе людей, и потому часто предвѣщаютъ судьбу ихъ. Эта наука называлась *астрологіею*. Вы удивитесь еще болѣе, милые читатели мои, когда я скажу вамъ, что предсказаніе о Петрѣ было не въ одной Россіи. Въ библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ есть до сихъ поръ переписка двухъ иностранныхъ ученыхъ, Николая Гейнзіуса и Іоанна Гревіуса. Первый въ 1672 году былъ нидерландскимъ посланникомъ въ Москвѣ и писалъ къ послѣднему о рожденіи царевича Петра и о тѣхъ предвѣщаніяхъ, какія были сдѣланы о немъ, а Гревіусъ отвѣчалъ на это изъ Голландіи, что и у нихъ ученые гадатели замѣтили то же самое по звѣздамъ и согласны съ предсказаніями русскихъ о новорожденномъ царевичѣ.

Что же надобно было думать предкамъ нашимъ объ этомъ младенцѣ, удивившемъ міръ прежде рожденія своего? Конечно, они могли ожидать отъ него всего необыкновеннаго, и ожиданія ихъ исполнились болѣе, нежели они могли вообразить себѣ! Мнѣ кажется, я никогда не кончила бы, милые читатели мои, еслибы начала разсказывать вамъ обо всемъ, что сдѣлалъ великаго этотъ ни съ кѣмъ несравнимый Петръ! Слова и дѣйствія его составляютъ многочисленные томы сочиненій, которыхъ и десятая часть не можетъ помѣститься въ краткой исторіи нашей; они должны храниться въ памяти каждаго русскаго, и вѣрно вы не одинъ разъ прочитаете ихъ, когда уже въ состояніи будете заниматься такимъ важнымъ чтеніемъ.

Но до тѣхъ поръ вамъ надобно довольствоваться небольшими разсказами нашими. Конечно, они не совершенны.

они не могутъ назваться исторіей Петра—это только легкіе очерки его великихъ дѣлъ; но мы вознаградимъ сколько нибудь это несовершенство: я постараюсь собрать какъ можно болѣе любопытныхъ для васъ подробностей этого славнаго царствованія, а вы будете внимательно читать и помнить ихъ до тѣхъ поръ, пока настанетъ для васъ время приняться за изученіе настоящей исторіи Великаго Преобразователя Россіи.

И такъ, начнемъ разсказы наши съ самыхъ первыхъ лѣтъ Петра: великіе люди бываютъ занимательны даже въ то время, когда только что начинаютъ говорить. Напримѣръ, послушайте, каковъ былъ Петръ при самомъ началѣ третьяго года своей жизни.

Въ день св. апостоловъ Петра и Павла, 29 іюня, праздновались имянины царственнаго малютки. Кромѣ дорогихъ вещей, полученныхъ въ этотъ день Петромъ отъ нѣжныхъ родителей его и другихъ лицъ семейства царскаго, множество подарковъ отъ вѣрныхъ подданныхъ ожидало маленькаго имянинника въ одной изъ комнатъ Кремлевскаго дворца. Вотъ онъ входитъ туда съ боярами, приставленными къ нему [1]), съ дѣтскимъ любопытствомъ смотритъ на все, чѣмъ усердіе народа хотѣло повеселить сына государя обожаемаго, и вдругъ быстрые, прекрасные глаза его засверкали отъ радости: онъ увидѣлъ маленькую стальную саблю! Не прошло минуты, какъ онъ уже держалъ ее въ рукахъ, уже зналъ, что ее поднесъ какой-то купецъ, уже приказалъ привести къ себѣ этого купца! Какъ скоро тотъ явился, царевичъ бросился къ нему навстрѣчу, приказалъ ему поднять себя на руки, поцѣловалъ его въ голову и сказалъ, что онъ никогда не забудетъ его за такой прекрасный подарокъ. Не выпуская изъ рукъ сабли, побѣжалъ онъ къ своему родителю и просилъ непремѣнно чѣмъ нибудь пожаловать купца, а его опоясать саблею. Алексѣй Михайловичъ съ восхищеніемъ смотрѣлъ на пламенную радость двухлѣтняго ребенка при видѣ оружія: она предвѣщала любовь его къ

[1]) Главнымъ изъ нихъ, или наставникомъ царевича, былъ дѣдъ его, бояринъ Кириллъ Полуехтовичъ Нарышкинъ, и при немъ помощники: князь Прозоровскій, Головинъ и Головкинъ.

славѣ военной. Все было исполнено по желанію Петра: купецъ пожалованъ достоинствомъ гостя московскаго; сабля съ молитвою надѣта самимъ государемъ сверхъ голубого шелковаго кафтанчика царевича. Царь сдѣлалъ еще болѣе: видя особенную страсть сына своего къ военнымъ занятіямъ, онъ собралъ нѣсколько человѣкъ дѣтей однихъ лѣтъ съ Петромъ, приказалъ сдѣлать для нихъ разныя маленькія оружія и выучить ихъ всему, чему учились солдаты. Тутъ-то съ каждымъ днемъ начались для Петра праздники: съ утра до вечера онъ игралъ и учился съ своими маленькими воинами и счастливая сабля почти никогда не снималась съ храбраго малютки; случалось даже, что онъ засыпалъ вмѣстѣ съ нею! — Вотъ, милые читатели мои, вотъ Петръ на третьемъ году своего возраста! На четвертомъ онъ лишился попечительнаго и нѣжнаго отца, но мѣсто его заступилъ столько же нѣжный братъ и воспитаніе его продолжалось съ прежнею заботливостію; на пятомъ опредѣленъ былъ къ нему учителемъ—дьякъ *Никита Моисѣевичъ Зотовъ*. Онъ училъ его читать и писать по-русски, также исторіи всеобщей, и въ особенности отечественной. Зотовъ, хотя не получилъ самъ отличнаго образованія, слишкомъ рѣдкаго въ то время въ отечествѣ нашемъ, и не зналъ иностранныхъ языковъ, но былъ человѣкъ очень умный, который понималъ искусство сдѣлать ученіе пріятнымъ занятіемъ, и кромѣ того, былъ усерденъ и неутомимъ въ отправленіи своей должности. Историческіе уроки его не могли называться этимъ строгимъ именемъ. Нѣтъ, это были не уроки, но самые занимательные разговоры, во время которыхъ онъ разсказывалъ маленькому ученику своему о славныхъ государяхъ русскихъ, особенно о Святославѣ, Владимірѣ, Александрѣ Невскомъ, Димитріи Донскомъ, Іоаннахъ: Великомъ и Грозномъ и наконецъ о Михаилѣ и Алексѣѣ. Чтобъ сдѣлать разсказы свои еще разнообразнѣе, Зотовъ велѣлъ представить въ рисункахъ всѣ важнѣйшія происшествія, случившіяся во время этихъ знаменитыхъ царствованій, и расположилъ ихъ по всѣмъ комнатамъ царевича. О! еслибъ вы могли представить себѣ, маленькіе друзья мои, какъ эти картины и разсказы нравились Петру! Какой

огонь блисталъ въ глазахъ его, когда онъ слышалъ о храбрости Святослава или Владиміра! Какъ весело улыбался при побѣдѣ Донского! Какъ восхищался великими дѣлами Грознаго! какъ огорчался его преступленіями! Однимъ словомъ, Зотовъ въ полной мѣрѣ достигъ цѣли своей: пятилѣтній царевичъ, не смотря на младенческій умъ свой, понялъ, что государь только изъ исторіи можетъ научиться царствовать, и полюбилъ эту науку болѣе всѣхъ другихъ. Иногда, слушая описаніе какого нибудь города или крѣпости, онъ просилъ, чтобы ему показали планы ихъ и, къ удивленію всѣхъ окружавшихъ его, разсматривалъ ихъ со всею внимательностію и любопытствомъ взрослаго человѣка. Нерѣдко случалось даже и то, что быстрый умъ ученика увлекался далѣе познаній учителя, и добрый Зотовъ, не смотря на все свое усердіе, не въ состояніи былъ отвѣчать на безпрестанные вопросы его и принужденъ былъ прибѣгать въ такихъ случаяхъ къ ученымъ иностранцамъ, находившимся въ службѣ царской, а иногда и къ самому царю, который съ особеннымъ удовольствіемъ любилъ разговаривать съ умнымъ малюткой и удивляться его необыкновеннымъ способностямъ.

Таковъ былъ умъ Петра въ самомъ нѣжнѣйшемъ дѣтствѣ; теперь я разскажу маленькимъ читателямъ моимъ случай, который покажетъ имъ сердце и нравъ его въ этомъ возрастѣ.

Царица Наталія Кирилловна, не смотря на все сыновнее почтеніе къ ней Θеодора Алексѣевича, имѣла много огорченій во время вдовства своего. Ближніе бояре, окружавшіе царя, по большей части родственники матери его— Милославскіе, ненавидѣли вторую супругу Алексѣя Михайловича и съ нею всѣхъ Нарышкиныхъ. Пользуясь частыми болѣзненными припадками Θеодора и кротостію Наталіи, нелюбившей жалобами своими тревожить добраго и больного государя, они и приверженцы ихъ выдумывали на нее разныя клеветы, старались отдалять ее отъ царя, и даже осмѣливались иногда явно показывать ей свое неуваженіе. Однажды самый дерзкій изъ нихъ, бояринъ Языковъ, похвасталъ между своими пріятелями, что заставитъ вдовствующую царицу выѣхать изъ дворца и

жить въ другомъ домѣ, отдаленномъ отъ царскаго. Вотъ онъ и въ самомъ дѣлѣ явился на другой день къ Наталіи Кирилловнѣ и сдѣлалъ ей свое дерзкое предложеніе подъ предлогомъ, что многочисленный дворъ ея [1]) не можетъ помѣщаться въ одномъ домѣ съ государевымъ. Сначала царица, зная, что это выдумка Языкова, не встревожилась этимъ безразсуднымъ предложеніемъ и съ твердостію отказалась отъ него, но потомъ, когда обманщикъ сказалъ, что пришелъ отъ имени царя, Наталія вздрогнула и, испугавшись опасностей, какія грозили сыну ея при немилости царствовавшаго брата его, не могла удержать слезъ своихъ. Между тѣмъ этотъ сынъ, предметъ нѣжнѣйшихъ попеченій ея, былъ тутъ же въ комнатѣ. Съ удивленіемъ слушалъ горделивый малютка дерзкаго, осмѣлившагося такъ грубо говорить съ государыней. Уже онъ готовъ былъ закричать отъ гнѣва, какъ вдругъ заблистали слезы въ прекрасныхъ глазахъ его матери. О! какъ сильно забилось младенческое сердце Петра! Царица, обожаемая мать его, плакала отъ дерзкихъ словъ подданнаго! Въ эту минуту онъ увидѣлъ, что для наказанія Языкова мало собственнаго гнѣва его и, не сказавъ никому ни слова, пошелъ къ царю. Одинъ Зотовъ провожалъ его и едва успѣвалъ бѣжать за пылкимъ ученикомъ своимъ.

Θеодоръ Алексѣевичъ по обыкновенію обрадовался, увидѣвъ своего любимца, но испугался его встревоженнаго вида и заботливо спрашивалъ, что съ нимъ? Тогда Петръ поцѣловалъ нѣсколько разъ руку брата и сказалъ: «Государь! я пришелъ къ тебѣ съ жалобою на Языкова: онъ хочетъ меня и съ матерью моею выгнать изъ дома отца моего и отдалить отъ тебя, какъ встарину Годуновъ отдалилъ и потомъ погубилъ царевича Димитрія. Если тотъ домъ, куда высылаютъ насъ, нравится тебѣ, то я буду жить въ немъ

[1]) Царь Θеодоръ Алексѣевичъ такъ уважалъ супругу родителя своего, что, вступивъ на престолъ, не перемѣнилъ ничего при дворѣ ея и оставилъ на прежнихъ мѣстахъ всѣхъ служившихъ у нея. Этотъ дворъ былъ такъ многочисленъ, что однихъ стольниковъ было 102. Изъ дѣтей этихъ придворныхъ чиновниковъ были выбраны первые товарищи военныхъ игръ Петра.

вмѣстѣ съ тобою, но изъ дома отца моего безъ тебя, государь, никуда не выѣду». Сказавъ это, маленькій царевичъ оборотился ко всѣмъ окружавшимъ въ это время государя и прибавилъ съ слезами на глазахъ: «Развѣ я не сынъ великаго царя Алексѣя Михайловича, что мнѣ нѣтъ мѣста въ домѣ отца моего?»

Ѳеодоръ былъ тронутъ почти столько же, какъ и маленькій братъ его; онъ спѣшилъ успокоить и утѣшить его своими ласками, и тотчасъ же пошелъ къ царицѣ увѣрить ее, что онъ никогда не думалъ отдавать Языкову такихъ несправедливыхъ приказаній. Онъ предоставилъ ей наказать обманщика, какъ ей угодно, но кроткая Наталія отказалась отъ того и великодушно простила виновнаго боярина. Ей пріятно было оказать эту милость: въ душѣ ея разливалась такая сладкая радость въ ту минуту, когда она нѣжными ласками благодарила маленькаго защитника своего, что ей хотѣлось бы всему свѣту доставить хотя половину того счастія, какое могло чувствовать ея материнское сердце!

Такъ Петръ во все время дѣтства своего продолжалъ быть утѣшеніемъ и славою родительницы своей и всего семейства царскаго. Вы слышали уже, что Ѳеодоръ Алексѣевичъ такъ любилъ его, что, умирая, назначилъ его своимъ наслѣдникомъ. Хотя это не было утверждено письменнымъ актомъ, но всѣ окружавшіе царя помнили слова его. Къ тому же, различіе между здоровьемъ и душевными способностями обоихъ царевичей было такъ велико, что каждый долженъ былъ сознаться, что царь поступилъ справедливо и великодушно. Здѣсь представится вамъ новое великодушіе, милые друзья мои! Подивитесь, какъ благородны были всѣ сыновья Алексѣя Михайловича! Вы сейчасъ слышали, что одинъ изъ нихъ, изъ любви къ отечеству, отдалъ престолъ не старшему, родному брату и наслѣднику, но меньшему, рожденному отъ второй супруги родителя своего. Но что же сдѣлалъ этотъ старшій, обиженный царевичъ! Вмѣсто того, чтобы оскорбиться такою несправедливостію и, какъ мы часто видимъ въ свѣтѣ, начать споръ о наслѣдствѣ своемъ, онъ добровольно согласился съ желаніемъ скончавшагося царя и, уступая корону меньшому брату, съ кротостію сознался, что не чув-

ствуетъ себя способнымъ царствовать такъ хорошо, какъ онъ! Помните, дѣти, этотъ трогательный примѣръ смиренія и братской любви, какой показалъ намъ добрый Іоаннъ Алексѣевичъ! Не думайте, что онъ принужденъ былъ сдѣлать это потому, что послѣ кончины Θеодора тотчасъ всѣ присягнули Петру. Нѣтъ! Это избраніе было сдѣлано совсѣмъ не такъ поспѣшно. Прежде патріархъ Іоакимъ со всѣмъ духовенствомъ и чинами государственными явился къ обоимъ царевичамъ и спрашивалъ, которому изъ нихъ угодно будетъ принять корону русскую? Іоаннъ Алексѣевичъ въ ту же минуту объявилъ, что онъ отказывается отъ нея, чувствуя слабыя силы свои, и тогда уже всѣ присягнули десятилѣтнему Петру. Іоанну же было въ это время шестнадцать лѣтъ. Не удивительна ли такая скромность и уступчивость въ этомъ пылкомъ и самонадѣянномъ возрастѣ? О! Іоаннъ заслуживаетъ уваженіе наше, какъ ни маловажно было участіе его въ дѣлахъ государственныхъ во все время его непродолжительной жизни. Но оставимъ этого кроткого сына царей: онъ былъ на землѣ не для здѣшняго міра, и хотя впослѣдствіи мы еще будемъ встрѣчать имя его въ исторіи нашей, но оно будетъ сіять въ ней тихо, едва замѣтно, подлѣ лучезарнаго блеска, окружавшаго имя младшаго брата его. Обратимся къ этому необыкновенному смертному, обратимся къ нашему Петру: онъ уже на престолѣ! Самыя отдаленныя страны Россіи уже назвали его царемъ своимъ, а добродѣтельную мать его—правительницею. Все по наружности было спокойно, все, казалось, съ довѣренностію ввѣрило судьбу свою тому, кто до рожденія еще названъ былъ *героемъ!* Но это спокойствіе походило на тишину — предвѣстницу страшной грозы!

ЦАРЕВНА СОФІЯ АЛЕКСѢЕВНА И СТРѢЛЬЦЫ.

отъ 1682 до 1688 года.

(7 лѣтъ).

Кто бы подумалъ, что Петръ, такъ много любимый Россіею и такъ много обѣщавшій ей,—Петръ, сынъ и братъ государей-благодѣтелей ея,—наконецъ Петръ, уже и самъ принявшій присягу въ вѣрности всего народа—могъ имѣть враговъ даже во время нѣжнаго дѣтства, этого невиннаго возраста, еще не умѣющаго дѣлать зла и оскорблять кого либо? Но такова бываетъ участь людей, одаренныхъ отличными способностями. Дорого платятъ они за свое превосходство! Это испыталъ Петръ, и чувствительнѣе, нежели кто нибудь другой: врагомъ его была сестра-царевна Софія Алексѣевна.

Начиная говорить объ этой примѣчательной церевнѣ, надобно покороче познакомить съ нею маленькихъ читателей моихъ. Она родилась 7-го сентября 1657 года. Ни одна изъ дочерей царя Алексѣя Михайловича не была такъ щедро одарена природою, какъ Софія. Плѣнительная наружность, острый умъ, склонность къ просвѣщенію, терпѣніе въ ученіи отличали царевну отъ сестеръ ея даже въ то время, когда всѣ онѣ были еще въ дѣтскомъ возрастѣ. Вы сейчасъ увидите, какъ и тогда уже она удивляла собою всѣхъ окружавшихъ ее.

При дворѣ Алексѣя Михайловича, такъ много заботившагося о просвѣщеніи своихъ подданныхъ, былъ даже и театръ. Онъ состоялъ изъ труппы комедіантовъ, нарочно выписанныхъ для того изъ чужихъ краевъ. Директоромъ этого театра былъ просвѣщеннѣйшій изъ придворныхъ того времени—бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, представленія же давались въ Преображенскомъ, а иногда и въ Кремлевскомъ потѣшномъ дворцѣ [1]). Не подумайте, одна-

---

[1]) Преображенскій дворецъ былъ въ селѣ Преображенскомъ, которое недалеко отъ Москвы, на берегу Яузы. Этотъ дворецъ, такъ же какъ и нѣкоторые другіе въ окрестностяхъ Москвы, и одинъ въ самомъ Кремлѣ назывались *потѣшными,* по причинѣ тѣхъ увеселительныхъ

кожъ, чтобы пьесы того времени походили сколько нибудь на наши нынѣшнія. Нѣтъ, добрые предки наши, не имѣя совершеннаго понятія о театральномъ искусствѣ, представляли на театрѣ своемъ только небольшія происшествія изъ Священной исторіи. Часто на сценѣ ихъ можно было видѣть и Саула, и Давида, и Соломона, и другія лица Ветхаго Завѣта.

Смотря на эти представленія, маленькая Софія Алексѣевна восхищалась часто болѣе иной пожилой боярыни, оцѣнивала игру актеровъ лучше, нежели какой нибудь важный бояринъ, высоко мечтавшій о своемъ знаніи. Иногда не по лѣтамъ умная царевна, въ восторгѣ къ драматическому искусству, выбирала нѣсколько человѣкъ дѣтей придворныхъ чиновниковъ и вмѣстѣ съ ними сама играла маленькія пьесы, или двѣ-три сцены изъ большихъ. Съ восхищеніемъ смотрѣли на нее и родители, и сестры, и приставленныя къ ней мамушки, и всѣ придворные, и рано пріучили ее къ похваламъ и лестному одобренію. Слышавъ безпрестанное восхищеніе ея уму и красотѣ, малютка начала считать себя выше всего семейства царскаго, начала думать, что въ самомъ дѣлѣ ее ожидаетъ чрезвычайная судьба въ будущности. Эти гордыя мысли увеличивались въ ней вмѣстѣ съ лѣтами. Къ несчастію, она вовсе не думала, что дѣлаетъ дурно, такъ высоко мечтая о себѣ: напротивъ того, почитала эту гордость необходимою — при своихъ необыкновенныхъ дарованіяхъ. Ея дарованія, точно, были необыкновенны, особенно въ тотъ вѣкъ Россіи: во-

---

представленій, какія давались въ нихъ. Не хотите ли, маленькіе друзья мои, я выпишу для васъ здѣсь одну изъ придворныхъ записокъ 1676 года. Она лучше всѣхъ моихъ словъ дастъ вамъ понятіе какъ о вкусѣ предковъ нашихъ, такъ и слогѣ, какимъ писали они въ то время.

«Была комедія въ Преображенскомъ: тѣшили великаго государя иноземцы, какъ Алаферна царица царю голову отсѣкла и на органахъ играли нѣмцы, да люди дворовые боярина *Артамона Сергѣевича Матвѣева*. Того-жъ года, другая комедія тамъ же, какъ Артаксерксъ велѣлъ повѣсить Амана, и въ органы играли, и на фіолахъ и въ инструменты, и танцовали. Въ третіе, тамъ же тѣшили великаго государя на заговѣнье нѣмцы и люди Артамона Сергѣевича на органахъ, и на фіолахъ, и на инструментахъ, и танцовали и всякими потѣхами разными».

По этимъ самымъ *потѣхамъ* очень можно было назвать и дворцы гдѣ они происходили—*потѣшными*.

образите, друзья мои, эта молоденькая царевна, едва вышедшая изъ дѣтства, занималась словесностію, исторіею и другими науками, и въ царствованіе брата своего, царя Ѳеодора Алексѣевича, не только сама была въ числѣ дѣйствующихъ лицъ придворнаго театра, но даже сочиняла для него драмы и трагедіи. Однакожъ, все-таки ей не должно было гордиться своими великими способностями: онѣ даются намъ отъ Бога, и счастливцы, получающіе ихъ, должны, изъ благодарности за прекрасный даръ, стараться всѣми силами употреблять его для того, чтобы принести какъ можно болѣе пользы ближнимъ, а не для того, чтобы величаться имъ передъ другими. О! эта гордость опасна! Послушайте, до чего довела она царевну Софію, отъ которой такъ много всѣ ожидали и такъ ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ!

Судьба дочерей прежнихъ государей русскихъ рѣдко бывала такъ радостна и блистательна, какъ обѣщало имъ это ихъ счастливое младенчество. Съ уничтоженіемъ удѣльныхъ княжествъ, управляемыхъ часто знаменитыми князьями, уже не было достойныхъ для нихъ жениховъ между соотечественниками ихъ; выходить же за принцевъ иностранныхъ, исповѣдывавшихъ другую вѣру, княжны, воспитанныя въ суевѣрныхъ понятіяхъ своего вѣка, считали несчастіемъ. Итакъ, обыкновенная участь ихъ была—оканчивать жизнь въ монастырѣ. Но какъ далека была эта печальная мысль отъ прекрасной и гордой Софіи Алексѣевны! Ей ли погребсти въ кельѣ монастырской свой чудесный умъ и глубокія познанія? Ей ли промѣнять блестящій нарядъ царевны на смиренную одежду монахини! «О! нѣтъ, нѣтъ!» говорила она,—«я чувствую съ самаго дѣтства высокое назначеніе мое! Я должна быть царицею, и царицею—въ родномъ отечествѣ моемъ!»

Такъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, думала Софія, смотря на приближавшагося къ смерти брата своего—царя Ѳеодора Алексѣевича, на больного и слабаго Іоанна, на добрыхъ и скромныхъ сестеръ своихъ, всегда покорныхъ ея властолюбивой волѣ. Что же касается до маленькаго брата ея, Петра, сына второй супруги отца ея, то она совсѣмъ не считала его препятствіемъ своимъ намѣреніямъ, хотя и

слыхала, что Θеодоръ иногда называлъ его своимъ наслѣдникомъ: она знала, что письменнаго акта на это не было, и потому не считала этого наслѣдника опаснымъ. Но какъ же удивилась, какъ огорчилась и встревожилась она, когда тотчасъ послѣ смерти Θеодора десятилѣтній Петръ объявленъ былъ царемъ Россіи и все духовенство, всѣ бояре съ одинакимъ усердіемъ присягнули ему въ вѣрности! Вовсе не ожидая, чтобы это могло случиться, она не успѣла остановить присягу и съ той минуты возненавидѣла Петра, и рѣшилась во что бы то ни стало не допустить его до нераздѣльнаго обладанія Россіей. Она нашла усердныхъ помощниковъ своихъ замысловъ въ родственникѣ своемъ по матери, бояринѣ *Милославскомъ*, и въ преданныхъ ей стрѣльцахъ.

Стрѣльцы—это войско, утвержденное Іоанномъ Грознымъ и употребляемое имъ не только для дѣлъ военныхъ, но часто и для исполненія его жестокихъ повелѣній,—всегда отличались дерзостію и самовольствомъ. Упрямо защищая учрежденія старины, представлявшія имъ болѣе случаевъ поступать по своей волѣ, они ненавидѣли всѣ улучшенія, сдѣланныя въ войскѣ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, и осмѣливались даже такъ явно противиться новому образованію полковъ, что добрый государь, для спокойствія подданныхъ своихъ, принужденъ былъ начать это образованіе съ воиновъ вновь набранныхъ, которые и составляли семитысячный правильный корпусъ. Стрѣльцы же остались при прежнемъ устройствѣ своемъ и согласились только на то, что офицеровъ ихъ называли прежде *головами*, *полуголовами*, *пятисотенными*, называли, такъ какъ въ регулярныхъ полкахъ,—*полковниками*, *подполковниками*, *ротмистрами* и проч.

Теперь вы, вѣрно, не удивитесь, что въ такомъ непокорномъ войскѣ не трудно было найти охотниковъ идти противъ государя. Для этого довольно было только объявить, что если будетъ царствовать не Петръ, но братъ его Іоаннъ, то весь новый порядокъ, введенный царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ войскѣ, будетъ уничтоженъ. Царевна же и Милославскій объявили гораздо болѣе: они обѣщали отмѣнить даже и тѣ перемѣны, какія сдѣланы

были Никономъ въ исправленныхъ книгахъ церковныхъ. Это послѣднее обѣщаніе восхитило стрѣльцовъ: всѣ они давно съ досадою смотрѣли на исправленія книгъ и большая часть стрѣльцовъ оставалась тайно старовѣрами. Съ радостію взялись они исполнить всѣ приказанія царевны. Чтобъ увеличить еще болѣе усердіе ихъ, сказали имъ, что Нарышкины рѣшились погубить весь родъ царскій, что лекарь фонъ-Гаденъ, по приказанію царицы Наталіи, отравилъ ядомъ царя Ѳеодора, а братья ея умертвили и царевича Іоанна, и когда ярость стрѣльцовъ доведена была этими несправедливыми слухами до высочайшей степени, Милославскій и главные изъ сообщниковъ его: Сунбуловъ, Циклеръ, Петровъ и Озеровъ раздавали по полкамъ списки мнимыхъ измѣнниковъ, назначенныхъ быть жертвами честолюбивыхъ замысловъ Софіи.

Съ этой минуты все было рѣшено и день страшнаго бунта назначенъ: это было 15-го мая, спустя три недѣли послѣ присяги, данной Петру. Боже мой! какъ ужасенъ былъ этотъ день! Рано утромъ стрѣльцы, при звонѣ набатныхъ колоколовъ и звукѣ барабановъ, вломились въ Кремль, подошли къ самымъ комнатамъ царскимъ и требовали, чтобы имъ выдали боярина Матвѣева и Нарышкиныхъ, убійцъ Іоанна! Напрасно больной и слабый царевичъ самъ выходитъ къ нимъ и увѣряетъ, что никто не думалъ лишать его жизни: безумцы уже успѣли убить добродѣтельнаго боярина Матвѣева, доктора фонъ-Гадена и начальника стрѣлецкаго приказа князя Долгорукова. Видъ царевича, почитаемаго убитымъ, остановилъ на нѣсколько минутъ злодѣевъ, но потомъ, какъ будто пожалѣвъ объ этихъ потерянныхъ минутахъ, они вскричали: «Хотя и живъ царевичъ теперь, но впередъ можетъ быть умерщвленъ отъ Нарышкиныхъ!» —бросились доканчивать свои убійства, продолжавшіяся нѣсколько дней. Главными жертвами послѣ трехъ первыхъ были: два брата царицы *Аѳонасій* и *Иванъ Нарышкины*, князья *Ромодановскіе* и *Черкасскій*, бояре *Языковъ* и *Салтыковъ*, всего же 67 человѣкъ.

18-го мая, когда уже не оставалось въ живыхъ ни одного изъ тѣхъ несчастныхъ, чьи имена записаны были въ роз-

данныхъ спискахъ, убійцы съ радостными криками: *«да здравствуетъ царь Іоаннъ и царевна Софія»* прибѣжали во дворецъ. Благородный, великодушный Іоаннъ и здѣсь показалъ себя достойнымъ сыномъ Алексѣя: онъ съ твердостію объявилъ и самовластной сестрѣ своей, и дерзкимъ бунтовщикамъ, что, помня послѣднюю волю старшаго брата, онъ не будетъ царствовать безъ назначеннаго имъ наслѣдника—Петра. Стрѣльцы должны были согласиться на это непремѣнное требованіе царевича, Софія также. Царевна дала это согласіе охотно: оно вовсе не казалось ей опаснымъ, потому что хитрый умъ ея обнадеживалъ ее при малѣйшемъ участіи въ правленіи завладѣть всѣмъ царствомъ. А въ такомъ случаѣ, что ей до того, кого народъ будетъ почитать царемъ своимъ, — она увѣрена была, что самодержавною царицею будетъ она сама!

Такъ и случилось! Больной Іоаннъ не могъ заниматься никакими дѣлами, маленькій Петръ, при всѣхъ необыкновенныхъ способностяхъ своихъ, все-таки былъ еще ребенокъ, котораго наблюдательный умъ и пылкую живость можно было занять часами ученья и остроумными играми. Царица Наталія Кирилловна уже не была правительницею государства, но только огорченною женщиною, которая безпрестанно то оплакивала несчастіе отца и братьевъ своихъ, то страшилась за драгоцѣнную жизнь сына: она не могла уже дѣйствовать противъ враговъ его: вся твердость ея исчезла въ страданіяхъ! Итакъ, кого же могла бояться гордая Софія? Совершенно никого, и доказательствомъ служитъ то, что чрезъ три недѣли послѣ бунта она короновала обоихъ царей-братьевъ, а себѣ предоставила только имя правительницы, и съ этимъ именемъ всю власть государей! Любимцы ея тотчасъ заняли важнѣйшія должности: главному изъ нихъ, князю Василью Васильевичу Голицыну поручено было управленіе государственными дѣлами, двумъ князьямъ Хованскимъ, отцу и сыну, начальство надъ стрѣльцами.

Привязанность Хованскихъ къ раскольничеству и воля, которую они давали и безъ того своевольнымъ стрѣльцамъ, были причиною новыхъ бунтовъ этого дерзкаго войска. Сначала они помогали одному разстриженному священнику—

староверу Никитѣ, который, шатаясь по улицамъ, училъ простой народъ проклинать новую вѣру и держаться старой. Потомъ, когда Никита получилъ достойное наказаніе за дѣла свои, да и на князей Хованскихъ сдѣланъ былъ такой доносъ, что сама царевна-правительница почла ихъ измѣнниками и приказала казнить, стрѣльцы вмѣстѣ съ младшимъ сыномъ старика Хованскаго отмстили за любимцевъ своихъ: съ обыкновенною имъ дерзостію они разграбили оружейную, разставили вездѣ свою стражу и дѣлали въ Москвѣ что хотѣли, потому что правительница со всѣмъ дворомъ удалилась еще при началѣ бунта въ Троицкій монастырь.

При первомъ извѣстіи объ опасности царей монастырь окруженъ былъ защитниками ихъ, полками окрестныхъ областей и людьми всякаго званія. Они просили у двора позволенія идти въ Москву и истребить всѣхъ стрѣльцовъ. Но какъ скоро стрѣльцы узнали объ этомъ, храбрость ихъ исчезла и они думали уже не о томъ, чтобы отмщать за Хованскихъ, но о томъ, какъ бы умилостивить дворъ. И что же они сдѣлали? Около 3,000 изъ нихъ причастились Св. Тайнъ, простились съ женами и дѣтьми и отправлялись въ монастырь къ наказанію. Въ знакъ покорности несли они плахи и топоры для казни своей. Царевна Софія, какъ всегдашняя покровительница ихъ, употребила всю свою властъ на царей—безъ согласія которыхъ она не могла обойтись въ этомъ случаѣ—чтобы выпросить у нихъ прощеніе любимцамъ своимъ, и, разумѣется, успѣла въ томъ: изъ 3,000 казнили только самыхъ виновныхъ—тридцать человѣкъ.

Любопытно описывали современники торжественный въѣздъ царскаго семейства въ Москву послѣ этого бунта. Младшій царь былъ уже тогда тринадцати лѣтъ. По росту его, необыкновенно высокому, онъ казался нѣсколькими годами старѣе. Никогда различіе царственныхъ братьевъ не было такъ замѣтно, какъ при этомъ случаѣ. Въ то время, какъ слабый и блѣдный Іоаннъ равнодушно смотрѣлъ на безчисленныя толпы народныя и на безоружные ряды стрѣльцовъ, смиренно стоявшихъ по обѣимъ сторонамъ дороги и громко благодарившихъ государей за свое помило-

ваніе, привлекательное, цвѣтущее здоровьемъ лицо Петра живо показывало волненіе души его и взоры безпрестанно выражали какое нибудь новое чувство: то грозно сверкали они пылкимъ негодованіемъ, то тихо сіяли кротостію къ самимъ преступникамъ, то привѣтливо горѣли любовью къ народу.

Впрочемъ, участіе его въ правленіи все еще не было замѣтно: Софія все еще управляла одна, и надобно сказать правду, что во многихъ случаяхъ распоряженія ея заслуживали похвалу и одобреніе. Такъ умѣла она вести искусные переговоры и сохранить миръ съ крымцами, съ молдавскимъ господаремъ и калмыцкимъ ханомъ; такъ умѣла избѣгать войны съ Швеціею и наконецъ такъ умѣла заключить важный союзъ съ Польшею и Австріею. Этотъ союзъ былъ противъ Турціи. Давно уже старались о немъ король польскій Іоаннъ Собѣсскій и австрійскій императоръ Леопольдъ. Сила и дерзкое самовластіе турокъ устрашили этихъ двухъ государей; имъ казалось, что только общая война и помощь сосѣднихъ царствъ можетъ остановить быстрые успѣхи магометанъ. Русскіе представляли самую близкую и самую надежную помощь въ такомъ случаѣ, и вотъ въ 1684 году императоръ и король отправили пословъ своихъ въ Москву. Правительница со всею азіатскою пышностію встрѣтила и угощала знаменитое посольство, но не прежде согласилась на предложеніе его, какъ въ 1686 году, когда уже и папа римскій, и король шведскій, и курфирстъ саксонскій, и господарь молдавскій соединили свои просьбы съ просьбами поляковъ и австрійцевъ, и когда Іоаннъ Собѣсскій отказался навсегда отъ своихъ требованій на Смоленскъ и Кіевъ, и на всѣ области, присоединенныя къ Россіи по Андрусовскому перемирію.

Восхищаясь выгодами заключеннаго союза, Софія щедро наградила бояръ, которые участвовали въ переговорахъ. Главнымъ лицомъ, по обыкновенію, былъ тутъ князь Василій Голицынъ. Разумѣется, что онъ получилъ и главныя награды: золотую чашу въ 9 фунтовъ, кафтанъ въ пятьсотъ рублей и въ окрестностяхъ Нижняго-Новгорода волость Богородицкую въ 3,000 дворовъ! Вы можете судить

теперь, какъ высоко цѣнила царевна заслуги любимца своего!

Нельзя было бы осуждать ее, еслибы она цѣнила эти заслуги тогда, когда онѣ, точно, приносили пользу отечеству, какъ случилось на тотъ разъ, но она осыпала Голицына своими милостями даже и тогда, когда онъ вовсе не заслуживалъ того. Такъ было вскорѣ послѣ заключенія знаменитаго союза. Союзники положили тѣснить турокъ съ трехъ сторонъ: польскими силами при Бѣлградѣ, австрійскими—въ Венгріи и Трансильваніи, а русскимъ поручено было завладѣть Крымскимъ полуостровомъ, котораго ханъ былъ вѣрнымъ союзникомъ турокъ. Два раза войско наше ходило въ Крымъ, и, по желанію правительницы, всегда подъ начальствомъ князя Голицына. Всякій разъ возвращалось оно оттуда не только безъ всякой пользы, но даже съ большими потерями, и всякій разъ получало богатые подарки. Кромѣ деревень и денегъ, слишкомъ щедро розданныхъ тогда начальникамъ полковъ, царевна пожаловала имъ и всѣмъ офицерамъ—золотыя, а простымъ солдатамъ—серебряныя медали. Медаль Голицына была сдѣлана изъ 300 червонцевъ, осыпана бриллiантами и висѣла на золотой цѣпи.

Раздать такъ много милостей людямъ, не заслуживающимъ ихъ, нельзя было безъ цѣли! Софія имѣла эту цѣль: ей нужно было для новыхъ замысловъ привязать къ себѣ все войско и быть увѣренной въ его усердіи и преданности.

На слѣдующихъ страницахъ вы увидите, милые друзья мои, какъ ужасны были эти замыслы и какъ чудесно Богъ обратилъ ихъ къ славѣ Петра и къ стыду недостойной сестры его!

ПЕТРЪ, ЕДИНОДЕРЖАВНЫЙ ОБЛАДАТЕЛЬ РОССІИ.

1689 годъ.

Отчего вы задумались, маленькіе друзья мои? Что вы такъ невесело смотрите на 1689 годъ? Вамъ жаль, что Петру уже семнадцать лѣтъ, а вы ничего не слышали о томъ, что̀ было съ нимъ во все то время, какъ Софія такъ самовластно управляла царствомъ его? Ваше сожалѣніе очень справедливо: ничье дѣтство не было такъ любопытно, такъ прекрасно и блистательно, какъ дѣтство Петра! Итакъ, развеселитесь, милые читатели мои! Прежде разсказа о томъ, что̀ снова замышляетъ хитрая и властолюбивая царевна, и какъ избавился отъ нея семнадцатилѣтній Петръ, вы узнаете все, что есть въ исторіи любопытнаго о его дѣтствѣ и первой молодости. Слушайте же.

Вы помните, что еще на третьемъ году своего возраста Петръ имѣлъ маленькихъ товарищей, съ которыми любилъ играть въ солдаты. Пріятно было смотрѣть на малютокъ, какъ они, со всею точностію настоящихъ солдатъ, помнили весь порядокъ команды и, съ почтеніемъ слушая своего маленькаго командира, скоро и ловко исполняли его приказанія. Впослѣдствіи число ихъ увеличилось и какъ они обыкновенно жили въ Потѣшномъ Преображенскомъ дворцѣ, то и ихъ называли *потѣшными*. А можетъ быть это имя произошло и оттого, что они составляли увеселеніе, или—какъ тогда называли—*потѣху* Петра.

Но это увеселеніе вскорѣ сдѣлалось гораздо важнѣе, и вотъ по какой причинѣ: въ числѣ иностранцевъ, служившихъ въ Россіи при царяхъ Алексѣѣ Михайловичѣ и Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, былъ одинъ женевскій дворянинъ, *Лефортъ*. Съ красивою наружностію въ немъ соединялись и прекрасныя качества души. Особенно отличался онъ своею храбростію, праводушіемъ и привязанностію къ странѣ, ласково принявшей его въ число сыновъ своихъ. Онъ любилъ Россію, какъ свое отечество, и зналъ очень хорошо русскій языкъ. Все это обратило на него особенное вни-

маніе десятилѣтняго государя. Дружество, существовавшее впослѣдствіи между имъ и Лефортомъ, началось съ голландскаго языка. Петръ просилъ образованнаго женевца научить его по-голландски. Уроки начались, и съ того времени не было для Петра пріятнѣйшаго препровожденія времени, какъ разговаривать съ новымъ любимцемъ своимъ. Лефорту было чѣмъ занимать любопытнаго ребенка, было что разсказывать! Онъ такъ много странствовалъ по разнымъ государствамъ, такъ много видѣлъ на свѣтѣ и хорошаго, и дурного, что въ разговорахъ съ нимъ Петръ могъ безпрестанно узнавать что нибудь новое и полезное. Лефортъ замѣтилъ, что маленькому слушателю болѣе всего нравились разсказы его объ иностранныхъ войскахъ и о томъ устройствѣ, до котораго они были уже доведены въ Европѣ. Не было конца разспросамъ о ихъ вооруженіи, одеждѣ, ученьи. Любопытный царь хотѣлъ знать малѣйшія о нихъ подробности. Вотъ Лефортъ, чтобы удовлетворить желаніе его въ полной мѣрѣ и удивить пріятною нечаянностію, выбралъ пятьдесятъ человѣкъ потѣшныхъ, одѣлъ, вооружилъ и обучилъ ихъ совершенно по-европейски, и въ одно утро привелъ всѣхъ ко дворцу. Двѣнадцатилѣтній Петръ былъ въ восхищеніи, увидѣвъ предъ глазами своими то, о чемъ прежде такъ много слышалъ въ разсказахъ: едва узнавая товарищей своихъ въ новыхъ мундирахъ, онъ то перебѣгалъ отъ одного изъ нихъ къ другому, то бралъ палочки изъ рукъ барабанщика и учился самъ барабанить, то обнималъ и цѣловалъ Лефорта, такъ искусно умѣвшаго угодить ему! Онъ сдѣлалъ его командиромъ новой роты, а самъ, чтобы изучить въ совершенствѣ военное искусство, записалъ себя въ эту роту простымъ солдатомъ! И не подумайте, чтобы онъ сдѣлалъ это для одного удовольствія своего, не имѣя намѣренія исполнять обязанностей новаго званія. Нѣтъ, напротивъ того, не было солдата усерднѣе и исправнѣе его. Онъ не только что спалъ въ общей палаткѣ солдатъ, обѣдалъ за однимъ столомъ съ ними и носилъ одинакую одежду, но даже стоялъ по очереди на караулѣ и отправлялъ всѣ солдатскія работы; напримѣръ, онъ возилъ землю къ строившейся крѣпости; онъ самъ сдѣлалъ ту тележку, на которой

возилъ эту землю. Однимъ словомъ, онъ хотѣлъ собственнымъ опытомъ узнать всѣ трудности военной службы, удостовѣриться въ возможности переносить ихъ и показать своимъ подданнымъ примѣръ повиновенія къ начальству. Такой примѣръ былъ чрезвычайно нуженъ для нихъ: духъ мѣстничества еще не совсѣмъ истребился и многіе изъ бояръ еще любили величаться старѣйшинствомъ или родомъ и неохотно вступали въ службу. Теперь же могли ли они не перемѣнить образъ мыслей, когда видѣли, что самъ государь служилъ простымъ солдатомъ, и въ этомъ званіи безъ всякихъ противорѣчій исполнялъ приказанія своего начальника? Вотъ первое великое дѣло Петра, милые читатели! Его служба рядовымъ въ ротѣ потѣшныхъ доказала самымъ надменнымъ приверженцамъ старинныхъ предразсудковъ о породѣ, что не знаменитые предки, но собственныя заслуги составляютъ достоинства человѣка. Съ тѣхъ поръ, какъ царственный воинъ-дитя съ восторгомъ и почтительною благодарностію принялъ отъ начальника роты, за отличную службу свою, чинъ *сержанта*, умолкли навсегда смѣшные споры о знатности предковъ и всѣ увѣрились въ необходимости лично заслуживать тѣ достоинства, которыми хотѣли гордиться. Многіе начали записывать дѣтей своихъ въ потѣшные и число ихъ вскорѣ такъ увеличилось, что уже не могло помѣщаться въ селѣ Преображенскомъ и надобно было часть изъ нихъ перевесть въ ближнее оттуда увеселительное село царское, *Семеновское*. Вотъ эти-то потѣшные: преображенскіе и семеновскіе, составили впослѣдствіи тѣ два гвардейскіе полка наши, которые до сихъ поръ носятъ эти знаменитыя имена.

Безпрестанно занимаясь ими и находя первое удовольствіе въ этомъ занятіи, Петръ менѣе и менѣе заботился о томъ, что честолюбивая сестра отнимала у него всю царскую власть его. Онъ даже рѣдко ѣздилъ въ Москву: Преображенское было любимымъ мѣстомъ его, гдѣ онъ жилъ почти не выѣзжая. Кромѣ службы съ потѣшными, у него было много другихъ занятій и потому не удивительно, что онъ не догадывался о намѣреніяхъ Софіи. Каждый день нѣсколько часовъ проводилъ онъ за военно-математическими науками. Учитель его въ этомъ предметѣ былъ одинъ ис-

кусный артиллерійскій поручикъ *Францъ Тиммерманъ*, лично самимъ имъ выбранный изъ офицеровъ пушечнаго двора. Здѣсь кстати замѣтить, что Петру послѣ коронованія его уже не давали настоящихъ учителей: у предковъ нашихъ не было обыкновенія, чтобы коронованный государь продолжалъ ученье.

Съ радостію видѣла Софія, что маленькій царь думалъ объ этомъ совсѣмъ иначе и безпрестанно переходилъ отъ одного урока къ другому. Она явно и тайно благопріятствовала его занятіямъ, замѣчая, что они отвлекали его отъ всякаго участія въ правленіи. Къ тому же и потѣшные, и математика, и строеніе небольшихъ крѣпостей, и примѣрныя сраженія предъ ними,—все это казалось Софіи однѣми забавами меньшого брата ея, забавами, вовсе не опасными для умной правительницы!

Но какъ же ошиблась гордая царевна! Посреди этихъ мирныхъ забавъ возрасталъ могущественный Преобразователь Россіи, развивался необыкновенный умъ его. Въ четырнадцать лѣтъ онъ уже показывалъ боярамъ своимъ недостатки прежняго *ратнаго устава*, гдѣ особенно недоволенъ былъ излишними словами въ командѣ.—Послушайте,—говорилъ умный молодой царь окружавшимъ его,—можно ли офицеру скоро скомандовать все это: «*Подыми мушкетъ ко рту, содми съ полки, возми пороховой зарядецъ, опусти мушкетъ книзу, посыпь порохъ на полку, поколоти немного о мушкетъ, закрой полку, стряхни, содми, положи пульку въ мушкетъ, положи пыжъ на пульку, вынь забойникъ, добей пульку и пыжъ до пороху, приложися, стрѣляй!*» Не лучше ли, — продолжалъ Петръ, — вмѣсто всего этого сказать: *Слушай! заряди мушкетъ! прикладывайся! стрѣляй!*» Сначала бояре, защищая прежній порядокъ, не вѣрили, чтобы можно было хорошо понять и исполнить это короткое приказаніе, но когда Петръ скомандовалъ при нихъ и солдаты такъ же исправно все сдѣлали, какъ и прежде, упрямые приверженцы стараго порядка должны были согласиться, что замѣчанія молодого царя были въ полной мѣрѣ справедливы.

Военное искусство не было единственнымъ предметомъ вниманія Петра; съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ это вниманіе

обращалось на все. Съ удивленіемъ надо было слушать, какъ, двѣнадцати лѣтъ, онъ разговаривалъ съ патріархомъ о вѣрѣ и ея торжественныхъ обрядахъ. Съ удивленіемъ надо было видѣть, какъ онъ, въ этомъ же возрастѣ, разсматривая библіотеку патріарха, сердился на него за безпорядокъ, найденный въ ней, и поручилъ устроить ее своему бывшему учителю Зотову. Почти въ то же время искусною хитростію онъ отучилъ бояръ отъ пристрастія къ охотѣ и, представивъ имъ, какъ смѣшно такое безполезное употребленіе времени, записалъ большую часть людей, служившихъ на сокольничьемъ дворѣ, въ ряды своихъ потѣшныхъ.

Но, не смотря на множество такихъ случаевъ, ясно показывавшихъ удивительныя способности младшаго царя, гордая царевна, ослѣпленная властолюбіемъ, вовсе не замѣчала того и продолжала нераздѣльно управлять государствомъ даже и тогда, когда Петру исполнилось семнадцать лѣтъ и онъ, по желанію царицы-матери своей, уже избралъ себѣ супругу. И въ это время Софія называла себя во всѣхъ указахъ *Самодержицею Россіи,* изображала портретъ свой въ коронѣ и порфирѣ на всѣхъ монетахъ и медаляхъ, даже хотѣла представлять лицо государыни и тогда, когда въ большіе праздники семейство царское торжественно показывалось народу. Но семнадцатилѣтній Петръ, чувствуя права свои, началъ противиться этой самовластной волѣ и во время крестнаго хода изъ Успенскаго собора въ соборъ Казанскій, 8-го іюля 1689 года, рѣшительно объявилъ, что сестра его должна быть въ церкви только какъ царевна, а не какъ правительница и государыня. Софія не обратила никакого вниманія на слова брата и пошла, какъ и всегда, рядомъ съ обоими царями.

Такая гордость, такая дерзкая неуступчивость вывели, наконецъ, Петра изъ терпѣнія: не желая въ глазахъ всего народа покориться прихоти своенравной женщины, онъ въ ту же минуту вышелъ изъ церкви и уѣхалъ въ Преображенское вмѣстѣ съ матерью, супругою и своими приближенными.

Софія встревожилась: въ первый разъ она видѣла гнѣвъ Петра и испугалась слѣдствій его! Одна мысль потерять власть свою была для нея ужасна! Она готова была на

все, чтобы только удержать ее. Къ тому же, гордая душа ея никого не любила: она могла жертвовать обоими братьями! Но старшій не былъ опасенъ: надобно было избавиться только отъ младшаго. Вообразите же, друзья мои, она рѣшилась на это! Главнымъ помощникомъ ея въ этомъ ужасномъ дѣлѣ былъ начальникъ стрѣльцовъ Шакловитый, заступившій мѣсто старика Хованскаго, и съ нимъ восемь стрѣлецкихъ полковниковъ. Эти злодѣи, такъ же какъ и Милославскій, воспользовались легковѣріемъ и безпокойнымъ нравомъ стрѣльцовъ и снова обманули ихъ несправедливыми слухами. Они увѣрили ихъ, что царь, вводя нѣмецкіе обычаи и нѣмецкое войско, хочетъ перемѣнить вѣру и возстать на брата своего Іоанна. Услышавъ такія вѣсти, дерзкіе стрѣльцы, незадолго передъ тѣмъ осыпанные милостями царевны за второй безполезный походъ въ Крымъ, готовы были, для угожденія ей, рѣшиться на ужасное злодѣяніе: умертвить Петра и всѣхъ его приверженцевъ. Въ ту же ночь назначено было идти для того въ Преображенское.

Но Богъ чудесно показалъ милость свою къ герою русскому! Въ то самое время когда стрѣльцы-заговорщики толковали объ ужасномъ намѣреніи своемъ, въ толпѣ ихъ нашлись два человѣка—*Михаилъ Ѳеоктистовъ* и *Димитрій Мельновъ*—еще не совершенно забывшіе, что есть на небесахъ Господь, наказывающій преступленія: имъ страшно стало быть участниками злодѣевъ и они полетѣли въ Преображенское упасть къ ногамъ царя и открыть ему заговоръ.

Петръ ласково и съ благодарностію принялъ раскаявшихся преступниковъ и въ тотъ же часъ уѣхалъ со всѣмъ семействомъ своимъ въ Троицо-Сергіевскій монастырь. Между тѣмъ, чрезъ нѣсколько часовъ послѣ отъѣзда его, пріѣзжаетъ въ Преображенское Шакловитый. О! сколько злобы, досады и страха почувствовалъ онъ, увидѣвъ, что жертва ускользнула отъ него! Уныло возвратился онъ въ Москву; какъ убитый явился къ Софіи. Царевна ужаснулась, услышавъ разсказъ его: ей казалось, что спасеніе Петра куплено цѣною ея собственной гибели! Въ тоскѣ отчаянія, въ предчувствіи судьбы своей, она не знала на чтò рѣшиться!

То уговаривала стрѣльцовъ довершить заговоръ Шакловитаго—общимъ возстаніемъ, то клеветала на Петра старшему брату, то просила совѣтовъ у князя Голицына, то снова отвергала ихъ! Нигдѣ не было успѣха: стрѣльцы не хотѣли болѣе слышать о мятежѣ и безъ всякаго сопротивленія выдали Петру всѣхъ сообщниковъ заговора и самого Шакловитаго. Царь Іоаннъ такъ любилъ и уважалъ брата, что не могъ повѣрить десятой части разсказовъ царевны, а Голицынъ никогда не одобрялъ замысловъ Софіи на жизнь брата, но совѣтывалъ ей скорѣе уѣхать въ Польшу. Между тѣмъ какъ виновная правительница находилась въ такой мучительной нерѣшительности, въ монастырѣ Троицкомъ дѣлали розыскъ о заговорѣ и назначенные Петромъ бояре уже открыли во всей подробности преступленіе Софіи и ея сообщниковъ. Главные изъ нихъ, вмѣстѣ съ Шакловитымъ, были наказаны смертію; другимъ отрѣзали языки, остальныхъ сослали въ Сибирь. Наказывая ихъ, Петръ все еще медлилъ наказать Софію; все еще уважалъ въ ней дочь отца своего! Софія хотѣла воспользоваться его великодушіемъ и послѣ потери усердныхъ помощниковъ, уже не имѣя надежды погубить великаго брата своего, начала стараться о примиреніи съ нимъ. Для этого она просила тетку свою, царевну Татьяну Михайловну, и сестеръ Маѳу и Марію съѣздить въ монастырь Сергіевскій и увѣрить Петра, что стрѣльцы оклеветали ее. Царь увидѣлъ въ этомъ поступкѣ только новую хитрость сестры своей и показалъ тремъ царевнамъ такія ясныя доказательства вины ея, что онѣ всѣ не хотѣли возвратиться въ Москву и остались въ монастырѣ. Вслѣдъ за этимъ неудачнымъ посольствомъ Софія отправила къ брату патріарха Іоакима, который, узнавъ подробно о преступленіяхъ правительницы, послѣдовалъ примѣру сестеръ ея и отказался просить за нее царя. Царевна не пришла въ уныніе и на этотъ разъ и поѣхала сама видѣться съ братомъ, но Петръ отказалъ ей въ томъ и, видя ея желаніе оправдаться и воспользоваться прежнею властію, поспѣшилъ рѣшить судьбу ея: она лишена была званія правительницы и пострижена въ монахини[1]). Князь Василій

[1]) Софія Алексѣевна пострижена была подъ именемъ *Сусанны,* въ

Голицынъ и сынъ его лишены боярскаго достоинства и посланы въ вѣчную ссылку.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ совершеннаго окончанія дѣла о заговорщикахъ Петръ имѣлъ торжественный въѣздъ въ Москву въ сопровожденіи войска, явившагося для защиты его въ монастырь Троицкій. Это войско состояло изъ потѣшныхъ, изъ регулярнаго отряда подъ начальствомъ генерала Гордона и тѣхъ стрѣлецкихъ полковъ, которые оставались вѣрными царю. Кромѣ того, множество народа шло вмѣстѣ съ войскомъ: всякому хотѣлось видѣть свиданіе обоихъ царей послѣ такого важнаго переворота въ правленіи, тѣмъ болѣе, что мятежники увѣряли всѣхъ, что царственные братья въ ссорѣ между собою. Но какъ же удивились всѣ, когда, подходя къ дворцу, увидѣли на крыльцѣ Іоанна, вышедшаго на встрѣчу брату! Съ непритворною радостію государи обнялись; ихъ не раздѣляли болѣе хитрости честолюбивой сестры. Въ тотъ же день старшій царь объявилъ народу, что онъ отказывается отъ участія въ правленіи и уступаетъ свою власть младшему брату своему, болѣе его способному составить счастіе подданныхъ. Петръ согласился на непремѣнное желаніе великодушнаго брата, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы Іоаннъ предсѣдательствовалъ въ Думѣ боярской и чтобы имя старшаго брата во всѣхъ государственныхъ бумагахъ было выше имени младшаго.

Вотъ начало настоящаго царствованія Петра, милые читатели! Теперь вы услышите самые любопытные разсказы о дѣлахъ его.

московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Здѣсь провела она около 16-ти лѣтъ и скончалась въ іюлѣ 1075 года.

НАЧАЛО РУССКАГО ФЛОТА И ПЕРВАЯ ПОБѢДА ПЕТРА.

отъ 1689 до 1697 года.

(8 лѣтъ).

Изъ описанія дѣтскихъ игръ Петра и его потѣшныхъ вы уже видѣли начало сухопутнаго войска его. Хотите ли знать теперь, какъ образовались морскія силы нашего царя-героя? Можно сказать, что каждая игрушка показывала его стремленіе къ великимъ дѣламъ. Вы узнаете это изъ слѣдующаго разсказа.

Петръ осматривалъ однажды въ селѣ Измайловскомъ старыя вещи, оставшіяся въ домѣ прапрадѣда его Никиты Ивановича Романова. Вдругъ замѣчаетъ онъ между ними какую-то брошенную безъ употребленія лодку, вовсе не похожую на тѣ, какія дѣлались тогда въ Россіи. Съ нимъ былъ въ это время учитель его Францъ Тиммерманъ. Любопытный царь спрашиваетъ его, что это за лодка, и съ удивленіемъ узнаетъ, что это англійскій ботъ, употребляемый на морѣ, при корабляхъ, и что на немъ можно ѣздить на парусахъ по вѣтру и противъ вѣтра. Это была новость, еще никогда невиданная Петромъ. Сколько занимательности она представила ему! Нетерпѣливый царь хотѣлъ въ ту же минуту пуститься на немъ по Яузѣ, но ботъ былъ почти въ совершенномъ разрушеніи. Надобно было прежде исправить его, и тотчасъ приказано искать плотника. Къ счастію, нашли того самаго голландца Брандта, который строилъ этотъ ботъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Онъ починилъ, оснастилъ, спустилъ его на воду и нѣсколько времени ѣздилъ предъ глазами государя, стоявшаго на берегу. Насмотрѣвшись довольно на лавированіе мастера, Петръ самъ сѣлъ вмѣстѣ съ Брандтомъ и началъ управлять ботикомъ. Съ перваго же раза новое дѣло пошло такъ хорошо, что плаваніе на ботикѣ сдѣлалось тогда же одною изъ любимыхъ забавъ молодого государя. Здѣсь, къ славѣ Петра, надобно сказать вамъ, милые читатели, еще то, что онъ въ дѣтствѣ боялся воды и что ему стоило большихъ трудовъ преодолѣвать этотъ природный страхъ.

Но чего не сдѣлаетъ человѣкъ съ твердою волею и истиннымъ желаніемъ успѣха? Въ короткое время въ Петрѣ не осталось ни малѣйшихъ слѣдовъ прежняго страха. Рѣки Яуза и Москва скоро показались малы для молодого царя, и небольшія поѣздки водою до села Коломенскаго уже не удовлетворяли страсти его къ мореплаванію. Въ 1691 году выписаны были новые мастера изъ Голландіи и построена корабельная верфь на озерѣ Переяславскомъ [1]). Главный мастеръ Арріенъ Меетье долженъ былъ заложить двѣ одинаковой величины яхты: одну для себя, другую—подивитесь, милые читатели,—другую для самого Петра! Да, друзья мои, Петръ, прошедшій всѣ нижніе чины сухопутной военной службы, хотѣлъ съ такою же точностію узнать и морскую! Еще болѣе, онъ хотѣлъ имѣть совершенное понятіе не только о томъ, какъ надобно служить на кораблѣ, но даже и о томъ, какъ надобно строить корабль. Вотъ два мастера принялись за работу: старшій, Арріенъ—объяснялъ правила постройки и на опытѣ показывалъ ихъ младшему—Петру. Собственными руками исполнилъ онъ все показанное ему, собственными руками клалъ каждую доску, вколачивалъ каждый гвоздь и такимъ образомъ спустилась на воды Переяславскаго озера *первая* яхта русская! Она была *первою* потому, что царственный ученикъ опередилъ учителя и окончилъ работу свою прежде, нежели окончена была яхта Арріенова. 1-го мая 1692 года царь, восхищенный произведеніемъ своимъ, началъ прогулки по озеру, а когда новый флотъ состоялъ уже изъ пяти судовъ, эти прогулки перестали быть простымъ катаньемъ двора, но представляли морское ученье и часто даже примѣрныя сраженія. Царица Наталія неохотно смотрѣла на такія увеселенія: нѣжная мать боялась новыхъ опасностей, какимъ подвергалъ себя Петръ, и старалась отвлекать его отъ моря, кораблестроенія и вообще отъ многихъ нововведеній, ненравившихся большей части его подданныхъ. Великій былъ всегда послушнымъ сыномъ и до самой смерти родительницы своей, случившейся въ 1694 году и жестоко

---

[1]) Это озеро называется также *Клешнинскимъ* и находится въ Владимірской губерніи. Оно имѣетъ въ длину 8, а въ ширину 7 верстъ.

поразившей его [1]), не предавался всей силѣ своего генія и не могъ доводить до совершенства своихъ обширныхъ намѣреній.

Послѣ кончины Наталіи въ дѣйствіяхъ его примѣтно болѣе свободы. Не боясь огорчать нѣжность ея, онъ съ каждымъ годомъ смѣлѣе предавался страсти своей къ мореходству и въ маѣ 1694 года уже ѣздилъ въ Соловецкій монастырь, а этотъ монастырь построенъ на островѣ Соловкахъ, лежащемъ на Бѣломъ морѣ! Стало быть въ то время это было важное морское путешествіе. Оно соединялось съ большими опасностями, и смѣлый Петръ едва не сдѣлался жертвою ихъ. На дорогѣ къ монастырю застигла его такая сильная буря, что всѣ находившіеся съ нимъ люди потеряли надежду спастись и даже самъ онъ уже приготовился къ смерти и, причастившись Св. Таинъ, безъ страха ожидалъ минуты гибели. Но Богъ спасъ Своего избраннаго. Русскій кормщикъ изъ простыхъ крестьянъ одинъ не потерялъ бодрости: счастливо провелъ онъ царскую яхту посреди подводныхъ камней и присталъ къ берегу. Мы, русскіе, такъ много обязаны этому искусному кормщику, что непремѣнно должны знать его имя: его называли *Антипъ Пановъ*. Петръ, въ знакъ благодарности къ Богу за свое спасеніе, поставилъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ вышелъ на берегъ, деревянный, сдѣланный собственными руками крестъ, на которомъ вырѣзалъ слѣдующую надпись на голландскомъ языкѣ: «Dat kruys maken Captein Piter, van A. Cht. 1694» [2]).

Не смотря на опасность путешествій по Бѣлому морю, царь три года сряду возобновлялъ ихъ. Знакомство съ иностранцами, и особенно съ голландскими купцами, которыхъ всегда было много въ Архангельскѣ, и разговоры съ корабельщиками увеличивали морскія познанія его; самыя путешествія, дѣлаемыя обыкновенно до Вологды сухимъ путемъ,

---

[1]) Горесть Петра о кончинѣ матери трогательно выражается въ письмѣ его къ тогдашнему архангельскому воеводѣ Өеодору Апраксину. Это письмо начинается такъ: «*Бѣду свою и послѣднюю печаль глухо объявляю, о которой подробно писать рука моя не можетъ, купно же и сердце*».

[2]) Этотъ крестъ сдѣланъ капитаномъ Петромъ въ 1694 году.

а оттуда водою, доставляли ему новые опыты. Въ 1695 году уже заложена была вторая корабельная верфь въ городѣ Воронежѣ, но прежде нежели готовы были суда, на ней строившіяся, Петръ занялся другимъ важнымъ предпріятіемъ.

Я уже говорила вамъ, дѣти, о союзѣ, заключенномъ противъ Турціи царевною Софіею съ австрійскимъ императоромъ и королемъ польскимъ. Вы помните также и о тѣхъ двухъ походахъ въ Крымъ, за которые правительница съ несправедливою щедростію наградила любимца своего, князя Голицына, и все войско, ходившее съ нимъ. Это было почти первою причиною неудовольствій Петра на самовластіе и дурное правленіе сестры. Ему досадно было узнать, что русскіе могли съ такимъ безславіемъ воевать съ татарами, уже боявшимися ихъ; еще досаднѣе было видѣть, что за это самое безславіе ихъ наградили какъ самыхъ храбрыхъ воиновъ! Эта досада скрывалась въ сердцѣ его, пока Софія была повелительницею Россіи; но какъ скоро власть ея кончилась, Петръ началъ заботиться о томъ, чтобы заставить позабыть неудачи русскаго войска въ Крымѣ, тѣмъ болѣе, что онѣ могли внушать Турціи невыгодное мнѣніе о силахъ нашихъ и придавали татарамъ смѣлость дѣлать набѣги на наши владѣнія. Но Петръ, не смотря на всю свою молодость, былъ остороженъ и благоразуменъ, какъ человѣкъ совершенныхъ лѣтъ, и потому намѣреніе его продолжать начатую войну съ Турціей не было извѣстно до тѣхъ поръ, пока полки русскіе, обученные по-европейски, не привыкли къ новому устройству, обѣщавшему болѣе успѣха въ сраженіяхъ съ войскомъ необразованнымъ. Итакъ, не прежде какъ въ 1695 году молодой царь объявилъ народу, что для безопасности государства надобно отнять у турокъ городъ *Азовъ*, въ которомъ они построили важную крѣпость, чтобы помогать татарамъ дѣлать набѣги на русскія области и укрывать ихъ отъ преслѣдованій.

Многіе изъ читателей моихъ, вѣрно, знаютъ изъ географіи, что эта Азовская крѣпость и теперь существуетъ еще въ Екатеринославской губерніи, на берегу рѣки Дона, въ 30 верстахъ отъ Азовскаго моря. Но въ ней едва примѣтны

теперь слѣды знаменитаго города Азова, который извѣстенъ былъ еще въ одиннадцатомъ вѣкѣ. Тогда онъ принадлежалъ половцамъ, часто побѣждаемымъ нашими предками. Въ XIII вѣкѣ завладѣли имъ генуэзцы и называли его *Тана*, потому что до нашествія половцевъ на мѣстѣ Азова былъ городъ *Танаисъ*, построенный греками около Р. Х. Надобно думать, что этотъ же самый Танаисъ половцы назвали *Азовомъ*, потому что *Азупъ* было имя одного изъ князей ихъ. *Танаисъ*, *Тана* или *Азовъ* славился своею торговлею и богатствомъ, но генуэзцы недолго владѣли имъ; въ 1392 году онъ отнятъ былъ у нихъ ханомъ *Темиръ-Аксакомъ*. Судьба Азова была чрезвычайно непостоянна: въ 1453 году завоевалъ его отъ крымцевъ турецкій султанъ Магометъ II; въ 1639 году четыре тысячи донскихъ казаковъ отняли его у турокъ, которые послѣ двухъ походовъ, стоившихъ имъ очень дорого, снова возвратили несчастный городъ подъ власть свою и тогда уже обратили его въ сильную крѣпость.

Вотъ эту крѣпость надобно было отнять у Турціи для безопасности южныхъ границъ нашихъ. Весною 1695 года тридцати-тысячное войско, назначенное для осады Азова, выступило изъ Москвы въ четырехъ отрядахъ: *первымъ* командовалъ генералъ Алексѣй Семеновичъ Шеинъ; *вторымъ*—Патрикій Гордонъ; *третьимъ*—Францъ Лефортъ; *четвертымъ*—Артамонъ Головинъ. Въ отрядѣ послѣдняго были царскіе потѣшные, уже называвшіеся полками: *преображенскимъ* и *семеновскимъ*. Къ полку преображенскому прибавлена была рота бомбардирская и въ ней капитаномъ—самъ Петръ! Неописанно было удивленіе, съ которымъ предки наши смотрѣли на этого великаго государя, покорнаго приказаніямъ своего начальника! Чудесно дѣйствовалъ на нихъ этотъ необыкновенный примѣръ: онъ заставлялъ ихъ стремительно бросаться во всѣ опасности. Да и можно ли было бояться этихъ опасностей? Петръ совершенно по-*братски* раздѣлялъ ихъ съ ними: Петръ безъ всякаго страха, часто даже безъ всякой осторожности, леталъ въ самую средину сраженія! Такъ однажды онъ преслѣдовалъ турокъ съ своими двумя полками до самыхъ стѣнъ Азовской крѣпости. Но всѣ

чудеса храбрости, показанныя русскими во время этого похода, окончились только тѣмъ, что взяты были двѣ сильно укрѣпленныя турками каланчи, построенныя на берегахъ Дона въ шести верстахъ отъ Азова для того, чтобы не пускать русскихъ судовъ по Дону и тѣмъ затруднять провозъ съѣстныхъ припасовъ къ нашему войску. Къ тому же, случилось еще происшествіе, остановившее совершенно успѣхъ войны: инженеръ *Яковъ Янсонъ*, за что-то разсердившійся на генераловъ, заклепалъ ввѣренныя ему пушки и передался на сторону непріятелей. Эта низкая измѣна причинила столько вреда для русскихъ, что они должны были отступить и отложить войну до слѣдующаго года. Не нужно сказывать вамъ, милые друзья мои, съ какою заботливостію занялся Петръ приготовленіями ко второму походу: всѣ вы уже имѣете понятіе о неутомимости этого удивительнаго государя! Узнавъ на опытѣ, какъ необходимъ флотъ для взятія приморскаго города, Петръ обратилъ главное вниманіе свое на постройку судовъ въ Воронежской верфи. Цѣлую зиму тамъ работали безпрестанно, и къ веснѣ готовы были: 2 фрегата, 4 брандера, 2 гальота и 23 галеры. Адмираломъ этого — какъ будто бы волшебною силою явившагося флота — сдѣланъ былъ одинъ изъ главныхъ помощниковъ Петра — Лефортъ. Подъ начальствомъ его были: вице-адмиралъ *де-Лима*, родомъ генуэзецъ, и контръ-адмиралъ *Лозеръ*. Главнокомандующимъ надъ сухопутнымъ войскомъ былъ генералъ Шеинъ. Отправляясь въ маѣ 1696 года въ этотъ второй походъ подъ Азовъ, молодой государь былъ печаленъ: незадолго передъ тѣмъ, и именно 29-го января, онъ лишился брата, котораго любилъ со всею нѣжностію. Многіе историки называютъ царя Іоанна Алексѣевича *слабымъ*. Но одинъ изъ нихъ, Галемъ, вотъ что̀ говоритъ о немъ: «Откровенно признаваясь въ тѣлесныхъ и душевныхъ своихъ недостаткахъ и отдавая всенародно преимущество предъ собою младшему своему брату, онъ показалъ болѣе величія души, нежели многіе, почитающіе себя умными и сильными». Если прибавить къ такому описанію — уваженіе и привязанность его къ Петру, то нельзя не оцѣнить достойно этого кроткаго государя. Не знаю, какъ вы,

милые читатели мои, но я очень, очень люблю добраго Іоанна Алексѣевича и жалѣю, что онъ рано скончался и не прожилъ по крайней мѣрѣ еще нѣсколько мѣсяцевъ: тогда онъ услышалъ бы, съ какою славою любимецъ его, его несравненный Петръ, кончилъ азовскій походъ; увидѣлъ бы торжественное возвращеніе его въ Москву, и счастіе милаго брата утѣшило бы нѣжное сердце страдальца. Да, друзья мои, не позже, какъ 19-го іюля того же 1696 года, Азовъ, стѣсненный съ моря и съ сухого пути искусными распоряженіями Петра и его генераловъ, принужденъ былъ сдаться. Побѣдитель позволилъ жителямъ выйти и взять съ собою столько имущества, сколько можно было унесть на рукахъ, но потребовалъ за это выдачи измѣнника Янсона, и воля его была исполнена.

Петръ, обладая многими прекрасными качествами души, имѣлъ также и необыкновенную скромность. Не смотря на самое дѣятельное участіе свое въ осадѣ Азова, онъ приписалъ весь успѣхъ побѣды своимъ полководцамъ и войску, и хотѣлъ, чтобы не онъ, а они имѣли торжественный въѣздъ въ Москву.

Въ первый разъ столица русская видѣла такой праздникъ, какой былъ въ день этого въѣзда. Все было такъ ново, такъ необыкновенно для тогдашнихъ жителей Москвы, что они записали малѣйшія подробности этого торжества, а вы, вѣрно, поблагодарите меня, если я загляну въ ихъ описанія и разскажу вамъ то, что болѣе всего любопытно въ нихъ.

Прежде всего надобно сказать вамъ, что день, назначенный для торжественнаго въѣзда, былъ 30-го сентября. При всходѣ на каменный мостъ построены были тріумфальныя ворота. По правую сторону ихъ стояла на пьедесталѣ статуя Марса съ надписью: *Марсовою храбростію*. У ногъ Марса лежалъ татарскій мурза съ лукомъ и колчаномъ, а за ними два скованные татарина съ надписью:

Прежде на степяхъ мы ратовались,
Нынѣ-жъ отъ Москвы бѣгствомъ едва спасались.

По лѣвую сторону у воротъ стояла статуя Геркулеса съ надписью: *Геркулесовскою крѣпостію*. У ногъ его ле-

жалъ азовскій паша въ чалмѣ и два скованные турка, опять-таки съ надписью:

Ахъ! Азовъ мы потеряли
И тѣмъ бѣдствъ себѣ достали!

Рѣзвые читатели мои! не вздумайте подшучивать надъ этими стихами! Вспомните, что въ то время еще не существовали поэты, которыми мы гордимся теперь, и потому не удивляйтесь, если я скажу вамъ, что эти самыя строки, которыя заставляютъ васъ теперь такъ лукаво улыбаться, казались прекрасными нашимъ прапрадѣдушкамъ. Но возвратимся къ первымъ тріумфальнымъ воротамъ русскимъ: мы разсказали только самую маленькую часть тѣхъ чудесъ, которыми они были испещрены въ торжественный день 30-го сентября. Входъ въ ворота былъ украшенъ золотою парчею. По своду написано было золотыми буквами: *пріидохъ, видѣхъ, побѣдихъ.* Посреди свода висѣлъ зеленый лавровый вѣнокъ, наверху парилъ двуглавый орелъ съ тремя коронами. Кромѣ того, по сторонамъ воротъ возвышались двѣ пирамиды, перевитыя зелеными вѣтвями, а отъ нихъ вдоль моста разставлены были огромныя живописныя картины. На одной представленъ былъ приступъ къ Азову, на другой морское сраженіе съ надписью:

На морѣ турки поражены.
Оставя Москвѣ добычу, корабли ихъ сожжены.

Мостовыя перила и всѣ улицы, ведшія къ Кремлю, были увѣшаны дорогими персидскими коврами; по обѣимъ сторонамъ дороги стройно стояли стрѣльцы, не бывшіе въ походѣ.

Теперь мы знаемъ, друзья мои, въ какомъ блестящемъ видѣ приготовилась Москва встрѣтить возвращавшихся побѣдителей; посмотримъ же на порядокъ, въ какомъ эти побѣдители вступали въ радостную столицу. Послѣ множества конюшихъ, каретъ, колясокъ и богато убранныхъ лошадей, принадлежавшихъ или царю, или генераламъ, ѣхала торжественная колесница, сдѣланная въ видѣ раковины, украшенная золотомъ и запряженная шестью сѣрыми лошадьми. Въ этой колесницѣ сидѣлъ тотъ, кого Петръ хотѣлъ почтить болѣе всѣхъ — Лефортъ. На немъ

былъ бѣлый морской мундиръ, обшитый серебряными галунами. За колесницею шли всѣ морскіе офицеры и матросы, бывшіе подъ начальствомъ его, и всѣ находившіеся въ русской службѣ иностранцы. Послѣ множества знаменъ, провожаемыхъ трубачами и литаврщиками, несли большое знамя государево, на которомъ изображенъ былъ Спаситель. За знаменемъ ѣхалъ бояринъ и большой воевода, т. е. главнокомандующій, Алексѣй Семеновичъ Шеинъ, въ черномъ бархатномъ кафтанѣ, въ шапкѣ съ бѣлымъ перомъ и съ обнаженною саблею въ рукѣ: это было второе лицо торжества. Послѣ него ѣхалъ воевода артиллеріи Вельяминовъ-Зерновъ, за которымъ солдаты тащили по землѣ турецкія знамена и вели плѣнника мурзу Аталыка. За этимъ отдѣленіемъ ѣхалъ дивизіонный генералъ Артамонъ Головинъ, полковникъ семеновскаго полка Чамберсъ и, наконецъ, капитанъ преображенскаго—Петръ, въ простомъ офицерскомъ мундирѣ, пѣшкомъ, съ своею ротой. Какая картина могла быть прекраснѣе, величественнѣе, удивительнѣе этой! Надобно было только взглянуть на торжественную колесницу Лефорта и на молодого Петра въ его капитанской одеждѣ, чтобы понять все превосходство, все величіе государя, посланнаго Богомъ Россіи. Съ равнымъ восторгомъ смотрѣли на него и русскіе, и иностранцы, съ равною любовію они были преданы ему и потому съ равнымъ негодованіемъ всѣ увидѣли въ концѣ шествія, за бомбардирами и пушкарями, измѣнника *Янсона:* его везли на телѣгѣ, подъ укрѣпленною на ней висѣлицею, надъ которой виденъ былъ турецкій полумѣсяцъ съ надписью: «*ущербъ луны*». На шеѣ у него надѣта была петля, на груди дощечка съ словами: «*злодѣй!*» Нельзя было безъ ужаса смотрѣть на этого низкаго и жалкаго человѣка! Взоры всѣхъ, съ презрѣніемъ отворачиваясь отъ него, отдыхали на свѣтлыхъ и благородныхъ лицахъ Лефорта и Шеина. Особенное удовольствіе примѣтно было въ обоихъ генералахъ въ ту минуту, какъ они подъѣзжали къ тріумфальнымъ воротамъ. Здѣсь снова встрѣтили каждаго изъ нихъ съ привѣтствіемъ въ стихахъ. Эти стихи уже не были надписью, но были сказаны сверху воротъ геніемъ въ такую огромную трубу, что весь народъ могъ внятно слышать каждое слово.

Знаменитый день 30-го сентября кончился царскими милостями, щедро розданными всѣмъ участвовавшимъ въ походѣ, и разными увеселеніями, которыя царь любилъ дѣлать для народа въ торжественные праздники. Эти увеселенія состояли чаще всего въ иллюминаціяхъ и фейерверкахъ. Послѣдніе—какъ любимая забава царя—за три года передъ тѣмъ уже давались дворомъ во время масляницы и въ разные другіе праздники, и сначала очень удивляли предковъ нашихъ; особенно простой народъ долго не могъ понять, по какому чуду эти прекрасные разноцвѣтные огни летали по воздуху. И какъ бы вы думали, кто занимался этимъ дѣломъ? Самъ Петръ! Не только онъ приготовлялъ собственными руками фейерверки, но часто даже самъ зажигалъ ихъ.

Окружавшіе его удивлялись, какъ этотъ великій умъ могъ въ одно время заниматься важными дѣлами и мелочами! Впрочемъ, зажженіе фейерверка, соединеннаго въ то время съ опасностями, еще не могло назваться совершенною бездѣлицею, но часто случалось, что Петръ посреди самыхъ глубокомысленныхъ размышленій о какомъ нибудь предпріятіи писалъ письма къ архангельскому воеводѣ о томъ, чтобы онъ купилъ для него лимоновъ, и разсказывалъ въ томъ же письмѣ, какимъ образомъ приготовить ихъ, чтобы доставить къ нему неиспорченными; или отдавалъ приказаніе о починкѣ какой-нибудь вещи изъ одежды своей, или, наконецъ, самъ принимался за эту починку: такъ не одинъ разъ онъ самъ чинилъ башмаки свои. Когда приближенные его громко удивлялись такой безпримѣрной дѣятельности и, по мнѣнію ихъ, излишней для царя бережливости, Петръ обыкновенно отвѣчалъ имъ своею любимою пословицею: «*Кто не бережетъ денежки, тотъ самъ не стоитъ рубля*».

Семейство царя Іоанна Алексѣевича.

Супруга: Параскевія Ѳеодоровна Салтыкова.

Дочери: 1) *Анна,* бывшая въ супружествѣ за герцогомъ курляндскимъ, впослѣдствіи императрица Всероссійская. 2) *Екатерина,* бывшая въ супружествѣ за герцогомъ мекленбургскимъ *Леопольдомъ.*

ПУТЕШЕСТВІЕ ПЕТРА ВЪ ЧУЖІЕ КРАЯ И ПОСЛѢДНІЙ БУНТЪ СТРѢЛЬЦОВЪ.

отъ 1697 до 1700 года.

(3 года).

Прекрасная мысль сдѣлать Россію похожею на просвѣщенныя государства европейскія свѣтлѣла въ геніальномъ умѣ Петра еще въ то время, когда онъ съ дѣтскою радостію смотрѣлъ на первое военное ученье своихъ потѣшныхъ. Она сильнѣе заблистала потомъ съ вѣяніемъ парусовъ, въ первый разъ развившихся на его новомъ флотѣ; она ярко загорѣлась, наконецъ, въ ту минуту, когда знаменитый Азовъ упалъ къ ногамъ своихъ побѣдителей! Съ тѣхъ поръ она была уже не мечтательною мыслію пылкаго ребенка, но постояннымъ предметомъ размышленій человѣка совершеннаго, единственною цѣлію его надеждъ, желаній, дѣйствій! И потому восторгъ его былъ невыразимъ при взятіи Азова. Владѣніе этимъ городомъ открывало подданнымъ его новое море[1]); Петръ почиталъ мореплаваніе лучшимъ средствомъ къ просвѣщенію народовъ. И подлинно, не черезъ моря ли и корабли самыя отдаленныя государства могутъ сообщаться и передавать другъ другу свои познанія и образованность? Но, къ сожалѣнію, по берегамъ Чернаго моря были не такія государства, у которыхъ можно было бы заимствовать просвѣщеніе. Взгляните на карту: вы увидите тамъ только полудикія области Азіи съ одной стороны и Турцію, еще чуждую христіанской вѣрѣ, съ другой. Но для владѣній Петра было еще одно море—*Бѣлое.* Но и это представляло такъ же мало выгодъ, какъ и Черное. По причинѣ близости своей къ холодному полюсу, оно бываетъ каждый годъ такъ долго покрыто непроходимыми льдами, что немного остается теплаго времени для прихода кораблей. Гдѣ же искать самой близкой дороги къ образованнымъ царствамъ Европы?

---

[1]) Читатели мои, вѣрно, знаютъ уже, что это было *Черное море*: оно соединяется съ Азовскимъ, при которомъ лежалъ Азовъ.

Съ этимъ вопросомъ взоры Петра остановились на морѣ Балтійскомъ. «Какъ хорошо было бы для Россіи моей»,— думалъ онъ,—«имѣть на этомъ морѣ гавань, куда бы могли приходить иностранные корабли! Какъ близко оно и къ Германіи, и къ Даніи, и къ Голландіи, и къ Англіи!» Но берега Балтійскаго моря и заливы Финскій и Рижскій, гдѣ удобнѣе всего можно было построить обширную гавань, не принадлежали въ то время Россіи: вы помните, друзья мои, что царь Михаилъ Ѳеодоровичъ принужденъ былъ по Столбовскому миру отдать Ингерманландію и Карелію шведамъ, которымъ принадлежала также и Лифляндія. Шведы храбры—трудно отнять у нихъ владѣнія ихъ! Но Петръ не боится трудностей, чувствуя справедливость своего требованія и понимая всю пользу, все величіе прекрасной цѣли своей; на берегахъ Балтійскаго моря Россія будетъ имѣть портъ, который соединитъ судьбу ея съ судьбою Европы и передастъ переимчивымъ обитателямъ ея всѣ науки и искусства этой, такъ давно образованной части свѣта. Однакожъ Петръ, хотя совершенно преданный этой мысли, хочетъ прежде собственными глазами и во всѣхъ подробностяхъ видѣть то просвѣщеніе, о которомъ онъ такъ много наслышался и начитался. Въ важномъ дѣлѣ преобразованія цѣлаго царства онъ не поступитъ легкомысленно, не перемѣнитъ необдуманно нравовъ и обычаевъ своего народа; не положится на одни слова иностранцевъ, хотя эти иностранцы заслуживаютъ всю довѣренность, потому что первое мѣсто между ними занимаютъ его учителя — Лефортъ и Тиммерманъ, уже такъ много разъ доказавшіе вѣрность и привязанность свою къ Россіи. Онъ увидитъ все самъ; онъ собственнымъ сужденіемъ оцѣнитъ всѣ отрасли образованности и тогда уже собственными руками перенесетъ ихъ въ родную страну. Для счастія подданныхъ своихъ онъ не пожалѣетъ ничего; онъ подвергнется не только всякимъ трудамъ, но даже и всякимъ опасностямъ. Да, друзья мои, онъ рѣшился—и русскіе услышали новость, никогда прежде неслыханную въ отечествѣ нашемъ: царь отправился въ чужіе края! И подумайте, какъ образомъ? Безъ малѣйшаго признака той пышности, съ которою государи русскіе обык-

новенно показывались народу, даже скрывъ это знаменитое достоинство подъ именемъ и одеждою простого дворянина посольства, отправлявшагося въ Вѣну для переговоровъ съ императоромъ о войнѣ противъ турокъ. Онъ сдѣлалъ это для того, чтобы избавиться всѣхъ торжественныхъ встрѣчъ, всѣхъ тягостныхъ церемоній, отнимающихъ такъ много времени у того, кто каждую минуту свою желаетъ употребить на что нибудь полезное.

Поручивъ внутреннее управленіе столицы и всего государства одному изъ достойнѣйшихъ вельможъ того времени, князю *Ѳеодору Юрьевичу Ромодановскому*, Петръ выѣхалъ изъ Москвы со всѣмъ посольствомъ 7-го марта 1697 года. Первымъ посломъ былъ намѣстникъ новгородскій генералъ-адмиралъ *Лефортъ;* вторымъ—сибирскій намѣстникъ *Ѳеодоръ Алексѣевичъ Головинъ;* третьимъ—думный дьякъ *Возницынъ*. Самъ же царь назывался просто дворянскимъ десятникомъ *Петромъ Михайловымъ*. Свита посольства была очень многочисленна. Кромѣ всѣхъ чиновниковъ, въ ней было еще двадцать пять человѣкъ молодыхъ людей изъ знатныхъ фамилій, назначенныхъ въ это путешествіе для усовершенствованія себя въ наукахъ. Между ними отличался не породою, но рѣдкими способностями и умомъ *Александръ Меншиковъ*. Это былъ любимецъ царскій. Петръ увидѣлъ его въ первый разъ въ домѣ Лефорта, гдѣ Меншиковъ служилъ простымъ мальчикомъ. Ловкость и проворство его такъ понравились проницательному государю, что онъ взялъ его къ себѣ, записалъ въ потѣшную роту и впослѣдствіи такъ полюбилъ умнаго *Алексашу* (такъ Петръ называлъ Меншикова), что почти ни на минуту не отпускалъ его отъ себя и приказалъ ему даже спать въ одной съ нимъ комнатѣ. Въ продолженіе исторіи нашей вы часто будете слышать объ этомъ *Алексашѣ*, милые читатели: онъ будетъ впослѣдствіи княземъ, знаменитымъ полководцемъ и министромъ Петра; но теперь это еще только молодой человѣкъ, любящій до обожанія великаго благодѣтеля своего, страстный къ ученію и восхищенный мыслію ѣхать въ чужіе края и видѣть все, что̀ они имѣютъ любопытнаго.

Проницательный Петръ не ошибся, приготовясь къ не-

пріятностямъ, какія могли случиться съ нимъ въ этомъ путешествіи. Онѣ начались съ первыми шагами его за границу Россіи. Вы помните, съ какимъ неудовольствіемъ обитатели береговъ Балтійскаго моря, эти прежніе враги-сосѣди, а теперь—добрые соотечественники наши, лифляндцы и эстляндцы, всегда смотрѣли на старанія государей русскихъ образовать своихъ подданныхъ. Вы помните, какъ послѣдніе рыцари Ливоніи остановили всѣхъ иностранцевъ, выписанныхъ изъ чужихъ краевъ Іоанномъ IV? Итакъ, удивительно ли, что и потомки ихъ точно также угрюмо смотрѣли на знаменитое посольство, ѣхавшее какъ будто на завоеваніе всѣхъ наукъ и искусствъ образованной Европы! Петръ и его непросвѣщенная Россія уже были страшны для сосѣдей своихъ; что же было бы, еслибы необыкновенный геній государя соединился съ образованностію народа? Такое соединеніе предвѣщало слишкомъ великое могущество; лифляндцы и шведы боялись его, и жители Риги осмѣлились явно показать посламъ свое нерасположеніе. Генералъ-губернаторъ ихъ, графъ Дальбергъ, не только что смотрѣлъ за ними, какъ за людьми опасными, но даже дѣлалъ самому Петру непростительныя грубости. Однажды любопытный царь хотѣлъ осмотрѣть городскія укрѣпленія и измѣрить глубину рвовъ. Что-жъ? Ему не только не позволили сдѣлать этого, но даже дерзкіе часовые чуть было не выстрѣлили въ него изъ ружей. Тогда Петръ нашъ сказалъ эти примѣчательныя слова, въ самомъ дѣлѣ исполнившіяся впослѣдствіи: «Не хотятъ, чтобъ я видѣлъ укрѣпленія Риги? Я надѣюсь нѣкогда увидѣть ихъ съ меньшимъ для меня затрудненіемъ и отказать шведскому королю въ томъ, въ чемъ отказываетъ мнѣ нынче Дальбергъ».

Чѣмъ далѣе ѣхалъ Петръ, тѣмъ радушнѣе встрѣчали его: съ отдаленіемъ исчезала зависть, съ которою смотрѣли на молодого царя сосѣди, боявшіеся въ немъ будущаго побѣдителя своего, и потому въ Митавѣ, Кенигсбергѣ, Берлинѣ и Ганноверѣ уже съ удовольствіемъ показывали ему все достойное примѣчанія. Въ Берлинѣ онъ особенно занимался военнымъ искусствомъ; въ Ганноверѣ онъ былъ у двухъ тамошнихъ принцессъ, которыя оставили любо-

пытное о немъ описаніе. Если вамъ хочется знать, дѣти, каковъ былъ нашъ Петръ во время этого перваго путешествія своего въ чужіе края, то я скажу вамъ, что одна изъ принцессъ, угощавшихъ государя, описала въ исторіи своей жизни примѣчательный день, проведенный ею съ Петромъ, и вотъ что говоритъ о немъ: «Петръ имѣетъ видный ростъ и привлекательное лицо; отвѣты его скоры и всегда удачны. Онъ небольшой охотникъ до музыки, но болѣе всего любитъ кораблестроеніе и фейерверки. По словамъ его, онъ знаетъ довольно хорошо четырнадцать ремеслъ, и въ доказательство этого показывалъ намъ руки свои, покрытыя мозолями. По просьбѣ нашей, царь послалъ за своими музыкантами и танцовалъ съ нами русскій танецъ. Странно было видѣть, какъ онъ то цѣловалъ, то щипалъ четырехъ карликовъ своей свиты, а десятилѣтнюю принцессу Софію-Доротею поднялъ за голову вверхъ: это очень испортило головной уборъ ея. Онъ очень добрый государь (говоритъ въ заключеніе принцесса), но, по обычаю своей страны, обходится со всѣми уже слишкомъ безъ чиновъ. При лучшемъ воспитаніи ничего недоставало бы къ его великимъ достоинствамъ, потому что въ немъ замѣтно много ума и много хорошихъ качествъ».

Неудивительно, что нѣмецкая принцесса находила недостатки въ воспитаніи Петра. Замѣчанія ея были отчасти справедливы: воспитаніе Петра съ тѣхъ поръ, какъ сестра его сдѣлалась самовластною правительницею царства, оставлено было въ большомъ небреженіи, и если послѣ коронованія своего онъ имѣлъ учителей, то это были только такіе, которыхъ онъ самъ выбиралъ себѣ. Въ наукахъ необыкновенный умъ его дѣлалъ удивительные успѣхи, не смотря на всѣ препятствія, какія мѣшали ему образоваться, и потому принцесса, вѣроятно, говорила не объ этой части воспитанія, но о той, которая касается свѣтскаго образованія. Вѣроятно, нашъ откровенный Петръ не обращался такъ чинно, не кланялся такъ ловко и не говорилъ такъ вѣжливо, какъ нѣмецкіе принцы. Это не могло быть иначе. Когда было ему учиться этому? Умъ его былъ безпрестанно занятъ какимъ нибудь важнымъ дѣломъ. Да притомъ и въ Россіи въ то время еще не обращали внима-

нія на эту свѣтскую образованность. Стало быть принцессы могли бы извинить этотъ небольшой недостатокъ Петра, и онѣ, конечно, сдѣлали это. Къ тому же, быстрый умъ его съ такою легкостію понималъ все хорошее, что безъ всякаго сомнѣнія, проѣзжая назадъ чрезъ Ганноверъ, онъ уже удивилъ принцессъ какъ перемѣною своего обращенія, такъ и необыкновенными успѣхами своими во всѣхъ наукахъ и искусствахъ, которыми онъ занимался во время путешествія. Мѣсто, самое примѣчательное въ этомъ отношеніи, былъ маленькій голландскій городокъ *Саардамъ*. Здѣсь Петръ, думая только о пользѣ подданныхъ своихъ, забывъ совершенно величіе царя, въ одеждѣ обыкновеннаго плотника, учился любимой наукѣ своей — кораблестроенію! О! какъ любопытно, какъ удивительно было видѣть тогда этого великаго государя въ самой простой одеждѣ: въ красномъ байковомъ камзолѣ и бѣлыхъ холстинныхъ брюкахъ! Съ какимъ восторгомъ и горестію подданные его могли смотрѣть на это матросское платье! Изъ любви къ нимъ царь надѣлъ его, изъ любви къ нимъ подвергался всѣмъ трудамъ и непріятностямъ!

Сначала никто не зналъ, кто былъ русскій плотникъ *Петръ Михайловъ,* пріѣхавшій на шлюпкѣ изъ Амстердама и нанявшійся работать на верфи саардамской. Всѣ удивлялись хорошей работѣ пріѣзжаго и не прошло недѣли, какъ уже называли его за это *мастеромъ, баасъ* (Piter Baas). Вы не можете представить себѣ, какъ это прозваніе обрадовало Петра! Онъ такъ восхищался, что, казалось, простое имя *мастера,* полученное имъ по заслугамъ, было для него выше его царскаго достоинства, принадлежавшаго ему по рожденію. Называться *баасомъ* было для него тѣмъ пріятнѣе, что добрые жители саардамскіе никакъ не воображали, *кого* они величали такъ. Но такая тайна не могла существовать долго: Саардамъ былъ недалеко отъ Амстердама, гдѣ находилось посольство русское, и къ концу недѣли всѣ заговорили, что Piter Baas есть великій царь Россіи!

При этой новости не было конца удивленію голландцевъ! Какъ они ни хладнокровны, какъ ни мало поворотливы, но тутъ вдругъ развернулись и такъ проворно пу-

стились къ Саардаму, такъ скоро разболтали всѣмъ саардамцамъ о знаменитости русскаго плотника, и такъ неотвязчиво начинали вмѣстѣ съ ними бѣгать по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ только можно было видѣть его, что Петръ, чрезвычайно не любившій обращать на себя вниманіе, не узнавалъ своихъ степенныхъ пріятелей и, потерявъ терпѣніе смотрѣть на ихъ усердное удивленіе, рѣшился уѣхать изъ Саардама. Что-жъ бы вы думали? Только что любопытные провѣдали объ этомъ, какъ всѣ улицы отъ маленькой квартиры Петра Бааса, которую онъ нанималъ у одной бѣдной вдовы, до яхты его—столько же скромной, какъ и все окружавшее этого необыкновеннаго смертнаго—наполнилось народомъ. Даже городское начальство не могло остановить толпы, совершенно покрывшей пристань. Увидѣвъ это, Петръ, съ досадою на зѣвакъ, бросился въ средину ихъ, силою очистилъ себѣ дорогу, проворно вскочилъ въ яхту и, не смотря на бурный вѣтеръ, сильно качавшій волны залива Эй, тотчасъ поднялъ парусъ, чтобы закрыться отъ несноснаго для него любопытства.

Съ этихъ поръ, Петру трудно было избавляться отъ этого любопытства. Оно преслѣдовало его и въ Амстердамѣ, не смотря на всѣ старанія тамошней полиціи, желавшей угодить скромному путешественнику удаленіемъ докучливыхъ. Какъ ни просто было платье его, какъ ни походило оно на одежду прочихъ дворянъ посольства, но величественный ростъ, горделивая поступь, глаза, блиставшіе всѣмъ огнемъ необыкновеннаго ума, тотчасъ изобличали прекраснаго царя Россіи. Чтобъ скрыться отъ нескромнаго удивленія народа и свободнѣе наслаждаться картиной неутомимаго движенія и той высокой степени образованности, какую почти всегда представляетъ намъ приморскій торговый городъ, Петръ купилъ небольшую шлюпку и, самъ управляя ею, подъѣзжалъ часто очень близко къ адмиралтейству. Иногда шлюпка Петра, тихонько пробравшись между кораблями всѣхъ народовъ, останавливалась вблизи отъ нихъ, не обративъ на себя ничьего вниманія, и царь, весело любуясь дѣятельною и богатою жизнью Амстердама, вдругъ задумывался. Казалось, какъ будто въ эту минуту какая-то очень пріятная мысль залетала въ душу

его и разливала радость въ глазахъ его... Казалось, онъ смотрѣлъ уже не на Амстердамъ, но на что-то другое, какъ будто вдали видимое имъ... Казалось, онъ прислушивался къ радостнымъ крикамъ не этихъ чужестранныхъ матросовъ и купцовъ, со всѣхъ сторонъ окружавшихъ его въ голландскомъ портѣ, но на какихъ-то другихъ въ какомъ-то другомъ городѣ, несравненно болѣе близкомъ къ сердцу его... Я вижу, что старшіе изъ читателей моихъ догадываются о томъ, что̀ восхищало Петра передъ гаванью Амстердама,—вижу, что они понимаютъ восторгъ его и, раздѣляя его, радуются, что, наконецъ, дошли до самой занимательной страницы въ исторіи этого государя. Но погодите, друзья мои, еще Петръ не говоритъ и самымъ приближеннымъ къ нему о прекрасной мысли своей: еще онъ мечтаетъ о ней только тогда, когда сидитъ одинъ въ своей маленькой шлюпкѣ. Вышедши изъ нея, онъ разстается съ великими намѣреніями своими или, лучше сказать, онъ скрываетъ ихъ въ глубинѣ души своей и является на улицахъ амстердамскихъ уже не могущественнымъ царемъ-Преобразователемъ, но простымъ плотникомъ саардамскимъ, котораго искусная работа удивляетъ людей, бывшихъ за нѣсколько недѣль его учителями. Въ Амстердамѣ эта работа не ограничивалась корабельною верфью: многіе ремесленники и фабриканты этого города видѣли Петра въ мастерскихъ своихъ; многіе ученые и артисты давали ему уроки въ любимыхъ наукахъ его. Изъ послѣднихъ исторія называетъ математиковъ Дама и Гартцокера, корабельныхъ мастеровъ Вейсселера, Кардинаала, Реенена, Петра Поля и корабельнаго рисовальщика Адама Сило. Непонятна была для современниковъ неутомимость этого генія! Они едва вѣрили глазамъ своимъ, видѣвъ царя въ одинъ день и за станомъ ткача, и съ циркулемъ математика, и съ молотомъ кузнеца, и съ листомъ самой тонкой бумаги, собственными руками выдѣланной имъ на бумажной фабрикѣ! Переимчивый мастеръ всѣхъ художествъ и искусствъ являлся почти въ то же самое время и въ академіяхъ, гдѣ слушалъ лекціи профессоровъ, на площадяхъ и рынкахъ, гдѣ покупалъ припасы для умѣреннаго обѣда своего и, наконецъ, въ ма-

ленькой кухнѣ своей, гдѣ иногда въ отсутствіе кухарки самъ приготовлялъ этотъ обѣдъ! Казалось, это былъ духъ, вездѣ носившійся, для чудесной силы котораго не было ничего невозможнаго, ничего слишкомъ великаго, ни слишкомъ малаго.

Такъ провелъ Петръ нѣсколько мѣсяцевъ въ Голландіи. Объѣздивъ всѣ главные города ея, осмотрѣвъ въ нихъ все любопытное, онъ отправился въ январѣ 1698 года въ страну, еще болѣе примѣчательную своимъ просвѣщеніемъ—въ Англію. Здѣсь тотъ же образъ жизни, то же удивленіе народа къ чудесному царю отдаленной Россіи, которую образованные европейцы привыкли считать страною полудикою! Въ Англіи это удивленіе было еще замѣтнѣе: англичане, начиная съ короля ихъ Вильгельма III до послѣдняго работника въ адмиралтействѣ, помогавшаго *плотнику Петру* носить бревна и строгать доски карабельныя,—всѣ наперерывъ показывали къ знаменитому гостю своему не только уваженіе, но даже глубокое благоговѣніе. Король, дружески посѣщавшій царя, старался угадывать малѣйшія желанія его; купцы, художники, офицеры англійскаго флота восхищались, если могли быть чѣмъ нибудь полезными для него, и многіе изъ нихъ охотно слѣдовали примѣру голландцевъ и соглашались вступать въ службу того, кого почитали непостижимымъ геніемъ своего вѣка.

Петръ съ своей стороны точно столько же восхищался англичанами и всѣмъ, что̀ видѣлъ въ Англіи. Какъ часто, проводя цѣлые дни въ адмиралтействѣ лондонскомъ, онъ говаривалъ новымъ друзьямъ своимъ — адмираламъ Кармартену и Митчелю: «Безъ Англіи я былъ бы плохой мастеръ!» А когда эти адмиралы вздумали однажды показать морскіе маневры, то Петръ былъ такъ восхищенъ совершенствомъ англійскаго флота, что отъ души вскричалъ: «Еслибы я не былъ царемъ въ Россіи, то желалъ бы быть адмираломъ въ Англіи!»

Возвращаясь въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Голландію, царь былъ въ большой опасности: сильная буря задержала его четверо сутокъ на морѣ. Съ ужасомъ смотря на высокія волны, бросавшія во всѣ стороны царскую яхту, спутники Петра уже приходили въ отчаяніе, но герой, не боявшійся

никакихъ опасностей, сохранилъ присутствіе духа и въ этомъ случаѣ, и, ободряя испуганныхъ улыбкою, шутливо говорилъ имъ: «Чего вы боитесь? Слыханное ли это дѣло, чтобы царь русскій утонулъ въ Нѣмецкомъ морѣ?»

Изъ Голландіи Петръ намѣренъ былъ ѣхать въ Италію черезъ Вѣну. Въ этомъ городѣ ему надобно было переговорить съ императоромъ Леопольдомъ о туркахъ, съ которыми русскіе все еще вели удачную войну, между тѣмъ какъ австрійцы желали мира. Леопольдъ принялъ и угощалъ знаменитаго путешественника съ тѣмъ же радушіемъ и уваженіемъ, какія ожидали его во всякомъ государствѣ. Между всѣми праздниками, данными въ честь его въ Вѣнѣ, особенно примѣчателенъ былъ маскарадъ въ день 1-го іюля. Императоръ, все семейство его и триста придворныхъ особъ представляли ремесленниковъ и крестьянъ всѣхъ народовъ. Петръ былъ въ платьѣ фрисландца; фрейлина Турнъ, занимавшая мѣсто его дамы, — фрисландки. Оба государя были очень веселы на этомъ простомъ и въ то же время необыкновенномъ праздникѣ. Императоръ предложилъ гостю своему, все еще слывшему двоpяниномъ посольства, выпить за здоровье царя московскаго. «Выпьемъ», — сказалъ Леопольдъ, — «мнѣ извѣстно, что вы знаете этого государя?» — «Съ лица и наизнанку!» — отвѣчалъ фрисландецъ.

Дружеское расположеніе Леопольда къ Петру примѣтно было и во время переговоровъ ихъ о дѣлахъ турецкихъ, и, соглашаясь на миръ съ султаномъ, онъ желалъ того же, что и Петръ: чтобы всѣ мѣста, завоеванныя русскими, остались во владѣніи ихъ.

Имѣя основательную надежду на этотъ миръ и, стало быть, на совершенное спокойствіе своихъ подданныхъ, царь тѣмъ съ бо̀льшимъ удовольствіемъ думалъ о своемъ скоромъ путешествіи въ Италію, такъ давно прославленную исторіей,—Италію, знаменитую воспоминаніями, очаровательную красотами природы! Уже всѣ распоряженія къ отъѣзду посольства были сдѣланы, какъ вдругъ пріѣхавшій гонецъ отъ князя Ромодановскаго привозитъ извѣстіе о новомъ ужасномъ бунтѣ стрѣльцовъ! Ромодановскій, котораго Петръ, оставивъ въ Москвѣ на своемъ мѣстѣ, называлъ *княземъ-кесаремъ*, *вице-царемъ* и даже *царскимъ*

величествомъ, писалъ донесеніе свое въ такомъ разстроенномъ состояніи духа, что государь ясно видѣлъ опасность, угрожавшую столицѣ его. Отложивъ путешествіе въ Италію, онъ спѣшилъ возвратиться въ отечество.

Причины этого новаго и послѣдняго бунта стрѣльцовъ были все тѣ же, какъ и прежде: досада ихъ на новый порядокъ, заводимый въ войскѣ, на предпочтеніе, какое Петръ явно отдавалъ передъ ними полкамъ, образованнымъ по-европейски, и страхъ, что онъ, возвратясь изъ чужихъ краевъ, начнетъ еще болѣе заботиться о преобразованіи, которое они ненавидѣли. Эта ненависть происходила вотъ отчего: многіе изъ нихъ имѣли странную мысль, что просвѣщеніе вредитъ благочестію и что чѣмъ болѣе люди занимаются ученьемъ, тѣмъ менѣе думаютъ о Богѣ. Такая мысль, во всякомъ случаѣ неосновательная,—потому что можетъ ли что нибудь болѣе наукъ и образованія дать намъ понятіе о Богѣ и его чудесныхъ твореніяхъ, — была совершеннымъ несчастіемъ въ народѣ, который имѣлъ столько набожности, какъ наши предки. Она заставляла нѣкоторыхъ суевѣровъ не любить Петра, принуждавшаго ихъ къ ученію.

Враги Петра умѣли пользоваться этимъ несчастнымъ заблужденіемъ, и вы видѣли уже, милые читатели, сколько бѣдъ происходило оттого въ правленіе властолюбивой царевны Софіи! Съ тѣхъ поръ, какъ стѣны монастырскія разлучили ее съ свѣтомъ, Россія сдѣлалась спокойнѣе, и всѣ думали, что прежняя правительница, отказавшись отъ всѣхъ безразсудныхъ замысловъ, оплакиваетъ въ уединенной кельи монахини несчастныя ошибки свои. Но не то дѣлала Софія: подъ монашеской рясой ея все еще билось сердце гордой княжны, все еще таилась надежда отнять у брата престолъ его. Однако же, она не смѣла предаваться этой надеждѣ съ прежнею увѣренностью и, можетъ быть, не рѣшилась бы ни на что, еслибы путешествіе Петра въ чужіе края не увеличило неудовольствія народа и не ободрило любимцевъ Софіи—дерзкихъ стрѣльцовъ. Государство оставалось полтора года безъ царя; въ это время злые непріятели Петра могли сдѣлать много вреда, и вотъ что сдѣлали:

Почти всѣ начальники стрѣльцовъ, преданные Софіи,

старались, каждый въ своемъ полку, увѣрять своихъ подчиненныхъ, что Петръ, возвратясь изъ путешествія, обратитъ всѣхъ ихъ въ правильное войско и вообще заведетъ во всемъ порядокъ европейскій. Такими увѣреніями не мудрено было внушить имъ самыя отчаянныя намѣренія. Мысль, что не только царевна Софія, но даже и супруга Петра, царица Евдокія Ѳеодоровна, — такъ же какъ и стрѣльцы — ненавидѣвшая новые обычаи и просвѣщеніе, была на ихъ сторонѣ, еще болѣе подкрѣпляла дерзость бунтовщиковъ. Въ совѣтѣ ихъ замышляли на жизнь Петра при возвращеніи его изъ чужихъ краевъ и положили сдѣлать Софію правительницею государства до совершеннолѣтія царевича Алексѣя, восьмилѣтняго сына Петра, и уничтожить всѣ новости, введенныя имъ въ правленіе, войско и нравы русскихъ.

Съ такими ужасными намѣреніями стрѣлецкіе полки, расположенные по разнымъ городамъ, пошли къ Москвѣ, чтобы соединиться тамъ съ своими главными товарищами, но храбрость и присутствіе духа генераловъ Шеина и Гордона спасли столицу и усмирили бунтовщиковъ незадолго до пріѣзда государя. Слѣдствіе о преступленіяхъ ихъ началось уже при немъ и открываемыя подробности ихъ замысловъ были такъ ужасны, что надобно было Петру показать чрезвычайную строгость; виновные наказаны были такъ, какъ заслуживали ихъ злодѣйскія намѣренія. Въ сильномъ негодованіи на преступниковъ, такъ хладнокровно сговорившихся истребить все, что онъ съ такою заботливостію приготовилъ для счастія любимаго народа, всѣ драгоцѣнные плоды его тяжкихъ трудовъ, его безпрестанныхъ пожертвованій, — Петръ готовъ былъ осудить на смерть всѣхъ до послѣдняго изъ ненавистныхъ стрѣльцовъ, но достойный наставникъ и другъ его Лефортъ склонилъ къ жалости оскорбленное сердце Великаго и казнены были только самые виновные. Правда, что ихъ было очень много. Государь пощадилъ и сестру свою: она жила попрежнему въ монастырѣ. Но оставить ее вовсе безъ наказанія казалось несправедливостію для Петра, въ высочайшей степени правосуднаго, и онъ наказалъ ее слѣдующимъ образомъ: передъ окнами монастыря ея поставлены были висѣлицы,

на которыхъ повѣсили самыхъ виновныхъ и самыхъ преданныхъ ей преступниковъ. Остальные были разосланы по разнымъ городамъ, записаны въ другіе полки, и такимъ образомъ имя стрѣльцовъ, знаменитое сначала, безславное впослѣдствіи, сохранилось еще около трехъ лѣтъ въ четырехъ полкахъ, оставшихся вѣрными царю; но потомъ, когда и тѣ получили новыя названія или новое устройство, оно совершенно исчезло въ отечествѣ нашемъ.

Что-жъ касается царицы Евдокіи Ѳеодоровны, найденной по слѣдствію виновною въ умышленіи на жизнь государя, Петръ не хотѣлъ болѣе называть ее супругою своею и, отославъ въ суздальскій Покровскій монастырь, приказалъ постричь въ монахини. Она назвалась Еленою.

НОВЫЕ ОБЫЧАИ И ВОЙНА СЪ ШВЕЦІЕЙ.

отъ 1698 до 1703 года.

(5 лѣтъ).

Вотъ каковы были происшествія, поразившія сердце Петра при его возвращеніи въ отечество! Горестно было для него видѣть, что то самое просвѣщеніе, которое стоило ему безчисленныхъ трудовъ, надобно было передавать дорогою цѣною подданнымъ его, надобно было силою и средствами тяжкими вести ихъ къ перевороту, который долженъ былъ доставить имъ такъ много выгодъ. Петръ предвидѣлъ, что если онъ не будетъ принуждать ихъ къ просвѣщенію, но предоставитъ на волю ихъ быть образованными или остаться въ своемъ невѣжествѣ, большая часть изъ нихъ предпочтетъ послѣднее, и потому рѣшился не отдавать на волю ихъ выбора, но заставить ихъ покориться своей собственной волѣ. Строгая казнь стрѣльцовъ была первымъ слѣдствіемъ этой рѣшимости. Послѣ ужасовъ ея враги Петра затихли: страшно было противиться ему, страшно было не исполнять его повелѣній. Съ огорченнымъ сердцемъ пользуясь этимъ страхомъ, Петръ началъ дѣлать раз-

ныя перемѣны и улучшенія въ старинныхъ учрежденіяхъ, началъ вводить новый порядокъ не только въ нѣкоторыя части государственнаго устройства, но даже въ нравы и обычаи своего народа. Зная, какъ много наружность вещей имѣетъ вліянія на людей необразованныхъ, онъ обратилъ прежде всего на нее свое вниманіе.

Предки наши, въ привычкахъ, обыкновеніяхъ и даже въ одеждѣ, имѣли много сходства съ азіятцами: золотые кафтаны ихъ, дорогія шубы, мѣховыя шапки и длинныя бороды, дѣлая ихъ очень похожими на турокъ и татаръ, раздѣляли рѣзкою чертою съ европейцами. Отъ уничтоженія этой черты зависѣло очень много: въ одеждѣ человѣка образованнаго, казалось, легче было приступить къ образованію. Къ тому же, была еще причина, по которой европейское платье сдѣлалось необходимо для русскихъ: они такъ ненавидѣли иностранцевъ, что эти несчастные люди, съ такими затрудненіями выписываемые Петромъ изъ чужихъ краевъ, иногда подвергались опасности, выходя на улицу въ своихъ платьяхъ. Итакъ, вскорѣ послѣ казни стрѣльцовъ, объявленъ былъ царскій указъ о томъ, что всѣ дворяне и всѣ военные люди должны брить бороды и носить новое платье, которое походило на платье нѣмцевъ и голландцевъ. Сколько шуму и тревоги надѣлалъ этотъ указъ! Сколько различныхъ чувствъ произвелъ онъ въ сердцахъ жителей Москвы! Иностранцы обрадовались: они надѣялись теперь избѣгать гнѣва народнаго въ толпѣ русскихъ, одѣтыхъ одинаково съ ними; но за то русскіе были сначала почти въ отчаяніи отъ этого нападенія на платья и особенно на бороды ихъ. Нѣкоторые безразсудные и до суевѣрія набожные думали, что обрить бороду значитъ испортить *образъ Божій*, и многіе изъ нихъ готовы были согласиться на всякое пожертвованіе, лишь бы только сохранить эту драгоцѣнность! Но Петръ былъ неумолимъ. Онъ приказалъ на улицахъ обрѣзывать полы кафтановъ у упрямцевъ, приказывалъ каждый годъ брать штрафы съ нехотѣвшихъ разстаться съ своими бородами, и такимъ образомъ мало-по-малу заставилъ ихъ слушаться. Вскорѣ потомъ вышло новое повелѣніе царское: это самое важное для насъ, милыя читательницы мои, слушайте со вниманіемъ.

Вы помните, какую жизнь вели прежде русскія женщины? Это была самая скучная жизнь. Не смѣя никуда показаться безъ покрывала, онѣ проводили все время свое какъ затворницы монастырскія и не имѣли своей воли даже и въ самомъ важномъ дѣлѣ жизни: въ своемъ замужествѣ. Ихъ отдавали за того человѣка, котораго выбирали родители, безъ всякаго согласія со стороны невѣсты и даже прежде нежели молодые люди видѣли другъ друга. Послѣ этого можно судить о счастіи этой четы, еще не знакомой между собою, но уже навѣкъ соединенной! Въ этомъ случаѣ женщина была еще болѣе достойна жалости, нежели мужчина. Послѣдній могъ забывать неудачный выборъ своихъ родителей въ шумѣ свѣта и общества, онъ могъ заниматься службою, охотою, пріятными бесѣдами съ людьми умными. Но женщина, такая же невольница въ домѣ мужа, какъ была въ домѣ отца, перемѣняла только мѣсто своей темницы, и изъ дѣвичьяго терема родительскаго переходила въ уединенныя комнаты супруга, гдѣ не имѣла даже и того развлеченія, какое доставляетъ хозяйство: старинныя боярыни русскія не любили заниматься имъ и не пріучали къ тому дочерей своихъ. Во всякомъ посредственнаго состоянія домѣ была и ключница, и казначея, и нѣсколько кухарокъ и служанокъ. Итакъ, хозяйкамъ оставалось только кушать за каждымъ обѣдомъ нѣсколько десятковъ блюдъ, сидѣть на пуховыхъ диванахъ своихъ и скучать иногда нестерпимо!

Такая участь женщинъ не могла не обратить вниманія того, кто входилъ въ малѣйшія подробности жизни своего народа. Петръ всегда думалъ, что общество много теряло отъ затворничества женщинъ, а побывавъ въ чужихъ краяхъ и собственными глазами увидѣвъ, сколько счастія можетъ просвѣщенная женщина пролить на все семейство свое и сколько пользы принесетъ обществу ея присутствіе въ немъ, рѣшительно приступилъ къ исполненію своего намѣренія и приказалъ, чтобы ни одинъ священникъ не вѣнчалъ никакой пары безъ собственнаго согласія ея, чтобы каждый женихъ и невѣста знали другъ друга по крайней мѣрѣ около шести недѣль до свадьбы; а чтобы доставить имъ случай быть знакомыми, приказалъ мужьямъ

и отцамъ пріѣзжать на всѣ праздники при дворѣ, во всѣ публичныя собранія и на всѣ обѣды и вечера вмѣстѣ съ своими женами и дочерями, одѣтыми такъ, какъ одѣвались въ то время жившія въ Москвѣ иностранки. Вотъ было тогда разговоровъ по всей Москвѣ! Бояре дивились никогда неслыханной прежде новости, молодыя боярыни и особенно боярышни радовались, какъ средству освободиться отъ скучной неволи; старыя, можетъ быть, сожалѣли, что не родились нѣсколько десятковъ лѣтъ позже, чтобы воспользоваться новыми правами, какія просвѣщенный государь давалъ русскимъ женщинамъ.

Заботясь, чтобы самыя увеселенія московскія походили на европейскія, Петръ выписалъ изъ Германіи актеровъ, которые играли уже не только въ придворномъ, но и публичномъ театрѣ. Нерѣдко пріѣзжалъ туда и самъ царь и, всѣми силами стараясь возбуждать въ народѣ своемъ охоту къ новой забавѣ, былъ всегда необыкновенно веселъ и необыкновенно ласковъ ко всѣмъ въ театрѣ. Видно и нѣмецкіе актеры замѣтили это, потому что однажды осмѣлились очень неосторожно пошутить съ нимъ. Незадолго до 1-го апрѣля они объявили въ афишкѣ своей, что въ этотъ день будетъ ими представлена никогда невиданная пьеса. Начиная уже любить театръ, публика съ большимъ нетерпѣніемъ собралась. Всѣ мѣста были уже заняты. Наконецъ пріѣхалъ государь и музыка заиграла. Послѣ увертюры, которая, можетъ быть, была не хуже нынѣшнихъ, поднялся занавѣсъ и что же увидѣли зрители? На прекрасно-освѣщенной сценѣ — одну бѣлую стѣну, на которой написано было крупными буквами: *первое апрѣля!* Вы можете представить себѣ, друзья мои, какъ публика была раздосадована такою вовсе неумѣстною шуткою! Однакожъ никто не показалъ этой досады, потому что самъ государь не сердился, а смѣялся и, выходя изъ театра, сказалъ: *«Вотъ вольность комедіянтовъ!»*

Такая снисходительность и простота въ обхожденіи болѣе и болѣе сближали русскихъ съ царемъ ихъ, а это сближеніе дѣлало для нихъ съ каждымъ днемъ легче всѣ пожертвованія для пользы своего образованія. Трудно было для русскихъ разстаться съ обычаями старины: они при-

выкли къ нимъ съ дѣтства; но, смотря на царя, который показывалъ примѣръ ко всякой перемѣнѣ такого рода, можно ли было жаловаться на трудности? Этотъ примѣръ былъ тою волшебною силою, посредствомъ которой Петръ дѣлалъ чудеса свои. Благодаря ему, въ Москвѣ, вслѣдъ за азіятскою грубостію нравовъ, начала исчезать и азіятская безразсудная пышность. Знатные бояре уже не смѣли выѣзжать со двора въ богатыхъ каретахъ съ безчисленнымъ множествомъ слугъ: самого царя провожалъ всегда только одинъ *деньщикъ*, съ которымъ садился онъ въ небольшой двухколесный экипажъ, или кабріолетку, часто даже безъ кучера. Боярскіе сыновья не смѣли отказываться отъ путешествій въ чужіе края, куда посылали ихъ учиться разнымъ наукамъ и ремесламъ: самъ царь былъ усерднымъ ученикомъ и работникомъ иностранцевъ. Хорошо было этимъ дѣтямъ боярскимъ, если они возвращались изъ своихъ путешествій съ познаніями; но если же время ихъ было напрасно потеряно, царь былъ неумолимъ къ нимъ. Вмѣсто принятія въ службу, онъ отдавалъ ихъ въ распоряженіе своихъ шутовъ, которые могли смѣяться надъ ними, сколько хотѣли. Строгость его въ этомъ случаѣ доказывала, что онъ болѣе всего ненавидѣлъ праздность и напрасную потерю времени. Собственная неутомимость его еще лучше доказывала это: ни одна минута его не была потеряна, и часто съ самыхъ веселыхъ праздниковъ онъ уѣзжалъ посмотрѣть какое нибудь новое училище или заглянуть въ новую типографію, гдѣ печатались любимыя книги его: *Всеобщая Исторія Пуффендорфа*, *Землеописаніе Гибнера* и много другихъ, касающихся до кораблестроенія и мореплаванія.

Такъ быстро велъ Петръ къ просвѣщенію свою милую родину! Наконецъ, съ началомъ 1700 года сдѣланъ былъ новый, важный шагъ къ совершенному соединенію ея съ Европой. Надобно сказать вамъ, что предки наши до того времени праздновали начало года не 1-го января, какъ дѣлаютъ всѣ христіане, но 1-го сентября. Разумѣется, что эти четыре мѣсяца разницы причиняли часто большіе безпорядки въ сношеніяхъ русскихъ съ европейцами и вотъ Петръ, 19-го декабря 1699 года, объявилъ народу, что

1-го января начнется новый годъ. Приверженцы старины подняли было опять голоса свои противъ этой важной новости, но шумъ праздниковъ, приготовляемыхъ къ этому дню, и торжественное моленіе по всѣмъ церквамъ въ самую минуту начала его заглушили всѣ безразсудныя разсужденія старовѣровъ.

Наступившій 1700 годъ памятенъ былъ для русскихъ заключеннымъ 3-го іюля тридцати-лѣтнимъ выгоднымъ миромъ съ Турціею и началомъ войны съ Швеціею.

Эта война была такъ важна для Россіи и имѣла такое сильное вліяніе на судьбу ея, что читатели мои должны знать о ней нѣсколько подробнѣе. Ее называютъ въ исторіи войны *Сѣверною*, потому что въ ней участвовали не только Россія и Швеція, но и другія государства сѣверныя. Вотъ какъ началась она.

Вы вѣрно замѣтили, что шведы всегда были воинственнымъ народомъ; они часто отнимали земли у своихъ сосѣдей. Такъ достались имъ: Ингерманландія и Карелія, Лифляндія и Эстляндія. Россія желала возвратить подъ власть свою двѣ первыя, Польша—послѣднія. Въ это время поляки избрали королемъ своимъ саксонскаго курфирста Августа II, и съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ непремѣнно отнялъ у шведовъ прежнія земли польскія. И такъ, желанія и выгоды соединяли Августа II съ Петромъ I, который еще болѣе имѣлъ причинъ сердиться на шведовъ, вспоминая жестокое оскорбленіе, причиненное ему въ Ригѣ губернаторомъ Дальбергомъ и часовыми тамошней крѣпости. Король датскій былъ также недоволенъ Швеціею за отнятіе нѣкоторыхъ принадлежащихъ ему земель и съ радостію согласился быть союзникомъ Россіи и Польши противъ Швеціи.

Между тѣмъ надобно сказать вамъ, что Швеціею управлялъ въ это время молодой король Карлъ XII. Конечно, вы слыхали уже что нибудь о героѣ древнихъ временъ, *Александрѣ Македонскомъ*. Итакъ, чтобы дать вамъ нѣкоторое понятіе о Карлѣ XII, надобно сказать, что во всей исторіи древней и новой, онъ не находилъ никого выше Александра и почиталъ за славу подражать ему во всемъ. Съ такими намѣреніями, съ храбростью, доходившею до ге-

ройства, съ гордостью, близкою къ гордости македонскаго завоевателя, удивительно ли, что Карлъ не только безъ всякаго страха узналъ о собиравшемся противъ него союзѣ, но даже обрадовался этому. Казалось, что судьба посылала ему прекрасный случай представить міру во второй разъ героя македонскаго, и отвѣты его на первыя требованія союзниковъ, удовлетвореніемъ которыхъ можно было бы избѣжать войны, были такъ дерзки, что, казалось, не они, но онъ объявлялъ войну!

Она началась. Первый, испытавшій храбрость Карла, былъ король датскій. Сраженіе предъ самою столицей его Копенгагеномъ испугало Данію и заставило ее согласиться на всѣ требованія короля шведскаго. Съ этого времени она уже не смѣла быть его непріятельницею.

Съ тѣми же гордыми мыслями онъ переплылъ море Балтійское и вышелъ на берегъ Лифляндіи. Одно приближеніе его заставило поляковъ и помогавшимъ имъ саксонцевъ оставить почти уже начатую осаду Риги. Увѣренный въ безопасности этого города, Карлъ пошелъ къ Нарвѣ, потому что тамъ, по уговору союзниковъ, должны были собраться главныя силы русскія: Онѣ состояли изъ 39,000 человѣкъ, но въ рядахъ ихъ недоставало двухъ знаменитѣйшихъ воиновъ: Лефорта и Гордона. Петръ оплакалъ смерть ихъ за годъ предъ тѣмъ. Начальниками войска были теперь фельдмаршалъ *Головинъ* и генералы: герцогъ *фонъ-Крои, Бутурлинъ, Вейде, Шереметевъ* и *князь Долгорукій*. Къ несчастію, самъ Петръ не могъ быть съ ними въ то время, когда присутствіе его было всего нужнѣе: онъ принужденъ былъ склониться на просьбы короля польскаго, который, въ страхѣ отъ отчаянной храбрости шведовъ, умолялъ его пріѣхать для переговоровъ въ городъ Бирзенъ. Петръ, никакъ не думая, чтобы Карлъ имѣлъ смѣлость напасть на его многочисленную армію въ то время, когда шведское войско состояло только изъ 8,000 человѣкъ, поѣхалъ вмѣстѣ съ Головинымъ и всегдашнимъ спутникомъ и любимцемъ своимъ Меншиковымъ, бывшимъ уже поручикомъ бомбардирской роты Петра. Войско осталось подъ начальствомъ герцога фонъ-Крои и Долгорукаго [1]). Но недолго

---

[1]) Князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій, одинъ изъ знаменитѣй-

оно было подъ этимъ начальствомъ. Почти тотчасъ послѣ отъѣзда Петра, Карлъ съ необыкновенною пылкостію своею рѣшился сдѣлать нападеніе на русскихъ 19-го ноября 1700 года. Густой туманъ, а потомъ сильный снѣгъ и мятель помогли ему исполнить свое намѣреніе самымъ удачнымъ образомъ. Благодаря погодѣ, шведы подошли, никѣмъ не примѣченные, почти къ самому лагерю нашему, откуда увидѣли ихъ уже тогда, когда спасеніе было поздно! Сраженіе началось, но безъ всякаго порядка со стороны русскихъ, приведенныхъ въ совершенное замѣшательство неожиданнымъ нападеніемъ. Не прошло полчаса—и Карлъ уже одержалъ побѣду и оба главные начальники русскіе, герцогъ и князь Долгорукій, были взяты въ плѣнъ.

Такъ, 8,000 шведовъ побѣдили 39,000 русскихъ. Вамъ досадно и, кажется, даже стыдно слушать это, друзья мои? Но успокойтесь. Нарвское сраженіе не можетъ причинить намъ такъ много стыда, какъ вы думаете: 39,000 человѣкъ нашихъ были не тѣ, которые сражались подъ Азовымъ, но по большой части были новые ратники, набранные въ первый рекрутскій наборъ, бывшій въ 1699 году. Они никогда не видали еще непріятеля и сражались безъ царя, котораго присутствіе, вѣрно, не допустило бы ихъ до такого безславія. Войско же Карла, хотя и состояло только изъ 8,000 человѣкъ, но каждый изъ нихъ былъ опытный солдатъ подъ личнымъ начальствомъ героя неустрашимаго. Къ тому же, туманная погода помогла имъ обмануть наше войско. А многіе говорятъ, что былъ еще одинъ финскій крестьянинъ, который вызвался показать имъ самую близкую дорогу къ лагерю русскихъ, и онъ-то привелъ непріятеля почти къ самымъ палаткамъ ихъ. Наконецъ, къ утѣшенію вашему, скажу еще то, что и Петръ, получивъ извѣстіе объ этой неудачѣ, совсѣмъ не встревожился, но очень спокойно сказалъ: «шведы будутъ побѣждать насъ еще

шихъ любимцевъ Петра I. Онъ былъ отличный генералъ, а впослѣдствіи времени—справедливѣйшій изъ сенаторовъ. Петръ такъ уважалъ его за безпристрастіе, что, при разсматриваніи въ сенатѣ тяжебныхъ дѣлъ, всегда почиталъ правою ту сторону, на которой былъ князь Долгорукій, и не иначе называлъ этого преданнѣйшаго изъ подданныхъ своихъ, какъ *своимъ дядею*.

нѣсколько разъ — они учители наши въ военномъ искусствѣ, но современемъ мы заплатимъ имъ за ученье!»

Эти пророческія слова Великаго исполнились скорѣе, нежели онъ ожидалъ; Карлъ XII послѣ Нарвской побѣды вовсе пересталъ считать русскихъ опасными непріятелями и, размѣнявшись съ ними плѣнными, обратилъ всѣ силы свои на Августа II. Тогда какъ онъ заставлялъ дрожать передъ собою всю Польшу, Петръ не терялъ времени и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ уже нельзя было узнать его армію, разстроенную и унылую послѣ Нарвскаго сраженія. Десять новыхъ драгунскихъ полковъ заступили мѣста убитыхъ воиновъ; 180 пушекъ, перелитыя изъ колоколовъ, замѣнили тѣ, которыя достались шведамъ, и прежде нежели прошелъ годъ послѣ несчастнаго дня 19-го ноября, генералъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, сдѣланный фельдмаршаломъ, началъ, по словамъ Петра, платить за ученье шведамъ, сперва въ небольшихъ сшибкахъ, потомъ въ важныхъ сраженіяхъ, въ окрестностяхъ Дерпта, при Эрестферѣ и Гумельсгофѣ, гдѣ побѣда фельдмаршала надъ генераломъ Шлиппенбахомъ возвратила русскимъ потерянныя при Нарвѣ пушки и, кромѣ того, доставила имъ много непріятельской артиллеріи, знаменъ, барабановъ и 500 человѣкъ плѣнныхъ. Наконецъ, преслѣдуя шведовъ, Шереметевъ дошелъ до Лифляндіи и тамъ, въ августѣ 1702 года, завладѣлъ нѣсколькими городами, въ томъ числѣ *Маріенбургомъ*, — который читатели мои должны замѣтить и при случаѣ припомнить — разорилъ болѣе пятисотъ селеній и взялъ въ плѣнъ 12,000 человѣкъ, кромѣ солдатъ.

Такіе быстрые успѣхи восхитили Петра. Со всею царскою щедростію наградилъ онъ храбрыхъ воиновъ своихъ. Кромѣ помѣстьевъ, фельдмаршалъ получилъ орденъ св. Апостола Андрея, учрежденный въ 1698 году, вскорѣ послѣ возвращенія Петра изъ чужихъ краевъ; офицерамъ розданы были золотыя медали, солдатамъ — серебряныя.

Черезъ мѣсяцъ потомъ побѣдные крики русскихъ раздались на берегахъ Невы нашей, милые читатели мои, только не здѣсь, гдѣ оканчивается эта пышная Нева, но тамъ, гдѣ она начинается, вытекая изъ Ладожскаго озера. Въ этомъ мѣстѣ былъ въ то время шведскій городъ съ

крѣпостью *Нотебургъ.* Прежде онъ назывался *Орѣшекъ* и такъ же, какъ и вся Ингерманландія, принадлежалъ русскимъ и валенъ былъ для торговли ихъ, потому что посредствомъ Невы соединялъ Ладожское озеро съ Балтійскимъ моремъ. Петръ видѣлъ необходимость отнять его тѣмъ болѣе, что во время войны шведы могли хорошо держаться въ немъ и получать подкрѣпленіе моремъ. И такъ рѣшено было осадить эту важную крѣпость и осада примѣчательна тѣмъ, что въ ней участвовалъ самъ Петръ, но не какъ государь, а просто какъ капитанъ преображенскаго полка. Дѣятельное участіе его очень примѣтно было: Нотебургъ сдался послѣ одиннадцати дней осады. Здѣсь отличился болѣе всѣхъ любимецъ Петра, его милый *Алексаша — Herzenskind (дитя сердца)*, какъ онъ часто называлъ его, — и за это отличіе пожалованъ былъ генералъ-губернаторомъ Ингерманландіи. Взятіе Нотебурга чрезвычайно радовало Петра; онъ говорилъ, что это *ключъ*, который отворитъ ему входъ во всю Лифляндію и Балтійское море, и потому назвалъ его *Шлюссельбургомъ.* Вѣдь вы знаете, что *Schlüssel* значитъ по-нѣмецки *ключъ.* Это тотъ самый Шлюссельбургъ, который находится въ 60 верстахъ отсюда, по дорогѣ къ городу Новой-Ладогѣ.

Хотите ли знать, какъ Петръ писалъ о новомъ завоеваніи своемъ старому князю Ромодановскому, который во время отсутствія его всегда оставался въ Москвѣ, подъ именемъ князя Кесаря. Это коротенькое письмо покажетъ вамъ въ одно время и важность Нотебурга, и уваженіе Петра къ Ромодановскому, и необыкновенный родъ писемъ государя къ подданному. Читайте:

«*Sire!* Покорно доносимъ вашему величеству, что крѣпость Нотебургъ, по жестокомъ и трудномъ приступѣ, на имя вашего величества сдалась на аккордъ, а какъ тотъ белагеръ былъ, о томъ пространнѣе буду доносить впредь, а нынѣ за скорымъ отшествіемъ почты не успѣлъ. Сею викторіею поздравляя ваше величество, пребываю *Piter.* 13-го октября 1702 г.».

Это простое имя *Питеръ* былъ любимою подписью Петра: оно встрѣчается почти въ каждомъ письмѣ его.

НОВАЯ СТОЛИЦА, НОВЫЯ КРѢПОСТИ И ГАВАНИ.

ОТЪ 1703 ДО 1708 ГОДА.

(5 лѣтъ).

На правомъ берегу Невы, въ семи верстахъ отъ ея устья, на мѣстѣ нашей нынѣшней Большой Охты, въ 1703 году стояла шведская крѣпость *Ніеншанцъ* [1]. Посмотрѣвъ на большую карту Россіи, гдѣ примѣтно предъ глазами нашими стелется наша величественная Нева, вы, вѣрно, согласитесь, друзья мои, что если Шлюссельбургъ могъ называться *ключемъ* Балтійскаго моря, то Ніеншанцу по всѣмъ правамъ могло принадлежать имя *воротъ* его. Стало быть для великихъ намѣреній Петра необходимо было завоеваніе и этой крѣпости. Вотъ 20,000 войска, подъ начальствомъ инженеръ-генерала Ламберта, окружаютъ Ніеншанцъ, стрѣляютъ въ него десять часовъ сряду изъ 20 пушекъ и 12 мортиръ и послѣ этой страшной стрѣльбы, продолжавшейся цѣлую ночь, крѣпость выставляетъ *бѣлое* знамя, т. е. сдается. Это было утромъ 1-го мая. Семьдесятъ пушекъ и множество разныхъ припасовъ были наградою побѣдителей. На другой же день они замѣтили около устья Невы нѣсколько шведскихъ военныхъ судовъ, которыя могли быть опасны для вновь завоеванной крѣпости, и потому надобно было непремѣнно разстроить намѣренія шведовъ и отогнать ихъ отъ береговъ, уже принадлежавшихъ Россіи. Кому же надежнѣе всего поручить это важное дѣло? думалъ адмиралъ Головинъ. Искуснѣйшему изъ моряковъ — бомбардиръ-капитану *Петру Михайлову*. А вѣдь вы знаете, кто былъ этотъ Петръ Михайловъ? Съ величайшею радостію поспѣшилъ онъ исполнить лестное для него порученіе и, посадивъ нѣсколько сотенъ гвардейскихъ солдатъ въ тридцати небольшихъ лод-

---

[1]) *Ніенъ*—есть старинное названіе рѣки Невы, а *шанцъ* или *Schanze* значитъ *окопъ*. Стало быть точное значеніе слова *Ніеншанцъ* есть *Невскій окопъ*. Слѣды его въ видѣ невысокаго вала еще теперь слегка примѣтны между *Большою* и *Малою* Охтами.

кахъ, отправился Фонтанкою до шведскихъ кораблей, которые разъѣзжали у нынѣшняго Васильевскаго острова [1]). Тамъ окружили ихъ мелкія суда русскія, и чрезъ нѣсколько часовъ знаменитый капитанъ уже доносилъ адмиралу о взятіи въ плѣнъ двухъ большихъ судовъ непріятельскихъ и о разогнаніи остальныхъ.

Главными помощниками Петра въ этой новой морской побѣдѣ были бомбардирскіе поручики Меншиковъ и Головкинъ. И они всѣ трое получили отъ адмирала въ награду за свою храбрость и искусство ордена св. Апостола Андрея. Читатели мои, вѣрно, удивятся, что Петръ, учредитель этого ордена, самъ принялъ его изъ рукъ своего подданнаго! Да, скромность этого государя была такъ велика, что, не смотря на всѣ свои безчисленныя заслуги, онъ не прежде почелъ себя достойнымъ этого важнѣйшаго у насъ знака отличія, какъ послѣ такого дѣла, гдѣ онъ былъ главнымъ распорядителемъ и начальникомъ. Не забудьте, что во всѣхъ другихъ сраженіяхъ онъ участвовалъ какъ офицеръ подчиненный.

Теперь-то, когда вся Нева отъ начала ея, при Шлюссельбургѣ, до конца, при Финскомъ заливѣ, принадлежитъ Россіи, когда свѣтлыя волны ея, сливаясь съ волнами Балтійскаго моря, уже разбиваютъ бѣлую пѣну свою о берега русскіе и какъ будто приглашаютъ корабли чужеземные везти къ новымъ владѣтелямъ своимъ искусства и науки народовъ образованныхъ, — теперь-то настало время сказать вамъ о той мечтѣ, которая занимала Петра тогда, когда онъ ѣздилъ въ маленькой шлюпкѣ своей по водамъ гавани Амстердамской! Но теперь эта мечта уже такъ ясно развивается предъ глазами нашими, что, вѣрно, всѣ вы, въ одинъ голосъ, скажете: она была — *Петербургъ!* Такъ точно, Петербургъ, нашъ прекрасный Петербургъ, какъ будто вышедшій изъ волнъ Финскаго залива! Но остановимъ во-

---

[1]) Здѣсь кстати сказать, отчего этотъ островъ получилъ названіе *Васильевскаго*. Вскорѣ послѣ основанія Петербурга на немъ построены были для защиты противъ непріятельскихъ кораблей двѣ батареи. Ими командовалъ инженерный офицеръ *Василій Корчминъ*. Часто получалъ онъ письменныя приказанія отъ царя, на конвертѣ которыхъ надписывалось: *Василію на островъ*. Съ тѣхъ поръ привыкли называть этотъ островъ *Васильевскимъ*.

сторгъ, который возбуждается въ душѣ вашей при имени Петербурга, закроемъ глаза на весь нынѣшній блескъ, можно сказать, на всю нынѣшнюю чудесность этого великаго творенія Петра и представимъ себѣ то время, когда на мѣстѣ этого великолѣпно-стройнаго города были пустынные лѣса и болота! Для этого лучше всего вообразить себѣ, что мы въ Ніеншанцѣ, и съ такимъ же любопытствомъ, какъ и всѣ окружавшіе Петра, смотримъ на разъѣзды его по завоеваннымъ водамъ. О! съ пылкимъ воображеніемъ можно очень живо перенестись въ то время, такъ давно прошедшее! Мнѣ кажется, что я собственными глазами вижу, какъ отъ пристани ніеншанцкой отъѣзжаетъ царская яхта. Государь ѣдетъ осмотрѣть новыя владѣнія свои и выбрать, наконецъ, то мѣсто, гдѣ должна исполниться великая мысль его, гдѣ долженъ явиться передъ нимъ его собственный Амстердамъ! Величественно-прекрасный ростъ съ перваго взгляда отличаетъ Петра отъ всѣхъ его спутниковъ. Онъ стоитъ у самаго руля. Темнорусые волосы его развѣваются тихимъ вѣтеркомъ мая; быстрыми взорами онъ окидываетъ широкую Неву и красивые берега ея, покрытые густыми лѣсами. Особенно любуется онъ правою стороною рѣки и внимательно разсматриваетъ ее, начиная отъ деревянныхъ стѣнъ и земляныхъ валовъ Ніеншанца до самаго окончанія Васильевскаго острова на взморьѣ. Здѣсь должно быть мѣсто соединенія русскихъ съ европейцами, здѣсь должна быть столица ихъ образованности, ихъ будущей славы! Въ какомъ же именно мѣстѣ основать ее? Всего легче на Ніеншанцѣ: тамъ есть уже начало города и крѣпости. Но Петръ не думаетъ о томъ, что̀ легче: для него всего важнѣе выгоды народа, для котораго онъ готовъ переносить труды безчисленные. Ніеншанцъ далеко отъ моря, а новая столица русская должна быть непремѣнно приморская, должна быть непремѣнно портомъ, куда приходили бы корабли иностранные. Между Васильевскимъ островомъ и нынѣшнею Выборгскою стороною есть еще островъ, который шведы называли *Люстъ-Эландъ* [1]). На

---

[1]) Это значитъ *островъ веселья*. Теперь мы знаемъ этотъ островъ подъ именемъ *Петербургской стороны*.

него падаетъ выборъ Великаго: на него слетаетъ свѣтлая мечта его и въ первый разъ является передъ глазами русскихъ: они узнаютъ намѣреніе царя имѣть близь моря Балтійскаго столицу. На островѣ Люстъ-Элантѣ будетъ крѣпость ея, на концѣ Васильевскаго Острова—гавань. Объявивъ все это приближеннымъ своимъ, Петръ принимается за исполненіе великаго плана. Собственными руками его сдѣланъ чертежъ новой крѣпости, и 16-го числа того же мая мѣсяца она начата и названа по заложенной тамъ церкви свв. апостоловъ Петра и Павла—*Петропавловскою*. Это было первое строеніе новой столицы. Стало быть мы можемъ смѣло называть Петербургскую сторону колыбелью нашего славнаго Петербурга. Можно сказать, что здѣсь онъ родился, здѣсь взлелѣянъ и укрѣпленъ былъ заботливою рукою своего основателя. Въ дополненіе этого небольшаго описанія, кстати будетъ прибавить другое прекрасное описаніе почти той же торжественной минуты, когда въ воображеніи Петра создался великій городъ его.

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ онъ, думъ великихъ полнъ,
И вдаль глядѣлъ. Предъ нимъ широко
Рѣка неслася; бѣдный челнъ
По ней стремился одиноко;
По мшистымъ, топкимъ берегамъ
Чернѣли избы здѣсь и тамъ—
Пріютъ убогаго чухонца;
И лѣсъ, невѣдомый лучамъ
Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
Кругомъ шумѣлъ.
И думалъ онъ:
«Отсель грозить мы будемъ шведу:
Здѣсь будетъ городъ заложенъ,
На-зло надменному сосѣду;
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при морѣ.
Сюда по новымъ имъ волнамъ,
Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ
И запируемъ на просторѣ».

Это первое начало Петербурга. Теперь взгляните на него, спустя цѣлое столѣтіе отъ его рожденія:

Прошло сто лѣтъ—и юный градъ
Полнощныхъ странъ краса и диво,
Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ
Вознесся пышно, горделиво:
Гдѣ прежде финскій рыболовъ,
Печальный пасынокъ природы,
Одинъ у низкихъ береговъ
Бросалъ въ невѣдомыя воды
Свой ветхій неводъ, нынѣ тамъ
По оживленнымъ берегамъ
Громады стройныя тѣснятся
Дворцовъ и башенъ, корабли
Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатымъ пристанямъ стремятся.
Въ гранитъ одѣлася Нева;
Мосты повисли надъ водами:
Темнозелеными садами
Ея покрылись острова—
И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфироносная вдова.

Такъ описываетъ новую столицу нашу Пушкинъ.

Для строеній новаго города выписано было изъ разныхъ областей болѣе 20,000 работниковъ. Надзоръ за ними имѣли люди самые близкіе къ Петру: Меншиковъ, Нарышкинъ, Трубецкой, Головкинъ и Зотовъ. Кромѣ того и самъ царь былъ безпрестанно съ ними, и чтобы какъ можно ближе видѣть исполненіе пламеннаго желанія своего, онъ приказалъ построить для себя, тутъ же подлѣ крѣпости, деревянный домикъ. Онъ походилъ на тотъ, въ которомъ царь жилъ въ Саардамѣ, и состоялъ только изъ двухъ комнатъ, кухни и сѣней. Вы можете и теперь видѣть это скромное жилище величайшаго изъ государей. Это тотъ самый маленькій дворецъ Петра на берегу Невы [1]), гдѣ вѣрно многіе изъ петербургскихъ читателей моихъ уже бывали; тѣ же, которые еще не были, вѣрно сдѣлаютъ это теперь, потому что рѣдкое чувство можетъ быть пріятнѣе того, какое наполняетъ душу нашу въ томъ мѣстѣ, гдѣ

[1]) Императрица Екатерина I, супруга Петра Великаго, чтобы сохранить потомству этотъ домикъ, приказала обнести его каменными стѣнами.

нѣкогда жилъ великій человѣкъ! Войдите въ этотъ домикъ Петра и вы увидите, какъ все тамъ будетъ для васъ дорого и священно, какъ величественны и прекрасны покажутся вамъ эти маленькія комнатки! Съ какимъ невольнымъ благоговѣніемъ станете вы на колѣна предъ тѣмъ образомъ Спасителя, которому молился Великій! Этотъ образъ составляетъ теперь главную и священную драгоцѣнность маленькаго дворца.

Но отъ нынѣшняго состоянія этого домика перейдемъ къ тому, въ какомъ онъ былъ при началѣ своего существованія! Какъ все въ немъ и около него было тогда шумно, живо, дѣятельно! Въ четыре, а иногда и въ три часа государь уже вставалъ и часто еще въ домашнемъ платьѣ своемъ, которое было не другое что, какъ бѣлый холстинный камзолъ съ костяными пуговицами, выходилъ смотрѣть на работы крѣпости. Послѣ того удивительно ли, что въ четыре мѣсяца онѣ были окончены? Съ благодарностію обнималъ восхищенный Петръ своихъ усердныхъ сотрудниковъ и приказалъ вырѣзать имена ихъ на стѣнахъ пяти болверковъ, ими построенныхъ; шестой былъ подъ его собственнымъ надзоромъ. Вскорѣ подлѣ крѣпости начали показываться другія городскія строенія и прежде всего на прежнемъ Люстъ-Элантѣ, или Петербургскомъ островѣ, и потомъ на Васильевскомъ. Здѣсь чрезъ нѣсколько времени явилось великолѣпное зданіе: домъ Меншикова, въ которомъ теперь 1-й кадетскій корпусъ. Противоположная сторона Невы—теперь главная часть города—не пользовалась въ то время этою славою: она позже начала застраиваться, и Петръ въ 1703 году заложилъ въ ней только адмиралтейство и корабельную верфь. Отъ этого она и называется до сихъ поръ *Адмиралтейскою* стороною, которая раздѣлилась впослѣдствіи на четыре Адмиралтейскія части.

Между тѣмъ какъ новорожденная столица какъ будто какимъ-то волшебствомъ является среди болотъ и лѣсовъ невскихъ, Петръ думаетъ о безопасности своей любимицы, заботится о спокойствіи и выгодахъ ея. Крѣпость Петропавловская не можетъ защитить ее отъ нападеній съ моря; гавань Васильевскаго острова, по причинѣ мелководія, не можетъ принять ни большихъ кораблей военныхъ, ни тя-

жело-нагруженныхъ судовъ купеческихъ. Но Петръ зналъ это прежде, нежели положилъ основаніе новаго города, и уже давно приготовилъ и то, и другое вотъ гдѣ:

Въ 25-ти верстахъ отъ Петербурга, посреди волнъ Финскаго залива, лежитъ довольно большой, но необитаемый островъ, который финны называли *Ретусари*, а русскіе—*Котлинъ*. Этотъ островъ отдѣляется узкимъ, но глубокимъ пространствомъ воды, какъ будто узкимъ проливомъ, отъ довольно значительной песчаной мели. Увидѣвъ это въ первый разъ и измѣривъ глубокое мѣсто пролива, которое у моряковъ называется *фарватеромъ* [1]), Петръ съ восхищеніемъ и благодарностію поднялъ взоры свои на небо. Казалось, что Самъ Богъ заботился о защитѣ новой столицы русскихъ: проливъ былъ единственнымъ мѣстомъ, гдѣ могли проходить корабли всякой величины и тяжести; всѣ же другія мѣста Финскаго залива отъ Котлина до Петербурга были мелки и проходимы только для маленькихъ судовъ. Стало быть, для безопасности столицы стоило только не допустить непріятеля проѣхать по фарватеру. Для этого нужно было, чтобы по обоимъ берегамъ, между которыми онъ находится, русскіе сторожили своихъ непріятелей съ пушками и другими огнестрѣльными оружіями. И вотъ на песчаной мели, противъ Котлина, является чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ крѣпость *Кроншлотъ*. Противъ нея берегъ Котлина острова укрѣпляется также плотными стѣнами, уставляется также пушками, и такимъ образомъ страшный громъ и неминуемая погибель грозятъ съ этихъ двухъ береговъ каждому кораблю, которому вздумалось бы какъ непріятелю пробраться къ Петербургу. Вскорѣ на Котлинѣ была уже не одна стѣна съ укрѣпленіями, но за стѣною двѣ гавани—военная и купеческая, а подлѣ нихъ и городъ *Кронштадтъ*, въ который мы такъ скоро доѣзжаемъ лѣтомъ на пароходѣ, а зимою на лошадяхъ, по гладкому льду Финскаго залива. Но если это путешествіе возможно для васъ, то старайтесь сдѣлать его лѣтомъ. Рѣдкое удовольствіе можетъ сравниться съ тѣмъ,

[1]) Это голландское слово *Fahrwater*. Оно значитъ *водяной путь*, и только по этому пути можно плыть моремъ въ Петербургъ.

какое можно чувствовать, несясь—почти такъ же скоро, какъ птички—по синему морю, при ясной погодѣ, когда лучи яркаго солнца играютъ съ свѣтлыми волнами, а свѣжій вѣтерокъ съ бѣлыми парусами! Воспоминанія о Петрѣ сопровождаютъ васъ во все время переѣзда отъ Петербурга до Кронштадта. Не успѣешь потерять изъ вида петербургскую крѣпость и гавань Васильевскаго острова, какъ уже вдали показываются крѣпости Кронштадта и мачты кораблей, всегда наполняющихъ его гавани. А сколько воспоминаній объ этомъ государѣ въ самомъ Кронштадтѣ! Почти на каждомъ шагу вы встрѣтите что-нибудь изъ его великихъ учрежденій. Грозныя же укрѣпленія, которыми онъ такъ могущественно защитилъ насъ отъ нападеній непріятелей, ручаются намъ за безопасность Петербурга: до тѣхъ поръ, пока существуютъ Кронштадтъ и Кроншлотъ, ни одинъ непріятельскій корабль не дойдетъ до насъ!

Но какъ же удивились, узнавъ объ этомъ, тогдашніе государи европейскіе! Нѣкоторымъ изъ нихъ не только удивительно, но даже досадно было слушать разсказы о новой столицѣ, новыхъ крѣпостяхъ и гаваняхъ русскихъ. Болѣе всѣхъ занимало это шведовъ: они какъ будто начинали предчувствовать, что съ могуществомъ Россіи кончится власть ихъ надъ Балтійскимъ моремъ. Испуганные такою мыслію, они вмѣстѣ съ англичанами старались всѣми силами вразумить гордаго Карла XII, что уже прошло время презирать русскихъ, что надобно остановить завоеванія ихъ, казавшіяся сначала ничтожными, а теперь уже опасныя для Европы. Но всѣ представленія ихъ были напрасны: Карлъ и думать не хотѣлъ, чтобы русскіе что нибудь значили послѣ Нарвскаго сраженія и, равнодушно получая извѣстія о взятіи ими нѣсколькихъ, по мнѣнію его, неважныхъ мѣстечекъ Ингерманландіи, старался только скорѣе исполнить главное желаніе свое—отнять польскій престолъ у короля Августа. Петръ пользовался безразсуднымъ упрямствомъ и вѣтренностью Карла и, продолжая вести войну съ шведскими генералами, скоро завладѣлъ всею Ингерманландіею, и взятіемъ Нарвы отмстилъ за пораженіе, которое нѣкогда претерпѣлъ при этомъ городѣ. Такъ исполнилось предвѣщаніе Петра, что русскіе отплатятъ шве-

дамъ за уроки ихъ въ военномъ искусствѣ. Лучшими генералами царя въ этихъ счастливыхъ походахъ были фельдмаршалъ Шереметевъ и Меншиковъ, бывшій уже княземъ и получившій фельдмаршалскій чинъ послѣ важной побѣды, одержанной имъ надъ шведами при Калишѣ въ 1706 году. Фельдмаршалскій жезлъ, присланный къ нему государемъ, былъ украшенъ алмазами и стоилъ около 3,000 рублей.

Такіе успѣхи русскихъ заставили, наконецъ, Карла XII подумать нѣсколько объ опасномъ соперникѣ, который готовился для него въ Петрѣ: онъ могъ теперь опасаться его, тѣмъ болѣе, что дѣло съ Августомъ II было уже кончено, и этотъ несчастный и слабый государь, не смотря на все пособіе, какое подавала ему усердная помощница его Россія и отечество его Саксонія, не смотря на множество приверженцевъ своихъ въ Польшѣ, долженъ былъ уступить непреодолимому могуществу Карла и принять отъ него самый унизительный миръ, заключенный въ Альтранштадтѣ. По условіямъ этого мира Августъ долженъ былъ отказаться отъ польской короны и остаться попрежнему курфирстомъ саксонскимъ, долженъ былъ нарушить союзъ съ царемъ русскимъ, долженъ былъ поздравить съ восшествіемъ на престолъ новаго короля польскаго *Станислава Лещинскаго*, избраннаго по желанію Карла! Эти три условія, хотя очень тягостныя для жалкаго Августа, были еще лучше четвертаго, которое дѣлало стыдъ и тому, кто предложилъ его, и тому, кто принялъ! Грустно разсказать этотъ случай, друзья мои, но что дѣлать! Исторія неумолима: она не утаиваетъ дурное, но точно такъ же разсказываетъ его, какъ и все хорошее, и потому вы узнаете, какъ несправедливы, какъ безжалостны были Карлъ и Августъ.

Вы давно читали уже, что Швеція владѣла Лифляндіей, какъ своимъ завоеваніемъ. При королѣ Карлѣ XI эта несчастная земля терпѣла такія жестокія притѣсненія отъ своихъ завоевателей, что лифляндское дворянство рѣшилось наконецъ отправить въ Стокгольмъ съ избранными отъ себя членами просьбу къ королю о защитѣ противъ несправедливостей правительства. Главнымъ изъ членовъ былъ двадцатилѣтній капитанъ *Іоганнъ Рейнгольдъ Паткуль*, происходившій изъ древней лифляндской фамиліи. Это былъ

пылкій, умный, образованный молодой человѣкъ, пламенно любившій свою родину. Съ жаромъ защищалъ онъ ее передъ королемъ и тѣмъ обратилъ на себя его негодованіе: просьбу дворянства лифляндскаго нашли дерзкою противъ Швеціи и Паткуля, какъ сочинителя такой бумаги, приговорили къ смерти.

Несчастный спасся отъ казни бѣгствомъ, заложилъ все свое имѣніе и, проживая то въ Германіи, то въ Швейцаріи, старался доказать невинность свою и Карлу XI, и потомъ наслѣднику его Карлу XII. Старанія его были напрасны: тотъ и другой ненавидѣли смѣлаго лифляндца. Наскучивъ праздною жизнью, Паткуль съ радостью вступилъ въ польскую службу по приглашенію тогдашняго короля Августа. Но служба при такомъ государѣ, какимъ всегда былъ Августъ, не могла нравиться дѣятельному Паткулю и онъ скоро оставилъ ее. Безпріютный изгнанникъ, не имѣвшій дозволенія возвратиться въ отечество, готовъ былъ и въ чужой землѣ жертвовать всѣмъ для пользы и счастія людей, но такія высокія чувства могъ оцѣнить только тотъ, кто умѣлъ бы понять ихъ, могъ оцѣнить только такой государь, который, какъ Петръ, и самъ жертвовалъ бы всѣмъ для счастія подданныхъ. И судьба хотѣла, чтобы эти двѣ прекрасныя души встрѣтились: Паткуль узналъ Петра, и съ тѣхъ поръ не хотѣлъ служить никому другому. Здѣсь только, у государя, вокругъ котораго все кипѣло жизнію, можно было сказать, что Паткуль былъ на своемъ мѣстѣ. Неутомимая дѣятельность его безпрестанно находила себѣ занятіе: онъ былъ полезенъ, былъ нуженъ для Россіи и потому вы можете судить, любилъ ли его Петръ?

Счастливый этою драгоцѣнною любовью, Паткуль начиналъ забывать свои прежнія бѣдствія и, пламенно желая освобожденія родины своей отъ шведскаго владычества, молилъ Бога, чтобы побѣдителемъ въ войнѣ сѣверной былъ не безразсудный Карлъ, но великодушный, безпримѣрный царь Россіи. Чтобы отнять силы у шведскаго короля, нужно было, сколько возможно, поддерживать Августа, и Петръ дѣлалъ это, посылая ему и войско, и деньги. Начальникомъ этого войска и въ то же время посланникомъ

русскимъ въ Польшѣ, въ 1705 году, былъ Паткуль. Августъ, неблагодарный къ той помощи, какую оказывали ему русскіе, такъ безсовѣстно обходился съ ними, что войско ихъ терпѣло недостатокъ даже въ пищѣ. Это жестоко оскорбляло человѣколюбивое сердце Паткуля: онъ заговорилъ, и слова его въ такомъ дурномъ видѣ представлены были Августу, что онъ, забывъ священное званіе посланника и генерала своего союзника, приказалъ арестовать его. Несчастный Паткуль безъ всякой вины томился въ темницѣ, потому что этого желалъ непримиримый врагъ его Карлъ XII, возненавидѣвшій благороднаго лифляндца еще болѣе съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался усерднымъ подданнымъ соперника его Петра. Карлъ желалъ не только того, чтобы Паткуль былъ въ темницѣ, но даже и того, чтобы онъ былъ выданъ ему, какъ преступникъ, уже давно приговоренный къ смерти шведскимъ правительствомъ. И онъ предложилъ это Августу! И Августъ не постыдился принять это жестокое предложеніе. Вотъ оно-то было *четвертымъ* условіемъ того унизительнаго альтранштадтскаго мира, о которомъ я говорила вамъ. Оно исполнилось 28-го марта 1707 года: въ этотъ день Паткуль выданъ Карлу XII. Ужасна была судьба невиннаго страдальца! Казалось, Карлъ хотѣлъ отмстить ему и за ропотъ Лифляндіи, и за успѣхи Петра! Никакія просьбы государей, которыхъ царь русскій умолялъ вступиться за посланника его, не смягчили непреклоннаго короля Швеціи, и въ сентябрѣ того же 1707 года несчастный Паткуль казненъ.

Такая несправедливость, такая неслыханная участь посланника явно показывала ненависть къ государю его. Петръ могъ также видѣть въ этомъ безчеловѣчномъ поступкѣ желаніе Карла продолжать войну, которая должна сдѣлаться теперь гораздо важнѣе: твердое, обдуманное мужество Петра пылало новымъ жаромъ при мысли о горестной кончинѣ одного изъ благороднѣйшихъ любимцевъ его; гордая, необузданная храбрость Карла готовилась однимъ ударомъ уничтожить всю неожиданную имъ славу великаго государя и всѣ прекрасныя начинанія его. Европа съ любопытствомъ смотрѣла на споръ знаменитыхъ сопер-

никовъ; русскіе съ нетерпѣніемъ ожидали извѣстія о томъ, съ которой стороны нападетъ на нихъ страшный для всѣхъ Карлъ.

ИЗМѢННИКЪ МАЗЕПА И БИТВА ПОЛТАВСКАЯ.

ОТЪ 1708 ДО 1710 ГОДА.

(2 года).

Петръ I думалъ, что нападеніе сдѣлано будетъ на ту часть Россіи, гдѣ находилась новая столица ея и области, недавно отнятыя у Швеціи; вмѣсто того Карлъ XII явился тамъ, гдѣ никто не ожидалъ его, явился въ Малороссіи! Но этому была причина, и вотъ какая важная причина.

Начальникомъ малороссійскихъ казаковъ, которые, какъ вы знаете, составляли главную часть жителей Малороссіи, былъ въ это время гетманъ Мазепа. Съ молодыхъ лѣтъ онъ славился своимъ умомъ, образованіемъ и ловкостью. Этими качествами ему такъ хорошо удавалось скрывать свои пороки, что до самой старости никто не подозрѣвалъ въ немъ обманщика и хитреца, который достигалъ до всего коварствомъ и ласкательствами. Вмѣстѣ съ другими обманывался и Петръ: онъ видѣлъ въ Мазепѣ одного изъ вѣрнѣйшихъ слугъ своихъ и любилъ его за неустрашимость, которую онъ показывалъ во всѣхъ сраженіяхъ, гдѣ только участвовалъ. Въ первый разъ отличился онъ въ войнѣ съ турками, при Азовѣ, и съ того времени обратилъ на себя такое милостивое вниманіе государя, что при учрежденіи ордена св. апостола Андрея Первозваннаго онъ былъ вторымъ изъ генераловъ, получившихъ этотъ важный знакъ отличія. Кромѣ того, разныя милости, которыми Петръ осыпалъ казаковъ малороссійскихъ, разныя права и преимущества, которыми они пользовались, безпрестанно доказывали расположеніе государя къ гетману ихъ. Но неблагодарный заплатилъ за довѣрчивую любовь царя измѣною самою низкою, самою постыдною! Прочитавъ раз-

сказъ о ней, вы, вѣрно, удивитесь, до чего можетъ довести человѣка излишнее честолюбіе!

Можно сказать, что у Мазепы оно было болѣе нежели *излишнее!* Вообразите, что для него не довольно было пользоваться всѣми почестями, имѣть первый чинъ въ государствѣ, имѣть ордена: русскій св. Андрея и польскаго Бѣлаго Орла; недовольно было управлять не только всѣми казачьими полками, но и всею Украйною; быть владѣтелемъ 40,000 душъ крестьянъ, пожалованныхъ ему Петромъ, въ нынѣшнихъ Орловской и Курской губерніяхъ; наконецъ, не довольно счастія быть любимцемъ государя, — ему захотѣлось быть самому государемъ независимымъ. Послушайте, какъ онъ обдумалъ планъ свой. На тѣхъ самыхъ мѣстахъ, которыя составляютъ Малороссію, было прежде княжество сѣверское, и вотъ дерзкій гетманъ казаковъ вообразилъ, что онъ можетъ возобновить это княжество и сдѣлаться княземъ его! Это возможно,—думалъ Мазепа,— Польша близко отсюда, а тамъ повелѣваетъ и новымъ королемъ, и народомъ тотъ Карлъ XII, которому стоитъ только захотѣть, и—я на престолѣ древнихъ князей сѣверскихъ! Я доставлю ему за это помощь всего малороссійскаго войска противъ Петра, а польскому королю буду льстить обѣщаніемъ присоединить къ королевству его славную Украйну.

Какъ вздумано, такъ и сдѣлано. Шестидесятилѣтній Мазепа, пылкій какъ молодой человѣкъ, не откладывалъ никогда надолго своихъ намѣреній и потому и на этотъ разъ тотчасъ же поручилъ самымъ надежнымъ друзьямъ своимъ представить королю шведскому свои измѣнническія предложенія.

Нечего сказывать, съ какою радостію Карлъ XII принялъ ихъ! Почитая себя и безъ того героемъ непобѣдимымъ, какихъ успѣховъ не могъ онъ ожидать отъ своей храбрости, видя вдругъ на своей сторонѣ все войско малороссійское? Съ благодарностью согласился онъ на всѣ желанія Мазепы и сверхъ того обѣщалъ, въ случаѣ неудачи, скрыть его отъ гнѣва царскаго въ своей Швеціи.

Всѣ эти переговоры и условія дѣлались съ такою тайною, что ни Петръ, ни министры его Головкинъ и Шафировъ нисколько не подозрѣвали замысловъ гетмана; но

за то въ самой Малороссіи нашлись люди, понимавшіе обманщика, не смотря на всѣ старанія его скрыть себя. Должно думать, что эти люди ненавидѣли гетмана, потому что неутомимая внимательность, съ которою они подсматривали за всѣми поступками его, не могла происходить отчего либо другого, какъ отъ ненависти. Къ счастію Россіи, такихъ людей было много въ Малороссіи: Мазепа былъ несправедливъ, дерзокъ, можно сказать даже безсовѣстенъ съ своими подчиненными. Удивительно ли, что они желали освободиться отъ своего притѣснителя? Однакожъ долго непріятели Мазепы не были для него страшны; ни одинъ изъ нихъ не осмѣливался дѣйствовать противъ любимца царскаго, но въ 1707 году онъ оскорбилъ жестоко, нестерпимо генеральнаго судью казаковъ Василія Леонтьевича *Кочубея*. Это былъ старикъ, уважаемый всѣмъ войскомъ, почтенный по своимъ заслугамъ и рожденію. Глубоко чувствуя сдѣланную ему обиду, онъ старался всѣми силами отмстить за нее и его не пугало всемогущество дерзкаго повелителя Украйны. Вотъ онъ-то открылъ всѣ тайныя связи измѣнника съ поляками и шведами. Какъ ужаснулся вѣрный сынъ Россіи опасности, грозившей ей! Какъ увеличилась ненависть его къ Мазепѣ съ той минуты, какъ онъ увидѣлъ въ немъ не только своего оскорбителя, но и врага Петрова! Нисколько немедля, онъ описалъ всѣ узнанныя имъ подробности измѣны гетмана и въ январѣ 1708 года отправилъ это донесеніе къ царю съ однимъ изъ преданныхъ друзей своихъ, полковникомъ полтавскаго полка *Искрою*. Но подивитесь, друзья мои, какъ хорошо умѣлъ гордый честолюбецъ скрывать свои пороки и злодѣянія! И проницательный Петръ, и умные вельможи его приняли усердныхъ доносителей за враговъ славнаго гетмана и къ нему же отослали ихъ для суда и наказанія!

Вы вѣрно угадаете горестную судьбу обоихъ несчастливцевъ? Да, они погибли; Мазепа же еще болѣе утвердился въ довѣренности государя и съ новымъ жаромъ и безъ боязни принялся за постыдный заговоръ свой. Карлъ XII, съ полною надеждою на успѣхъ, отправился въ Россію и въ августѣ 1708 года уже перешелъ Днѣпръ.

Теперь вы понимаете, отчего пошелъ онъ прямо на Малороссію, а не на новую столицу нашу, которую ему такъ хотѣлось уничтожить. Онъ думалъ, что скорѣе достигнетъ своего желанія тогда, когда соединится съ своимъ сильнымъ сообщникомъ и уже вмѣстѣ съ нимъ пойдетъ къ Петербургу. Но, кромѣ этого соединенія, для него нужно было еще другое: изъ Лифляндіи вышло шестнадцати-тысячное войско подъ начальствомъ генерала Левенгаупта и спѣшило къ королю своему. Петръ, еще не знавшій объ измѣнѣ Мазепы, предвидѣлъ вредъ, какой могъ произойти для русскихъ отъ соединенія Левенгаупта съ Карломъ, и рѣшился, во что бы то ни стало, не допустить ихъ соединиться. Для этого онъ отправилъ противъ Карла фельдмаршала Шереметева, а самъ пошелъ вслѣдъ за Левенгауптомъ и догналъ его въ нынѣшней Могилевской губерніи, около Пропойска, при мѣстечкѣ *Лѣсномъ*. Вамъ надобно хорошо знать, гдѣ находится это мѣсто, милые читатели, потому что здѣсь Петръ одержалъ такую блистательную побѣду надъ шведами, что въ восхищеніи называлъ ее матерью той знаменитой *Полтавской побѣды*, о которой вы скоро услышите. Левенгауптъ потерялъ большую часть своего войска, пушки и всѣ запасы, которые везъ для арміи короля.

Такая неожиданная потеря заставила Карла XII какъ можно скорѣе спѣшить въ Малороссію, гдѣ недостойный гетманъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ прихода его, чтобы объявить свою измѣну Россіи. Въ октябрѣ 1708 года, ровно чрезъ три мѣсяца послѣ сраженія подъ Лѣснымъ, шведы явились во владѣніяхъ Мазепы, на берегахъ Десны. Два соединившіеся врага нашего отечества объявили малороссіянамъ свободу и возстановленіе княжества сѣверскаго. Но какъ же удивились они, когда увидѣли, какое дѣйствіе произвело это объявленіе! Малороссіяне, вмѣсто того, чтобы обрадоваться, ужаснулись, и безчестный гетманъ успѣлъ только обманомъ переманить за Десну двѣ или три тысячи человѣкъ, всѣ же прочіе остались вѣрными своему законному государю.

Карлъ XII, хотя жестоко обманутый въ своемъ разсчетѣ на помощь Малороссіи, не пришелъ въ уныніе и

съ прежнею гордостію, съ прежнею дерзкою самонадѣянностію продолжалъ походъ свой. Онъ шелъ по Украйнѣ, потому что плодоносныя поля ея доставляли большую пользу его арміи, начинавшей чувствовать недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Къ этому несчастію шведовъ присоединилось вскорѣ другое: настала зима съ самыми сильными морозами. Воины Карла такъ много терпѣли отъ нихъ, что часто находили ихъ на дорогахъ окостенѣвшими отъ стужи. Но и этотъ ужасный видъ не могъ поколебать души короля ихъ: онъ все еще считалъ себя непобѣдимымъ и, проведя въ Малороссіи пять мѣсяцевъ, рѣшился въ апрѣлѣ 1709 года взять приступомъ городъ Полтаву, лежащій на берегу рѣки Ворсклы, впадающей въ Днѣпръ. Полтава, существующая и теперь, казалась для Карла XII такимъ значительнымъ городомъ, что онъ думалъ получить въ ней награду за всѣ труды и неудачи свои во время этого похода.

Между тѣмъ какъ король шведскій, совершенно занятый этимъ приступомъ и мыслію о своей будущей побѣдѣ, строитъ укрѣпленія, чтобы лучше нападать на осажденную Полтаву и иногда имѣетъ небольшія сшибки съ ея жителями, посмотримъ, что дѣлаетъ знаменитый соперникъ его.

Горестно было для великой души Петра узнать низкую измѣну Мазепы, горестно тѣмъ болѣе, что эта измѣна погубила двѣ благороднѣйшія жертвы: *Кочубея* и *Искру!* Добрый царь, упрекая и себя въ этой погибели, спѣшилъ возвратить семействамъ несчастныхъ отнятую у нихъ честь и имѣніе. Потомъ съ благодарностію обратился онъ къ малороссіянамъ, наградилъ вѣрность ихъ, наказалъ небольшое число преданныхъ Мазепѣ, самого же его приказалъ предать церковному проклятію, которое вѣчно будетъ продолжаться надъ измѣнникомъ.

Поручивъ Малороссію новому гетману *Ивану Скоропадскому*, Петръ приготовилъ все для рѣшительнаго сраженія съ Карломъ XII: не только сухопутныя силы его блистали самымъ лучшимъ устройствомъ, но даже и морскія, разъѣзжавшія около Азова и Таганрога, были въ такомъ положеніи, что могли тотчасъ выдержать всякое

нападеніе турокъ, еслибы эти сосѣди южныхъ границъ нашихъ вздумали помогать шведамъ. Но Петръ не боялся этого: миръ съ Турціей былъ недавно подтвержденъ и въ окрестностяхъ Полтавы ожидалъ его Карлъ XII только съ однимъ помощникомъ своимъ Мазепою. Царь пріѣхалъ къ Полтавѣ въ іюнѣ 1709 года, когда осада продолжалась уже около трехъ мѣсяцевъ. Осажденные были доведены шведами до большой крайности и уже недолго могли противиться. Тѣмъ скорѣе спѣшилъ Петръ спасти ихъ и, увѣренный въ покровительствѣ Божіемъ, назначилъ день сраженія 29-го іюня, когда празднуется у насъ память свв. апостоловъ Петра и Павла. Въ то же время это былъ и день именинъ государя. Но Карлъ предупредилъ его двумя днями и началъ первый, по утру 27-го іюня. Битва была отчаянная съ обѣихъ сторонъ: Петръ сражался за счастіе народа своего, за все вновь созданное имъ царство, которое должно было уничтожиться вмѣстѣ съ торжествомъ Карла; Карлъ защищалъ громкую славу свою, свое названіе *героя* и своихъ несчастныхъ воиновъ, которыхъ ожидала неминуемая погибель въ странѣ враговъ-побѣдителей. Въ этотъ знаменитый день нельзя было рѣшить, который изъ двухъ государей былъ неустрашимѣе. Тысячи пуль летали около нихъ обоихъ, не пугая ни одного. Одна изъ нихъ пробила у русскаго царя шляпу, другая — сѣдло, третья попала въ крестъ, висѣвшій у него на груди [1]). Король же, за нѣсколько дней предъ тѣмъ раненый ночью при осмотрѣ казацкихъ пикетовъ, не въ состояніи былъ сидѣть на лошади и приказалъ возить себя между рядами своихъ воиновъ въ качалкѣ; когда же запряженные въ нее лошади были убиты, пересѣлъ на верховую, и раненую ногу положилъ къ ней на шею. Въ такомъ положеніи онъ разъѣзжалъ между своими храбрыми шведами, ободрялъ

---

[1]) Въ московскомъ Успенскомъ соборѣ и теперь хранится этотъ крестъ. Онъ четырехконечный, длиною въ пять вершковъ, шириною нѣсколько менѣе, сдѣланъ изъ золота и украшенъ драгоцѣнными каменьями. Въ немъ находятся рѣдкія святыни, присланныя съ Аѳонской горы царю Ѳеодору Іоанновичу. Этотъ крестъ принадлежалъ Константину Великому и потому называется Константиновскимъ. На немъ замѣтно еще поврежденіе, сдѣланное попавшею въ него пулею во время Полтавской битвы.

ихъ воспоминаніями о побѣдахъ, такъ часто одерживаемыхъ ими надъ русскими, предвѣщалъ новую славу и на этотъ день. Но предвѣщаніе его не сбылось: эта слава и этотъ день принадлежали Петру. Шведское войско послѣ непродолжительнаго сраженія было совершенно разбито, и Карлъ едва спасся бѣгствомъ отъ плѣна.

Прекрасно описанъ этотъ знаменитый день у Пушкина въ его поэмѣ «*Полтава*»:

«Горитъ востокъ зарею новой.
Ужъ на равнинѣ по холмамъ
Грохочутъ пушки. Дымъ багровый
Кругами всходитъ къ небесамъ
Навстрѣчу утреннимъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули.
Въ кустахъ разсыпались стрѣлки.
Катятся ядра, свищутъ пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые побѣды,
Сквозь огнь окоповъ рвутся шведы;
Волнуясь, конница летитъ;
Пѣхота движется за нею
И тяжкой твердостью своею
Ея стремленія крѣпитъ.
И битвы поле роковое
Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ;
Но явно счастье боевое
Служить ужъ начинаетъ намъ.
Пальбой отбитыя дружины,
Мѣшаясь, падаютъ во прахъ:
Уходитъ Розенъ сквозь тѣснины,
Сдается пылкій Шлиппенбахъ.
Тѣснимъ мы шведовъ рать за ратью;
Темнѣетъ слава ихъ знаменъ,
И Бога браней благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ.
Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный гласъ Петра:
«За дѣло съ Богомъ!» изъ шатра
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,
Онъ весь какъ Божія гроза.
Идетъ. Ему коня подводятъ.
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь.

Почуя роковой огонь,
Дрожитъ, глазами косо водитъ
И мчится въ прахѣ боевомъ,
Гордясь могучимъ сѣдокомъ.
Ужъ близокъ полдень. Жаръ пылаетъ.
Какъ пахарь битва отдыхаетъ.
Кой-гдѣ гарцуютъ казаки.
Равняясь, строятся полки.
Молчитъ музыка боевая.
На холмахъ пушки, присмирѣвъ,
Прервали свой голодный ревъ,
И се — равнину оглашая,
Далече грянуло *ура!*
Полки увидѣли Петра.
И онъ промчался предъ полками
Могущъ и радостенъ какъ бой.
Онъ поле пожиралъ очами.
За нимъ вослѣдъ неслись толпой
Сіи птенцы гнѣзда Петрова—
Въ премѣнахъ жребія земного,
Въ трудахъ державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметевъ благородный,
И Брюсъ, и Бауръ, и Рѣпнинъ,
И счастья баловень безродный —
Полудержавный властелинъ.

И передъ синими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами
Въ качалкѣ, блѣдный, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился,
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился,
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье...
Вдругъ слабымъ маніемъ руки
На русскихъ двинулъ онъ полки.

И съ ними царскія дружины
Сошлись въ дыму среди равнины:
И грянулъ бой, Полтавскій бой!
Въ огнѣ, подъ градомъ раскаленнымъ,
Стѣной живою отраженнымъ
Надъ падшимъ строемъ, свѣжій строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей

Отряды конницы летучей,
Бравдами саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся съ плеча.
Бросая груды тѣлъ на груду,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разятъ.
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ, русскій—колетъ, рубитъ, рѣжетъ,
Бой барабанный, клики, скрежетъ,
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
И смерть, и адъ со всѣхъ сторонъ».

Какъ вѣрно представлена эта страшная картина битвы! Но вотъ, послушайте, приближается часъ побѣды Петра:

«Но близокъ, близокъ часъ побѣды.
Ура! мы ломимъ; гнутся шведы...
О славный часъ! О славный видъ;
Еще напоръ—и врагъ бѣжитъ;
И слѣдомъ конница пустилась,
Убійствомъ тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась,
Какъ роемъ черной саранчи».

Эта побѣда почитается знаменитѣйшею въ исторіи Петра. Утвердивъ за Россіею мѣста, завоеванныя ею у Швеціи, и въ нихъ—новый портъ и новую столицу ея, она доставила русскимъ то, что̀ было главною цѣлью жизни Петра: соединеніе ихъ съ образованными европейцами. Вы уже слышали, какъ европейцы не желали этого соединенія, какъ они боялись возрастающаго могущества Россіи и какъ старались уничтожить его. Это стараніе поручено было ими сосѣду Россіи—королю шведскому. И вы видите, друзья мои, какъ усердно исполнялъ онъ сдѣланное ему порученіе,—стало быть, можете представить себѣ, что было бы со всѣми новыми учрежденіями Петра: съ многочисленнымъ флотомъ его, съ его вновь образованнымъ войскомъ, съ его знаменитымъ портомъ на Балтійскомъ морѣ, однимъ словомъ, со всѣми его великими намѣреніями, еслибы Карлъ XII остался побѣдителемъ? Можно поручиться, что все это было бы уничтожено; дерзкій король шведскій въ гнѣвѣ своемъ уже не разъ кричалъ страшнымъ голосомъ: «О! и моего хлыста довольно будетъ, чтобы выгнать этихъ негодныхъ москвитянъ не только изъ Москвы, но даже и изъ всего міра!»

Вмѣсто того грозный предсказатель самъ обратился въ бѣгство и какъ?—безъ войска, почти съ однимъ только измѣнникомъ Мазепою и нѣсколькими адъютантами, въ татарской телѣгѣ!—и куда же?—въ одинъ изъ пограничныхъ городовъ Турціи, Бендеры, умоляя о покровительствѣ султана! Послѣдній отрядъ его, состоявшій изъ 16,000 человѣкъ, подъ начальствомъ генерала Левенгаупта, оставался еще въ окрестностяхъ Полтавы на берегахъ рѣки Ворсклы. Петръ отправилъ въ погоню за ними князей Голицына и Меншикова, и 30-го іюня, чрезъ три дня послѣ Полтавской битвы, всѣ 16,000 шведовъ, искусно окруженные со всѣхъ сторонъ 9,000 русскихъ, сдались безъ сраженія со всею амуниціею, знаменами, артиллеріею и королевскою казною.

Съ смиреніемъ христіанина наслаждался царь русскій своею знаменитою побѣдою. Относя весь успѣхъ ея къ всемогущему покровительству Бога, онъ смотрѣлъ на поля полтавскія, какъ на мѣста священныя, какъ будто ручавшіяся за будущую славу Россіи. Необыкновенный духъ его, быстрый, проницательный и благочестивый, не сомнѣвался въ этой славѣ и потому благодарность его къ Всевышнему была неизъяснима! Онъ изъявилъ ее торжественно на другой день побѣды, 28-го іюня, на самомъ мѣстѣ битвы. Молебствіе совершилось въ обширной походной церкви, посреди поля полтавскаго. Послѣ обѣдни погребены были на этомъ же полѣ, въ одной огромной могилѣ, тѣла убитыхъ защитниковъ Россіи, а въ другой—тѣла враговъ ихъ, шведовъ. Надъ первыми Петръ, собственными руками, поставилъ крестъ съ надписью дня побѣды и кончины ихъ; надъ вторыми плакали печальные соотечественники ихъ, попавшіеся въ плѣнъ. Всѣ они были тутъ же при торжествѣ вмѣстѣ съ русскими, но никто не оскорблялъ ихъ насмѣшками; напротивъ того, послѣ обѣдни самъ царь пригласилъ генераловъ и офицеровъ ихъ къ своему обѣденному столу и въ отмщеніе всѣхъ дерзостей, какими часто Карлъ XII оскорблялъ народъ его, позволилъ себѣ сказать только слѣдующія слова: «Вчера братъ мой Карлъ просилъ васъ сегодня на обѣдъ въ шатры мои и хотя онъ не сдержалъ своего слова, но мы выполнимъ это и для

того прошу васъ со мною откушать». За этимъ обѣдомъ добрый царь всячески старался развеселить унылыхъ шведовъ и не одинъ разъ пилъ за здоровье *учителей своихъ въ военномъ искусствѣ*. Такъ почти всегда онъ называлъ ихъ.

Пушкинъ говоритъ и объ этомъ славномъ пирѣ:

«Пируетъ Петръ. И гордъ, и ясенъ,
И славы полонъ взоръ его.
И царскій пиръ его прекрасенъ
При кликахъ войска своего;
Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ.
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ».

Такое ласковое обращеніе государя, высоко уважаемаго всѣми, не могло не имѣть вліянія на бѣдныхъ плѣнниковъ: они на нѣсколько минутъ забыли свое несчастіе и развеселились. Да и трудно было бы не развеселиться! Почти каждый изъ сидѣвшихъ за столомъ былъ пожалованъ отъ царя [1]) или чиномъ, или помѣстьемъ, или орденомъ, или деньгами; кромѣ того, всѣ могли похвалиться милостію его, равно на всѣхъ излитою,—стало быть, всѣ были веселы и счастливы! Безпрестанно пили за здоровье того или другого генерала; а при такомъ случаѣ уже не бываетъ людей задумчивыхъ: общее веселье прогоняетъ грусть съ лица печальныхъ. Такъ было и съ храбрыми шведами, когда большіе бокалы самаго вкуснаго вина переходили у гостей царскихъ изъ рукъ въ руки, и особенно въ ту минуту, когда фельдмаршалъ Шереметевъ всталъ съ своего мѣста и громко сказалъ: «За здоровье нашего новаго *контръ-адмирала* и *генералъ-поручика!*» Догадаетесь ли вы, друзья мои, кто былъ этотъ *новопожалованный* двумя чинами?—Полковникъ преображенскаго полка *Петръ Михайловъ*. Въ Пол-

---

[1]) Для самыхъ любопытныхъ изъ читателей моихъ, которые бы желали знать, какія именно награды получили главные генералы—участники Полтавской битвы, надобно сказать, что князь Меншиковъ произведенъ былъ въ генералъ-фельдмаршалы; князья: Голицынъ, Долгорукій и Репнинъ получили помѣстья; Брюсъ, Галартъ и Ренцель—ордена св. апостола Андрея; гетманъ Скоропадскій—портретъ государя, осыпанный брилліантами.

тавскую битву онъ въ первый разъ исполнялъ должность главнокомандующаго и за славное окончаніе ея всѣ генералы поднесли знаменитому полковнику дипломы на эти два важные чина въ сухопутномъ и морскомъ войскѣ.

Торжество не кончилось тѣмъ, потому что на другой день было 29-е іюня. Радость русскихъ увеличилась. И въ лагерѣ войска, и въ самой Полтавѣ, и въ окрестностяхъ ея—все веселилось! Знаменитый именинникъ снова угощалъ всѣхъ пышнымъ обѣдомъ. Въ этотъ день и для всѣхъ солдатъ поставлены были огромные столы съ виномъ и закусками. Переходя отъ одной роты къ другой, царь останавливался передъ каждою и говорилъ восхищеннымъ солдатамъ: «Хлѣбъ-соль, товарищи! поздравляю васъ съ праздникомъ и побѣдою!»

Такъ праздновалась эта славная побѣда въ первый разъ! Я говорю *въ первый разъ* потому, что съ тѣхъ поръ не прошло ни одного года, чтобы русскіе не праздновали ее. Этого желалъ побѣдитель: каждое 27-е іюня вы услышите во всѣхъ церквахъ благодарственный молебенъ Богу; но знаете ли, гдѣ всего пріятнѣе слушать его? На Выборгской сторонѣ есть церковь св. Сампсонія. Подите туда въ день Полтавской побѣды: память св. Сампсонія празднуется 27-го іюня, и эту церковь Петръ приказалъ построить въ воспоминаніе славнаго для Россіи дня и въ изъявленіе благодарности своей къ Богу. Здѣсь-то можно живѣе, нежели гдѣ нибудь, вспомнить въ этотъ день Петра и перенестись мысленно въ то уже отдаленное отъ насъ время, когда этотъ незабвенный государъ пріѣзжалъ туда каждый годъ благодарить Всевышняго и снова порадоваться побѣдѣ своей!

ЦАРИЦА ЕКАТЕРИНА.

Удивительны дѣла Петра! Удивительно могущественное вліяніе его на все, что̀ окружаетъ его: чудесно образуются, чудесно совершенствуются и вещи, и люди, до которыхъ прикасается онъ волшебною рукой своей! Чи-

татели мои видятъ доказательства этого и въ войскѣ его, которое еще такъ недавно начало устроиваться по примѣру войскъ европейскихъ и уже умѣло побѣждать ихъ; видятъ это и во флотѣ его, еще такъ недавно состоявшемъ изъ одного стараго ботика, а теперь уже изъ нѣсколькихъ сотенъ большихъ и малыхъ судовъ, страшныхъ для непріятелей Россіи, и въ новой столицѣ его, великолѣпно возвышающейся тамъ, гдѣ менѣе нежели за десять лѣтъ были только болота и пустыни; и въ любимцахъ, окружающихъ и престолъ, и мастерскія его! Какъ многіе изъ нихъ, еще недавно молодые люди, только что начинавшіе образоваться, спорили теперь въ искусствѣ и познаніяхъ съ лучшими полководцами и министрами Европы! Однимъ словомъ, кажется все, на что обращается творческій взоръ Петра, начинаетъ жить какою-то новою жизнію, начинаетъ стремиться къ какой-то новой, высокой цѣли! Но изъ всего этого, изъ всего, что̀ преобразовано, возвышено или сотворено Петромъ, изъ всѣхъ прекрасныхъ созданій, обязанныхъ ему новою жизнію, вы, друзья мои, еще не знаете одного. Чтобы разсказать вамъ о немъ, мы оставимъ грозный шумъ войны и бурь, безпрестанно окружающій Петра, и войдемъ въ который нибудь изъ скромныхъ дворцевъ его, посмотримъ, какъ живетъ онъ у себя дома, когда усталость заставляетъ его на нѣсколько минутъ отдохнуть отъ тяжкихъ заботъ государственныхъ.

Вы, вѣрно, помните, что въ первомъ супружествѣ своемъ молодой царь не наслаждался семейственнымъ счастіемъ. Евдокія Ѳеодоровна Лопухина, не смотря на свою молодость и красоту, была нечувствительна, угрюма, любила старинныя обыкновенія и привычки предковъ нашихъ и ненавидѣла всѣ новости, какія великій супругъ ея вводилъ вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ въ нравы и обычаи народа своего. Рожденіе сына въ февралѣ 1690 года, восхитивъ сердце Петра, не сильно обрадовало равнодушную царицу: душа ея не сдѣлалась нѣжнѣе и первыя наставленія ея малюткѣ состояли въ томъ, чтобы онъ усерденъ былъ къ обычаямъ старины и сколько можно защищалъ бы ихъ отъ нападеній своего *немилосердаго* родителя! Такъ исполненная жестокихъ предразсудковъ Евдокія не стыдилась на-

зывать несравненнаго супруга своего въ присутствіи сына! Этого еще недовольно: она называла его гонителемъ православной вѣры, оправдывала стрѣльцовъ-раскольниковъ, безпрестанно бунтовавшихъ противъ Петра и просвѣщенія. Болѣе девяти лѣтъ переносилъ царь тягостную жизнь съ такою супругою, болѣе восьми лѣтъ находился царевичъ Алексѣй Петровичъ подъ надзоромъ матери, учившей его не любить отца! Наконецъ участіе Евдокіи въ послѣднемъ стрѣлецкомъ бунтѣ 1698 года показало царю въ полной мѣрѣ жестокія намѣренія супруги его: ужасаясь ихъ, онъ навсегда разстался съ нею. Постриженная подъ именемъ Елены въ суздальскомъ Покровскомъ монастырѣ, она не переставала и тамъ желать всѣхъ несчастій супругу, не переставала и тамъ отвращать отъ него сердце сына въ тѣ немногіе часы, которые молодому царевичу позволено было проводить съ матерью въ монастырскихъ келіяхъ ея.

Между тѣмъ какъ Евдокія, благодаря природнымъ наклонностямъ сына, во многомъ походившаго на нее, успѣвала портить молодое сердце царевича и тѣмъ приготовлять его къ ужаснымъ порокамъ, погубившимъ впослѣдствіи этого князя — надежду русскихъ, — Петръ, безпрестанно озабоченный великими занятіями своими, не могъ имѣть близкаго надзора за воспитаніемъ наслѣдника. Вовсе не воображая, какія несчастія готовились ему въ сердцѣ сына, онъ, напротивъ того, почиталъ маленькаго царевича единственнымъ утѣшеніемъ своего одиночества и, можетъ быть, чувствуя къ нему самую нѣжную любовь, не вступалъ во второе супружество. Эта утѣшительная для отца привязанность продолжалась до тѣхъ поръ, пока Петръ, занятый то путешествіями, то войнами, рѣдко бывалъ въ Москвѣ, и потому не имѣлъ случая узнать въ совершенствѣ сердце и нравъ своего сына. Какъ же огорчился онъ, когда наконецъ случай представился, и онъ понялъ и это сердце, и этотъ нравъ! Въ двѣнадцати-лѣтнемъ сынѣ его были всѣ свойства матери, упорной, нечувствительной къ славѣ Россіи, ненавидѣвшей просвѣщеніе ея! Предвидя судьбу всѣхъ новыхъ учрежденій своихъ въ правленіе такого наслѣдника, царь ужаснулся и съ того времени заботы его о воспитаніи царевича еще болѣе увеличились. Онъ на-

дѣялся собственными попеченіями поправить въ немъ то, что было испорчено, и для того старался какъ можно менѣе разставаться съ нимъ. Часто молодой царевичъ былъ съ неутомимымъ родителемъ своимъ даже въ походахъ его. Но вся эта заботливость мало помогала: сердце Алексѣя было уже слишкомъ вооружено противъ великаго отца его. Печально смотрѣлъ на это царь и, лишившись надежды имѣть друга въ нѣжно-любимомъ сынѣ, началъ сильнѣе чувствовать горестную потерю своего семейственнаго счастія.

Это печальное чувство, присоединясь къ огорченіямъ, какія терпѣлъ онъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ отъ властолюбивой сестры, имѣло сильное вліяніе на его здоровье, а оно и безъ того много разстроивалось отъ безпрестанныхъ трудовъ, часто превосходившихъ тѣлесныя силы Великаго. Впослѣдствіи времени это обратилось даже въ родъ нервной болѣзни, которой припадки жестоко мучили государя, тѣмъ болѣе, что въ это время онъ дѣлался неспособнымъ ни къ какимъ занятіямъ. А вѣдь вы знаете, какъ дорожилъ онъ каждою минутою! Тогда только что нибудь особенно смѣшное могло развлекать мрачную задумчивость его и приводить въ прежнее состояніе разстроенный духъ. Въ этомъ случаѣ искуснѣйшій изъ придворныхъ шутовъ *Балакиревъ* былъ неоцѣненъ для всѣхъ окружавшихъ Петра: въ то время, когда всѣ они, встревоженные страданіями государя, не въ состояніи были придумать, чѣмъ помочь ему, Балакиревъ всегда находилъ удачное къ тому средство, и какая нибудь остроумная шутка, невольно заставивъ больного смѣяться, развеселяла его до того, что припадокъ проходилъ и царь, ласково потрепавъ по плечу притворно-глупаго Балакирева, принимался съ прежнею бодростью за оставленныя занятія.

Но такіе сильные припадки случались съ Петромъ впослѣдствіи, когда новыя душевныя и тѣлесныя страданія усилили болѣзнь; теперь же мы говоримъ еще о томъ времени, когда только начали показываться ея признаки, или, лучше сказать, мы говоримъ о причинахъ, произведшихъ эту болѣзнь. Итакъ, одною изъ главныхъ была — горесть о дурномъ сердцѣ и нравѣ царевича! Часто великодушный благотворитель своего народа задумывался надолго о бу-

дущей судьбѣ его и все блистательное начало его образованія, вся слава, уже имъ пріобрѣтенная, исчезала въ глазахъ Преобразователя при имени Алексѣя и его жестокой матери! Послѣ такихъ печальныхъ размышленій Петръ часто на цѣлый день оставался въ задумчивости.

Вотъ въ одинъ изъ такихъ дней, скучая болѣе обыкновеннаго, онъ пошелъ разсѣять грусть свою къ тому, кто всегда умѣлъ утѣшать его, къ своему Herzenskind—князю Меншикову. Но на этотъ разъ не Меншикову удалось перемѣнить грустное расположеніе духа его въ веселое и пріятное: это сдѣлала, совсѣмъ неожиданно, молодая женщина, которую онъ въ первый разъ увидѣлъ тамъ и которой величественная красота и образованный умъ тотчасъ привлекли вниманіе государя, умѣвшаго всегда быстро оцѣнивать все прекрасное. Никогда не встрѣчая ее прежде въ домѣ Меншикова, онъ спѣшилъ разспросить у него о замѣчательной незнакомкѣ и узналъ, что это была бѣдная лифляндка, вдова шведскаго драгунскаго офицера Раббе, попавшаяся въ плѣнъ при взятіи русскими лифляндскаго городка Маріенбурга. Участіе, которое Петръ почувствовалъ при этомъ разсказѣ къ бѣдной плѣнницѣ, еще болѣе увеличилось, когда, начавъ съ нею разговоръ, онъ узналъ отъ нея самой всѣ подробности дѣтства и первой молодости ея. Эти подробности были, въ самомъ дѣлѣ, любопытны и занимательны. Катерина Раббе — такъ называли молодую лифляндку — была дочь литовскаго дворянина Скавронскаго. Рано лишилась она отца и матери и изъ состраданія взята была въ домъ добраго пастора Глюкка. Благодѣтель ея, соединявшій съ превосходнымъ сердцемъ самый образованный умъ, воспитывалъ ее со всею заботливостью и впослѣдствіи выдалъ за человѣка, извѣстнаго своею честностью и благородствомъ. Но непродолжительно было счастіе сироты: въ самомъ началѣ замужества Екатерина лишилась супруга, а потомъ и свободы. Побѣдителемъ при Маріенбургѣ былъ фельдмаршалъ Шереметевъ; и такъ въ домѣ его молодая плѣнница провела время своего плѣна. Судьба, готовившая ей высокое счастіе, привела ее потомъ въ домъ Меншикова, и здѣсь-то она достигла этого счастія. Петръ, послѣ перваго свиданія, открывалъ

съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе достоинствъ въ прекрасной Екатеринѣ, съ каждымъ днемъ находилъ болѣе и болѣе удовольствій въ ея умномъ и пріятномъ обществѣ. Она была исполнена точно такими же чувствами къ Петру, и это было неудивительно: пасторъ Гликкъ уважалъ Петра, какъ великаго генія своего вѣка, и научилъ воспитанницу свою думать такъ же. Привыкнувъ съ младенчества почитать Петра необыкновеннымъ смертнымъ, посланнымъ на землю, чтобы дать новую жизнь цѣлому народу, Екатерина всегда пламенно желала его видѣть и была въ восторгѣ, когда это желаніе ея исполнилось. Величественный видъ царя, такъ прекрасно согласовавшійся съ великими качествами души его, внушилъ ей, при первомъ взглядѣ, не только самое пріятное удивленіе, но даже какое-то радостное, и въ то же время благоговѣйное чувство: оно выражалось въ эту минуту во всѣхъ чертахъ лица ея, выражалось впослѣдствіи въ томъ глубокомъ уваженіи, которымъ исполнено было сердце ея къ этому знаменитому государю, и выражалось, наконецъ, въ той безпредѣльной преданности, которую она всегда доказывала ему. Сначала она была только другомъ, утѣшительницею Петра во всѣхъ огорченіяхъ, какія печалили сердце его, и тогда, когда онъ занимался дѣлами государственными, и тогда, какъ онъ съ горестію слышалъ о поступкахъ своего сына. Потомъ, привыкая болѣе и болѣе къ той, которая такъ хорошо умѣла услаждать душевныя страданія, Петръ, творецъ всего прекраснаго въ царствѣ своемъ, хотѣлъ довершить свое твореніе царицею, достойною его не по рожденію и предкамъ, которые всегда были ничтожны въ глазахъ его, но по собственнымъ превосходнымъ качествамъ, отличавшимъ избранную имъ супругу. Въ ноябрѣ 1707 года исполнилась эта воля Петра: онъ обвѣнчался съ Екатериною, которая до свадьбы приняла греческую вѣру и была наречена *Екатериною Алексіевною.*

Эта свадьба совершилась не торжественно, но тихо, такъ что и о самомъ мѣстѣ вѣнчанія историки не согласны: иные изъ нихъ говорятъ, что оно происходило въ Петербургѣ, въ церкви Св. Троицы; другіе, по извѣстіямъ болѣе достовѣрнымъ, утверждаютъ, что этотъ бракъ былъ со-

вершенъ въ селѣ Яворовѣ; даже народу не было объявлено о томъ, какъ обыкновенно бываетъ въ такомъ случаѣ; казалось, чувствительное сердце Петра, не смотря на всѣ дурные поступки первой супруги его, жалѣло огорчить ее торжественнымъ объявленіемъ о счастіи соперницы и потому бракъ царя остался долго какъ будто тайною для подданныхъ его, и не прежде какъ уже въ мартѣ 1711 года объявленъ былъ Россіи. Съ того времени Екатерина называлась уже *царицею.*

Въ томъ же году молодая царица доказала цѣлому свѣту, какъ достойна она была своей блистательной судьбы! Милые читатели! когда вы узнаете, что̀ она сдѣлала, то вѣрно поблагодарите Бога за счастливый выборъ Петра: казалось, этотъ необыкновенный государь проникалъ быстрымъ взоромъ своимъ будущность и, взводя на престолъ русскій Екатерину, видѣлъ въ ней не только любимую супругу, но и генія-спасителя Россіи. Да, друзья мои, имя Екатерины должно быть навѣки незабвенно для насъ: послушайте разсказъ о великомъ дѣлѣ ея.

Для этого мы должны обратиться къ тому времени, когда слухъ о Полтавской побѣдѣ, разносясь по Европѣ, заставлялъ во всѣхъ государствахъ ея съ удивленіемъ говорить о русскихъ, и особенно о ихъ славномъ Петрѣ. Теперь только, когда онъ побѣдилъ дотолѣ непобѣдимаго Карла, всѣ въ полной мѣрѣ поняли его величіе, всѣ начали другими глазами смотрѣть на царство его, еще такъ недавно почитаемое полудикимъ и азіатскимъ. Отъ этой перемѣны мыслей произошла вездѣ большая перемѣна въ происшествіяхъ: Данія снова объявила свои права на области, отнятыя у ней Швеціею. Станиславъ Лещинскій потерялъ престолъ, доставленный ему Карломъ; Августъ II, подъ покровительствомъ Петра, простившаго его трусость и поступокъ съ Паткулемъ, снова получилъ этотъ престолъ и изъ благодарности, а можетъ быть и изъ боязни къ знаменитому побѣдителю шведовъ, не спорилъ съ нимъ о Лифляндіи и предоставилъ ее во власть его. Въ іюнѣ 1710 года не только вся она, но даже и вся Эстляндія, и Карелія, и часть Финляндіи съ главнымъ городомъ ея Выборгомъ уже принадлежали русскимъ. Теперь великій

планъ Петра былъ конченъ: любимица его, юная столица сѣвера, была въ полной безопасности, окружена со всѣхъ сторонъ землями русскими. Весело онъ праздновалъ въ ней блестящія побѣды свои въ то время, какъ грозная туча сбиралась на него съ юга: Карлъ XII, со времени Полтавскаго сраженія, жилъ въ Турціи и не хотѣлъ выѣхать оттуда до тѣхъ поръ, пока не уговоритъ султана начать войну съ Россіей. Долго турецкій государь не соглашался на это, не имѣя причины ссориться съ русскими; но Карлъ полтора года жилъ въ Бендерахъ, полтора года твердилъ турецкимъ министрамъ, какъ нужно для собственной пользы ихъ остановить безпрестанно-возрастающее могущество Россіи,—и такъ нельзя удивляться, что, наконецъ, онъ успѣлъ въ своихъ намѣреніяхъ, и Турція въ ноябрѣ 1710 года объявила войну русскимъ.

Петръ принялъ это объявленіе безъ страха, хотя эта война могла быть въ то время очень опасна для него, потому что съ многочисленною арміею турецкою шли дикія, варварскія толпы татаръ и ногайцевъ. Помощниками царя русскаго были только ненадежные поляки, безпрестанно спорившіе между собою о короляхъ своихъ, Августѣ и Станиславѣ, и два господаря: молдавскій — *Кантемиръ* и валахскій—*Бранкованъ*. На послѣднихъ надѣялся онъ гораздо болѣе, нежели на поляковъ: они оба, спасая себя и владѣнія свои отъ притѣсненій турокъ, просили его принять въ подданство свое ихъ области, и за то обѣщали помогать русскимъ и соединить съ ними войска свои.

Петръ, положась на эту помощь, спокойно отправился въ походъ, въ мартѣ 1711 года вмѣстѣ съ супругою своею, уже объявленною царицею Россіи. Передъ отъѣздомъ изъ Москвы, заботясь о томъ, чтобы дѣла государственныя шли въ порядкѣ и во время отсутствія государя онъ учредилъ *сенатъ*, или такое верховное присутственное мѣсто, котораго члены, избранные изъ первыхъ чиновъ царства, смотрѣли за правосудіемъ, за доходами государственными, даже за военною службою, и судили преступниковъ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ царь съ гвардейскими полками своими и съ отрядами генераловъ Вейде, Алларта и Репнина

переправился уже чрезъ Днѣстръ и вступилъ во владѣнія союзника своего, господаря молдавскаго. Вѣрный своему слову, Кантемиръ встрѣтилъ его съ усердіемъ и преданностію, войско его было готово сражаться за русскихъ. Но не таковъ былъ Бранкованъ: этотъ безчестный грекъ, прельстившись обѣщаніями турокъ, измѣнилъ Петру въ то время, когда прямодушный царь, не подозрѣвая возможности такой низкой измѣны, уже перешелъ границы владѣній своихъ и былъ въ землѣ враговъ! Ужасно было положеніе, до котораго этотъ измѣнникъ довелъ войско русское! Вообразите, что оно отдѣльнымъ двадцати-двухъ тысячнымъ корпусомъ, подъ начальствомъ самого Петра, перешло рѣку Прутъ и было встрѣчено тамъ, вмѣсто ожидаемыхъ союзныхъ полковъ валахскихъ, цѣлою турецкою арміею, состоявшею болѣе нежели изъ 100,000 человѣкъ, кромѣ шведскихъ отрядовъ Карла XII, кромѣ поляковъ, приверженцевъ Станислава Лещинскаго, и кромѣ татаръ крымскихъ и ногайскихъ, зашедшихъ сзади русскихъ! Прибавьте къ этому совершенный недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, невозможность достать ихъ въ землѣ непріятелей, жестокость этихъ непріятелей, и вы поймете всѣ мученія, какія долженъ былъ испытывать Петръ, чувствуя, что его собственная неосторожность и довѣренность къ обманщику была виною несчастія! Терзаемый этою мыслію, болѣе нежели опасностями, со всѣхъ сторонъ грозившими, онъ не прежде, однакожъ, пришелъ въ уныніе, какъ чрезъ нѣсколько дней послѣ несчастнаго перехода черезъ Прутъ, когда уже небольшое войско его еще уменьшилось отъ отчаянныхъ встрѣчъ съ непріятелемъ, и когда уже этотъ непріятель окружилъ весь лагерь русскій рвомъ и ожидалъ только прихода артиллеріи, чтобы открыть пушечную пальбу по всей арміи русской. Это было въ ночь на 11-е іюля 1711 года. Страшная ночь, казалось, предвѣщавшая погибель отечества нашего! Мраченъ былъ видъ лагеря русскихъ. Всѣ они приготовились умереть: иначе нельзя было спастись отъ плѣна и униженія. Такъ чувствовалъ каждый воинъ Петра; но что же чувствовалъ онъ самъ! О! страданія его были неизъяснимы: однакожъ никто не видѣлъ ихъ: онъ сидѣлъ одинъ въ палаткѣ своей, одинъ предавался горести, доходившей почти

до отчаянія при мысли о томъ, что съ плѣномъ его погибнетъ все сотворенное имъ для Россіи! Въ эти ужасныя минуты никто не утѣшалъ несчастнаго государя: онъ отвергнулъ даже заботливость самой милой утѣшительницы своей — Екатерины: и ей, такъ же какъ и всѣмъ, запрещено было входить въ палатку.

Здѣсь-то является во всемъ блескѣ эта знаменитая государыня, эта предвидѣнная геніемъ Петра спасительница Россіи. Видя бѣдственное положеніе всего войска, видя даже уныніе героя - супруга своего, она не теряетъ мужества и рѣшается дѣйствовать тогда, когда въ судьбѣ русскихъ, казалось, все уже было кончено! Сохранивъ присутствіе духа, необыкновенное въ женщинѣ, она устремляетъ всѣ силы ума своего на размышленіе о средствахъ спасти драгоцѣннѣйшія блага свои: жизнь Петра и славу Россіи. И вдругъ мысль о возможности заключить выгодный миръ блеснула въ душѣ Екатерины и обрадовала ее точно такъ, какъ радуетъ заключеннаго несчастливца утѣшительный лучъ солнца, неожиданно прокравшійся въ мрачную темницу его. Не медля ни минуты, она сзываетъ на совѣтъ всѣхъ старшихъ генераловъ и открываетъ имъ мысль свою; всѣ одобряютъ ее, но никто не осмѣливается предложить ее царю, никто не осмѣливается нарушить его грозное повелѣніе и войти въ палатку. Екатерина и здѣсь является выше всего ее окружающаго: она съ твердостію входитъ къ государю, видитъ его глубокую задумчивость и потомъ его негодованіе. Въ слезахъ бросается она къ ногамъ его и гнѣвъ Петра исчезаетъ; нѣжнѣйшія ея ласки прогоняютъ даже задумчивость супруга. Съ какимъ-то небеснымъ спокойствіемъ онъ слушаетъ своего ангела-утѣшителя, съ кротостію покоряется ея желанію и въ ту же минуту приказываетъ фельдмаршалу Шереметеву отправить письмо къ начальнику турецкаго войска, великому визирю, съ предложеніемъ о мирѣ. Екатерина, втайнѣ отъ супруга, отдаетъ посланному всѣ свои брилліанты и другія драгоцѣнности. Спасеніе Россіи, вѣроятно, было уже опредѣлено Богомъ, потому что, не смотря на всѣ представленія шведскихъ генераловъ, старавшихся удержать турокъ отъ мира съ русскими, почти побѣжденными уже,

великій визирь принялъ предложенный миръ. Конечно, условія этого мира были тягостны для Петра: онъ лишался всѣхъ мѣстъ, завоеванныхъ имъ у Швеціи, лишался важнаго для него Азова, Таганрога и нѣсколькихъ другихъ крѣпостей; долженъ былъ вывести войска свои изъ Польши, долженъ былъ позволить Карлу XII свободно проѣхать въ Швецію. Но что значило все это въ сравненіи съ тѣми несчастіями, какія могли случиться въ отечествѣ нашемъ тогда, когда бы великій государь его сдѣлался плѣнникомъ турокъ! Итакъ, съ благодарностію къ Богу Петръ согласился на всѣ условія, исключивъ только одно, о которомъ мы не говорили потому, что оно заслуживаетъ особенное вниманіе ваше, милыя дѣти. Оно состояло вотъ въ чемъ. Турки требовали, чтобы Петръ выдалъ преданнаго ему союзника и, можно сказать, друга: государя молдавскаго, князя Кантемира. Это напоминаетъ намъ Карла XII, сдѣлавшаго точно такое же предложеніе Августу. Но какая разница въ отвѣтахъ! Король польскій, для своихъ собственныхъ ничтожныхъ выгодъ, пожертвовалъ несчастнымъ Паткулемъ и отдалъ его на мучительную смерть; Петръ не согласился выдать Кантемира для спасенія своей свободы, жизни, царства! Хотите ли вы, друзья мои, знать слово въ слово отвѣтъ этого великаго государя визирю? О! этотъ отвѣтъ прекрасенъ; о немъ говорятъ съ удивленіемъ не только русскіе, но даже и чужестранные историки. Вотъ онъ: «*Я не могу преступить моего слова и предать князя, оставившаго свое владѣніе изъ любви ко мнѣ. Мы ничего не имѣемъ собственнаго, кромѣ чести; отступить отъ нея—есть перестать быть государемъ*».

Столько величія тронуло даже грубое сердце визиря: онъ отказался отъ своего требованія и 12-го іюля заключилъ миръ, доставившій Петру и арміи его свободу возвратиться въ отечество.

Въ какой ужасной досадѣ былъ Карлъ XII, когда извѣстіе объ этомъ мирѣ дошло до Бендеръ, гдѣ онъ жилъ въ ожиданіи видѣть погибель ненавистнаго ему царя русскаго! Безъ памяти поскакалъ онъ въ турецкій лагерь, чтобы остановить дѣйствія визиря, но уже было поздно. 14-го іюля русское войско, переправясь за Прутъ, уже шло

по дорогѣ къ Кіеву, и счастливая Екатерина, сопровождая супруга своего, наслаждалась истиннымъ блаженствомъ души. Всѣ окружавшіе ее, начиная отъ государя до послѣдняго изъ подданныхъ, видѣли въ ней свою избавительницу; всѣ говорили ей это съ такою искреннею признательностію, что прекрасная царица не могла не гордиться своимъ рѣдкимъ счастіемъ. Такая гордость была справедлива, потому что кто болѣе ея заслуживалъ это счастіе?

ПРАЗДНИКИ И УВЕСЕЛЕНІЯ ПЕТЕРБУРГСКІЕ.

Много бываетъ веселыхъ и торжественныхъ праздниковъ въ нашемъ Петербургѣ, милые читатели. И вы, вѣроятно, видѣли нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ парады военные — на площади Дворцовой и Царицыномъ лугу, церковные — въ день Крещенія на Невѣ, въ день св. Александра Невскаго — въ Невскомъ монастырѣ. Современемъ увидите можетъ быть и тѣ, какіе бываютъ во дворцѣ государя нашего при торжественныхъ случаяхъ въ семействѣ царскомъ. Эти удовольствія еще ожидаютъ васъ; но не хотите ли взглянуть хотя однимъ воображеніемъ на то, чего уже нѣтъ, хотите ли получить понятіе о праздникахъ петербургскихъ во времена Петра? Мы возьмемъ одинъ изъ тѣхъ, которые такъ подробно описаны въ историческихъ запискахъ тѣхъ временъ, что подлинно почти можно взглянуть на нихъ.

Для этого перенесемся мысленно на берега Васильевскаго острова. На нихъ нѣтъ еще той каменной стѣны домовъ, которая возвышается тамъ теперь, начиная отъ Горнаго корпуса до великолѣпнаго зданія Академіи Художествъ. Тамъ гордо стоитъ только дворецъ князя Меншикова. Съ ранняго утра 9-го сентября 1714 года начались въ этомъ дворцѣ приготовленія къ пріему знаменитаго гостя: государь, возвращавшійся въ тотъ день изъ морского похода, обѣщалъ кушать у любимца своего. Этотъ походъ былъ не одинъ изъ тѣхъ обыкновенныхъ походовъ.

какіе Петръ дѣлалъ такъ часто во время продолжительной войны съ Швеціей. Нѣтъ, это былъ знаменитый походъ, сгладившій съ имени русскихъ малѣйшіе слѣды того стыда, которымъ непріятели старались покрывать послѣ ихъ несчастнаго дѣла Прутскаго, доставившій во владѣніе Петра еще нѣсколько мѣстъ по берегу Финляндіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и совершенную власть надъ заливомъ Финскимъ. Главное морское сраженіе, утвердившее новое завоеваніе и окончившее походъ, было 27-го іюля 1714 года, на южномъ концѣ Финляндіи, между Гельсингфорсомъ и Або, близь мѣстечка *Травемюнде* и мыса *Ганге-Уддъ* или *Гангутъ*. Здѣсь-то Петръ, контръ-адмиралъ и главный начальникъ своей эскадры, одержалъ славную побѣду и, далеко преслѣдуя шведскіе корабли, навелъ страхъ на самую столицу шведовъ и взялъ въ плѣнъ контръ-адмирала ихъ *Эреншильда*. Побѣдитель, въ награду трудовъ и опасностей, перенесенныхъ моряками-товарищами его, хотѣлъ торжественно въѣхать съ ними въ новую столицу свою. Вотъ въ этотъ-то знаменитый день назначенъ былъ обѣдъ у князя Меншикова и праздникъ въ Петербургѣ.

Уже было около полудня. Народъ давно толпился по улицамъ и особенно по берегамъ Невы, потому что царю надобно было ѣхать мимо ихъ изъ Кронштадта. Самые любопытные спѣшили въ гавань, изъ которой ближе всего видно синѣвшее море. Долго смотрѣли они напрасно на отдаленность; наконецъ тамъ показались первыя суда, старики и дѣти закричали: «*ѣдетъ! ѣдетъ!*»

Это были три русскія галеры, ѣхавшія впереди. За ними шли суда, взятыя у шведовъ, въ томъ числѣ фрегатъ *Элефантъ*, на которомъ сидѣлъ плѣнный контръ-адмиралъ Эреншильдъ; позади плыла командирская галера съ самимъ государемъ и еще двѣ другія съ солдатами подъ начальствомъ генерала Вейде.

Нельзя описать восторга, съ какимъ встрѣчали царя-побѣдителя усердные къ нему подданные его. Безпрестанное *ура!* раздавалось вмѣстѣ съ пушечными выстрѣлами во все время, пока суда величественно плыли по широкой Невѣ и потомъ остановились близь адмиралтейства. Здѣсь всѣ сидѣвшіе въ нихъ вышли на берегъ и въ торжествен-

номъ порядкѣ, съ нѣсколькими ротами полковъ преображенскаго и астраханскаго, съ шведскими морскими офицерами и съ плѣннымъ Эреншильдомъ, одѣтымъ въ богатое платье, прошли въ тріумфальныя ворота, украшенныя разными картинами.

Передъ домомъ сената, незадолго до того переведеннаго изъ Москвы въ Петербургъ, шествіе остановилось. Контръ-адміралъ *Михайловъ* вошелъ въ сенатъ, гдѣ вицецарь принялъ отъ него рапортъ и поздравилъ побѣдителя шведовъ вице-адмираломъ. Новый чинъ, въ полной мѣрѣ заслуженный, увеличилъ удовольствіе, какое чувствовалъ Петръ въ этотъ торжественный день. Онъ хвалился имъ и во дворцѣ передъ государынею, и за обѣдомъ у князя Меншикова, гдѣ безчисленное множество гостей пировало до поздняго вечера, осушая бокалы за здоровье новаго вице-адмирала и за славную побѣду его.

Вотъ описаніе одного изъ петербургскихъ праздниковъ во время Петра. Но бывали тамъ праздники и другого рода. Высокій умъ Петра, безпрестанно занятый важными и очень часто тягостными трудами государственными, имѣлъ нужду въ развлеченіи. Въ такія минуты невольнаго стремленія къ забавѣ, душевное расположеніе его такъ скоро переходило отъ важнаго къ веселому, что окружавшіе его не могли надивиться тому. Отсюда происходитъ такое множество забавныхъ приключеній и праздниковъ, которыхъ описанія встрѣчаются въ исторіи Петра, часто на одной страницѣ съ разсказомъ о важнѣйшихъ происшествіяхъ. Такъ, въ октябрѣ 1710 года, сочиняя законы для управленія покоренной незадолго передъ тѣмъ Лифляндіи, Петръ занимался свадьбою двухъ карликовъ, на которую привезено было изъ разныхъ мѣстъ 72 человѣка карлъ; такъ, въ 1714 году, когда завоеваніе Финляндіи и осады городовъ ея, казалось, не должно бы оставить ни одной минуты свободной тому, кто лично присутствовалъ при каждомъ сраженіи этого похода,—необыкновенный государь находилъ время для составленія плана другой забавной свадьбы, извѣстной подъ именемъ *маскарадной*, гдѣ гости были одѣты въ разные костюмы и играли на разныхъ инструментахъ, а самъ женихъ, который былъ прежній

наставникъ государя, старикъ Никита Моисеевичъ Зотовъ — въ платье *кардинала,* потому что Петръ, кромѣ чина тайнаго совѣтника, далъ ему еще званіе *князя-папы.*

Добрый Зотовъ, изъ любви къ своему великому воспитаннику, охотно исполнялъ всѣ его желанія и уже не одинъ разъ тѣшилъ дворъ какими нибудь забавными сценами, гдѣ главною цѣлію было представить въ смѣшномъ видѣ грубые обычаи старины. Люди очень не любятъ быть смѣшными: многіе даже скорѣе согласятся подвергнуть себя непріятности, нежели представиться смѣшными въ глазахъ другихъ. Петръ хорошо зналъ человѣческое сердце и потому самые праздники его были однимъ изъ лучшихъ средствъ для осмѣянія пороковъ и странностей его подданныхъ. Впослѣдствіи времени, когда русскіе, насмотрѣвшись на все, что старина имѣла смѣшного и неприличнаго, старались удалиться отъ нея, Петръ приступилъ къ образованію Петербургскаго общества учрежденіемъ *ассамблей.*

Вижу, что читателямъ моимъ очень хочется знать, что такое значило въ то время слово: *ассамблея!* Это французское assemblée, т. е. нѣкоторое число людей, собравшихся для своего увеселенія или для разговоровъ дружескихъ. Чувствуя пользу такихъ собраній для общества, начинающаго образоваться, Петръ приказалъ, чтобы они были по очереди во всѣхъ знатнѣйшихъ домахъ столицы. Вмѣстѣ съ этимъ приказаніемъ изданы были и правила, какія надобно было наблюдать въ ассамблеяхъ. Читая эти правила, удивительно видѣть чрезвычайную заботливость, съ которою попечительный государь входилъ въ малѣйшія подробности всего, что находилъ полезнымъ для народа. Повѣрите ли вы, милые читатели, что не только онъ самъ назначалъ, въ которомъ часу должна была начаться и кончиться ассамблея, но даже и то, какими играми и танцами должно было заниматься общество, какіе напитки и закуски должны были приготовить хозяева.

Такая попечительность Петра не могла не имѣть чрезвычайнаго вліянія на новую столицу во всѣхъ частяхъ ея существованія: вмѣстѣ съ нравами, быстро улучшавшимися, улучшался и видъ города. Улицы Петербурга украшались

съ каждымъ годомъ новыми зданіями. Самыя окрестности его недолго оставались пустынными и неустроенными, и въ 1715 году царское семейство въ лѣтніе дни уже переѣзжало изъ Сарскаго — нынѣшняго Царскаго Села — въ Стрѣльну, изъ Стрѣльны въ Петергофъ. Всѣ эти, такъ называемыя тогда, *мызы* государя уже существовали. Послѣдняя, какъ самая близкая къ морю, была любимымъ мѣстомъ Петра. Тамъ строился уже и дворецъ, который вы и теперь можете видѣть въ томъ самомъ состояніи, какъ онъ былъ при знаменитомъ основателѣ своемъ: это тотъ самый прекрасный Монплезиръ, изъ окошекъ котораго такъ величественно синѣетъ безконечная даль моря. Въ Стрѣльнѣ же и Сарскомъ селѣ еще не было ничего похожаго на нынѣшнее великолѣпіе ихъ; тамъ любопытные, пріѣзжавшіе посмотрѣть на лѣтнее жилище царское, видѣли только небольшіе домики, гдѣ царица русская, достойная подражательница супруга своего въ его благодѣтельномъ намѣреніи учить подданныхъ своихъ всему высокимъ примѣромъ своимъ, любила заниматься домашнимъ хозяйствомъ. Она завела на мызахъ своихъ дѣланіе сыра, прежде неизвѣстное русскимъ, и очень часто сама смотрѣла за огородомъ и даже за кухнею. Видя все это, боярыни русскія стали усерднѣе заниматься хозяйствомъ, составляющимъ одну изъ главныхъ обязанностей женщины. Вскорѣ у многихъ знатныхъ вельможъ начали строить мызы, на поляхъ которыхъ показались стада, не уступавшія въ красотѣ царскимъ, выписаннымъ изъ Голландіи. Попечительная государыня развела голландскихъ коровъ даже въ Архангельской губерніи. Теперь онѣ извѣстны у насъ подъ именемъ *холмогорскихъ*.

Но живѣйшее участіе наше во всемъ, что касается до первыхъ временъ любезнаго намъ Петербурга, увлекло насъ далеко отъ происшествій все еще продолжавшейся войны шведской и отъ несчастнаго героя ея Карла XII. Чтобы возвратиться къ нему, надобно сказать, что послѣ Прутскаго мира онъ жилъ еще около трехъ лѣтъ въ Турціи и, безразсудно оставляя королевство свое на волю судьбы, хлопоталъ только о томъ, чтобы турецкій султанъ снова началъ войну съ русскими. Между тѣмъ, какъ располо-

женіе султана то подавало Карлу надежду на успѣхъ его стараній, то снова отнимало ее, Швеція страдала и отъ внутреннихъ безпорядковъ, и отъ сосѣдей своихъ, такъ часто переносившихъ прежде оскорбленія отъ гордаго короля ея. Это, вмѣстѣ съ рѣшительнымъ отказомъ султана на войну съ Россіей, заставило упрямаго короля опомниться и въ 1714 году возвратиться въ отечество. Шведы ожили: появленіе государя, котораго они не называли иначе, какъ героемъ, казалось обѣщало имъ новыя побѣды и возвращеніе всего потеряннаго въ отсутствіе его. Карлъ оправдалъ надежды ихъ: приказалъ набрать новыхъ рекрутъ и снова началъ грозить войною всѣмъ государствамъ, окружавшимъ его. Но на этотъ разъ они всѣ были осторожнѣе, и герой Швеціи увидѣлъ противъ себя сильный союзъ Россіи, Даніи, Ганновера, Голландіи и Пруссіи. Однакожъ союзники, которые сначала такъ уважали Петра, что даже вручили ему главное начальство надъ общимъ флотомъ, скоро охладѣли въ своемъ усердіи: могущество Петра начинало пугать ихъ не менѣе дерзости Карла, и потому, опредѣливъ въ совѣтѣ между собою напасть на южныя провинціи Швеціи, они такъ долго медлили отправленіемъ войскъ, что осень 1816 года настала прежде, нежели все было готово къ нападенію. Петръ замѣтилъ это хитрое поведеніе союзниковъ, понялъ причину его и съ негодованіемъ отослалъ флотъ свой назадъ въ Ревель, а самъ изъ Копенгагена, гдѣ потерялъ много времени въ напрасномъ ожиданіи, отправился посѣтить еще разъ свою старинную любимицу—Голландію. Тамъ могъ онъ узнать намѣреніе союзниковъ вѣрнѣе и подробнѣе; тамъ пріятно для него было увидѣть старинныхъ друзей и товарищей въ работахъ своихъ.

НОВОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ПЕТРА ВЪ ЧУЖІЕ КРАЯ И ЦАРЕВИЧЪ АЛЕКСѢЙ.

отъ 1717 до 1719 года.

(2 года).

Съ восторгомъ и благоговѣніемъ они встрѣтили его въ тѣхъ городахъ Голландіи, гдѣ царственный художникъ за девятнадцать лѣтъ предъ тѣмъ проводилъ время въ изученіи ремеслъ. Особенное удовольствіе ожидало его въ Саардамѣ: тамъ радость жителей была неописанна при видѣ дорогого гостя. Не смотря на перемѣну въ наружности знаменитаго путешественника, явившагося къ прежнимъ знакомцамъ своимъ уже не въ одеждѣ матроса; не смотря на славу, окружавшую героя Полтавскаго, всѣ не только узнавали въ немъ прежняго *Петра Бааса*, но, увлеченные своею радостію и ласковымъ обращеніемъ Великаго, казалось, забывали всѣ другія достоинства его и помнили въ немъ только Петра Бааса.

Саардамскіе жители не одинъ разъ угощали у себя Петра и даже Екатерину, которая, не любя разлучаться съ супругомъ, была съ нимъ и въ этомъ путешествіи. Долго добрые саардамцы не могли забыть восхитительныхъ часовъ, проведенныхъ ими съ знаменитыми посѣтителями ихъ; долго разсказывали потомъ и дѣтямъ своимъ, какъ величественъ былъ видъ русскаго царя, не смотря на самую простую одежду его [1]); какъ прелестна была супруга его въ великолѣпномъ нарядѣ царицы сѣверной: Петръ, всегда носившій самое простое платье, любилъ видѣть свою милую *Катеньку* [2]), пышно одѣтую, а въ день именинъ ея онъ даже и самъ любилъ одѣваться пышно, и особенно съ того времени, какъ, въ 1714 году, онъ учредилъ въ этотъ день женскій орденъ св. Великомученицы Екате-

---

[1]) Петръ I носилъ въ это время въ Голландіи простой кафтанъ изъ сѣраго сукна, кортикъ на широкой кожаной портупеѣ, короткій черный парикъ и простую поярковую шляпу.

[2]) Такъ онъ всегда называлъ Екатерину.

рины въ память и награду смѣлой рѣшительности царицы во время несчастія русскихъ при рѣкѣ Прутѣ.

Объѣздивъ съ прекрасною подругою своею почти всѣ города Голландіи, Петръ, въ концѣ марта 1717 года, оставилъ ее въ Гагѣ, а самъ отправился во Францію. Надобно сказать вамъ, друзья мои, что занятія и образъ жизни Петра въ этомъ второмъ путешествіи его въ чужіе края были совсѣмъ другіе, нежели въ первомъ: тогда онъ, не любя показываться толпѣ любопытныхъ, проводилъ почти все время въ ученьѣ; теперь, все также ненавидя торжественныя встрѣчи и всякаго рода пышность и блескъ, онъ уже не бѣгалъ нигдѣ отъ народа, желавшаго видѣть его, и занимался болѣе не произведеніями ремесленниковъ, какъ прежде, но произведеніями изящныхъ искусствъ: онъ ѣздилъ во всякое мѣсто, гдѣ только было что нибудь рѣдкое и любопытное, и если можно было купить эту рѣдкость, то деньги царскія сыпались щедрою рукою и покупка отправлялась въ Петербургъ. Такъ купилъ онъ кабинетъ рѣдкостей знаменитаго профессора Рюйша за 40,000 гульденовъ, натуральный кабинетъ аптекаря Себы за 15,000 гульденовъ и за 5,000 рейхсталеровъ выкупилъ заложенный евреямъ Лидерскій минцъ-кабинетъ. Вмѣстѣ съ этими рѣдкостями отправлено было въ Петербургъ множество картинъ, купленныхъ въ Голландіи, гдѣ Петръ часто проводилъ по цѣлымъ часамъ передъ чудесными произведеніями кисти Рубенса, Вандика, Рембрандта и Сило. Особенно любилъ онъ картины послѣдняго, представлявшія морскіе виды и береговъ, и кораблей. Эти картины вскорѣ составили украшеніе дворцовъ государевыхъ, Петергофскаго и Лѣтняго петербургскаго, который вы найдете и теперь въ Лѣтнемъ саду нашемъ.

Въ Парижѣ, гдѣ такъ много любопытнаго, Петръ съ восхищеніемъ провелъ болѣе шести недѣль. Каждый день видѣлъ онъ тамъ что нибудь новое, каждый день и парижане смотрѣли съ новымъ удовольствіемъ на государя необыкновеннаго, котораго слава была такъ блистательна и велика. Уваженіе и радушіе встрѣчали его на каждомъ шагу: для жилища его назначенъ былъ одинъ изъ лучшихъ дворцовъ королевскихъ — Лувръ; на другой день

пріѣзда посѣтилъ его регентъ, управлявшій королевствомъ во время малолѣтства короля Людовика XV, и самъ этотъ маленькій король, дворъ, родственники государя и знатнѣйшіе вельможи попеременно давали для него пиры и праздники; знаменитыя академіи парижскія избрали его въ члены свои; на монетномъ дворѣ, въ короткое время его присутствія тамъ, выбита была золотая медаль, на которой съ одной стороны представленъ былъ Петръ, увѣнчанный лаврами, а на другой—летящая слава и восходящее солнце съ надписью: crescit eundo, т. е. *возрастаетъ въ пути*. Однимъ словомъ, парижане дѣлали все, чѣмъ можно было показать, какъ высоко цѣнили они и какъ глубоко уважали великаго посѣтителя ихъ. И Петръ разстался съ ними, чувствуя въ душѣ живѣйшую благодарность за этотъ радушный пріемъ. Въ это самое время получены были изъ Россіи очень дурныя вѣсти, принудившія царя поспѣшить своимъ возвращеніемъ въ отечество. Онѣ касались того, чье имя уже нѣсколько лѣтъ печалило сердце Петра: онѣ касались царевича Алексѣя Петровича. Но чтобы сдѣлать ихъ болѣе понятными для читателей, надобно прежде разсказать о происшествіяхъ, случившихся между царемъ и сыномъ его гораздо прежде этого времени. Мы говорили уже о томъ, каковъ былъ царевичъ до двѣнадцати-лѣтняго возраста его и какъ мало было надежды на его исправленіе. Послѣдствія оправдали печальныя опасенія государя: наслѣдникъ выросъ на горесть родительскаго сердца! Но оно все еще надѣялось; увлекаемое нѣжностію, оно все еще мечтало, что непокорный, исполненный самыми вредными предразсудками царевичъ еще можетъ исправиться, еще будетъ добродѣтельнымъ, еще полюбитъ просвѣщеніе. И какихъ средствъ не употреблялъ несчастный отецъ для этой цѣли! И занятія по службѣ, и важныя порученія по разнымъ частямъ государственнаго управленія, и путешествія по Европѣ: все попеременно предлагалось царевичу, чтобы отвлечь его отъ грубыхъ забавъ, составлявшихъ его единственное препровожденіе времени. Не смѣя противиться приказаніямъ отца и государя, онъ исполнялъ ихъ, но неохотно, съ пренебреженіемъ, думая только о томъ, какъ

бы скорѣе отдѣлаться отъ порученія и потомъ донести своей матери, что онъ все тотъ же преданный ей сынъ, все тотъ же ненавистникъ нововведеній, все тотъ же защитникъ древнихъ обычаевъ, какъ былъ и какъ будетъ всегда. Проницательный Петръ не могъ не замѣчать этой непреклонности сына и рѣшилъ наконецъ употребить для исправленія его послѣднее средство, обѣщавшее болѣе успѣховъ, нежели какое-нибудь другое. Царевичъ, во время путешествій своихъ по Европѣ, видѣлъ при дворѣ саксонскомъ родственницу короля польскаго, Августа II, принцессу Вольфенбютельскую Шарлотту-Христину-Софію. Скромность и необыкновенная красота ея сдѣлали неожиданное никѣмъ впечатлѣніе на сердце Алексѣя. Никто не обрадовался этому столько, какъ великій родитель его. Мысль, что прелестная принцесса сдѣлаетъ надъ порочнымъ сердцемъ сына его такое чудо, какое нѣкогда сдѣлала кроткая Анастасія надъ сердцемъ Грознаго, восхищала Петра такою пріятною надеждою, что онъ очень скоро принялся за сватовство и, получивъ согласіе невѣсты и ея родителей, радовался почти болѣе самого жениха. Свадьба совершилась въ октябрѣ 1711 года, но сладкія надежды нѣжнаго отца не сбылись: молодая принцесса только на короткое время имѣла нѣкоторую власть надъ сердцемъ супруга своего. Кроткіе совѣты и наставленія скоро наскучили ему; слезы, проливаемыя ею, сердили его, а выговоры и упреки, которые царь дѣлалъ ему за горесть несчастной, выводили его изъ терпѣнія и заставляли ненавидѣть ангела, пожертвовавшаго ему родителями, отечествомъ и всѣмъ счастіемъ, которымъ она наслаждалась тамъ. Бѣдная страдалица не могла долго переносить грустную жизнь свою и въ октябрю 1715 года скончалась въ Петербургѣ, оставивъ недостойному супругу своему двухъ дѣтей: царевича *Петра* и царевну *Наталію*.

Послѣ смерти нѣжно-любимой невѣстки — невинной жертвы жестокаго сына, Петръ совершенно потерялъ надежду на его исправленіе, и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе огорчаемый его поведеніемъ, рѣшительно приказалъ ему, въ 1716 году, или перемѣнить свой нравъ и быть достойнымъ наслѣдникомъ короны русской, или всту-

пить въ монашество. На размышленіе объ этомъ выборѣ снисходительный государь и отецъ давалъ непокорному сыну своему полгода. Полгода протекло—отвѣта не было! Царь находился въ это время съ флотомъ своимъ на Балтійскомъ морѣ и, пропустивъ еще нѣсколько времени, повторилъ свое предложеніе царевичу. Онъ отвѣчалъ, что избираетъ для себя монашество, а корону предоставляетъ меньшому брату своему Петру Петровичу—двухлѣтнему сыну Екатерины.

Еще въ печальныхъ глазахъ царя блистали слезы, отъ которыхъ не могъ удержаться Великій при чтеніи этого письма, какъ ему подали другой пакетъ: это было донесеніе генералъ-губернатора петербургскаго князя Меншикова о томъ, что царевичъ съ нѣсколькими изъ своихъ приближенныхъ уѣхалъ изъ столицы тайно и неизвѣстно куда. Долго не знали, гдѣ онъ скрывался; наконецъ въ Парижѣ получилъ Петръ извѣстіе, что царевичъ пріѣхалъ въ Вѣну умолять нѣмецкаго императора защитить его отъ отца и спасти отъ невольнаго постриженія. Можно представить себѣ, что почувствовало благородное сердце царя, узнавъ эту новость! Какая горесть и какое негодованіе разлились въ немъ при мысли, что родной сынъ его не только что желаетъ уничтожить все созданное имъ, но еще вооружаетъ противъ него чужія царства! Слыша о такихъ замыслахъ, надобно было думать, что многіе участвуютъ въ нихъ, что заговоръ великъ и требуетъ скораго изслѣдованія; вотъ причины, заставившія царя поспѣшить возвращеніемъ въ отечество. Между тѣмъ гвардейскій капитанъ Румянцевъ и тайный совѣтникъ Толстой посланы были въ Вѣну за царевичемъ. Услышавъ объ этомъ чрезъ своихъ сообщниковъ, Алексѣй Петровичъ бѣжалъ изъ Австріи въ Неаполь; но здѣсь Румянцевъ и Толстой нашли его, и онъ принужденъ былъ возвратиться къ разгнѣванному родителю.

Чувствуя, что для спокойствія и счастія Россіи нельзя оставить безъ изслѣдованія поступковъ царевича, Петръ старался заглушить въ родительскомъ сердцѣ своемъ всѣ нѣжныя чувства: ему надобно было рѣшиться на важное дѣло, надобно было предать суду хотя недостойнаго, но

все еще любимаго сына! Петръ рѣшился на это, и Алексѣй Петровичъ, какъ преступникъ противъ отца, государя и отечества, преданъ суду гражданскому и духовному. Первый состоялъ изъ министровъ, сенаторовъ, старшихъ генераловъ военныхъ и знатнѣйшаго дворянства, въ послѣднемъ были архіепископы, епископы и архимандриты, всѣхъ же вообще—144 человѣка. Читатели могутъ судить о справедливости и безпристрастіи этого судилища по тому высокому правосудію, въ которомъ примѣръ показывалъ ему великій государь, жертвуя собственнымъ сыномъ. Могъ ли кто нибудь изъ членовъ думать объ угожденіи царевичу, когда царь приказалъ забыть въ немъ это священное для подданныхъ имя и судить его какъ обыкновеннаго преступника? И такъ, со всею строгостію разсмотрѣны были поступки несчастнаго князя и открыто множество сообщниковъ его. Первыми изъ нихъ были: мать его, уже сбросившая одежду монахини и представлявшая царицу въ монастырѣ Суздальскомъ, и тетка, царевна Марія Алексѣевна, а съ ними всѣ приверженцы прежняго порядка, всѣ защитники старины и ненавистники новыхъ обычаевъ. Главною цѣлью заговора было возведеніе на престолъ царевича и потомъ уничтоженіе всего, что было начато, сдѣлано и усовершенствовано великимъ родителемъ его. Узнавъ это, члены судилища ужаснулись мысли о томъ положеніи, въ какое могла упасть Россія при удачномъ исполненіи этихъ замысловъ, и благодарили Бога за разрушеніе ихъ. И бывшая царица, и царевна Марія были преданы суду. Первую, просившую помилованія у супруга, сослали въ Новоладожскій монастырь; вторую заключили въ Шлиссельбургскую крѣпость. Главные сообщники, склонившіе ихъ и царевича къ заговору: ростовскій епископъ *Досиѳей*, генералъ-маіоръ *Глѣбовъ* и служившіе при Алексѣѣ Петровичѣ—*Кикинъ* и *Вяземскій*—были казнены. Послѣ этой казни приступили къ осужденію важнѣйшаго преступника, того, кто былъ виновенъ предъ лицомъ государя, не только какъ *подданный*, но и какъ *сынъ*. По всѣмъ законамъ церковнымъ, очень строгимъ въ этомъ отношеніи, и гражданскимъ, которые съ величайшею точностію согласовались съ священнымъ писаніемъ, виновный царе-

вичъ достоинъ былъ смерти. Духовные судіи предоставляли рѣшеніе на волю царя: исчисливъ примѣры и строгаго правосудія изъ Ветхаго Завѣта, и милосердія, и прощенія изъ Новаго, они заключили рѣшеніе свое слѣдующими словами: «Сердце царево въ руцѣ Божіей; да изберетъ то, къ чему рука Божія его преклоняетъ». Но гражданскіе судіи, боявшіеся малѣйшаго отступленія отъ своей должности и справедливости, произнесли ужасный приговоръ. Вотъ точныя слова его: «Царевичъ Алексѣй, за вышеобъявленныя всѣ вины свои и преступленія главныя противъ государя и отца своего, яко сынъ и подданный его величества, достоинъ смерти». Это рѣшеніе прочтено было царевичу въ сенатѣ, предъ всѣми членами и судіями его, и произвело такое сильное дѣйствіе надъ несчастнымъ — не имѣвшемъ отъ природы и малѣйшей части той героической твердости, какая отличала его родителя, — что почти въ ту же минуту онъ упалъ въ продолжительный обморокъ и всѣ старанія искусныхъ докторовъ едва могли привести его въ чувство, и то ненадолго! Томительный судъ, продолжавшійся пять мѣсяцевъ, и мучительное ожиданіе рѣшенія, вѣроятно, истощили силы виновнаго: опомнившись отъ сильнаго обморока, онъ жилъ только нѣсколько часовъ и скончался въ тотъ же день, получивъ прощеніе и благословеніе родителя своего, позабывшаго въ ужасную минуту этой кончины всѣ преступленія виновнаго сына.

Это было 26-го іюня 1718 года. Три дня тѣло умершаго было выставлено для народа въ Троицкой церкви и 30-го числа погребено въ Петропавловскомъ соборѣ.

Такъ горестный государь лишился старшаго сына своего, жестоко обманувшаго пріятныя ожиданія и надежды отеческаго сердца. Утѣшеніемъ Великаго и объявленнымъ наслѣдникомъ престола остался теперь маленькій царевичъ Петръ Петровичъ.

МИРЪ СО ШВЕЦІЕЮ И ПЕТРЪ ИМПЕРАТОРЪ.

Недолго это утѣшеніе радовало сердце Петра: 25-го апрѣля 1719 года царевичъ скончался на четвертомъ году своего возраста. Этотъ неожиданный ударъ сильно поразилъ государя, потерявшаго съ почившимъ ангеломъ послѣднюю надежду передать судьбу народа своего *родному* наслѣднику! Но много было твердости въ этой героической и въ то же время благочестивой душѣ! Отдавъ милаго младенца небесному Отцу его, Петръ вмѣстѣ съ нимъ предалъ Богу и будущую судьбу Россіи. Усердная молитва успокоила страданія государя до того, что онъ уже безъ убійственнаго унынія могъ видѣть всѣ приготовленія къ выносу тѣла царевича изъ дворца, могъ даже самъ проводить его до мѣста погребенія въ Невскомъ монастырѣ. Душевныя силы его были еще удивительнѣе: въ эти горестные дни онъ могъ, по обыкновенію, заниматься дѣлами государственными. Правда, что въ то время они были очень важны и требовали особеннаго вниманія царя: Швеція лишилась своего короля-героя, и новыя опасности угрожали Россіи. Вы удивляетесь, друзья мои, что смерть Карла XII, вмѣсто того чтобъ успокоить отечество наше, готовила ему новыя бѣды! Да, къ несчастію, это было такъ! Въ послѣднее время жизни своей Карлъ имѣлъ очень умнаго министра *Герца,* который, понимая всю пользу, могущую произойти отъ дружества между двумя такими великими государями, какими были Петръ I и Карлъ XII, старался помирить ихъ, и старанія его шли очень успѣшно, тѣмъ болѣе, что Петръ недоволенъ былъ союзниками своими. Вы помните, какъ долго сбирались они посылать на помощь къ нему войска свои? Впослѣдствіи они не толкко не поправили своей медленности, но нерасположеніе ихъ къ царю русскому такъ усилилось, что для него гораздо выгоднѣе было мириться съ давнишнимъ врагомъ, искавшимъ этого примиренія, нежели помогать противъ него новымъ союзникамъ своимъ. И вотъ въ то время, когда надежда на миръ уже казалась очень основательною, Карлъ XII неожиданно убитъ при осадѣ норвежскаго городка Фридрихс-

галля, и смерть его уничтожила все, что съ большимъ трудомъ устроивалъ Герцъ. Престолъ Карла достался младшей сестрѣ его Ульрикѣ-Элеонорѣ, супругѣ принца гессенскаго, хотя племянникъ ея *Фридерикъ*, герцогъ голштинскій, имѣлъ гораздо болѣе правъ на наслѣдство. Петръ зналъ молодого, обиженнаго герцога и покровительствовалъ ему. Этого уже довольно было, чтобы встревожить новую королеву, которую и безъ того старались ссорить съ русскими прежніе союзники ихъ: австрійцы, датчане, ганноверцы и даже англичане. Но что же было съ Ульрикою-Элеонорою, когда она услышала, что герцогъ голштинскій предлагаетъ руку свою дочери Петра, царевнѣ Аннѣ, и Петръ съ удовольствіемъ принялъ предложеніе. Страхъ, что царь захочетъ доставить будущему зятю своему принадлежащій ему по законамъ престолъ, заставилъ шведскую королеву какъ можно скорѣе соединиться съ непріятелями Россіи, и вотъ, вмѣсто ожидаемаго мира, къ русскимъ прилетѣла вѣсть о новой войнѣ, еще страшнѣе прежней, потому что союзниками шведовъ были уже теперь и англичане съ своимъ сильнымъ, всегда славившимся флотомъ.

Петръ не только съ своею обыкновенною твердостію услышалъ эту новость, но даже сказалъ при этомъ случаѣ слѣдующія слова: «Я два раза предлагалъ миръ брату моему Карлу: сперва по нуждѣ, а потомъ изъ великодушія; теперь же исторгну его у шведовъ силою!» И это было исполнено съ точностію. Петръ въ самомъ дѣлѣ силою заставилъ упрямыхъ шведовъ помириться и вотъ какимъ образомъ: имѣя въ числѣ кораблей и судовъ своего флота очень много галеръ [1]), царь составилъ изъ нихъ особенный флотъ, отдѣльный отъ корабельнаго, и отправилъ его въ Балтійское море съ повелѣніемъ опустошать берега Швеціи огнемъ и оружіемъ. Генералы: князь Голицынъ и Ласси, бригадиръ Менгденъ, начальники разныхъ отдѣленій новаго флота, исполнили повелѣніе государя—и запылавшіе города и селенія на берегахъ Швеціи сильнѣе всякихъ словъ представили королевѣ необходимость мира съ русскими. Она и

---

[1]) Галера есть плоскодонное судно, которое по легкости своей можетъ подходить очень близко къ берегамъ.

супругъ ея, уже объявленный также королемъ Швецiи, предложили наконецъ сами этотъ миръ и прежде всего умоляли Петра объ отдаленiи страшныхъ галеръ его отъ разоренныхъ береговъ Швецiи. Съ искреннею радостiю царь исполнилъ ихъ желанiе и тотчасъ же отправилъ тайнаго совѣтника барона Остермана въ финляндскiй городокъ *Ништадтъ*, избранный мѣстомъ мирныхъ переговоровъ. Но и тутъ шведы, надѣясь на помощь англичанъ, приславшихъ къ нимъ болѣе 28 кораблей, долго медлили и не соглашались на всѣ условiя, предложенныя Петромъ. Тогда онъ, потерявъ терпѣнiе, приказалъ снова галерному флоту выступить въ походъ. Шведскiе селенiя и лѣса по берегамъ Ботническаго залива загорѣлись до городовъ Вазы и Умео! Вмѣстѣ съ страшнымъ пожаромъ ихъ наконецъ потухла продолжительная война шведовъ съ русскими: король и королева согласились на всѣ предложенiя царя, и знаменитый для Россiи миръ Ништадтскiй заключенъ былъ 30-го августа 1721 года.

Выгоды этого мира были безчисленны. Утвердивъ въ вѣчномъ владѣнiи отечества нашего области: Лифляндiю, Эстляндiю, Ингерманландiю, Карелiю и часть Финляндiи съ городами Кексгольмомъ и Выборгомъ, онѣ осуществили великiй планъ Петра: онѣ соединили народъ его съ европейцами, и тѣмъ въ полной мѣрѣ вознаградили всѣ труды и опасности, какимъ подвергался царь въ продолженiе этой болѣе нежели двадцатилѣтней войны!

Зато какъ и радовался онъ этому счастливому окончанiю! Какъ весело праздновалъ полученное извѣстiе о мирѣ! Съ какимъ торжествомъ объявилъ о немъ народу! Это важное объявленiе сдѣлано было 4-го сентября, въ день полученiя извѣстiя. Двѣнадцать драгунъ и съ ними два трубача, одѣтые въ зеленые мундиры съ бѣлыми тафтяными перевязями черезъ плечо и съ знаменами, украшенными лаврами, ѣздили по городу и почти въ каждой улицѣ повторяли свою торжественную новость.

Но это было только объявленiе о мирѣ; настоящее же торжество его не могло быть отпраздновано такъ скоро: приготовленiя къ нему заняли много времени. Къ тому же, Россiя готовилась праздновать не одно это торжество, но

вмѣстѣ съ нимъ и другое, не менѣе важное: торжество глубокой благодарности своей къ государю ея.

Уже давно между подданными Петра уменьшилось число недовольныхъ имъ и новымъ порядкомъ, вводимымъ имъ въ образованіе; уже давно большая и лучшая часть изъ нихъ поняла, что всѣ учрежденныя перемѣны дѣлаются для счастія ихъ, и въ заговорѣ царевича Алексѣя уже не участвовали знаменитѣйшіе бояре, но онъ почти весь составленъ былъ изъ приверженцевъ прежней царицы, стало быть уже можно было сказать, что всѣ русскіе согласно уважали того, кто достоинъ былъ уваженія всего свѣта. Заключенный миръ, такъ блистательно исполнившій намѣренія государя, придавалъ новую живость благодарнымъ чувствамъ подданныхъ его, тѣмъ болѣе, что незадолго передъ тѣмъ Петръ показалъ новое доказательство своей отеческой заботливости о счастіи народа: для лучшаго производства дѣлъ по всѣмъ частямъ государственнаго управленія онъ учредилъ на мѣсто приказовъ— о которыхъ вѣрно помнятъ читатели мои—государственныя коллегіи. Это учрежденіе было чрезвычайно благодѣтельно, потому что въ прежнихъ приказахъ рѣшеніе зависѣло отъ воли одного судьи, а въ коллегіяхъ отъ нѣсколькихъ, и начальникъ каждой коллегіи, называвшійся *президентомъ* или *предсѣдателемъ*, не могъ ничего сдѣлать безъ согласія товарищей своихъ, другихъ членовъ коллегіи. Такимъ образомъ никакое дѣло не могло болѣе зависѣть—какъ случалось это прежде—отъ прихоти одного человѣка, но подвергалось разсмотрѣнію и обсужденію многихъ.

Учрежденныхъ коллегій было *девять: коллегія иностранныхъ дѣлъ* заступила мѣсто посольскаго приказа; *камеръ-коллегія* занималась государственными доходами; *юстицъ-коллегія* смотрѣла за судопроизводствомъ; *вотчинная коллегія* замѣнила приказъ помѣстный; государственные счеты повѣрялись *ревизіонъ-коллегіею*. Всѣми дѣлами, которыя касались до флота, управляла *адмиралтействъ-коллегія;* всѣми военными дѣлами—*коллегія Военная;* всѣми торговыми, также всѣми каналами, дорогами и таможнями — *коммерцъ-коллегія*. Въ *бергъ-* и *ма-*

нуфактуръ-коллегіи были всѣ горные заводы, всѣ фабрики и мануфактуры. Вмѣстѣ съ основаніемъ коллегій, назначенныхъ для улучшенія правосудія, Петръ не забылъ и того, что главное основаніе правосудія составляютъ *законы*, и потому для усовершенствованія всѣхъ изданныхъ прежними государями и для разсужденія о новыхъ, сдѣлавшихся необходимыми по новому образованію царства, онъ учредилъ изъ членовъ коллегій *коммиссію составленія* новаго *уложенія*.

Занимаясь столь важными учрежденіями, царь находилъ время думать о другомъ великомъ намѣреніи. Оно касалось духовенства нашего. Давно уже онъ находилъ излишнею въ правленіи власть патріарховъ, почти равнявшуюся царской. Зная изъ исторіи нѣсколько примѣровъ тѣхъ безпорядковъ, какіе могутъ произойти въ такомъ случаѣ, Петръ давно рѣшился уничтожить это важное достоинство и для того не назначалъ новаго патріарха на мѣсто послѣдняго, Адріана, умершаго въ 1700 году. Чтобы слегка пріучить подданныхъ своихъ къ этой новости, онъ объявилъ сначала, что, не имѣя времени, по случаю войны съ шведами, заняться избраніемъ новаго патріарха, онъ откладываетъ это избраніе и между тѣмъ поручаетъ управлять всѣми духовными дѣлами рязанскому митрополиту *Стефану Яворскому*. Во все время войны государь продолжалъ откладывать и, наконецъ, въ январѣ 1721 года, когда уже всѣ привыкли къ возможности жить безъ патріарха, объявилъ рѣшительно, что его болѣе не будетъ въ Россіи и всѣ духовныя дѣла поручатся священному собору, названному *святѣйшимъ правительствующимъ синодомъ*. Образованіе этого верховнаго духовнаго судилища было такое же, какъ и сената. Правила его и вообще все, что касалось до жизни и состоянія духовенства, сочинены были одними изъ знаменитѣйшихъ ученыхъ того времени и любимцемъ Петра — архіепископомъ псковскимъ *Ѳеофаномъ Прокоповичемъ*. Народъ, уже довѣрчивый ко всему, что дѣлалъ государь его, безъ ропота принялъ новое учрежденіе и въ скоромъ времени почувствовалъ пользу его.

Всѣ эти знаменитыя дѣла, которыя Петръ обдумы-

валъ и очень часто даже исполнялъ посреди трудностей войны или жестокихъ огорченій душевныхъ, убѣдительно доказывали необыкновенное величіе его. Глубоко чувствуя это, русскіе, осыпанные благодѣяніями его, желали показать предъ цѣлымъ свѣтомъ и благодарность свою, и ту справедливость, какую всѣ сословія ихъ отдавали высокимъ качествамъ государя. Съ такимъ намѣреніемъ всѣ члены синода и сената собрались вмѣстѣ за два дня до назначеннаго торжества мира и, опредѣливъ предложить Петру титулъ *императора* и проименованія *Отца отечеста* и *Великаго,* письменно просили его чрезъ князя Меншикова о принятіи этихъ названій.

Долго скромность государя отказывалась принять эти громкія имена, но наконецъ убѣжденія любимца, сенаторовъ и духовенства заставили его согласиться: въ день празднованія мира назначено было торжественно исполнить общее желаніе.

Съ нетерпѣніемъ ожидали жители столицы сѣверной этого радостнаго дня! Онъ былъ 22-го октября 1721 года. Съ самаго утра этого дня засуетился народъ по улицамъ Петербурга, еще никогда не видавшаго такого знаменитаго праздника. Всѣ толпились около Троицкаго собора. Туда ожидали къ обѣднѣ государя со всѣмъ дворомъ. Двадцать девять полковъ съ пушками, трубами и литаврами уже стояли тамъ въ стройномъ порядкѣ. Горделиво и весело посматривали вокругъ себя храбрые воины, радостно и почтительно здоровались съ ними толпы любопытныхъ, со всѣхъ сторонъ окружавшія ихъ. Раздался благовѣстъ къ обѣднѣ. Всѣ, и воины, и граждане набожно перекрестились и обратили взоры къ той сторонѣ, откуда надобно было ѣхать царю. Вскорѣ увидѣли его приближеніе вмѣстѣ съ царицею и всѣмъ семействомъ. Тѣ же радостныя привѣтствія, какія раздаются теперь въ народѣ при видѣ государя, встрѣтили и проводили Петра до самаго входа въ церковь. Тамъ послѣ обѣдни прочитанъ былъ славный для русскихъ трактатъ Ништадтскаго мира и потомъ архіепископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ произнесъ рѣчь, въ которой, представивъ кратко всѣ великія дѣла

царя, назвалъ его достойнымъ имени *Отца отечества, императора* и *Великаго.*

Канцлеръ графъ Головкинъ повторилъ отъ всѣхъ чиновъ государственныхъ такое же привѣтствіе и кончилъ восклицаніемъ: «*Виватъ! виватъ! виватъ! Петръ Великій, Отецъ отечества, императоръ Всероссійскій!*»

Три раза повторено было это восклицаніе всѣми находившимися въ церкви, и всѣмъ народомъ и войскомъ, окружавшими ее. Въ это же самое время раздавались въ воздухѣ колокольный звонъ, звуки трубъ и литавръ, пушечные и ружейные выстрѣлы.

Такъ совершилось торжественное принятіе Петромъ благодарныхъ чувствъ народа его. Новый императоръ, не менѣе благодарный къ своимъ товарищамъ въ побѣдахъ, въ тотъ же день спѣшилъ наградить каждаго по заслугамъ его. Въ это время князь Меншиковъ, Сиверсъ и Гордонъ пожалованы были въ вице-адмиралы; вице-адмиралъ Крюйсъ въ адмиралы синяго флага, а графъ Брюсъ и баронъ Остерманъ; за искусство и успѣхъ, съ которыми вели они переговоры въ Ништадтѣ, были награждены деревнями и деньгами.

Праздники продолжались три дня, и каждый вечеръ были иллюминованы корабли и домы петербургскіе; каждый вечеръ горѣлъ прекрасный фейерверкъ. Вы вѣрно догадаетесь, милыя дѣти, что въ этихъ веселостяхъ государя и столицы не забытъ былъ и простой народъ, столько любимый Петромъ: для него были выставлены жареные быки и разнаго рода птицы, также хлѣбы, калачи и сайки, а изъ двухъ фонтановъ било красное и бѣлое вина, не говоря уже о цѣлыхъ бочкахъ меда и пива, которыя веселые гости царя скоро опоражнивали за славный миръ и счастіе Россіи.

ПОСЛѢДНІЯ ДѢЯНІЯ ПЕТРА I.

отъ 1722 до 1725 года.

(3 года).

И такъ, на Балтійскомъ морѣ уже не раздавались болѣе военные громы, и для торговли русскихъ открылся свободный путь во всѣ государства Европы. Но Петръ, довольный великимъ дѣломъ своимъ, еще не считалъ его совсѣмъ оконченнымъ. Не одно Балтійское море представляло торговыя выгоды для подданныхъ его; съ другой стороны подлѣ нихъ было море Каспійское, а по берегамъ его прекрасныя страны Персіи, а за Персіею же—Индія со всѣми своими богатствами. Давно уже русскіе торговали съ персіянами и Петръ всѣми силами старался поддерживать эти дружескія сношенія между обоими народами. Но съ 1710 года дѣла въ Персіи пошли очень худо: государь ея, шахъ *Гуссейнъ* былъ очень слабъ и, надѣясь на эту слабость, многіе изъ подданныхъ его забыли свою покорность къ нему. Особенно одинъ изъ нихъ, *Мирависъ,* предводитель поколѣнія афганцевъ, жившихъ около горъ кавказскихъ, дошелъ до такой дерзости, что даже объявилъ себя независимымъ и вмѣстѣ съ своими приверженцами и другими мятежными ордами, подданными Персіи, началъ опустошать области, лежавшія около Кавказа, побилъ 300 человѣкъ русскихъ, жившихъ тамъ по дѣламъ торговымъ, и нанесъ купечеству русскому до 4.000,000 убытку. Такое жестокое оскорбленіе заставило Петра вступиться за своихъ подданныхъ и требовать отъ шаха удовлетворенія, но несчастный Гуссейнъ былъ въ такомъ положеніи, что желалъ бы самъ просить помощи у русскаго государя, чтобы управиться съ бунтовщиками. Пока продолжалась война шведская, Россія не могла подать ему этой помощи; но послѣ славнаго мира императору съ его войскомъ, такъ скоро привыкшимъ къ побѣдамъ, уже можно было думать о наказаніи убійцъ и грабителей его подданныхъ.

Въ іюнѣ 1722 года неутомимый государь былъ уже въ Астрахани, а въ іюлѣ отправился въ походъ съ своею болѣе нежели 60,000 арміею. Пѣхота плыла по Каспійскому морю на 274 судахъ, кавалерія шла сухимъ путемъ чрезъ степи. Послѣднею начальствовалъ генералъ-маіоръ Кропотовъ, надъ всѣмъ флотомъ—генералъ-адмиралъ графъ Апраксинъ.

Успѣхъ встрѣтилъ императора на первыхъ шагахъ этого похода: еще не доходя до береговъ персидскихъ земель, онъ получилъ извѣстіе, что владѣтель области Дагестанской *Абдулъ-Гирей* добровольно покорился его власти. Главный и важный городъ этой области былъ *Терки*. Вы найдете его и теперь, милые читатели, въ числѣ нашихъ приморскихъ каспійскихъ городовъ подъ именемъ *Тарку*. Вскорѣ потомъ и начальникъ города Дербента просилъ покровительства русскихъ, которые, вступивъ на берегъ Азіи, такъ удивляли ея необразованныхъ жителей своимъ воинственнымъ видомъ и страшными оружіями, что Петру легко было бы распространить свои завоеванія далеко по берегу Каспійскаго моря, еслибы войско его съ перемѣною холоднаго климата своего отечества на жаркій воздухъ странъ кавказскихъ не начало чувствовать разнаго рода болѣзней, которыя, съ наступленіемъ осени, еще болѣе усилились. Самъ государь почувствовалъ себя нездоровымъ; и такъ походъ былъ оконченъ, и въ началѣ ноября Петръ уже возвратился въ Астрахань, оставивъ въ завоеванныхъ мѣстахъ столько войска, сколько нужно было для удержанія въ покорности новыхъ подданныхъ. Число этихъ подданныхъ вскорѣ увеличилось: воины русскіе, оставшіеся на берегахъ Каспійскаго моря, завоевали еще одинъ изъ городовъ, тамъ лежащихъ, *Баку*; а персидскій шахъ, умоляя императора о помощи противъ непокорныхъ подданныхъ своихъ, уступалъ Россіи, кромѣ завоеванныхъ земель, еще три области: *Гилянь*, *Мазандеранъ* и *Астерабатъ*. Съ этими предложеніями и съ просьбою о заключеніи мира пріѣхалъ отъ него посланникъ *Измаилъ-бекъ*. Петръ принялъ его съ большою честію и приказалъ ввезти въ Петербургъ водою въ богатой яхтѣ, украшенной со всѣми прихотями азіятскаго вкуса. Измаилъ-бекъ сѣлъ на нее у

Невскаго монастыря. За нимъ въ нѣсколькихъ судахъ поѣхала свита его; впереди вся Нева покрыта была ботами, лодками и разнаго рода судами невскаго флота [1]), на берегахъ раздавалась пушечная пальба и барабанный бой.

На другой день этого торжественнаго въѣзда, 11-го августа 1723 года, былъ у царя еще лучшій праздникъ. За нѣсколько недѣль передъ тѣмъ онъ выводилъ для маневровъ въ Балтійское море весь флотъ свой, состоявшій уже тогда изъ 100 галеръ, 22 кораблей и 14 фрегатовъ. Маневры такой грозной силы испугали прибрежныя государства, особенно давнишнихъ непріятелей Россіи—шведовъ; а Петру того и хотѣлось, потому что въ это время были у него переговоры съ шведами о справедливомъ требованіи герцогомъ голштинскимъ шведскаго престола. Любя этого принца, будущаго зятя своего, какъ сына, императоръ желалъ, чтобы шведы не забыли о правахъ его, и они, уважая посредничество Петра, исполнили все, чего желалъ онъ: дали 25,000 талеровъ въ годъ на содержаніе герцога и, кромѣ того, обѣщали имѣть его въ виду при избраніи наслѣдника престола шведскаго.

Довольный своимъ успѣхомъ, Петръ съ восхищеніемъ смотрѣлъ на то, что̀ доставило ему и этотъ успѣхъ, и уваженіе шведовъ,—на знаменитый и многочисленный флотъ свой. Любуясь грозными великанами, такъ гордо разъѣзжавшими подъ бѣлыми парусами по волнамъ Балтійскаго моря и залива Финскаго, императоръ вспомнилъ съ живѣйшею благодарностію о маленькомъ ботикѣ, который подалъ ему первую мысль объ основаніи морскихъ силъ Россіи и, достойно величая его *дѣдушкой Русскаго флота*, приказалъ привезти его изъ Москвы въ Кронштадтъ. Желаніе государя исполнено, и 11-го августа назначенъ праздникъ въ честь знаменитаго *дѣдушки*. И какой же былъ

---

[1]) *Невскимъ флотомъ* назывались суда, принадлежавшія жителямъ столицы, которые всѣ обязаны были, на случай наводненія, имѣть лодки и умѣть хорошо управлять ими. Для этого, по приказанію императора, они два раза въ недѣлю выѣзжали на Неву и, подъ начальствомъ адмирала этого флота, дѣлали разнаго рода ученья. Петръ, страстно любившій море и мореплаваніе, хотѣлъ передать эту любовь и своимъ подданнымъ.

этотъ праздникъ! Въ своемъ родѣ онъ былъ такъ же необыкновененъ, какъ и всѣ дѣла этого удивительнаго государя. Рано утромъ весь флотъ вышелъ въ море; имъ начальствовали три адмирала: графъ Апраксинъ, Крюйсъ и *Михайловъ*. Со всѣхъ судовъ палили изъ пушекъ и спускали флаги въ честь маленькаго виновника праздника. Наконецъ, нѣсколько главныхъ морскихъ генераловъ вошли въ него: Сиверсъ, Гордонъ, Синявинъ и Сандерсъ принялись исправлять должность гребцовъ, князь Меншиковъ—боцмана, а адмиралъ *Михайловъ* сталъ на рулѣ за квартирмейстера.

Такъ величественно знаменитый ботикъ обошелъ кругомъ всего флота. Звукъ трубъ и барабановъ и громкое *ура!* окружали его со всѣхъ сторонъ и проводили потомъ въ самую гавань, куда поплыли за нимъ и всѣ корабли и фрегаты. За пышнымъ обѣдомъ, который давался въ тотъ день отъ двора въ Кронштадтѣ и на которомъ присутствовала вся императорская фамилія, Петръ пилъ за здоровье ботика, говоря: «Да здравствуетъ маленькій дѣдъ такихъ большихъ и славныхъ внуковъ!»

Вѣрно и вамъ, друзья мои, хотѣлось бы видѣть этого *маленькаго дѣдушку?* Желаніе ваше легко можетъ быть исполнено: въ Петропавловской крѣпости сохраняется этотъ драгоцѣнный любимецъ незабвеннаго Петра нашего. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ снова удостоенъ былъ такой же чести. Императоръ Николай Павловичъ дѣлалъ для него точно такой же праздникъ въ іюнѣ 1836 года.

Торжество въ честь ботика въ 1723 году примѣчательно еще потому, что оно было какъ будто заключеніемъ морскихъ походовъ Петра: послѣ маневровъ, сдѣланныхъ въ пользу голштинскаго герцога, императоръ уже не былъ на морѣ Балтійскомъ. Здоровье его съ каждымъ годомъ дѣлалось слабѣе и могло ли это быть иначе? Безпрестанные труды его—и умственные, и тѣлесные—были такъ велики, что кажутся теперь почти невѣроятными для насъ, а онъ почиталъ ихъ дѣломъ самымъ обыкновеннымъ и, не заботясь о здоровьѣ своемъ, всегда готовъ былъ жертвовать имъ для послѣдняго изъ подданныхъ. Къ тому же, въ сердцѣ его не было счастія, которое бы вознаграждало за

эти труды, не было утѣшенія, которое бы успокоивало мысли его о будущей судьбѣ Россіи; не было наслѣдника, которому онъ могъ бы передать все сдѣланное имъ! Это причиняло ему такую горесть, которая усиливала всѣ болѣзненные припадки его. Среди этихъ грустныхъ размышленій взоры его всегда съ утѣшеніемъ останавливались на кроткой и прекрасной подругѣ его славной жизни, на той героинѣ, которая такъ вѣрно дѣлила съ нимъ всѣ труды и опасности. Полагая, что она все еще не довольно вознаграждена за безсмертное благодѣяніе, сдѣланное ею для Россіи, онъ желалъ окружить ее всѣмъ блескомъ царственной власти и торжественно короновать государыню, которая, хотя давно объявлена была царицею, но не была вѣнчана на царство. Сообразжаясь съ пламеннымъ желаніемъ императора, всѣ приготовленія скоро были окончены и 7-го мая 1724 года Екатерина уже коронована была въ московскомъ Успенскомъ соборѣ со всѣми торжественными обрядами, какіе обыкновенно наблюдаются при короновавіи государей нашихъ. Въ этотъ день Петръ учредилъ въ честь и особенное охраненіе императрицы роту кавалергардовъ, состоявшую изъ самыхъ великорослыхъ солдатъ, выбранныхъ изъ всего русскаго войска. Одежда ихъ была чрезвычайно богата: на плечахъ и груди сіяли золотые императорскіе гербы, на шляпахъ развѣвались перья; даже лошади ихъ и все оружіе блестѣло золотомъ и серебромъ. Чины въ этой необыкновенной ротѣ были также необыкновенные, напримѣръ *капитаномъ* въ ней былъ генералъ-поручикъ Ягужинскій, *поручикомъ*—генералъ-маіоръ Дмитріевъ-Мамоновъ, *подпоручикомъ*—бригадиръ Леонтьевъ, а *прапорщикомъ*—полковникъ князь Мещерскій.

Императоръ уже чувствовалъ себя очень слабымъ во время коронаціи супруги своей, однакожъ, не смотря на это, самъ съ великолѣпною церемоніею ввелъ ее въ церковь и потомъ на тронъ, самъ возложилъ на нее корону и мантію, наконецъ, самъ подводилъ ее къ алтарю для мvропомазанія и причащенія Св. Таинъ. Зато вскорѣ послѣ окончанія обряда онъ сильнѣе почувствовалъ слабость свою и поспѣшилъ во дворецъ гораздо прежде, нежели возвратилась туда императрица со всею прежнею церемоніею.

Торжественные обѣды и праздники, продолжавшіеся потомъ цѣлую недѣлю, не могли поправить здоровья государя, но еще болѣе разстроили его, такъ что онъ долженъ былъ на нѣсколько времени отложить важнѣйшія изъ занятій своихъ и лечиться минеральными водами; онъ любилъ этотъ родъ леченія и нѣсколько разъ ѣздилъ для того къ Олонецкимъ минеральнымъ водамъ; но онѣ не могли истребить совершенно болѣзни его, потому что при малѣйшемъ облегченіи онъ оставлялъ пользованіе и снова предавался трудамъ. Такъ случилось это и теперь: почувствовавъ себя нѣсколько здоровѣе и веселѣе, неутомимый государь уже отправился въ Петербургъ, а оттуда тотчасъ же въ Петергофъ, посмотрѣть много ли подвинулись работы фонтановъ и бассейновъ; потомъ въ Кронштадтъ взглянуть на свои корабли и фрегаты. Эти разъѣзды не кончились тѣмъ: возвратясь изъ Кронштадта, Петръ поѣхалъ въ Новую Ладогу, на берегъ рѣки Волхова. Тамъ, съ 1719 года, производились важныя работы, но чтобы понятно разсказать вамъ о нихъ, друзья мои, надобно развернуть карту Россіи. Видите, ли вы на ней, какъ Нева соединяетъ Финскій заливъ съ Ладожскимъ озеромъ, какъ потомъ это озеро соединяется рѣкою Волховомъ съ озеромъ Ильменемъ и какъ въ это послѣднее озеро впадаетъ рѣка *Мста*? Стало быть отъ самаго начала Мсты можно доѣхать водою до Петербурга. Эта водяная дорога важна не для путешественниковъ, которые гораздо скорѣе могутъ пріѣхать въ Петербургъ сухимъ путемъ, но для тѣхъ большихъ судовъ и барокъ, которыя привозятъ въ сѣверную столицу огромные запасы разныхъ необходимыхъ для жизни вещей. А надобно сказать правду, Петербургъ очень нуждается въ нихъ, будучи окруженъ землею, вовсе неплодородною. Но попечительный основатель его видѣлъ, что и всѣ мѣста, лежавшія по рѣкѣ Мстѣ, не отличаются богатствомъ природы; зато это богатство показывается тамъ, гдѣ начинается Волга, и продолжается по всѣмъ странамъ, гдѣ течетъ эта величественная рѣка, доходящая до самаго Каспійскаго моря. Какимъ же бы образомъ соединить эти плодородныя области съ безплодными мѣстами, окружающими новую столицу? Разумѣется, единственная возмож-

ность къ тому есть водяное сообщеніе. Но рѣка Мста, оканчиваясь около тѣхъ мѣстъ, гдѣ начинается Волга, не соединяется ни съ нею, ни съ большою рѣкою *Тверцою*, впадающею въ Волгу. И такъ, чтобы доѣхать водою отъ самой Астрахани до Петербурга, надобно соединить Тверцу и Мсту,—и Петръ, дальновидный и заботливый о выгодахъ народа своего, сдѣлалъ это еще въ первые годы существованія Петербурга, а въ 1719 году онъ принялся уже за другое дѣло въ такомъ же родѣ. Ладожское озеро, какъ величайшее изъ всѣхъ озеръ европейскихъ, очень бурно и опасно для судовъ, плавающихъ по немъ. Часто во время грозы люди и барки погибали безъ всякой вѣсти въ волнахъ его и послѣ такихъ несчастныхъ случаевъ страшно было и другимъ пускаться по той же дорогѣ. Такимъ образомъ Петербургъ могъ часто терпѣть недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Чтобъ отвратить это несчастіе отъ любимаго города своего, Петръ придумалъ вотъ что: провести каналъ по берегу Ладожскаго озера отъ источника Невы до Волхова. Простираясь на 105 верстъ, онъ представлялъ чрезвычайныя трудности своему основателю; но какія трудности могли остановить Петра, когда съ ними соединялась польза Россіи? Государь, бережливый до невѣроятности во всемъ, что касалось до собственныхъ его расходовъ, не пожалѣлъ чрезвычайныхъ суммъ, какихъ должно было стоить проведеніе этого канала и съ 1719 года 25,000 человѣкъ работниковъ начали безпрестанно трудиться надъ нимъ. Сначала работы шли медленно, но съ 1723 года надзоръ за ними былъ порученъ одному изъ любимцевъ императора, графу Миниху, который съ такимъ успѣхомъ исправлялъ порученное ему дѣло, что Петръ, пріѣхавъ въ Новую Ладогу, могъ уже плыть въ лодкѣ нѣсколько верстъ по новому каналу и съ восхищеніемъ писалъ къ государынѣ: «Работа Минихова сдѣлала меня здоровымъ. Я надѣюсь современемъ вмѣстѣ съ нимъ ѣхать водою изъ Петербурга и въ Головиномъ саду, при рѣкѣ Яузѣ, въ Москвѣ, встать».

Но эта надежда не исполнилась и удовольствіе при видѣ успѣшныхъ работъ Миниха ненадолго подкрѣпило драгоцѣнное здоровье императора! Какъ будто предчув-

ствуя приближавшуюся кончину, онъ спѣшилъ совершать великія намѣренія свои, и въ этомъ же 1724 году сдѣлалъ планъ основанія въ Петербургѣ Академіи Наукъ и приказалъ перенести мощи князя Александра Невскаго, почивавшія во Владимірѣ, на тѣ мѣста, гдѣ святой герой одержалъ побѣду, прославившую память его. Богъ, всегда ниспосылавшій успѣхъ намѣреніямъ благочестиваго Петра, ниспослалъ ему радость видѣть исполненіе этого усерднаго желанія его: мощи Невскаго привезены были въ новую столицу 30-го августа 1724 г., въ то время, когда государь еще былъ столько здоровъ, что самъ выѣхалъ встрѣтить ихъ на великолѣпной галерѣ и собственными руками участвовалъ въ перенесеніи ихъ на эту галеру и потомъ въ церковь Александро-Невскаго монастыря. Тутъ и теперь мы можемъ съ умиленіемъ молиться государю *Святому*—генію-хранителю Россіи и благоговѣйно вспоминать государя *Великаго*—генія-просвѣтителя ея.

КОНЧИНА ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

1725 годъ.

Святый князь, котораго присутствіе всегда было утѣшительно для русскихъ въ продолженіе земной жизни его, казалось, и въ гробѣ хотѣлъ утѣшить ихъ: вскорѣ послѣ перенесенія священныхъ мощей его Петръ почувствовалъ такое облегченіе въ своей болѣзни, что съ 13-го сентября всѣ уже имѣли самую основательную надежду на совершенное выздоровленіе отца отечества. Государю надобно было только нѣсколько времени поберечь себя и не тотчасъ приниматься за обыкновенныя занятія свои. Вмѣсто того Петръ не только началъ прогуливаться по Невѣ и съ жаромъ принялся за всѣ дѣла государственныя, но въ началѣ октября, не смотря на всѣ представленія своего лейбъ-медика Блюментроста, отправился водою къ Кронштадтъ, Шлиссельбургъ и на Олонецкіе желѣзные заводы, гдѣ собственными руками выковалъ тяжелую полосу желѣза, ко-

торая и теперь хранится въ кунсткамерѣ. Объѣздивъ всѣ эти мѣста, государь, 27-го октября, возвратился въ Петербургъ и, отдохнувъ не болѣе какъ одинъ день, отправился опять водою въ Сестребекъ, мѣстечко, лежащее въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда. Къ вечеру того же дня довольно пріятная осенняя погода перемѣнилась въ сильную бурю, которая долго носила по волнамъ взморья яхту императорскую. Она ужъ приставала къ берегу Лахты [1], какъ вдругъ всѣ бывшіе на ней примѣчаютъ вдали какое-то судно, съ котораго раздаются жалобные крики о помощи. Этого уже было довольно, чтобы возбудить все живѣйшее участіе, къ какому было способно сострадательное сердце императора. Онъ забываетъ опасность, которой за минуту самъ подверженъ былъ, остается съ нѣсколькими изъ людей своихъ на яхтѣ, а всѣхъ другихъ отправляетъ въ шлюпкѣ на помощь погибающимъ. Это были солдаты и матросы, ѣхавшіе на большомъ ботѣ изъ Кронштадта и занесенные бурею на мель. Усердно желали посланные исполнить волю добраго государя, но всѣ усилія ихъ были напрасны: они не могли стащить бота съ мѣста. Видя это, Петръ забываетъ все, кромѣ святой обязанности человѣка помогать своему ближнему; забываетъ всю великость различія, существующаго между его жизнію и жизнію другихъ людей, забываетъ всю любовь къ себѣ подданныхъ, готовыхъ съ радостію умереть за него, всю неизмѣримость потери, ожидавшей ихъ со смертію его, и бросается съ остальными матросами своей яхты спасать тонувшихъ. Этотъ единственный примѣръ оживилъ новымъ мужествомъ сердца всѣхъ участниковъ великаго дѣла императора, и погибавшіе были спасены: двадцать человѣкъ изъ нихъ были обязаны этимъ спасеніемъ самому ему!

Прекрасенъ былъ подвигъ Петра, но горестны были слѣдствія его! Царственный избавитель для жизни спасенныхъ имъ пожертвовалъ собственною! Пробывъ болѣе получаса въ холодныхъ волнахъ, онъ простудился, и эта простуда, соединясь съ прежнею болѣзнію, прекратила дни Великаго въ январѣ 1725 года. Напрасно старалась бы я пред-

[1]) Селеніе, лежащее по дорогѣ къ Сестребеку.

ставить вамъ, милые читатели мои, всю великость удара, поразившаго Россію, и всю горесть, какую чувствовала она! Никакое перо, никакія выраженія не могутъ дать объ этомъ понятія. Ужасныя слова: «*Петръ I скончался!*» перелетая отъ одного человѣка къ другому, казалось, лишали каждаго возможности выражать общее страданіе: всѣ не говорили, но могли только неутѣшно плакать! И такъ, предоставляя собственнымъ сердцемъ вашимъ, друзья мои, понять всю неизмѣримость этой горести, я не буду говорить о ней, но разскажу вамъ печальныя подробности кончины государя.

Съ января мѣсяца здоровье Петра начало примѣтно разрушаться; однакожъ 6-го числа, въ праздникъ Крещенія, онъ еще самъ начальствовалъ войсками на Іорданѣ и послѣ того нѣсколько дней занимался, по обыкновенію, дѣлами. Наконецъ ужасныя страданія остановили эту неутомимую дѣятельность и съ половины января императоръ уже не могъ вставать съ постели. Никакія пособія искусства, никакіе совѣты врачей иностранныхъ, съ которыми переписывался Блюментростъ, не помогли! Видя безнадежность своего положенія, изображавшуюся на лицахъ всѣхъ окружавшихъ его, чувствуя ее въ предсмертныхъ мученіяхъ, Петръ имѣлъ еще мужество утѣшать нѣжную супругу, которой горесть доходила почти до отчаянія, имѣлъ еще мужество говорить ей и всѣмъ приближеннымъ своимъ: «Изъ меня можете познать, какое слабое твореніе есть человѣкъ!»

Однакожъ, не смотря на все глубокое чувство этой слабости, не смотря на то, что съ 22-го числа духовникъ уже не отходилъ отъ постели государя, примѣтно было, что надежда еще не оставляла больного до самаго 27-го числа, когда страданія и слабость его достигли высочайшей степени. Въ эти мучительныя минуты, казалось, онъ почувствовалъ приближеніе смерти и спросилъ бумаги и перо; но умирающая рука уже отказывалась служить, и изъ всѣхъ словъ, написанныхъ государемъ, можно было разобрать только два! *отдайте все...* Не имѣя возможности передать письменно послѣднюю волю свою, онъ, вѣроятно, желалъ сдѣлать это словесно и для того послалъ за старшею дочерью своею Анной, но прежде нежели печальная

великая княжна успѣла подойти къ постели умирающаго, онъ уже не въ состояніи былъ говорить. Около пятнадцати часовъ потомъ еще жилъ Великій, но эту жизнь можно было назвать только признаками жизни: иногда они примѣтны были въ движеніи руки, старавшейся сдѣлать знаменіе креста, иногда въ томъ вниманіи, съ которымъ слушалъ онъ читаемыя духовникомъ молитвы. Наконецъ въ утро 28-го числа—назначенное Богомъ быть послѣднимъ земнымъ утромъ Петра—благочестивый государь во второй разъ причастился Св. Таинъ, и въ первой четверти 6 часа безсмертная душа его отлетѣла на небо.

Въ первыя минуты казалось, что эта божественная душа унесла съ собою твердость и силы русскихъ: начиная отъ императрицы и дочерей ея, вынесенныхъ безъ чувствъ изъ комнатъ государя, до послѣдняго человѣка, служившаго во дворцѣ,—все предавалось отчаянію, все громко зарыдало! И эти рыданія раздались не въ одномъ дворцѣ, но въ каждомъ домѣ Петербурга, въ каждомъ городѣ, въ каждомъ селеніи обширной Россіи! Жители Петербурга были счастливѣе другихъ тѣмъ, что могли по крайней мѣрѣ болѣе мѣсяца видѣть драгоцѣнные останки обожаемаго государя и не одинъ разъ проститься съ ними: день погребенія былъ 7-го марта, а до тѣхъ поръ всѣмъ позволено было приходить къ тѣлу, которое стояло все это время въ залѣ дворцовой, и потомъ со всѣмъ императорскимъ великолѣпіемъ перенесено въ Петропавловскій соборъ.

Здѣсь, предъ самымъ погребеніемъ, Россія сказала послѣднее *прости* своему великому благодѣтелю — въ краснорѣчивой рѣчи архіепископа Ѳеодора Прокоповича. Трогательныя слова проповѣдника и слезы всѣхъ слушателей, сливаясь вмѣстѣ съ громкимъ плачемъ войска и народа, окружавшихъ церковь, выразительно доказывали общую горесть. Она утихала нѣсколько только тогда, когда супруга Петра являлась взорамъ огорченныхъ и, какъ утѣшительный ангелъ небесъ, обѣщала осиротѣвшимъ подданнымъ ту же любовь и тѣ же попеченія, какими исполнено было къ нимъ сердце навѣки почившаго отца ихъ.

Семейство императора Петра I.

Супруги: 1-я) *Евдокія* Ѳеодоровна Лопухина.

Сынъ отъ нея: а) царевичъ *Алексѣй*, скончался въ 1718 г.

2-я) *Екатерина* Алексѣевна изъ рода Скавронскихъ, наслѣдовавшая престолъ.

Дѣти отъ нея: b) *Петръ*, c) *Павелъ*, d) *Петръ*, скончавшіеся въ дѣтствѣ. e) *Анна*, была въ супружествѣ за герцогомъ голштинскимъ Фридерикомъ. f) *Елисавета*, бывшая впослѣдствіи императрицею всероссійскою.

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА I.

отъ 1725 до 1727 года.

(2 года).

Русскіе въ ужасное время жестокой потери своей имѣли полное право ожидать утѣшеній отъ Екатерины. Она объявлена была наслѣдницею престола въ самый день кончины супруга, по общему согласію вельможъ и народа. Однакожъ нельзя не сказать, что усерднѣе всѣхъ дѣйствовалъ въ этомъ важномъ дѣлѣ князь Меншиковъ. Имѣя много случаевъ быть полезнымъ для Екатерины еще съ первыхъ лѣтъ жизни ея въ Россіи и испытавъ въ полной мѣрѣ благодарныя чувства государыни, Меншиковъ увѣренъ былъ, что въ царствованіе ея онъ будетъ наслаждаться совершенною властію, которая давно уже сдѣлалась первымъ желаніемъ его честолюбиваго сердца. Старанія его о возведеніи на престолъ своей покровительницы имѣли тѣмъ болѣе успѣха, что не онъ одинъ чувствовалъ любовь и преданность къ доброй государынѣ: прекрасныя качества души ея доставляли ей безчисленное множество приверженцевъ. Сильная сторона ея не могла не побѣдить приверженцевъ девяти-лѣтняго великаго князя *Петра*, сына несчастнаго царевича Алексѣя Петровича, хотя, какъ родный внукъ покойнаго императора, онъ имѣлъ полное право на корону русскую. Но по дѣтскимъ лѣтамъ сво-

имъ онъ не могъ самъ управлять государствомъ. Итакъ, самые защитники его скоро согласились вручить императорскую власть общей любимицѣ, тѣмъ болѣе, что она обѣщала почитать великаго князя своимъ наслѣдникомъ и образовать въ немъ *государя, достойнаго имени и крови Петра I.*

Приверженцы Екатерины не ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ: новое царствованіе было достойно наслѣдницы Петра. Она съ такою точностію старалась исполнять всѣ извѣстныя ей намѣренія супруга своего, съ такимъ успѣхомъ умѣла довершать начатое имъ, что конецъ этого кратковременнаго царствованія, продолжавшагося не болѣе двухъ лѣтъ, былъ новою горестію для Россіи.

Вы раздѣлите эту справедливую горесть, милыя дѣти, когда услышите, какъ много сдѣлано было въ эти два года.

Прежде всего надобно сказать вамъ, что во всѣхъ мѣстахъ обширнаго отечества нашего, во все время правленія Екатерины, было совершенное спокойствіе и миръ со всѣми сосѣдями; только на берегахъ Каспійскаго моря, въ областяхъ, незадолго передъ тѣмъ завоеванныхъ Петромъ, бунтовали новые подданные Россіи, но и тѣ усмирены были оставленнымъ тамъ генераломъ Матюшкинымъ. Вслѣдъ за этимъ усмиреніемъ грузинскій царь *Вахтангъ,* уважая могущество Россіи и желая избавиться отъ притѣсненій персіянъ, вступилъ въ подданство Екатерины и такимъ образомъ увеличилъ царство ея новою областію.

При самомъ началѣ своего восшествія на престолъ государыня исполнила одно изъ важныхъ намѣреній великаго супруга своего: отправила въ Ледовитое море нѣсколько судовъ подъ начальствомъ капитана Беринга для того, чтобы узнать соединяется ли твердою землею Азія съ Америкой, или раздѣляется моремъ. Этотъ вопросъ былъ очень важенъ въ то время для всей Европы, и русскіе—въ первомъ морскомъ путешествіи своемъ—пріобрѣли честь, которой позавидовали многіе опытные моряки. Берингъ узналъ, что оконечности Азіи и Америки не составляютъ одного материка, но раздѣляются проливомъ. Хотя этотъ проливъ еще прежде путешествія Беринга извѣстенъ былъ казаку *Дежневу,* проѣхавшему по немъ, но какъ новое открытіе было довер-

шено и описано Берингомъ, то и названо было его именемъ. Вѣдь, вѣрно, всѣ вы, милые читатели мои, знаете проливъ *Беринговъ?*

Вскорѣ послѣ отправленія Беринга, и именно въ маѣ 1725 года, Екатерина основала Академію Наукъ по плану, сдѣланному за годъ передъ тѣмъ покойнымъ императоромъ. Почти въ то же время она учредила орденъ св. Александра Невскаго. Это было также намѣреніе Петра: онъ говорилъ о немъ при перенесеніи мощей героя Невскаго въ сѣверную столицу. Знаки новаго ордена розданы были въ первый разъ 21-го мая 1725 года, въ день бракосочетанія великой княжны Анны Петровны съ герцогомъ голштинскимъ. Вы знаете, друзья мои, что и начало этого брака устроено было Петромъ; однакожъ герцогъ голштинскій былъ общимъ любимцемъ родителей невѣсты своей, и Екатерина, такъ же какъ и супругъ ея, во всякомъ случаѣ показывала свою особенную къ нему привязанность. Она желала даже, чтобъ герцогъ участвовалъ въ дѣлахъ государственныхъ и для того назначила его однимъ изъ главныхъ членовъ учрежденнаго ею верховнаго тайнаго совѣта, котораго власть превышала власть сената и гдѣ разсматривались только самыя важныя дѣла государства. Еслибы царствованіе ея было продолжительнѣе, она, вѣроятно, возвратила бы герцогу и шлезвигское владѣніе, отнятое у него Даніей въ послѣднюю войну русскихъ съ шведами: всѣ приготовленія къ морскому походу противъ датчанъ были уже сдѣланы и многочисленный флотъ готовъ былъ въ Ревелѣ и Кронштадтѣ. Но ранняя смерть, прекративъ неутомимую дѣятельность императрицы и всѣ ея прекрасныя намѣренія, лишила народъ русской государыни, въ полной мѣрѣ оправдавшей своимъ царствованіемъ справедливость судьбы, такъ блистательно возвысившей ее отъ бѣдности и сиротства до одного изъ знаменитыхъ троновъ Европы! Она скончалась 6-го мая 1727 года, но за нѣсколько времени до кончины успѣла утвердить будущее спокойствіе покидаемаго ею царства объявленіемъ духовной, въ которой наслѣдникомъ престола назначенъ былъ внукъ Петра I—*Петръ Алексѣевичъ II.* Родныя же дочери ея—великія княжны Анна и Елисавета—получали право на корону только въ

такомъ случаѣ, еслибы Петръ II умеръ безъ наслѣдниковъ мужескаго пола. Здѣсь видна справедливость императрицы,—справедливость, сохраненная ею, не смотря на всю материнскую любовь ея къ дочерямъ: царствованіе великаго князя обѣщало русскимъ болѣе прочное счастіе, нежели царствованіе которой нибудь изъ тетокъ его, и этого было довольно для супруги Петра: наслѣдница любви его къ народу во всей цѣлости сохранила драгоцѣнное наслѣдіе свое и, свято исполнивъ свою обязанность, спокойно и безъ сожалѣнія разсталась съ жизнію, въ которой не находила радостей послѣ кончины супруга своего.

ПЕТРЪ II И КНЯЗЬ МЕНШИКОВЪ.

ОТЪ 1727 ДО 1728 ГОДА.

(1 годъ).

Одиннадцати-лѣтній императоръ Петръ II взошелъ на престолъ въ день кончины Екатерины, и бояре, и народъ единодушно назвали его государемъ своимъ. Кромѣ законныхъ правъ его, за него былъ сильнѣйшій вельможа тогдашней Россіи: князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ. Пора вамъ, милые читатели мои, узнать подробнѣе объ этомъ примѣчательномъ лицѣ въ исторіи нашего отечества.

Я не буду описывать вамъ, какъ онъ изъ самаго ничтожнаго званія чрезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлался не только знаменитѣйшимъ вельможею въ царствѣ, но и любимѣйшимъ другомъ государя,—вы уже знаете это. И такъ, поговоримъ о томъ, какъ онъ, достигнувъ такого рѣдкаго счастія, не умѣлъ удержаться на высотѣ его и упалъ, упалъ ужасно! Причиною этого паденія были: жадность къ богатству и гордость, отъ которыхъ происходятъ обыкновенно почти всѣ несчастія людей. Эти двѣ унижающія человѣка страсти помрачали достоинства Меншикова и наконецъ взяли такую власть надъ душою его, что при всякомъ случаѣ, гдѣ только можно было воспользоваться чѣмъ нибудь для выгодъ своихъ, онъ пользовался; при

всякомъ случаѣ, гдѣ только можно было показать властолюбіе свое, онъ показывалъ его. Отсюда происходило то, что никто не любилъ его; никто не желалъ ему добра; но, зная власть, какою пользовался онъ при дворѣ, всякій боялся его. Эта власть очень уменьшилась въ послѣдніе годы царствованія Петра I, потому что правосудный государь узналъ о многихъ дурныхъ дѣлахъ своего любимца и даже не одинъ разъ отдавалъ его подъ судъ за несправедливое присвоеніе чужихъ имѣній и денегъ, но со времени восшествія на престолъ императрицы Екатерины, которой сердце, увлекаясь чувствомъ благодарности, видѣло въ Меншиковѣ только хорошія качества его, власть знаменитаго вельможи достигла высочайшей степени и продолжалась во все время ея царствованія. Всѣ недовольные, начинавшіе, въ послѣдніе мѣсяцы жизни Петра I, громко роптать на притѣсненія князя, умолкли или въ стѣнахъ душныхъ темницъ, или въ степяхъ холодной Сибири. Всѣ родственники ихъ, напуганные самовластіемъ любимца государыни, не смѣли возобновлять жалобъ несчастныхъ и ожидали отъ одного Бога облегченія страданій своихъ. Но долго печальныя сердца ихъ не могли дождаться этого облегченія: съ каждымъ днемъ могущество князя Меншикова увеличивалось и наконецъ съ кончиною императрицы еще болѣе утвердилось: въ духовной ея назначалась невѣстою молодого императора дочь Александра Даниловича, княжна Марія Александровна. Нельзя описать ужаса, какой почувствовали всѣ непріятели Меншикова, услышавъ объ этой новости и въ то же время узнавъ, что будущій тесть государя въ тотъ же день перевезъ его изъ дворца въ свой собственный домъ.

Съ этого времени началось полновластное владычество Меншикова надъ Россіей. Онъ одинъ управлялъ всѣми дѣлами государственными, хотя въ духовной Екатерины и назначена была до шестнадцати-лѣтняго возраста императора *правительственная опека*, состоявшая изъ дочерей ея: Анны и Елисаветы, герцога голштинскаго, супруга Анны, епископа любскаго, жениха Елисаветы, и шести членовъ Верховнаго Совѣта. Будучи однимъ изъ членовъ, Меншиковъ съ перваго дня присвоилъ себѣ всю власть;

остальные же пять: князья *Голицынъ* и *Долгорукій*, графы *Головкинъ* и *Остерманъ* и генералъ-адмиралъ *Апраксинъ*, только исполняли приказанія его, отъ которыхъ не могъ избавляться и самъ герцогъ голштинскій. Поведеніе гордаго честолюбца сдѣлалось наконецъ такъ нестерпимо, что великая княгиня Анна и супругъ ея должны были уѣхать изъ Россіи. Тогда-то Меншиковъ вообразилъ, что всѣ желанія его исполнились, и герцогъ голштинскій, послѣдній непріятель, котораго онъ болѣе всѣхъ боялся, побѣжденъ. И подлинно, послѣ отъѣзда старшей дочери великаго благодѣтеля его, кого могъ онъ бояться? Царевна Елисавета была еще такъ молода, что не могла имѣть никакого вліянія на дѣла государственныя; ее занимали забавы почти дѣтскія. Императоръ, незадолго предъ тѣмъ праздновавшій двѣнадцатый годъ своего рожденія, былъ уже обрученъ съ дочерью Меншикова и жилъ въ его домѣ.

Но какъ часто ошибаются люди въ самыхъ вѣрныхъ разсчетахъ своихъ! Рѣдко кто испыталъ это въ такой степени, какъ честолюбивый князь Меншиковъ! Въ то самое время, какъ онъ съ гордымъ восхищеніемъ смотрѣлъ на свою прекрасную Марію, за которую народъ русскій уже молился въ церквахъ, какъ за обрученную невѣсту государя, въ то самое время, какъ онъ мечталъ о новомъ соединеніи семейства своего съ домомъ царскимъ чрезъ бракъ сына своего съ сестрою императора, царевною Наталіею Алексѣевною, враги его искусно приготовили ему погибель.

Эти враги были не тѣ безсильные и обиженные родственники семействъ, казненныхъ или сосланныхъ за оскорбленія Меншикову, нѣтъ! это были враги самые могущественные изъ всѣхъ ненавидѣвшихъ его, это были князья Долгорукіе.

Еще въ царствованіе Екатерины начались ссоры ихъ съ Меншиковымъ и продолжались нерѣшительно до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ нихъ, пятнадцати-лѣтній князь *Иванъ*, сынъ князя Алексѣя Долгорукаго, не подружился съ молодымъ императоромъ. Богъ, какъ бы желая показать ничтожность всѣхъ хитро-обдуманныхъ плановъ человѣка, выбралъ этого юношу для того, чтобы наказать гордость Меншикова. Князь Иванъ былъ ловокъ, статенъ, всегда

веселъ, онъ умѣлъ занимать государя, разнообразить его удовольствія, предупреждать его желанія. Вскорѣ государь, привыкнувъ къ молодому товарищу своему, хотѣлъ безпрестанно видѣть его. Но строгій надзоръ хитраго врага разстроивалъ эти свиданія, и только на охотѣ друзья могли поговорить со всею свободою. Государь, и безъ того очень любившій эту забаву, пристрастился къ ней еще болѣе съ тѣхъ поръ, какъ полюбилъ своего милаго Ивана Алексѣевича. Здѣсь-то, заѣзжая вдвоемъ иногда нечаянно, а иногда и нарочно въ густую чащу лѣса, Петръ и любимецъ его свободно разговаривали о разныхъ дѣлахъ придворныхъ. Здѣсь-то князь Долгорукій, по наставленію отца, сказалъ государю о тайныхъ замыслахъ Меншикова, о томъ, какъ онъ хочетъ посредствомъ брака своей дочери завладѣть всею властію царскою. Петръ находилъ эти замѣчанія справедливыми: онъ не любилъ гордаго князя, не любилъ и Маріи, не смотря на всю красоту ея; довѣрчиво повѣрялъ онъ самыя тайныя мысли свои любимому другу, и какъ же обрадовался тотъ, когда узналъ изъ нихъ, что невѣста царская не владѣла сердцемъ жениха своего! Услышавъ объ этомъ, враги Меншикова смѣлѣе приступили къ дѣлу, а между тѣмъ онъ самъ, безразсуднымъ поведеніемъ своимъ, какъ будто помогалъ всѣмъ ихъ намѣреніямъ. Купечество петербургское, чрезвычайно любившее молодого государя, поднесло ему въ это самое время 9,000 червонныхъ. Петръ, самый нѣжный изъ братьевъ, хотѣлъ подарить этими деньгами сестру свою, великую княжну Наталію, и тотчасъ же послалъ ихъ къ ней съ однимъ изъ придворныхъ чиновниковъ. Меншиковъ встрѣтилъ посланнаго, узналъ, куда несетъ онъ деньги, и нисколько не думая о дерзости поступка своего, сказалъ: «*Императоръ еще такъ молодъ, что не можетъ знать, какъ должно употреблять деньги: отнеси ихъ ко мнѣ*». Привыкнувъ безъ всякихъ противорѣчій повиноваться князю, посланный и на этотъ разъ исполнилъ волю его. На другой день государь узналъ объ этомъ и гнѣвъ его былъ такъ великъ, что Меншиковъ едва могъ вымолить себѣ прощеніе и, можетъ быть, отъ этого неожиданнаго случая чрезъ нѣсколько дней захворалъ. Болѣзнь его была даже опасною. Въ это

время Долгорукіе дѣйствовали всѣми силами противъ врага своего. Меншиковъ послѣ выздоровленія самъ доставилъ имъ новое средство къ своей погибели. Вмѣсто того, чтобы отправиться въ Петергофъ, куда переѣхалъ дворъ во время его болѣзни, онъ поѣхалъ на свою дачу Ораніенбаумъ, гдѣ надобно было освящать церковь. Меншиковъ послалъ пригласить на этотъ праздникъ государя со всѣмъ дворомъ. Но Петра уговорили отказаться отъ этого приглашенія. Гордый князь, ослѣпленный несчастнымъ честолюбіемъ, искусно скрылъ досаду на отказъ, и чтобы не подать никому изъ приближенныхъ своихъ малѣйшаго понятія о немилости къ нему государя, старался показать величіе свое болѣе обыкновеннаго и забылся до того, что во время освященія церкви занялъ мѣсто императора, приготовленное въ видѣ трона! Въ тотъ же день государь узналъ объ этой новой, величайшей дерзости и Меншиковъ уже не видалъ его болѣе! Напрасно поѣхалъ онъ тотчасъ послѣ праздника своего въ Петергофъ: императоръ уѣхалъ оттуда на охоту; напрасно поѣхалъ потомъ въ Петербургъ и два дня ожидалъ возвращенія государя въ домъ свой: разгнѣванный Петръ не только не возвратился, но даже приказалъ всѣ вещи свои перевезти въ лѣтній дворецъ, и на другой день пріѣзда своего туда, 7-го сентября 1727 года, послалъ генерала Салтыкова объявить Меншикову, чтобъ онъ не входилъ ни въ какія дѣла и не выѣзжалъ изъ дома; 9-го сентября несчастный горделивецъ получилъ приказаніе ѣхать въ Раненбургъ, городъ, самимъ имъ выстроенный и теперь находящійся въ Рязанской губерніи. Это новое приказаніе, вовсе неожиданное, поколебало твердость несчастнаго, но онъ и тутъ умѣлъ скрыть горесть свою, и только отчаянная супруга и дѣти его отправились къ государю умолять о помилованіи. Никто изъ нихъ не былъ допущенъ до него, и бѣдные, всѣми оставленные, въ неописанномъ положеніи возвратились въ великолѣпный дворецъ свой, гдѣ каждая комната царскою пышностію своею жестоко напоминала имъ потерянное величіе. Однакожъ Меншиковъ думалъ и въ изгнаніи сохранить это величіе и потому выѣхалъ изъ Петербурга съ такою многочисленною свитою и въ такихъ богатыхъ экипажахъ, что враги его, раздосадованные этою

неумѣстною важностію, выпросили у государя новое повелѣніе опечатать всѣ его вещи и оставить ему только самое нужное. Это было исполнено въ Твери. Отсюда уже несчастный поѣхалъ какъ совершенный изгнанникъ, и не въ Раненбургъ, но былъ сосланъ въ Сибирь, въ отдаленный городъ Тобольской губерніи, *Березовъ*. Горестная жена и дѣти ѣхали съ нимъ же, и величайшимъ наказаніемъ, посланнымъ отъ Бога гордой душѣ Меншикова, было: видѣть семейство свое, еще такъ недавно окруженное счастіемъ и славою, теперь покрытое стыдомъ и бѣдностію! Съ особенною грустію смотрѣлъ онъ на свою любимицу, на свою милую Марію, обрученную невѣсту государя. Кто бы могъ предсказать ей малѣйшее несчастіе за три мѣсяца назадъ, въ ту торжественную минуту, когда архіепископъ новгородскій Ѳеофанъ подалъ ей кольцо императора! Кто бы могъ подумать тогда, что она когда нибудь поѣдетъ въ Сибирь въ простой телѣгѣ изгнанника? Вотъ какъ невѣрна, какъ перемѣнчива участь людей, милыя дѣти! Надобно помнить это всегда при самомъ величайшемъ счастіи нашемъ, а не думать, какъ думалъ гордый Александръ Даниловичъ, который только тогда повѣрилъ возможности своего бѣдствія, когда оно настигло его. Однакожъ отдадимъ ему справедливость въ томъ, что онъ не впалъ въ отчаяніе отъ ужаснаго переворота судьбы своей даже и тогда, когда бѣдствіе его еще увеличилось потерею супруги, ослѣпшей отъ слезъ и скончавшейся отъ горести на дорогѣ. Напротивъ того, казалось, что съ каждымъ новымъ ударомъ онъ получалъ и новую твердость. Это происходило оттого, что онъ началъ болѣе думать о Богѣ и будущей жизни, началъ раскаяваться въ дурныхъ поступкахъ своихъ и молить о прощеніи. Богъ, никогда не оставляющій безъ исполненія такихъ молитвъ, принималъ его раскаяніе и посылалъ ему за то спокойствіе души, такъ что во время несчастной жизни своей въ *Березовѣ* нерѣдко чувствовалъ онъ себя довольнѣе и веселѣе, нежели въ то время, когда былъ первымъ вельможею въ столицѣ. Дѣти его, слушая наставленія отца, сдѣлавшагося очень благочестивымъ, раздѣляли чувства его. Вскорѣ положеніе ихъ сдѣлалось еще пріятнѣе: получая десять рублей въ день на свое содер-

жаніе, Меншиковъ издерживалъ очень мало и изъ остальныхъ отъ каждаго дня вскорѣ накопилъ столько, что могъ построить въ бѣдномъ городкѣ Березовѣ, мѣстѣ своего изгнанія, деревянную церковь. Часто и онъ, и сынъ его, бывшій тринадцати лѣтъ уже оберъ-камергеромъ Петра II, трудились собственными руками надъ этою постройкою; молодыя же княжны шили въ это время покровы для алтаря и одежды для священника. Часто радость разливалась въ сердцахъ ихъ за этой работой: онѣ утѣшались спокойствіемъ отца болѣе, нежели прежде самыми великолѣпными праздниками, на которыхъ нерѣдко лицо его было угрюмо и сердито. Такъ текла жизнь изгнанниковъ. Вдругъ жестокое несчастіе снова встревожило уже успокоенныя сердца ихъ: Марія, кроткая, любимая всѣмъ семействомъ, умерла отъ оспы. Горестный отецъ былъ неутѣшенъ; чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, и именно 22-го октября 1729 года, скончался и онъ отъ апоплексическаго удара. Его похоронили въ церкви, имъ построенной, подлѣ дочери. Такъ кончилась судьба счастливца, которому долго завидовали всѣ вельможи, окружавшіе тронъ Россіи; такъ правосудный и милосердый Богъ смирилъ гордость его и исцѣлилъ сердце отъ пороковъ. Меншиковъ, въ послѣдніе два года своей жизни, благодарилъ Бога за несчастіе, исправившее его, и говорилъ, что счастливъ бы онъ былъ, еслибъ ему нужно было отдать въ будущемъ мірѣ отчетъ только за ту жизнь, которую онъ провелъ въ *Березовѣ*. Сынъ и дочь его *Александра* возвращены были изъ ссылки чрезъ нѣсколько времени послѣ его смерти, въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны.

ДОЛГОРУКІЕ.

отъ 1728 до 1730 года.

(2 года).

Въ то время, какъ знаменитое семейство Меншиковыхъ такъ жестоко испытывало непостоянство судьбы и счастія, главные враги его, князья Долгорукіе, торжествовали въ полной мѣрѣ. Они сдѣлались первыми въ имперіи. Государь былъ неразлученъ съ любимцемъ своимъ, и родственники молодого князя получали чрезъ него все, чего желали.

Иванъ Алексѣевичъ, не смотря на свои молодыя лѣта, былъ очень хитръ и умѣлъ искусно поддерживать привязанность къ нему Петра. Конечно, это не было очень трудно при четырнадцати-лѣтнемъ возрастѣ императора. Стоило только угождать его желаніямъ, и Долгорукій дѣлалъ это тѣмъ охотнѣе, что желанія молодого государя часто были согласны съ его собственными. Такъ, напримѣръ, они оба любили охоту и никакія важныя занятія и даже никакая погода не могла остановить ихъ отъ этой забавы, они предавались ей такъ неумѣренно, что здоровье Петра, отъ природы слабое и нѣжное, начало разстроиваться. Можно бы подумать, что, почувствовавъ это, онъ и другъ его сдѣлаются осторожнѣе, и особенно послѣдній, какъ старшій, остановитъ излишнюю живость государя и подастъ ему полезный совѣтъ—беречь жизнь, драгоцѣнную для такого множества людей. Но вмѣсто того Долгорукій не останавливалъ его, потому что противорѣчіе въ этомъ случаѣ не нравилось государю, а хитрый любимецъ избѣгалъ всего, что могло бы обратить на него малѣйшее неудовольствіе. Къ тому же, ему совсѣмъ не было времени думать о здоровьѣ императора. Въ головѣ его вертѣлась другая мысль, которая удивитъ васъ своею смѣлостію, милыя дѣти: у Ивана Алексѣевича была сестра, прекрасная сердцемъ и наружностію, кроткая, милая, отлично-образованная. Въ то время, когда императоръ сговоренъ былъ съ дочерью Меншикова, судьба Екатерины Алексѣевны Долгорукой ка-

залась уже рѣшенною: она любила графа Вратислава, брата нѣмецкаго посланника, и была уже почти обручена съ нимъ. Но паденіе Меншиковыхъ открыло Долгорукимъ столько новыхъ надеждъ, столько новыхъ средствъ къ возвышенію, что ослѣпленные счастіемъ позабыли все благоразуміе, и вмѣсто того, чтобы сдѣлаться осторожнѣе послѣ разительнаго бѣдствія Александра Даниловича, они погубили свое счастіе точно такъ же, какъ и онъ. Честолюбіе ихъ, кажется, было еще сильнѣе: Меншиковъ, стараясь выдать дочь за Петра II, угождалъ не только своимъ собственнымъ желаніямъ, но и желаніямъ прекрасной Маріи. Напротивъ того, Екатерина Долгорукая въ высокомъ званіи невѣсты государя видѣла свое несчастіе, потому что давно уже привыкла почитать женихомъ своимъ другого. Но гордые отецъ и братъ, не вѣря, чтобъ можно было добровольно отказаться отъ величія и блеска, не хотѣли и слышать, чтобъ планъ ихъ могъ встрѣтить малѣйшее помѣшательство, и бѣдная княжна должна была скрыть всю горесть, терзавшую ее, и съ лицомъ довольнымъ и счастливымъ объявить императору о своемъ согласіи. Петръ былъ въ восхищеніи: прелестная Екатерина понравилась ему съ той самой минуты, какъ онъ, по хитрому распоряженію Ивана Алексѣевича, въ перый разъ увидѣлъ ее въ подмосковномъ домѣ Долгорукихъ.

19-го ноября 1729 года государь, въ полномъ совѣтѣ вельможъ и бояръ, объявилъ свое намѣреніе жениться и имя невѣсты. Никто не осмѣлился сказать слова противъ такого рѣшенія: всѣ боялись Долгорукихъ. 30-го числа того же мѣсяца было торжественное обрученіе. Чтобы читатели могли видѣть, какъ много отличались уже тогдашніе нравы и обычаи предковъ нашихъ отъ прежнихъ, старинныхъ, я разскажу нѣсколько подробнѣе объ этомъ знаменитѣйшемъ днѣ въ исторіи князей Долгорукихъ. Вы, вѣрно, помните всѣ царскія свадьбы, которыхъ описаніе читали въ этихъ разсказахъ. Сравните же ихъ съ слѣдующимъ.

Въ день обрученія государева назначено было собраться къ 3-му часу пополудни всему двору и всѣмъ иностраннымъ министрамъ въ Лефортовомъ дворцѣ. Госу-

дарь въ это время со всѣмъ дворомъ жилъ въ Москвѣ. Петръ II любилъ Москву болѣе Петербурга и провелъ въ ней почти все время своего царствованія. Онъ уѣхалъ туда тотчасъ послѣ паденія Меншикова и уже не возвращался болѣе въ Петербургъ. Царское семейство составляли въ то время: *царица Евдокія Ѳеодоровна,* освобожденная изъ заключенія при самомъ вступленіи на престолъ внука своего, *царевна Елисавета Петровна, герцогиня мекленбургская Екатерина Іоанновна* съ дочерью и *царевна Параскевія Іоанновна.* Всѣ онѣ приглашены были чрезъ гофмаршала Шепелева. Князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукій и всѣ ближніе родственники его удостоились особеннаго приглашенія для сопровожденія невѣсты во дворецъ. Одна изъ обширнѣйшихъ залъ приготовлена была для пышнаго собранія. На одной сторонѣ ея сидѣли государственные чины и дворянство, на другой—иностранные послы съ своими свитами. Посрединѣ залы, на коврѣ персидскомъ, подъ великолѣпнымъ балдахиномъ, поддерживаемымъ шестью генералъ-маіорами, поставленъ былъ столъ, покрытый золотой парчею; на немъ стояло золотое блюдо съ крестомъ и съ обручальными кольцами. Архіепископъ новгородскій и съ нимъ высшее духовенство занимали ближайшія мѣста подлѣ балдахина.

Въ то время, когда все уже готово было къ принятію ея высочества невѣсты (такъ ее называли тогда),—она съ торжественною церемоніею приближалась ко дворцу въ придворной каретѣ, запряженной въ шесть лошадей. Впереди кареты шли скороходы и четыре пажа; верхомъ ѣхали шталмейстеръ, придворные фурьеры и гренадерская гвардія; сзади ѣхалъ камеръ-пажъ, а у кареты шли гайдуки и служители. Родственницы и дамы невѣсты ѣхали въ другихъ каретахъ. Какъ скоро княжна пріѣхала ко дворцу, вдовствующая царица со всею императорскою фамиліею и дамами вышла встрѣтить ее на лѣстницѣ. Можно смѣло сказать, что въ эти минуты при всемъ дворѣ не было никого счастливѣе семейства Долгорукихъ и особенно молодого князя Ивана Алексѣевича. Какъ оберъ-камергеръ, онъ принялъ сестру свою изъ кареты и торжественно велъ до дверей залы, гдѣ встрѣтилъ ее самъ императоръ. Здѣсь

кстати сказать вамъ, друзья мои, нѣсколько словъ о наружности этого молодого государя. Онъ былъ высокъ и строенъ, полнота тѣла придавала ему видъ нѣсколько старѣе его пятнадцати-лѣтняго возраста. Лицо его, пріятное и правильное, отъ частой ѣзды на охоту было покрыто загаромъ и потому казалось мужественно, не смотря на осѣнявшіе его нѣжные, бѣлокурые волосы. Мундиръ свѣтлаго сукна, вышитый золотомъ, придавалъ въ тотъ день красивой наружности императора еще болѣе привлекательности и блеска.

Прекрасная невѣста, не смотря на привязанность свою къ прежнему жениху, не могла не замѣтить пріятности и величія, съ которыми императоръ принялъ ее изъ рукъ брата и проводилъ до кореселъ, поставленныхъ подъ балдахиномъ. Что-жъ касается до нея самой, то въ этотъ великій для нея день она въ полной мѣрѣ заслуживала названіе прекрасной. Все, казалось, было придумано и самымъ лучшимъ образомъ исполнено, чтобы возвысить природную красоту ея. Прелестно было и бѣлое глазетовое платье ея, вышитое золотомъ, и волосы ея, завитые въ пышные локоны спереди и заплетенные въ гладкія косы сзади; и крупный жемчугъ, обвивавшій ихъ, и блестящая діадема, придававшая ей горделивый видъ царицы! Какъ скоро архіепископъ новгородскій совершилъ обрученіе, государь приложился вмѣстѣ съ невѣстою къ кресту и потомъ повѣсилъ на правую руку ея портретъ свой. Въ эту минуту началась пушечная пальба и продолжалась во все время, пока обрученные принимали поздравленія. Послѣ священнаго обряда невѣста считалась уже почти государынею: при поздравленіи всѣ присутствовавшіе цѣловали у нея руку. Она отвезена была домой въ императорской каретѣ, запряженной въ восемь лошадей, и придворный караулъ отдалъ ей честь барабаннымъ боемъ. Въ этотъ торжественный день всѣ вельможи съ завистію смотрѣли на счастіе Долгорукихъ; имъ казалось, что никогда никто еще не достигалъ подобнаго! Но чѣмъ же кончилось это великое счастіе?—Прежде нежели прошло два мѣсяца послѣ обрученія, княжна Долгорукая вмѣстѣ со всѣмъ семействомъ своимъ и со всею Россіею оплакивала кончину царственнаго жениха своего!

Это было ужасное происшествіе для нашего отечества! Еще 6-го января молодой государь былъ совершенно здоровъ и въ самомъ пріятномъ расположеніи духа пріѣхалъ на парадъ крещенскій, стоя на запяткахъ за санями невѣсты. Но этотъ-то самый парадъ и причинилъ несчастіе Россіи. Читатели мои знаютъ, что около Крещенья у насъ бываетъ очень холодно, а стоять на льду рѣки, гдѣ обыкновенно строится храмъ Іордани, надобно довольно долго. Въ 1730 году эта церемонія въ Москвѣ, видно, была еще продолжительнѣе, нежели бываетъ теперь у насъ въ Петербургѣ, потому что въ запискахъ того времени разсказывается, что государь провелъ на льду около 4-хъ часовъ! Возвратясь во дворецъ, онъ жаловался на сильную головную боль и на другой же день слегъ въ постель. Сначала доктора приняли болѣзнь его за горячку, потомъ узнали въ ней оспу, которая дѣлала ужасныя опустошенія въ тѣ времена, когда еще не знали, что можно прививать ее.

Петръ II сдѣлался ея жертвою и скончался 29-го января 1730 года въ тотъ самый день, который назначенъ былъ днемъ брака его! Царствованіе этого государя, не смотря на чрезвычайную молодость его и все легкомысліе, съ которымъ онъ, увлекаемый любимцемъ своимъ, предавался забавамъ и удовольствіямъ, почиталось русскими за одно изъ счастливѣйшихъ. Во все продолженіе его они не имѣли ни съ кѣмъ войны; видѣли заботливость молодого государя о народѣ въ уменьшеніи налоговъ, видѣли радость, съ какою онъ, при самомъ началѣ своего царствованія, спѣшилъ освободить изъ заключенія свою бабушку, царицу Евдокію Ѳеодоровну; наконецъ, видѣли привязанность его къ старинѣ, все еще любимой многими—въ томъ предпочтеніи, которое онъ явно отдавалъ Москвѣ предъ Петербургомъ. Все это вмѣстѣ, соединясь со многими истинно-хорошими качествами Петра II, внушало русскимъ столько любви къ нему, что они всѣ согласно называли его своею *надеждою*.

Чтобъ доказать вамъ, мои читатели, какъ много оправдывалъ онъ это прекрасное названіе, я выпишу здѣсь письмо, писанное имъ къ сестрѣ его, великой княжнѣ Наталіи Алексѣевнѣ, въ самый день восшествія его на пре-

столъ: «Богу угодно было назначить меня въ столь юныхъ лѣтахъ государемъ россійскимъ. Первымъ долгомъ моимъ будетъ—пріобрѣтать славу добраго монарха и управлять народомъ моимъ справедливо и богобоязливо. Я буду стараться покровительствовать и помогать несчастнымъ, буду оказывать пособіе бѣднымъ, внимать гласу невинно-угнетенныхъ и, слѣдуя примѣру императора Веспасіана, никого съ печалію не отпускать отъ себя». Послѣ такого письма судите, какихъ прекрасныхъ дѣлъ можно было ожидать отъ одиннадцати-лѣтняго государя, написавшаго его, и какую горесть чувствовалъ народъ, получивъ извѣстіе о его кончинѣ! Она тѣмъ болѣе поразила его, что молодой императоръ былъ послѣдній изъ потомковъ того поколѣнія царей, которые съ восшествіемъ своимъ на престолъ такъ быстро перемѣнили разстроенное и слабое состояніе Россіи въ стройное и могущественное. Оплакивая *надежду* свою, народъ, казалось, забывалъ, что у него были еще *княжны* этого обожаемаго поколѣнія.

Въ слѣдующемъ разсказѣ вы узнаете, которая изъ нихъ будетъ избрана наслѣдницею Петра II. Теперь же я кончу описаніе его царствованія, сказавъ вамъ, что одно изъ главныхъ происшествій, при немъ случившихся, было открытіе Ладожскаго канала, начатаго при Петрѣ I. Безчисленныя выгоды, происшедшія для жителей Петербурга отъ этого важнаго водяного сообщенія, заставили ихъ снова благословлять предусмотрительный геній Преобразователя Россіи.

ИМПЕРАТРИЦА АННА ІОАННОВНА.

1730 годъ.

Въ числѣ лицъ, имѣвшихъ право на престолъ русскій, былъ еще, кромѣ царевны Елисаветы Петровны и дочерей царя Іоанна Алексѣевича: Екатерины и Анны,—маленькій двухъ-лѣтній принцъ голштинскій *Петръ-Антонъ-Ульрихъ,* сынъ великой княжны Анны Петровны, скон-

чавшейся за годъ предъ тѣмъ. Права его сильныя, по близкому родству съ покойною императрицею, дѣлались еще сильнѣе потому, что герцогиня голштинская была любимая дочь Петра I и, какъ свидѣтельствуютъ нѣкоторые историки того времени, назначенная императрицею наслѣдница престола въ случаѣ смерти Петра II бездѣтнымъ. Но на этотъ разъ маленькій принцъ удаленъ былъ отъ престола и корона русская отдана двоюродной теткѣ его, герцогинѣ курляндской *Аннѣ Іоанновнѣ.*

Члены Совѣта имѣли особенныя причины для этого выбора: насмотрѣвшись на могущество Меншикова во время царствованія императрицы Екатерины и Долгорукихъ — при государѣ несовершеннолѣтнемъ, они увлеклись примѣромъ властолюбія и, не размышляя о томъ, что народъ русскій можетъ быть счастливымъ только въ правленіе государя самодержавнаго, осмѣлились думать объ увеличеніи собственной власти. Для этого надобно было долго обдумывать планъ свой, долго разсуждать о перемѣнахъ, вовсе несвойственныхъ для народа русскаго, а времени было мало! И такъ, чтобъ успѣть сдѣлать всѣ распоряженія, необходимыя для исполненія дерзкаго намѣренія, члены Верховнаго Совѣта избрали не герцогиню Екатерину Іоанновну, старшую дочь царя Іоанна Алексѣевича, жившую въ то время въ Москвѣ, но младшую сестру ея, герцогиню курляндскую Анну Іоанновну, находившуюся въ Митавѣ. Пока новая императрица успѣла бы узнать объ этомъ избраніи и даже пока собирались отправить къ ней депутатовъ съ этимъ извѣстіемъ, можно было многое обдумать, устроить и исполнить. Такъ и сдѣлали члены Совѣта, которыми были тогда: великій канцлеръ графъ Гавріилъ Ивановичъ Головкинъ, князь Димитрій и братъ его Михаилъ Михайловичи Голицыны, князья Василій Лукичъ, Василій Владиміровичъ, Михаилъ Владиміровичъ и Алексѣй Григорьевичъ Долгорукіе. Одинъ только вице-канцлеръ, баронъ Андрей Ивановичъ Остерманъ не участвовалъ въ намѣреніяхъ своихъ товарищей: видя несправедливость ихъ и чувствуя себя неспособнымъ спорить противъ шестерыхъ, онъ, подъ предлогомъ болѣзни, отказался на то время отъ всякаго участія въ дѣлахъ Совѣта и даже не подписалъ пригласительнаго

акта на имя герцогини курляндской о принятіи престола съ ограниченною властію. Когда эта бумага привезена была членами Совѣта на домъ къ Остерману, онъ сказалъ, что съ нимъ вдругъ случился въ правой рукѣ припадокъ хирагры, непозволявшій держать пера [1]). Отправляя къ Аннѣ Іоанновнѣ князя Василія Лукича Долгорукаго, князя Михаила Михаиловича Голицына и генералъ-маіора Леонтьева, они успѣли написать, по своему желанію, просьбу народа русскаго о восшествіи ея на престолъ. Чтобы читатели мои могли понять нѣсколько, въ чемъ состояло желаніе ихъ, я выпишу нѣкоторыя статьи условій, предложенныхъ императрицѣ.

Главная и первая изъ нихъ состояла въ томъ, чтобы избранная государыня управляла царствомъ по опредѣленію Верховнаго Совѣта. Потомъ требовали отъ нея, чтобы она сама собою не объявляла войны и не заключала мира, чтобы не налагала новыхъ податей, не раздавала важнѣйшихъ должностей въ государствѣ, не располагала казенными имѣніями, наконецъ, не вступала бы въ супружество и не избирала бы наслѣдника безъ согласія Верховнаго совѣта.

Сдѣлавъ такія дерзкія предложенія государынѣ, которой предки всегда пользовались властію неограниченною, избиратели могли бояться ея несогласія, особливо еслибы она заранѣе узнала объ условіяхъ избранія, и потому подъ смертною казнію запрещено было увѣдомлять о нихъ императрицу прежде, нежели пріѣдутъ къ ней отправленные депутаты. Но, не смотря на строгое запрещеніе, нашлись люди, которые, чувствуя болѣе любви къ отечеству и усердія къ пользамъ его, рѣшились предостеречь государыню. То были: одинъ изъ членовъ Совѣта великій канцлеръ графъ Головкинъ и зять его графъ Ягужинскій. Послѣдній отправилъ къ Аннѣ Іоанновнѣ своего адъютанта Сумарокова, который, не смотря на строгій караулъ, разставленный въ разныхъ мѣстахъ по дорогѣ къ Митавѣ, успѣлъ проѣхать

---

[1]) Такого рода болѣзни случались съ графомъ Остерманомъ почти всякій разъ, какъ онъ находился въ какихъ нибудь сомнительныхъ обстоятельствахъ: такъ однажды, во время могущества Меншикова, не желая принять на себя одного изъ порученій его, онъ натеръ себѣ лицо винными ягодами и увѣрялъ всѣхъ, что у него желтуха.

переодѣтый и вручить герцогинѣ письмо своего генерала, за нѣсколько часовъ до пріѣзда депутатовъ. Ягужинскій въ письмѣ своемъ совѣтовалъ императрицѣ согласиться на предложенія, ей сдѣланныя, и положиться во всемъ прочемъ на вѣрныхъ подданныхъ, которые употребятъ всѣ усилія, чтобы возвратить избранной государынѣ самодержавную власть ея предковъ.

Анна Іоанновна исполнила съ точностію усердный совѣтъ, ей поданный, и на всѣ желанія пріѣхавшихъ депутатовъ объявила согласіе свое съ такимъ совершеннымъ спокойствіемъ, что никто изъ нихъ не могъ воображать, чтобъ оно было только наружное. Государыня умѣла поддерживать это наружное спокойствіе даже и тогда, когда уже пріѣхала въ Москву: всѣ противники ея считали ее совершенно довольною образомъ правленія въ то самое время, какъ она съ приверженцами своими тайно старалась объ уничтоженіи его. Кромѣ графовъ Головкина и Ягужинскаго, на сторонѣ ея были: графы Левенвольды, баронъ Остерманъ, князья Трубецкой и Черкасскій и множество другихъ важнѣйшихъ чиновъ государства, не говоря уже о дворянствѣ и народѣ, которые не хотѣли слышать о какомъ либо ограниченіи всегда священной для нихъ воли государей ихъ. Но трудно было дѣйствовать усерднымъ защитникамъ справедливости. Долгорукіе, жившіе во дворцѣ, замѣчали малѣйшіе поступки императрицы и почти никого не допускали къ ней. Къ счастію, при государынѣ была племянница князя Трубецкого, дѣвица Прасковья Юрьевна Салтыкова: чрезъ нее Анна Іоанновна имѣла сношенія съ приверженцами своими и чрезъ нее, 23-го февраля, спустя восемь дней послѣ пріѣзда своего въ Москву, получила извѣстіе о просьбѣ, въ которой 276 человѣкъ подписавшихся умоляли государыню, отъ имени всего народа, принять самодержавіе и тѣмъ возвратить подданнымъ счастіе повиноваться ей одной. На другой день, въ 8 часовъ утра, дворянство, отслуживъ молебенъ, пріѣхало подтвердить просьбу свою лично предъ государынею. Князья Долгорукіе и Голицыны ужаснулись и не имѣли силы отвратить бурю, собравшуюся надъ головой ихъ: императрица, не смотря на всѣ старанія князя Василія Лукича удер-

жать ее отъ свиданія съ дворянствомъ, приказала допустить его къ себѣ, съ примѣтнымъ удовольствіемъ приняла просьбу, поднесенную княземъ Трубецкимъ, внимательно слушала, когда читали ее, и тутъ же написала на просьбѣ: *быть по сему.* Тотчасъ послѣ этого государыня приказала одному изъ приближенныхъ своихъ принесть бумагу, которую она должна была подписать въ Митавѣ, и въ присутствіи всѣхъ наддрать и бросить ее. Приказаніе было исполнено и вслѣдъ затѣмъ дана императрицѣ новая присяга, какъ *государынѣ самодержавной.*

Такъ скоро совершилось въ отечествѣ нашемъ происшествіе, которое снова доказываетъ вамъ, милые читатели, какъ единодушно русскіе всегда привержены были къ царямъ своимъ.

Анна Іоанновна снисходительно поступила съ противниками своими: никто не былъ лишенъ жизни, даже главнѣйшіе изъ нихъ — Долгорукіе были наказаны ссылкою. Князья же Голицыны были только удалены отъ двора и отправлены на службу въ разныя области Сибири. Такое снисхожденіе подавало русскимъ надежду на кротость правленія новой государыни, на материнское состраданіе ея ко всѣмъ несчастнымъ. Быстро разлилась эта радостная надежда по обширной Россіи нашей, но недолго утѣшала ее: сердце Анны вскорѣ сдѣлалось недоступно и для любви вѣрныхъ подданныхъ ея, и для слезъ, проливаемыхъ ими о потерѣ своего счастія.

БИРОНЪ.

Не думайте однакожъ, милыя дѣти, чтобы виною этой потери была Анна Іоанновна. Нѣтъ, она оставалась все такъ же чувствительна къ судьбѣ народа своего, какъ была при началѣ своего царствованія, но многое не доходило до ея свѣдѣнія; главною же причиною всѣхъ бѣдствій Россіи была излишняя довѣренность государыни къ герцогу Бирону,—довѣренность, во зло имъ употребленная. Сильное вліяніе этого человѣка на участь подданныхъ Анны, во

все продолженіе ея десятилѣтняго правленія' дѣлаетъ жизнь его столь примѣчательною для насъ, что читатели мои вѣрно будутъ довольны, узнавъ о ней нѣсколько подробнѣе.

Надобно начать съ того, что дѣдъ его, называвшійся *Биренъ*, былъ конюхомъ при дворѣ герцога курляндскаго Іакова III. Въ награду за вѣрную службу онъ получилъ небольшую мызу. У Бирена были два сына: одинъ изъ нихъ дослужился до чина генеральскаго, другой—до капитанскаго.

Капитанъ имѣлъ трехъ сыновей. Всѣ они потомъ были въ русской службѣ; но мы будемъ говорить о самомъ примѣчательномъ изъ нихъ: о среднемъ—*Эрнестъ-Іоаннѣ*. Когда онъ былъ еще мальчикомъ, всѣ замѣчали въ немъ злой нравъ и необыкновенную гордость. Неласковый съ домашними, онъ часто еще угрюмѣе смотрѣлъ на нихъ, когда они съ уваженіемъ вспоминали о дѣдушкѣ: ему казалось, что дѣтямъ капитана и племянникамъ генерала стыдно говорить о дѣдушкѣ-конюхѣ! И такъ, безъ всякаго сожалѣнія разстался онъ съ родителями своими, когда они отправили его окончить ученье въ кенигсбергскую академію. Но это ученье не окончилось какъ должно: молодой Биренъ велъ себя въ академіи такъ дурно, что заставлялъ почти всѣхъ ненавидѣть себя, и наконецъ принужденъ былъ бѣжать оттуда назадъ въ Курляндію. И здѣсь непріятности встрѣтили его: небольшой доли изъ имѣнія отцовскаго было недостаточно для надменнаго Эрнеста, чтобы жить безъ службы; а служить тамъ, гдѣ всѣ знали его происхожденіе, ему не хотѣлось! И такъ, онъ рѣшился ѣхать въ Петербургъ. Это было въ 1714 году, въ то самое время, какъ въ Петербургѣ составлялся дворъ для молодой великой княгини, супруги царевича Алексѣя Петровича. Ни мало не думая о томъ, что желаніе сдѣлаться придворнымъ было дерзко по его званію, Эрнестъ началъ искать себѣ мѣста камеръ-юнкера. Но съ нимъ тогда случилось такъ, какъ обыкновенно случается съ большею частію гордецовъ: чѣмъ болѣе они думаютъ о себѣ, тѣмъ менѣе думаютъ о нихъ другіе! И молодой Биренъ, воображавшій, что онъ достоинъ не только камеръ-

юнкерскаго, но даже камергерскаго чина, получилъ строгій выговоръ за свою дерзость и, кромѣ того, совѣтъ—скорѣе уѣхать изъ Петербурга. Вы можете представить себѣ, съ какою досадою, съ какимъ негодованіемъ исполнилъ онъ полученный совѣтъ! Съ тѣхъ поръ онъ возненавидѣлъ русскихъ и затаилъ въ зломъ сердцѣ своемъ пламенное желаніе отмстить имъ жестоко за показанное къ нему презрѣніе. Съ этимъ желаніемъ, столь пагубнымъ впослѣдствіи для предковъ нашихъ, онъ поѣхалъ въ Митаву, и прямо ко двору курляндской герцогини Анны Іоанновны. Тамъ былъ оберъ-гофмаршаломъ добрый и почтенный человѣкъ *Бестужевъ*. Биренъ употребилъ всевозможныя старанія понравиться ему, и съ своимъ хитрымъ умомъ и вкрадчивымъ нравомъ совершенно успѣлъ въ томъ: чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ его сдѣлали камеръ-юнкеромъ. Гордецъ добивался этого чина, какъ будто по предчувствію счастія, ожидавшаго его при дворѣ. Въ первую минуту его представленія, тамъ онъ замѣченъ былъ герцогинею по красотѣ и статному росту, а потомъ, когда она поговорила съ новымъ камеръ-юнкеромъ, то обратила столько же вниманія на умъ и ловкость его: надменный Эрнестъ, хотя былъ дурно воспитанъ, но умѣлъ хорошо говорить и привлекать къ себѣ сердца тѣхъ, которые слушали его. Правда, пріятныя рѣчи его по большей части несогласны были съ чувствами его холодной души; но какъ же знать объ этомъ тѣмъ, кому онъ говорилъ ихъ? И Анна Іоанновна, вовсе не подозрѣвая коварный нравъ Бирена, видѣла въ немъ молодого человѣка, привлекательнаго по наружности, отличнаго по уму, имѣвшаго нужду въ покровительствѣ по незнатному происхожденію своему. Она обратила на него такое вниманіе, что въ короткое время возвысила любимца своего до того, что гордые дворяне курляндскіе, сперва съ презрѣніемъ смотрѣвшіе на внука конюхова, принуждены были принять его въ число своихъ членовъ. Не думаете ли вы, друзья мои, что Биренъ, достигнувъ такого рѣдкаго счастія, сдѣлался лучше; что сердце его, довольствуясь пріобрѣтенною знатностію, перестало быть честолюбивымъ? Нѣтъ, въ томъ-то и дѣло, что чрезвычайное счастіе рѣдко дѣлаетъ людей лучшими; что, напротивъ того,

оно доставляетъ имъ болѣе случаевъ предаваться своимъ слабостямъ. Такъ было и съ Биреномъ, который послѣ камеръ-юнкерства своего уже назывался *Бирономъ* и увѣрялъ всѣхъ, что онъ происходитъ отъ извѣстной во Франціи фамиліи герцоговъ *Бироновъ*,—такъ было и съ нимъ: чѣмъ болѣе возвышался онъ, тѣмъ болѣе желалъ возвыситься. Средства, которыя онъ избиралъ для того, были низки, безсовѣстны. Въ доказательство этого, я разскажу вамъ одинъ только случай, который въ полной мѣрѣ можетъ показать сердце Бирона. Вы помните, что первымъ благодѣтелемъ его при дворѣ курляндскомъ былъ оберъ-гофмаршалъ Бестужевъ? Что-жъ? Какъ скоро молодой камеръ-юнкеръ овладѣлъ довѣренностію Анны Іоанновны, первымъ дѣломъ его было—вѣроятно для будущаго возвышенія своего счастія—погубить виновника своего: онъ оклеветалъ Бестужева предъ герцогинею, которая не только удалила его отъ двора, но даже и въ изгнаніи преслѣдовала. Послѣ этого скажите, друзья мои: какихъ злодѣйствъ нельзя было ожидать отъ Эрнеста Бирона? Ихъ и ожидали не только въ Курляндіи, но даже и въ Москвѣ, куда очень скоро приходили извѣстія обо всемъ, что дѣлалось въ Митавѣ, и потому, когда члены Верховнаго Совѣта избирали на царство Анну Іоанновну, однимъ изъ главныхъ условій, предложенныхъ ей, было то, чтобы Биронъ не пріѣзжалъ въ Россію.

Это условіе ни къ чему не послужило: императрица сохраняла его только нѣсколько дней и, тотчасъ по принятіи самодержавія, послала Бирону приказаніе пріѣхать въ столицу ея.

Съ восхищеніемъ получилъ Биронъ это приказаніе; наконецъ пламенное желаніе его исполнилось: онъ будетъ повелѣвать русскими, отмститъ за обиду, ему нанесенную!

Вотъ съ какими чувствами и намѣреніями Биронъ поѣхалъ въ Россію. Счастіе, ожидавшее его тамъ, не перемѣнило ихъ и, пользуясь всѣми радостями жизни, онъ равнодушно отнималъ у другихъ не только эти радости, но даже спокойствіе, даже пропитаніе, нерѣдко даже самую жизнь! О! какъ ужасенъ былъ этотъ человѣкъ, какъ ужасно было мщеніе! Онъ проливалъ его безъ разбора на всѣхъ—

и всѣ избранныя имъ жертвы погибали непремѣнно, потому что могущество его было почти неслыханно! Анна Іоанновна имѣла къ нему неограниченную довѣренность и никогда не противорѣчила никакимъ распоряженіямъ его. При такой силѣ, кто могъ противиться ему? Съ первыхъ дней пріѣзда его въ Россію никто не думалъ о томъ, потому что тогда же все покорилось его власти: въ день принятія самодержавія Анна Іоанновна пожаловала его камергеромъ и кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго; чрезъ два мѣсяца потомъ, при коронаціи,—оберъ-камергеромъ, графомъ Россійской имперіи и кавалеромъ ордена св. Андрея Первозваннаго.

Достигнувъ такимъ образомъ до самыхъ высокихъ почестей онъ не зналъ равныхъ себѣ во всемъ царствѣ Русскомъ и отдалялъ отъ престола государыни достойнѣйшихъ и усерднѣйшихъ слугъ ея. Въ числѣ такихъ примѣчательнѣе всѣхъ былъ фельдмаршалъ Минихъ. Заслуги этого знаменитаго генерала, какъ ученика и сподвижника безсмертнаго Петра, были равно велики по всѣмъ частямъ государственныхъ дѣлъ, какія поручались ему: въ военное время — онъ счастливо побѣждалъ непріятелей отечества во всѣхъ сраженіяхъ, гдѣ главное распоряженіе зависѣло отъ него; въ мирное — онъ былъ искуснымъ исполнителемъ великой мысли Петра I при основаніи канала Ладожскаго. Читатели мои, конечно, помнятъ, что Миниху поручены были работы канала и что онъ привелъ къ окончанію этотъ важный путь сообщенія для нашихъ сѣверныхъ губерній. Кромѣ того, Минихъ, проницательный и пламенно-любившій Россію, заботился о пользахъ ея при всякомъ случаѣ: онъ, будучи сдѣланъ въ 1732 году президентомъ военной коллегіи, довелъ русское войско до той степени совершенства, какую предназначалъ ему великій Преобразователь его; онъ, чувствуя, какъ необходимы для войска образованные офицеры, подалъ первую мысль объ основаніи кадетскаго корпуса и потомъ, по приказанію императрицы, прекрасно исполнилъ эту мысль [1]).

[1]) Кадетскій корпусъ, устроенный подъ надзоромъ графа Миниха, есть тотъ самый, который существуетъ и теперь, подъ названіемъ

Но всѣ заслуги и достоинства, все усердіе и преданность къ Россіи не спасли графа Миниха отъ преслѣдованій Бирона: боясь, что рано или поздно государыня отличитъ истинно-вѣрнаго подданнаго отъ низкаго льстеца, надменный любимецъ ея представилъ въ ложномъ видѣ поступки графа и успѣлъ удалить его отъ двора. Биронъ въ такихъ случаяхъ дѣйствовалъ безъ всякой совѣсти, и если нужно было выдумать клеветы, несправедливости, обманы,—онъ дѣлалъ это не краснѣя. Такъ напримѣръ, чтобъ заставить Миниха выѣхать изъ казеннаго дома, въ которомъ жилъ онъ нѣсколько лѣтъ подлѣ самаго дворца, Биронъ тотчасъ придумалъ сказать, что тутъ надобно помѣстить племянницу императрицы, принцессу Екатерину, и тотчасъ доложилъ объ этомъ государынѣ, и Минихъ, почтенный, заслуженный Минихъ долженъ былъ въ тотъ же часъ исполнить приказаніе, отданное именемъ Анны Іоанновны, и переѣхать въ другой, отдаленный отъ дворца домъ. Но благородная душа фельдмаршала ненадолго осуждена была терпѣть такое униженіе: въ слѣдующемъ разсказѣ вы увидите, что въ скоромъ времени послѣ неблаговоленія къ Миниху, и императрица, и Биронъ должны были прибѣгнуть къ его благоразумію, къ его испытанной храбрости.

ВОЙНЫ СЪ ПОЛЬШЕЮ И ТУРЦІЕЮ.

ОТЪ 1732 ДО 1739 ГОДА.

(7 лѣтъ).

13-го февраля 1733 года скончался король польскій Августъ II. Такое происшествіе, обыкновенно горестное для народа, въ Польшѣ почти всегда соединялось съ сильнымъ волненіемъ во всемъ государствѣ. Имѣя право изби-

---

перваго и въ томъ же самомъ домѣ, гдѣ былъ съ начала своего основанія: на Васильевскомъ островѣ, близь Дворцоваго моста, въ томъ огромномъ и длинномъ зданіи, которое было нѣкогда дворцомъ князя Меншикова.

рать королей своихъ, безпокойные поляки пользовались этимъ правомъ въ полной мѣрѣ: они часто шумѣли и спорили о томъ, кого назвать государемъ, даже и тогда, когда умершій король оставлялъ послѣ себя сына, почитаемаго всегда ближайшимъ наслѣдникомъ престола. Такъ случилось и послѣ смерти Августа II: половина Польши не хотѣла слышать о сынѣ его Августѣ, бывшемъ въ то время курфирстомъ Саксонскимъ, какъ нѣкогда отецъ его. И это происходило оттого, что Станиславъ Лещинскій, прежній король польскій, покровительствуемый Карломъ XII и потомъ изгнанный изъ Польши Петромъ I, былъ еще живъ; подстрекаемый Франціею, онъ старался всѣми силами завладѣть снова престоломъ, хотя недолго, но все-таки нѣкогда принадлежавшимъ ему, и старанія его были тѣмъ успѣшнѣе, что король французскій Людовикъ XV былъ женатъ на его дочери и, сколько могъ, помогалъ намѣреніямъ тестя. Министры Людовика и посланникъ его въ Польшѣ дѣйствовали такъ удачно, что въ нѣкоторыхъ городахъ польскихъ Станиславъ уже объявленъ былъ королемъ во второй разъ. У Августа были также приверженцы, желавшіе имѣть его королемъ своимъ, и справедливѣе другихъ ожидавшіе болѣе счастія отъ сына прежняго государя своего, нежели отъ Станислава, во всемъ покорнаго волѣ сильнаго короля французскаго. Къ несчастію саксонскаго курфирста, приверженцы его, не имѣя на сторонѣ своей знатнѣйшихъ вельможъ, не могли дѣйствовать смѣло одни и потому просили помощи у Австріи и Россіи. Анна Іоанновна нашла просьбу ихъ очень справедливою и безъ труда согласилась помочь имъ. Это согласіе дано было тѣмъ скорѣе и охотнѣе, что Биронъ просилъ о немъ императрицу, а онъ имѣлъ важную причину для этой просьбы. Тогдашній герцогъ курляндскій Фердинандъ, послѣдній изъ потомковъ знаменитаго Кетлера, о которомъ читатели мои, конечно, помнятъ, какъ о первомъ герцогѣ Курляндіи, былъ уже старъ и не имѣлъ дѣтей. Честолюбивый Биронъ, избалованный счастіемъ, давно уже скрывалъ въ душѣ своей дерзкое желаніе быть герцогомъ Курляндіи. Въ курляндцахъ онъ не сомнѣвался: приказаніе императрицы, бывшей герцогини ихъ, заста-

вило бы ихъ избрать его, но на это нужно было также согласіе короля польскаго, какъ бывшаго владѣтеля Курляндіи, а саксонскій курфирстъ заранѣе обѣщалъ ему это. Стало быть выгоды Бирона соединены были съ успѣхомъ Августа и это доставило Августу корону польскую.

Анна Іоанновна тотчасъ отправила въ Польшу 20,000 войска. Начальство надъ нимъ слѣдовало поручить графу Миниху, какъ старшему изъ генераловъ и фельдмаршалу, но это случилось въ то самое время, когда Минихъ былъ въ немилости. Хотя и императрица, и Биронъ чувствовали, что трудно замѣнить его другимъ генераломъ, но не хотѣли показать ему этого затрудненія, и потому вмѣсто него отправили генерала Ласси. Однакожъ вскорѣ они пожалѣли объ этомъ: хотя Ласси съ помощію русскаго посланника въ Польшѣ графа Левенвольда и могъ сдѣлать то, что саксонскій курфирстъ былъ во многихъ городахъ признанъ королемъ подъ именемъ Августа III; хотя могъ даже заставить Станислава съ главными приверженцами его и французскимъ посланникомъ выѣхать изъ Варшавы и удалиться въ Данцигъ; но не могъ взять этого Данцига, который былъ защищаемъ отчаянно, потому что въ немъ собрались самые усердные приверженцы Станислава. И такъ, видя, что война продолжается безъ рѣшительнаго успѣха около года, Биронъ узналъ необходимость помириться съ Минихомъ и поручить ему начальство надъ войскомъ.

Фельдмаршалъ, котораго благородное сердце, истинно преданное Россіи, жестоко огорчено было потерею довѣренности императрицы, радовался несказанно возвращенной милости и съ восхищеніемъ принялъ повелѣніе государыни—въ тотъ же день отправиться къ войску. Съ точностію онъ исполнилъ это повелѣніе, и 25-го февраля 1734 года пріѣхалъ къ Данцигу. Однакожъ и онъ, привыкшій побѣждать, не могъ скоро покорить этого крѣпкаго, хорошо защищаемаго города: почти четыре мѣсяца продолжалась осада его и только въ іюнѣ мѣсяцѣ была кончена, и Данцигъ сдался на условіяхъ: присягнуть Августу и выдать военноплѣнными всѣхъ находившихся въ немъ французовъ—приверженцевъ Станислава: самъ же король

успѣлъ убѣжать изъ города за нѣсколько дней до сдачи его. Минихъ былъ очень недоволенъ данцигскими жителями за этотъ побѣгъ и въ наказаніе заставилъ ихъ заплатить вдвое болѣе денегъ, нежели сколько полагали взять съ нихъ за убытки, причиненные Россіи этой войною.

Окончивъ съ такою славою походъ свой, графъ Минихъ награжденъ былъ искреннѣйшею благодарностію государыни, которой доброе сердце старалось всѣмъ благоволеніемъ своимъ изгладить изъ мыслей вѣрнаго подданнаго воспоминаніе о недавней немилости. Въ то же время любимецъ старался удалить куда нибудь опаснаго соперника. И случай къ тому скоро представился: Франція, чрезвычайно раздосадованная неудачею намѣренія своего возвести на престолъ Станислава, употребляла всѣ усилія вооружить противъ Россіи сосѣднія съ нею государства. Скорѣе всего успѣла она склонить къ войнѣ Турцію, которой жители и безъ того часто ссорились съ русскими за набѣги крымскихъ и ногайскихъ татаръ на границы Россіи. Эти набѣги, увеличиваясь съ каждымъ годомъ, причиняли столько вреда отечеству нашему, что императрица, окончивъ войну съ Польшею, рѣшилась просить турецкаго султана остановить грабительства его подданныхъ или, въ противномъ случаѣ, приготовиться къ войнѣ. Султанъ какъ будто того и ожидалъ, и война съ обѣихъ сторонъ была объявлена въ 1736 году. Она продолжалась около пяти лѣтъ :доставила фельдмаршалу Миниху громкую, безсмертную славу, но, къ несчастію, мало выгодъ для Россіи, потому что Австрія, будучи сначала союзницею нашею, принуждена была потомъ неудачами своихъ генераловъ и убѣжденіями Франціи заключить съ турками самый невыгодный для нея миръ при Бѣлградѣ. Послѣ этого мира русскіе уже не могли полагаться на австрійцевъ, которые доказали имъ свое дурное расположеніе, когда нашимъ войскамъ случилось проходить чрезъ ихъ области. Къ тому же, и Швеція съ завистію смотрѣла на побѣды русскихъ и въ Польшѣ, и въ Турціи и, все еще съ огорченіемъ вспоминая о Ништадскомъ мирѣ, искала случаевъ возвратить хотя нѣкоторыя изъ областей, потерянныхъ ею въ то время. Когда же, какъ не теперь, могъ представиться самый удобный для того

случай? Всѣ войска наши, или, по крайней мѣрѣ, самая лучшая часть ихъ была на югѣ Россіи, гдѣ происходила война. Въ сѣверныхъ провинціяхъ оставалось мало защитниковъ и шведы могли смѣло напасть на русскихъ со стороны Финляндіи. Они уже и сбирались сдѣлать это, но прежде нежели успѣли привести въ исполненіе свое намѣреніе, оно было проникнуто умнѣйшимъ изъ министровъ Анны Іоанновны графомъ Остерманомъ, и миръ съ турками былъ заключенъ. Конечно, онъ не былъ такъ выгоденъ, какъ обѣщали то знаменитыя побѣды Миниха при Перекопѣ, Очаковѣ, Ставучанахъ и Хотинѣ, какъ обѣщалъ то геній его, уже чертившій планы будущихъ завоеваній своихъ въ самой срединѣ Турціи; но зато русскіе могли быть увѣрены въ безопасности важнѣйшихъ областей своихъ, гдѣ процвѣтала новая столица ихъ, гдѣ совершались уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ великія намѣренія ея безсмертнаго основателя, они могли теперь защитить ее всѣми войсками, сражавшимися на границахъ Турціи. Итакъ, колебаться было невозможно и графъ Минихъ съ стѣсненнымъ сердцемъ, съ досадою на примирительницъ — Австрію и Францію — долженъ былъ уступить почти все, что̀ было завоевано имъ, исключая одного Азова; но и въ этомъ послѣднемъ городѣ надобно было срыть всѣ укрѣпленія.

Однакожъ, не смотря на невыгодныя для русскихъ условія этого мира, турки понимали, чего стоили имъ побѣды Миниха: съ того времени началось сильное вліяніе Россіи на дѣла Турціи, долго помнившей страхъ, наведенный на нее фельдмаршаломъ Минихомъ.

Кромѣ этого знаменитаго полководца, былъ еще генералъ, отличавшійся во время турецкой войны своимъ искусствомъ и храбростію: это былъ Ласси, о которомъ мы уже говорили нѣсколько — Ласси, получившій за военныя заслуги свои не только чинъ фельдмаршальскій, но даже и графское достоинство. Въ теченіе пяти-лѣтней войны ему чаще всего поручалось усмирять крымскихъ татаръ, и онъ съ такимъ успѣхомъ исполнилъ это порученіе, что полуостровъ Крымъ вскорѣ пересталъ быть страною, страшною для сосѣдственныхъ земель: дерзкіе жители его не смѣли болѣе возобновлять прежнихъ набѣговъ и старались

сами какъ можно далѣе заходить въ горы, чтобы не попадаться на глаза грозному для нихъ Ласси или его храбрымъ воинамъ.

На кубанскихъ татаръ явился также усмиритель: это былъ подвластный Россіи калмыцкій князь Дундукъ-Омбо. Онъ не только усмирилъ ихъ, но привелъ даже въ подданство Россіи болѣе 10,000 человѣкъ ихъ племени.

Такъ въ торжествѣ побѣдъ протекли годы царствованія императрицы Анны. Слава генераловъ ея удивляла опытнѣйшихъ полководцевъ того времени, проницательный умъ министровъ—кабинеты европейскіе. Собственное сердце ея было сострадательно и великодушно, было исполнено материнской любви къ подданнымъ: стало быть все должно было обѣщать имъ счастіе; но вы знаете, милые читатели, счастливы ли они были? Здѣсь всего горестнѣе мысль о томъ, что эта государыня, кроткая, добродушная, искренно-любившая народъ свой, представлялась ему совсѣмъ въ другомъ видѣ. Всѣ почитали ее жестокою, надменною, несправедливою, однимъ словомъ всѣ приписывали ей пороки ненавистнаго любимца ея.

Чтобы понять, какъ не заслуживала она это обвиненіе и какъ сильно было вліяніе Бирона на всѣ поступки ея, мы посмотримъ на домашнюю жизнь ея: въ ней столько же, какъ и въ дѣлахъ государственныхъ, примѣтно это вліяніе. А для насъ тѣмъ полезнѣе будетъ взглянуть на это, что въ описаніи двора Анны Іоанновны и его обыкновеній мы узнаемъ также нравы и обычаи ея времени вообще.

ДВОРЪ ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ.

Необыкновенна была картина этого двора! Въ ней соединилось столько противоположностей, что современники и очевидцы не знали чему удивляться болѣе. Прежде всего поражала взоры каждаго государыня, величественная, горделивая по наружности, государыня, повелѣвавшая однимъ изъ обширнѣйшихъ царствъ на землѣ и однакожъ уступившая слишкомъ много власти своему подданному.

Потомъ этотъ подданный, еще такъ недавно отвергаемый дворянствомъ Курляндіи,—и съ 1737 года владѣтельный герцогъ ея, жестокій, надменный, не считавшій никого равнымъ себѣ! Видя ихъ вмѣстѣ одинаково-важныхъ, одинаково-величавыхъ, даже съ одинаковою пышностію одѣтыхъ: Анну Іоанновну — почти всегда въ платье изъ ліонской парчи или бархата, герцога—въ богатомъ штофномъ кафтанѣ самаго яркаго цвѣта; смотря на блескъ, ихъ окружавшій, на угожденія, на каждомъ шагѣ ихъ ожидавшія, на безпокойство, которое выражалось во взорахъ государыни всякій разъ, когда малѣйшее неудовольствіе показывалось на лицѣ герцога, нельзя было подумать, что царское достоинство принадлежало не этому гордому, могущественному человѣку! И не только самъ онъ занималъ всѣ мысли императрицы, но точно столько же любви чувствовала она и къ его супругѣ, дѣтямъ, родственникамъ, однимъ словомъ ко всему, что только касалось до него. Это показываетъ, съ какою хитростію Биронъ умѣлъ поддерживать привязанность къ себѣ государыни. Не было ни одного благороднаго чувства, которое бы онъ кстати не старался показать при ней, чтобъ увѣрить ее въ своемъ безпримѣрномъ усердіи къ ней. Привлекательное обращеніе, которымъ онъ прикрывалъ при ней свои, по обыкновенію, надменные и даже дерзкіе поступки, придавало такую пріятность его обществу, что Анна Іоанновна не могла почти ни на минуту разлучаться съ нимъ, и если когда это случалось по необходимости, то жена и дѣти хитраго любимца уже имѣли отъ него тайное приказаніе окружать Анну во все время его отсутствія. Къ несчастію, семейство Бирона состояло изъ людей, недостойныхъ своего удивительнаго счастія, изъ людей, болѣе или менѣе похожихъ на виновника своей незаслуженной знаменитости. Оба брата герцога, находившіеся въ русской службѣ, извѣстны только потому, что они были братья его, которыхъ каждый старался убѣгать, чтобы не сдѣлаться несчастнымъ: ссора съ ними сопровождалась ужасными слѣдствіями для каждаго, кто имѣлъ ее, а ссориться они любили оба, и особенно старшій братъ Карлъ, бывшій генералъ-аншефомъ службы нашей. Жена герцога была также гор-

дая, жестокая, ограниченнаго ума женщина, которая, не смотря на высокое мѣсто, занимаемое ею при дворѣ, не понимала, что есть блескъ выше блеска бриллiантовъ, и, казалось, хотѣла имъ ослѣпить глаза всѣхъ и заставить уважать себя: во время торжественныхъ праздниковъ придворныхъ она надѣвала бриллiанты въ такомъ множествѣ, что часто затмѣвала нарядъ императрицы, также очень любившей пышность. Впрочемъ, герцогинѣ курляндской не трудно было сiять бриллiантами: благодаря жадности, съ которою Биронъ, можно сказать, грабилъ доходы государственные, бывшiе въ полномъ его распоряженiи, она имѣла на 2.000,000 рублей драгоцѣнныхъ каменьевъ. Ни тайныя слезы, ни кровь, которою были орошены эти каменья, не тяготили жестокаго сердца жены его, и она при всякомъ случаѣ щедро украшала ими и себя, и дѣтей своихъ. Что касается до послѣднихъ, то вы удивитесь, милые читатели, когда узнаете, какую судьбу назначали имъ гордые родители ихъ; но, къ счастiю Россiи, намѣренiя ихъ не исполнились и власть Бирона кончилась прежде, нежели дѣти его достигли до тѣхъ лѣтъ, когда могли причинить столько же зла, какъ и отецъ ихъ. Но паденiе его еще не такъ близко, друзья мои; много еще надобно разсказать вамъ объ этомъ ужасномъ времени—послѣднемъ испытанiи, посланномъ отъ Бога на отечество наше! Обратимся же къ этому описанiю, чтобы скорѣе окончить его.

Мы говорили о дворѣ императрицы. Послѣ разительной картины, какую представлялъ посреди его Биронъ съ семействомъ своимъ, удивительнѣе всего была смѣсь образованности и грубости, отличавшая нравы того времени. Напримѣръ, можно ли представить себѣ, что тотъ же самый дворъ, который наканунѣ съ восхищенiемъ слушалъ, какъ лучшiе артисты, выписанные изъ Италiи, разыгрывали прекрасныя оперы своего отечества, на другой день утѣшался кривляньемъ и глупыми играми карловъ, шутихъ и шутовъ, которые наполняли дворецъ Анны Іоанновны. Между послѣдними были часто люди знатнаго происхожденiя, имѣвшiе несчастiе прогнѣвать чѣмъ нибудь государыню. Надъ такими она часто забавлялась. Это слу-

чалось тогда, когда она уже начинала забывать вину ихъ и желала показать свое благоволеніе. Чтобы дать читателямъ моимъ понятіе о подобныхъ шуткахъ, я разскажу объ одномъ такомъ случаѣ.

Однажды Биронъ предложилъ государынѣ женить одного изъ шутовъ придворныхъ. Она согласилась. Вотъ приказано было ему выбрать себѣ невѣсту, а одному изъ умнѣйшихъ кабинетъ-министровъ [1]) того времени, оберъ-егермейстеру Волынскому, распорядить какъ можно лучше праздникомъ и придумать все, что̀ можно было сдѣлать удивительнаго и необыкновеннаго. Зная, что, не смотря на всю ничтожность предмета, удачное исполненіе доставитъ удовольствіе императрицѣ, Волынскій считалъ обязанностію своею внимательно заняться порученнымъ дѣломъ. Весь планъ и распоряженія свадебнаго торжества предоставлены были на волю его; государыня объявила только желаніе свое, чтобы это торжество совершилось въ ледяномъ домѣ.— «Какъ въ ледяномъ домѣ?» съ удивленіемъ спросите вы, мои милые читатели и читательницы. Да, точно въ ледяномъ домѣ, т. е. въ домѣ, сдѣланномъ изъ льда! Какъ ни велико ваше удивленіе, друзья мои, но это была правда!— Странный вкусъ и какая-то суровость сердца отличали то время, достойно-названное *Бироновскимъ*. Заставить несчастную, хотя и шутовскую чету дрожать отъ нестерпимаго холода въ четырехъ ледяныхъ стѣнахъ, никому не казалось жестокостью и, начиная съ герцога курляндскаго до послѣдняго изъ поклонниковъ его, всѣ съ удовольствіемъ разсматривали прежде планъ этого необыкновеннаго дома, сдѣланный искуснымъ архитекторомъ; потомъ ѣздили и ходили смотрѣть постройку его, наконецъ любовались совершенствомъ отдѣлки, которая въ самомъ дѣлѣ была достойна удивленія. Вообразите, что этотъ свадебный дворецъ состоялъ изъ нѣсколькихъ комнатъ и занималъ 8 саженъ въ длину, $2^1/_2$ въ ширину и 3 въ вышину. Чтобы построить его, разрубали ледъ большими квадратными плитами, клали ихъ одну на другую и для соединенія поли-

[1]) Анна Іоанновна, вскорѣ по восшествіи своемъ на престолъ, уничтожила Верховный Совѣтъ и на мѣсто его учредила *Кабинетъ*.

вали холодною водою, которая отъ жестокихъ морозовъ той зимы тотчасъ же замерзала. Всѣ двери, рамы и стекла этого дома, вся мебель и даже посуда, напримѣръ: стаканы, рюмки и множество другихъ вещей, сдѣланы были также изъ чистаго льда! Этого еще мало: дрова въ каминѣ и свѣчи въ шандалахъ были также ледяныя, и чтобъ удивить еще болѣе—ихъ намазывали нефтью и по вечерамъ зажигали. То же самое дѣлали и съ ледяными дельфинами, поставленными у воротъ: ихъ заставляли выбрасывать изъ пасти огонь отъ зажженной нефти. Шесть же ледяныхъ пушекъ, на ледяныхъ лафетахъ и колесахъ, и двѣ ледяныя мортиры, окружавшія домъ, не одинъ разъ стрѣляли ядрами! Волынскій, которому предоставлено было устроить свадебный пиръ шута, былъ извѣстенъ *всѣмъ* по уму своему и *нѣкоторымъ* по своему тайному желанію обнаружить предъ императрицею коварнаго любимца, угнетавшаго народъ ея. Послѣдствія доказали, что это благодѣтельное намѣреніе не удалось и, напротивъ того, погубило Волынскаго; но во время приготовленій къ свадьбѣ шута оно еще въ полной мѣрѣ занимало мысли его, и можетъ быть для того, чтобы показать ослѣпленной государынѣ, почитавшей себя слабою безъ помощи герцога курляндскаго, все могущество царства ея и всю многоразличность силъ, его составляющихъ, Волынскій сдѣлалъ планъ необыкновеннаго маскарада. Изъ всѣхъ областей Россіи, населенной многими различными племенами народовъ, выписано было по парѣ каждаго. Всѣ они явились въ этотъ маскарадъ въ богатыхъ одеждахъ своего племени, сдѣланныхъ на счетъ казны; всѣ они плясали подъ родную музыку и даже за обѣдомъ всѣмъ имъ подали то блюдо, которое они предпочтительно любили на родинѣ. Этотъ обѣдъ былъ приготовленъ въ манежѣ герцога Бирона; но надобно разсказать вамъ, милые читатели, какъ доѣхали туда эти изъ разныхъ странъ съѣхавшіеся гости. О! этотъ поѣздъ стоилъ того, чтобы какой нибудь живописецъ списалъ его. Мы могли бы теперь полюбоваться имъ и отъ всей души посмѣяться. Представьте себѣ, что онъ начался слономъ, на спинѣ котораго укрѣплена была большая клѣтка, и въ ней сидѣли молодые, т. е. шутъ съ своею невѣстою, только

что обвѣнчанные. За ними попарно въ саняхъ ѣхали гости. Не подумайте, чтобы всѣ эти сани запряжены были лошадьми. Нѣтъ! они запряжены были разными животными, и по большей части тѣми, на которыхъ ѣздили въ той странѣ, откуда была пріѣзжая чета. И такъ, впряжены были въ сани и олени, и собаки, и быки, и даже козлы и медвѣди!

Послѣ бала, окончившаго этотъ день, молодые были торжественно отвезены въ ледяной дворецъ ихъ. Однакожъ надъ ними скоро сжалились и продержали тамъ не болѣе, какъ нѣсколько часовъ.

Читая описаніе этой свадьбы, нельзя не удивляться грубости нравовъ того времени; но это удивленіе еще болѣе увеличится, если прочитать описаніе какого нибудь другого дня изъ записокъ того же самаго двора и того же самаго времени. Не хотите ли, друзья мои, заглянуть въ нихъ? Мы возьмемъ даже время нѣсколькими годами прежде свадьбы шута: она была въ 1740 году, а мы посмотримъ 1734 годъ.

Въ этомъ году войска наши взяли Данцигъ и государыня великолѣпно праздновала эту побѣду въ Петербургѣ, въ нашемъ, такъ хорошо извѣстномъ вамъ, Лѣтнемъ саду.

Въ гротѣ сада накрытъ былъ столъ для императрицы и ея семейства, въ концѣ же большой аллеи — другой, подъ зеленымъ шелковымъ навѣсомъ, для гостей, которыхъ было сто пятьдесятъ человѣкъ мужчинъ и столько же дамъ. Всѣ они получали мѣста по жребію и каждый кавалеръ сѣлъ за столъ подлѣ доставшейся ему дамы. Русскія дамы, извѣстныя теперь иностранцамъ своею образованностію и любезностію, и тогда уже отличались этими качествами. Послушайте, друзья мои, какъ императрица была любезна въ этотъ день. Вы помните, что при взятіи Данцига попались къ намъ въ плѣнъ многіе французскіе офицеры. Плѣнниковъ привезли въ Петербургъ, и государыня назначила для представленія ихъ день бала въ гротѣ Лѣтняго сада. Всѣ они, какъ люди, потерявшіе вмѣстѣ съ родиной всѣ радости свои, отправились на балъ и представленіе свое очень печально. Но какое же удовольствіе

ожидало ихъ тамъ! Анна Іоанновна приняла ихъ какъ самая ласковая и добрая хозяйка; этого еще недовольно: она вотъ что сказала начальнику ихъ графу Ламотту: «Вы можетъ быть, удивляетесь, что я выбрала такое время для представленія вашего. Французы чрезвычайно дурно обходились съ моими подданными, имѣвшими несчастіе попасть въ ихъ руки; и хотя я могла бы нынѣ отмстить за нихъ, но довольствуюсь сдѣланною вамъ теперь непріятностію. Соотечественницы ваши славятся любезностію и я надѣюсь, что нѣкоторыя изъ здѣшнихъ дамъ своею бесѣдою доставятъ вамъ пріятное развлеченіе». Тогда же сказала она тѣмъ изъ дамъ, которыя умѣли говорить по-французски, чтобы онѣ постарались заставить французскихъ офицеровъ забыть на этотъ вечеръ о ихъ плѣнѣ. И порученіе государыни было исполнено такъ хорошо, что одинъ изъ плѣнныхъ отвѣчалъ на ея слова слѣдующими, сказанными отъ искренняго сердца: «Ея величество нашла способъ два раза побѣдить насъ: мы противъ воли нашей положили оружіе предъ ея храбрыми войсками, а теперь сердца наши охотно покоряются прекраснымъ нашимъ побѣдительницамъ».

Какая же разница между этимъ праздникомъ, о которомъ даже просвѣщенные французы съ восхищеніемъ писали въ отечество, и свадьбою въ ледяномъ домѣ! Но какъ ни удивительны были эти противоположности, какъ ни тяжелы были иногда увеселенія двора Анны Іоанновны для бѣдныхъ забавниковъ, но можно ли сравнить эту тягость съ тѣмъ, что терпѣлъ народъ во время жестокаго владычества Бирона, съ тѣмъ, чему подвергались жертвы его? Умъ хитраго корыстолюбца былъ особенно изобрѣтателенъ для случаевъ къ его обогащенію; онъ старался пользоваться всѣми средствами, но ни одно изъ нихъ не было для него такъ выгодно, какъ слѣдующее.

Онъ представилъ императрицѣ необходимость собрать всю государственную *недоимку:* это значитъ всѣ тѣ деньги, какія недоплачены были въ казну людьми, платящими подати. Надобно сказать читателямъ моимъ, что эта недоимка всегда существуетъ, и государи наши всегда оказываютъ снисхожденіе къ бѣднымъ людямъ, которые не въ состоя-

ніи вдругъ заплатить долгъ свой и приказываютъ взыскивать его безъ всякихъ притѣсненій. Слѣдуя такому примѣру, и Анна Іоанновна не думала измѣнять приказаній своихъ предшественниковъ; но Биронъ, предлагая ей взыскать недоимку, предлагалъ въ то же время и самыя легкія средства для этого взысканія. Привыкнувъ одобрять все, что находилъ нужнымъ герцогъ, императрица согласилась и въ этотъ разъ на предложеніе его, и съ того времени бѣдный народъ терпѣлъ ужасную участь.

Биронъ началъ съ того, что учредилъ для этого взысканія особенное присутственное мѣсто, которое называлось *доимочнымъ приказомъ*. Оно получило самое строгое повелѣніе взыскивать деньги безъ всякихъ отговорокъ. Зная, что̀ значитъ повелѣніе Бирона и угрозы его, чиновники приказа точно съ такою же строгостію разсылали указы по областямъ къ воеводамъ. А воеводы, не смотря на то, что были начальники областей, боялись одного имени Бирона, особливо послѣ того, какъ нѣкоторые изъ нихъ сидѣли въ темницахъ за медленное взысканіе. Послѣ этого предоставляю вамъ самимъ подумать, какъ взыскивалась эта недоимка и что̀ терпѣли несчастные, не бывшіе въ состояніи заплатить ее! Все, что̀ невинное воображеніе ваше, еще не привыкшее къ ужасамъ, можетъ представить себѣ,— вѣрно будетъ еще мало и не дастъ вамъ настоящаго понятія о злобѣ Бирона. Но я не буду описывать ее вамъ подробно; довольно сказать, что со времени учрежденія доимочнаго приказа какое-то всеобщее уныніе и ужасъ распространились по всей Россіи! Страдали крестьяне; терпѣли и помѣщики ихъ. Тѣ и другіе часто умирали или въ темницахъ, или въ мученіяхъ пытки. Плачъ народа доходилъ до самой столицы, но заглушался въ ней стараніями многочисленной толпы приверженцевъ, или, лучше сказать, шпіоновъ герцога курляндскаго. Эти недостойные люди были такъ искусны въ своемъ низкомъ ремеслѣ, что нельзя было сказать противъ Бирона ни одного слова, котораго бы онъ не узналъ! Огромныя суммы денегъ, раздаваемыя доносчикамъ, увеличивали число ихъ и вскорѣ разорвали почти всѣ связи родства и дружбы: многіе, спасая себя, предавали родственниковъ и знакомыхъ своихъ,

измѣняли обѣщаніямъ, рѣшались на все, чтобы только избавиться отъ ужаса попасть въ руки шпіоновъ Бирона! Но часто все это не помогало, и несчастные погибали, сдѣлавъ своимъ низкимъ поступкомъ только то, что нѣсколько новыхъ жертвъ гибло вмѣстѣ съ ними.

Такъ страдалъ народъ, и государыня, исполненная безпредѣльной довѣренности къ любимцу своему, ничего не знала о томъ, и если иногда доходили до нея какіе нибудь невыгодные для него слухи, она никогда не вѣрила имъ и тотчасъ же разсказывала о нихъ со всѣми подробностями Бирону, который, разумѣется, находилъ всегда средства и оправдаться, и наказать дерзкихъ, осмѣлившихся думать объ его низверженіи. Въ числѣ такихъ жертвъ мстительности герцога курляндскаго былъ и тотъ кабинетъ-министръ Волынскій, о которомъ читатели мои уже слышали нѣсколько: онъ заплатилъ жизнію за свое покушеніе обнаружить Бирона. Но его ли только судьба служила доказательствомъ могущества этого злобнаго духа-губителя русскихъ въ теченіе десяти лѣтъ? Нѣтъ, не только многіе знатнѣйшіе роды вельможъ гибли или были сосланы въ это время, но даже всѣ члены семейства императорскаго были болѣе или менѣе въ зависимости отъ Бирона. Главное лицо изъ нихъ представляла молодая племянница государыни, дочь сестры ея, герцогини мекленбургской, принцесса Екатерина. Она привезена была двѣнадцати лѣтъ ко двору Анны Іоанновны и съ того времени носился въ народѣ слухъ, что императрица вдовствующая и уже нѣсколько разъ отказывавшаяся отъ второго супружества, назначаетъ своею наслѣдницею эту единственную дочь родной сестры своей и послѣднюю отрасль поколѣнія Іоанна Алексѣевича. Этотъ слухъ еще болѣе подтвердился потомъ, когда маленькая принцесса приняла греческую вѣру, когда ее назвали по имени императрицы — Анною, и наконецъ уже начали говорить о выборѣ супруга для нея. Дворы австрійскій и прусскій наперерывъ искали чести представить жениха для такой знаменитой невѣсты, и первый одержалъ побѣду: племянникъ императрицы австрійской, принцъ брауншвейгскій, *Антонъ Ульрихъ*, былъ назначенъ женихомъ молодой принцессы и въ 1733 году прі-

ѣхалъ для того въ Петербургъ. Но что значило общее согласіе обоихъ дворовъ, что значила воля самой императрицы, желавшей этого брака, предъ замыслами честолюбца, который считалъ все возможнымъ для себя. Въ головѣ его мелькнула дерзкая мысль, что и сынъ его могъ бы быть достойнымъ женихомъ принцессѣ Аннѣ, и принцъ брауншвейгскій прожилъ болѣе шести лѣтъ въ Россіи, напрасно ожидая дня своей свадьбы. Наконецъ, въ 1739 году новыя старанія австрійскаго двора заставили императрицу рѣшиться, прежде нежели Биронъ привелъ къ концу свой смѣлый планъ, и свадьба принцессы совершилась того же года, 3-го іюля, со всѣмъ великолѣпіемъ, которое Анна Іоанновна очень любила.

Не думайте однакожъ, чтобы герцогъ курляндскій спокойно разстался съ намѣреніемъ, болѣе шести лѣтъ его занимавшимъ. Нѣтъ, наружное спокойствіе его на свадьбѣ герцога брауншвейгскаго означало какіе-нибудь новые замыслы, таившіеся въ головѣ его. Нельзя было узнать ихъ, потому что хитрецъ умѣлъ быть скромнымъ, но можно было догадываться нѣсколько по разговорамъ придворныхъ: послѣ свадьбы принцессы Анны уже никто не называлъ ее наслѣдницею престола, но только матерью будущаго наслѣдника, потому что императрица торжественно объявила, что отдастъ престолъ одному изъ будущихъ сыновей своей племянницы.

ИМПЕРАТОРЪ ІОАННЪ И РЕГЕНТСТВО БИРОНА.

1740 годъ.

12-го августа 1740 года Анна Іоанновна имѣла радость увидѣть этого наслѣдника: у принцессы Анны, которую послѣ крещенія называли великою княгинею *Анною Леопольдовною*, родился сынъ *Іоаннъ*.

Императрица, съ нѣжностію матери, приняла новорожденнаго въ объятія свои и по какому-то предчувствію уже тогда такъ безпокоилась о будущности его, что посы-

лала къ одному изъ ученѣйшихъ членовъ академіи наукъ, Вольфгангу Крафту, спросить о судьбѣ новорожденнаго, которую тогда еще считали возможнымъ предсказать по звѣздамъ. Здѣсь кстати сказать читателямъ моимъ, что императрица Анна Іоанновна была нѣсколько суевѣрна. Она вѣрила предсказаніямъ и любила астрологовъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ одинъ изъ нихъ, по имени Бухнеръ, предсказалъ ей однажды, что она взойдетъ на престолъ. Хотя предсказанія бываютъ обыкновенно ложны, но случай допустилъ, что гаданіе Вольфганга Крафта сбылось, и несчастія, предсказанныя Іоанну Антоновичу, впослѣдствіи совершились. Это царственное дитя, названное императоромъ при самомъ рожденіи своемъ, было точно несчастливо! Казалось даже, что оно принесло съ собою несчастіе и для всего семейства царскаго. Государыня вскорѣ занемогла и 6-го октября, прежде нежели малюткѣ исполнилось два мѣсяца, она упала въ сильный обморокъ, садясь за обѣдъ, а 17-го того-жъ мѣсяца скончалась въ ужасныхъ страданіяхъ отъ припадковъ падагры и каменной болѣзни. Такая смерть при 46-ти-лѣтнемъ возрастѣ императрицы не могла не назваться преждевременною, но она не составляла еще главнаго несчастія маленькаго императора: главное заключалось въ горестной судьбѣ родителей его, оставленныхъ Анною Іоанновною въ совершенной зависимости отъ Бирона. Этотъ коварный человѣкъ умѣлъ и послѣ смерти государыни удержать при себѣ неограниченную власть свою, и вотъ какимъ образомъ.

Въ тотъ самый день, какъ императрицѣ сдѣлалось дурно за обѣдомъ и какъ она почти безъ чувствъ еще лежала окруженная врачами, испуганный Биронъ уже послалъ за важнѣйшими изъ вельможъ: графомъ Минихомъ, двумя кабинетъ-министрами, княземъ Черкасскимъ и оберъ-гофмаршаломъ графомъ Левенвольдомъ. Съ притворнымъ отчаяніемъ и слезами описалъ онъ имъ горесть свою о томъ несчастномъ состояніи, которое угрожаетъ Россіи послѣ кончины императрицы, оставляющей наслѣдникомъ трона двухъ-мѣсячнаго младенца. Искусно представлялъ онъ, какихъ опасностей надобно ожидать и отъ шведовъ, которые вѣрно воспользуются случаемъ, чтобы напасть на

Россію, и отъ народа, уже не одинъ разъ показывавшаго непокорность свою во время малолѣтства государей, и отъ вліянія родителей и родственниковъ маленькаго императора на дѣла государственныя. Въ заключеніе заботливый герцогъ сказалъ, что единственное средство для отвращенія отъ Россіи всѣхъ этихъ несчастій состоитъ въ томъ, чтобы ввѣрить правленіе такой особѣ, которая бы, кромѣ опытности въ дѣлахъ, имѣла твердость духа, необходимую для обузданія враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ. Вы, вѣрно, догадаетесь, что *такою особою* герцогъ считалъ не другого кого, какъ самого себя. Четверо слушателей его догадались объ этомъ еще скорѣе васъ, но только усерднѣйшіе приверженцы его, Черкасскій и Бестужевъ, подтвердили мысль его и тотчасъ же сказали, что, кромѣ его свѣтлости [1]), не знаютъ никого достойнѣе управлять русскимъ царствомъ. Графы Минихъ и Левенвольдъ чувствовали всю несправедливость этихъ словъ и потому не такъ скоро рѣшились сказать свое мнѣніе, однакожъ, видя, что всякое противорѣчіе было бы напрасно и, можетъ быть, погубило бы ихъ впослѣдствіи, принуждены были также согласиться и тотчасъ же отправиться къ одному изъ главныхъ товарищей ихъ, и на этотъ разъ по дѣйствительной болѣзни не пріѣхавшему на тайное совѣщаніе—къ графу Остерману. Подробно разсказавъ ему обо всемъ, что происходило во дворцѣ, они именемъ Бирона просили его приготовить на другой день два манифеста: одинъ о наслѣдникѣ, еще не объявленномъ всенародно; другой о правителѣ, который долженъ быть опекуномъ его и управлять всѣми дѣлами государства до семнадцатилѣтняго возраста императора. Графъ Остерманъ, никогда не любившій ни съ кѣмъ ссориться и хитростію нрава удержавшійся на своемъ мѣстѣ въ продолженіе шести царствованій, видѣлъ необходимость согласиться съ желаніемъ Бирона и на другой же день больной явился во дворецъ съ двумя манифестами. Первый — о наслѣдникѣ престо-

[1]) Биронъ, какъ герцогъ, имѣлъ титулъ *свѣтлости:* впослѣдствіи же, во время своего регентства, онъ пользовался даже титуломъ *высочества*.

ла—императрица подписала тотчасъ, но второй нѣсколько дней держала подъ изголовьемъ своимъ. Болѣзненныя страданія Анны Іоанновны не имѣли вліянія на ея умственныя способности; напротивъ того, онѣ, казалось, были свѣтлѣе, нежели прежде. Биронъ уже не могъ съ прежнею скоростію преклонять ее на свои желанія и, не смотря на всѣ представленія его, умирающая государыня чувствовала, что маленькій императоръ могъ быть подъ опекою только у родителей своихъ, и потому никакъ не соглашалась назначить Бирона *регентомъ*, т. е. опекуномъ государя и правителемъ государства. Но недостойный герцогъ курляндскій употреблялъ столько стараній и хитростей, что наконецъ успѣлъ, и Анна Іоанновна, уже изнуренная предсмертными мученіями, уже, можетъ быть, неимѣвшая полнаго понятія о томъ, что̀ дѣлала, подписала гибельный актъ, предавшій народъ ея жесточайшему врагу его,—подписала указъ о регентствѣ Бирона!

Можно вообразить себѣ, какъ еще увеличилась власть этого ужаснаго человѣка надъ Россіей съ той минуты, какъ онъ сдѣлался ея правителемъ! Можно вообразить, что̀ терпѣла она! Но, благодаря Бога, всегда благодѣтельно управляющаго міромъ и всѣми живущими въ немъ, это ужасное регентство было непродолжительно! Прошло не болѣе трехъ недѣль и грознаго правителя уже не было, и онъ готовился уже получить награду за множество злодѣяній своихъ!

Человѣкъ, осмѣлившійся возстать на дерзкаго и побѣдить его, былъ, можетъ быть, столько же честолюбивый, столько же желавшій возвыситься, но вовсе не столько жестокій и несправедливый—фельдмаршалъ Минихъ. Помогая намѣреніямъ Бирона при кончинѣ императрицы, Минихъ думалъ, что могущественный правитель подѣлится съ нимъ безпредѣльною властію своею; но замѣтивъ съ первыхъ дней, что регентъ хочетъ повелѣвать одинъ не только всѣми подданными императора, но даже и самыми родителями его, Минихъ началъ думать о томъ, какъ бы поправить ошибку свою и избавить всѣхъ отъ общаго гонителя. Лучшее средство къ тому могла доставить ему только та, которой по всѣмъ правамъ принадлежало первое

мѣсто въ государствѣ,—только родительница императора, и она тѣмъ скорѣе могла сдѣлать это, что каждый день вмѣстѣ съ супругомъ своимъ переносила жестокія оскорбленія отъ гордаго правителя. Графъ Минихъ, пользовавшійся его довѣренностію и исполнявшій важнѣйшія порученія его, часто приходилъ къ великой княгинѣ съ разными приказаніями и заставалъ ее почти всегда въ горести о несчастной судьбѣ своей. Въ одно изъ такихъ посѣщеній эта молодая и извѣстная добрымъ сердцемъ своимъ принцесса съ горькими слезами объявила фельдмаршалу, что, будучи не въ состояніи болѣе переносить дерзости Бирона, она рѣшается уѣхать съ супругомъ и съ сыномъ въ Германію и жить тамъ до совершеннолѣтія послѣдняго. Только этой минуты и ожидалъ Минихъ: сильное огорченіе принцессы ручалось ему за ея согласіе на все, и онъ сказалъ ей, что она, какъ мать императора, не только имѣетъ право, но даже обязанность дѣйствовать рѣшительно для освобожденія подданныхъ его отъ несчастій, какія они терпятъ отъ самовластія регента. Первымъ шагомъ къ тому было арестованіе Бирона, и Минихъ бралъ на себя это трудное, казавшееся невозможнымъ дѣло.

Анна Леопольдовна, кроткая, нечестолюбивая и боязливая, какъ женщина, проведшая первую молодость свою въ чрезвычайной зависимости [1]), сначала испугалась смѣлаго предложенія фельдмаршала; но его всѣмъ извѣстныя твердость и благоразуміе, мысль о счастіи, которая всегда сопровождала его намѣренія, и всего болѣе—мысль о томъ унизительномъ положеніи, до котораго доводилъ ее и супруга ея надменный Биронъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ принудившій принца Ульриха отказаться отъ всѣхъ военныхъ должностей его и даже запретившій ему выѣзжать нѣсколько времени изъ дворца,—все это вмѣстѣ произвело такое сильное вліяніе на молодую княгиню, что она съ необыкновенною ей рѣшительностію согласилась на предложеніе Миниха и предоставила ему полную свободу дѣйствовать, какъ онъ найдетъ лучше.

---

[1]) Императрица Анна Іоанновна приказывала всегда имѣть самый строгій надзоръ за малѣйшими поступками своей племянницы.

Минихъ не хотѣлъ откладывать до другого дня и въ ту же самую ночь рѣшился схватить правителя. Осторожный фельдмаршалъ имѣлъ для того важныя причины: въ этотъ день былъ въ караулѣ Преображенскій полкъ, находившійся подъ личнымъ его начальствомъ и слѣдовательно болѣе другихъ ему преданный. И въ самомъ дѣлѣ, какъ скоро объявилъ онъ о своемъ намѣреніи въ караулѣ Зимняго дворца, гдѣ жилъ императоръ и его родители, всѣ офицеры и солдаты съ жаромъ поклялись исполнить его желаніе, чего бы оно ни стоило имъ. То же самое усердіе встрѣтилъ онъ и въ томъ отрядѣ, который стоялъ на караулѣ въ Лѣтнемъ дворцѣ, гдѣ жилъ Биронъ и гдѣ еще выставлено было со всею приличною пышностію тѣло императрицы. И такъ, безъ всякихъ затрудненій, даже безъ малѣйшаго шума, но посреди ночной тишины адъютантъ фельдмаршала, подполковникъ Манштейнъ и съ нимъ 20 человѣкъ солдатъ, взятыхъ отъ караула Зимняго дворца, дошли до самой спальни герцога курляндскаго. Разбуженный голосомъ Манштейна отъ глубокаго сна, несчастный началъ было кричать изъ всей силы. Но что могли сдѣлать эти крики? Триста человѣкъ дворцоваго караула были преданы фельдмаршалу и, не трогаясь съ мѣста, ожидали приказанія его, между тѣмъ какъ самъ онъ съ шестидесятью товарищами ихъ стоялъ у самаго въѣзда дворца. Все было кончено въ нѣсколько минутъ: герцогъ полуодѣтый, въ накинутой на него солдатской шинели, посаженъ въ карету графа Миниха и отвезенъ на гауптвахту Зимняго дворца. Въ ту же ночь взятъ былъ и братъ его Густавъ Биронъ и болѣе всѣхъ преданный ему кабинетъ-министръ графъ Бестужевъ.

Страшна была эта ночь для кроткой души принцессы Анны Леопольдовны! Привыкнувъ всегда страшиться Бирона [1]), она приходила въ ужасъ отъ одной мысли о неудачѣ Миниха, и все время отсутствія его провела въ томительной тоскѣ у колыбели императора, почивавшаго сномъ

---

[1]) Фельдмаршалъ Минихъ говоритъ въ запискахъ своихъ, что онъ былъ нѣсколько разъ свидѣтелемъ, какъ дрожала принцесса, когда Биронъ приходилъ къ ней.

ангельскаго спокойствія въ то самое время, какъ въ судьбѣ его совершилась такая важная перемѣна. Она совершилась, и принцесса съ восторгомъ и неизъяснимою благодарностію встрѣтила своего избавителя. Онъ первый имѣлъ по всей справедливости принадлежавшую ему честь поздравить ее и назвать *правительницею* государства.

ПРАВИТЕЛЬНИЦА АННА ЛЕОПОЛЬДОВНА.

отъ 1740 до 1741 года.

(1 годъ).

Давно уже не было такого веселья въ Петербургѣ, какъ въ день, наставшій послѣ тревожной ночи, когда съ утра разнеслась по всѣмъ домамъ вѣсть, что страшный для всѣхъ герцогъ курляндскій уже не раздаетъ грозныхъ приказаній своихъ въ лѣтнемъ дворцѣ императорскомъ, но, лишенный свободы, ожидаетъ наказанія на безчисленныя злодѣянія свои. Сначала никто не хотѣлъ вѣрить такой новости и, привыкнувъ къ коварному нраву правителя, всѣ считали ее хитростью, выдуманною имъ для погубленія какихъ нибудь новыхъ жертвъ. Но когда потомъ увидѣли, что всѣ находившіеся въ столицѣ полки сходились на площадь дворцовую и всѣ знатнѣйшіе вельможи съѣзжались въ придворную церковь—приносить присягу въ вѣрности матери императора, какъ великой княгинѣ и правительницѣ государства, всѣ повѣрили своему счастію и сдѣлались такъ веселы, что нѣсколько дней ничего не слышно было въ Петербургѣ, кромѣ благодарственныхъ моленій въ церквахъ и шумныхъ пированій въ домахъ. Послѣ страха, который внушалъ суровый видъ прежняго регента, всѣ съ восхищеніемъ смотрѣли на молодую правительницу. Плѣнительная наружность и доброе сердце ея, казалось, такъ вѣрно обѣщали имъ счастливую будущность! Они видѣли исполненіе надеждъ своихъ въ милостяхъ, которыми она осыпала всѣхъ пострадавшихъ при Биронѣ; въ улучшеніяхъ, которыя дѣлала по разнымъ частямъ правленія; на-

конецъ въ снисходительности, съ которою она каждую недѣлю принимала во дворцѣ просьбы всѣхъ, кто имѣлъ до нея какую либо нужду. Но все это счастливо продолжалось только до тѣхъ поръ, пока люди, окружавшіе престолъ, еще не опомнясь отъ ужаса, въ какомъ держалъ ихъ страшный Биронъ, думали только о своемъ счастливомъ освобожденіи отъ него и, неувѣренные еще въ безопасности своей, какъ будто боялись не быть добрыми. Но какъ скоро тишина и спокойствіе утвердились, дурныя склонности начали выходить наружу, и снова все заволновалось при дворѣ, такъ ненадолго успокоенномъ! Главными лицами были тогда тамъ: принцъ, супругъ правительницы; фельдмаршалъ Минихъ, которому она обязана была своимъ возвышеніемъ, и графъ Остерманъ. Первый, къ несчастію, былъ человѣкъ вовсе неспособный къ правленію; послѣдніе два—враги между собою. Удивительно было это нерасположеніе другъ къ другу людей, одаренныхъ столь многими прекрасными качествами! Особенно удивителенъ былъ въ этомъ случаѣ Минихъ, котораго жизнь представляла такое множество дѣлъ славныхъ и благородныхъ. Какъ могло какое-нибудь мелочное чувство помѣщаться въ этой героической, великой душѣ? Но я скажу вамъ причину этого, милые читатели мои. Минихъ былъ чрезвычайно честолюбивъ, а вмѣстѣ съ честолюбіемъ душа наша обыкновенно принимаетъ много дурного. И такъ, хотя жаль мнѣ разочаровать васъ нѣсколько о любимцѣ нашемъ фельдмаршалѣ,—побѣдителѣ турокъ и поляковъ,—но надобно сказать, что множество прекрасныхъ свойствъ его помрачалось чрезмѣрнымъ честолюбіемъ. Увеличиваясь съ лѣтами, оно было впослѣдствіи одною изъ главныхъ причинъ почти всѣхъ дѣйствій его. Вы видѣли, какъ для этого честолюбія онъ помогалъ возвышаться Бирону; какъ потомъ, для этого же честолюбія, свергнулъ его; вы увидите теперь, какъ, наконецъ, для этого честолюбія, онъ потеряетъ довѣренность молодой родительницы императора. Фельдмаршалу давно чрезвычайно хотѣлось получить самую важную изъ почестей военныхъ — чина *генералиссимуса* войскъ. Показавъ такъ много усердія Аннѣ Леопольдовнѣ, онъ непремѣнно ожидалъ отъ нея

исполненія своего давнишняго желанія, но правительница сдѣлала генералиссимусомъ русскихъ войскъ супруга своего, а въ утѣшеніе фельдмаршалу приказала только написать въ указѣ слѣдующія слова: «Графъ Минихъ, пріобрѣвъ своими великими заслугами достоинство генералиссимуса, уступаетъ оное родителю императора».

Такое утѣшеніе не удовлетворило гордую душу Миниха и оскорбило честолюбіе принца. Анна не думала о неудовольствіи супруга, котораго можно было скоро успокоить; но огорченіе освободителя ея отъ власти жестокаго регента сильно тревожило ея добрую душу и она спѣшила придумать какое нибудь новое вознагражденіе. Она радовалась, когда ей пришла мысль сдѣлать его первымъ министромъ. Но это опять было неудачно: званіе перваго министра и вообще главное управленіе всѣми дѣлами государственными, во все время царствованія императора Іоанна, принадлежало графу Остерману. Могъ ли теперь не оскорбиться этотъ знаменитѣйшій министръ своего времени, поступивъ вдругъ подъ начальство Миниха? Остерманъ оскорбленъ былъ до такой степени, что, забывъ всѣ великія заслуги, оказанныя Минихомъ отечеству, началъ искать средствъ погубить его.

Такъ Анна Леопольдовна, не смотря на всѣ старанія, не достигла успѣха. Это доказало еще разъ, что одного добраго сердца недостаточно для того, кому опредѣлено судьбою управлять царствомъ. Здѣсь необходимы еще проницательность, твердость, величайшая дѣятельность, а всѣхъ этихъ качествъ недоставало молодой родительницѣ Іоанна. Особливо послѣднее такъ было далеко отъ нея, что нерѣдко, когда министры приходили къ ней поутру съ докладами дѣлъ, она откровенно говорила имъ: «Ахъ! еслибы сынъ мой скорѣе дожилъ до тѣхъ лѣтъ, чтобы могъ самъ править государствомъ!» Удивительно ли послѣ того, что эта принцесса не умѣла съ пользою употребить людей, окружавшихъ ее, не умѣла согласить ихъ выгодъ и потушить ихъ ссоръ, и потомъ вмѣстѣ съ ними погибла! Первый шагъ къ этой погибели правительница сдѣлала въ то время, когда, слушая Остермана, уже замышлявшаго паденіе Миниха, она повѣрила хитрымъ разсказамъ его о

томъ, что честолюбіе фельдмаршала не удовлетворится никакими почестями, что онъ будетъ стремиться все выше и выше. Искусный хитрецъ умѣлъ очень кстати сказать ей и то, что Биронъ, въ это время все еще судившійся въ Шлиссельбургской крѣпости, объявилъ въ показаніяхъ своихъ, что никогда и въ голову ему не пришла бы мысль быть регентомъ, еслибы Минихъ не умолялъ его объ этомъ самымъ убѣдительнымъ образомъ. Съ перваго же раза цѣль Остермана была достигнута: легковѣрная правительница потеряла всю довѣренность къ Миниху, и начала сама думать о средствахъ, какъ бы удалить его не только отъ участія въ дѣлахъ государственныхъ, но даже и отъ двора. И судьба представила удобный къ тому случай.

Въ это время въ Европѣ началась война за наслѣдство австрійскихъ владѣній. Въ числѣ государей, споривших о томъ съ императрицею Маріею-Терезіею, былъ также ближайшій сосѣдъ Россіи—король прусскій, только что заключившій дружественный союзъ съ русскими, слѣдовательно не ожидавшій, чтобы они вздумали помогать австрійцамъ, тѣмъ болѣе, что шведы готовились въ то самое время объявить войну отечеству нашему. Но австрійская императрица была ближайшая родственница принца Антона, и Анна Леопольдовна хотѣла помогать ей, не смотря на явныя невыгоды, какія могли произойти для русскихъ отъ этой помощи. Графъ Остерманъ утверждалъ въ этомъ намѣреніи великую княгиню, потому что зналъ совершенно противное мнѣніе фельдмаршала и ожидалъ большой пользы для себя отъ несогласія, какое необходимо должно было произойти оттого между имъ и правительницею. Злое ожиданіе министра исполнилось. Минихъ, со всею откровенностію воина, сказалъ великой княгинѣ, что сколько опасно во время ожиданій войны съ Швеціею отправить многочисленное войско на помощь чужому государству, столько и неблагородно измѣнить союзнику, положившемуся на слово наше. Правительница нашла такія слова дерзкими и, чтобъ наказать Миниха, исполнила намѣреніе свое и заключила союзъ съ Австріею, не спрашивая болѣе совѣтовъ его. Огорченный до глубины души Минихъ не могъ перенесть равнодушно такого оскорбленія

и попросилъ себѣ отставку, тайно надѣясь, что она не будетъ дана ему. Но надежда и тутъ обманула его: Анна Леопольдовна не только тотчасъ же, съ внутреннимъ удовольствіемъ, дала ему отставку, но съ нетерпѣніемъ каждый день спрашивала у окружавшихъ ее, переѣхалъ ли фельдмаршалъ изъ ближняго сосѣдства его со дворцомъ въ собственный домъ его на другой сторонѣ Невы. Робкая принцесса недаромъ справлялась объ этомъ: съ тѣхъ поръ, какъ Остерманъ напугалъ ее честолюбивыми замыслами Миниха, она не проводила спокойно ни одного часа: каждую ночь перемѣняла спальню, удвоивала караулъ во дворцѣ и безпрестанно вспоминала о томъ, съ какимъ искусствомъ фельдмаршалъ умѣлъ за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ схватить могущественнаго регента. Боязливое сердце ея страшилось такой же участи, пока Минихъ участвовалъ въ правленіи, или даже только жилъ подлѣ дворца. Но едва переѣхалъ онъ за Неву и великая княгиня совершенно успокоилась, вовсе не воображая, что теперь-то, съ удаленіемъ ревностнѣйшаго служителя и умнѣйшаго совѣтника, она сама приготовила величайшія для себя опасности и лишила себя средствъ видѣть ихъ и избавиться отъ нихъ!

ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИСАВЕТА.

1741 годъ.

Удивительно читать въ исторіи нашей, друзья мои, что русскіе отдали корону царей своихъ младенцу, сыну принца чужестраннаго и принцессы почти также чужестранной, въ то время, когда у престола ихъ расцвѣтала прекрасная отрасль того, кому этотъ престолъ обязанъ былъ и императорскимъ величіемъ своимъ, и своею славою? Удивительно видѣть, что они почитали наслѣдницею его рожденную въ чужой землѣ принцессу-лютеранку, потому только, что она была внука царя, никогда не управлявшаго ими, и какъ будто забывали о княжнѣ, соединенной

съ ними одною вѣрою и отечествомъ, о княжнѣ—родной дочери великаго Петра ихъ! Такое ослѣпленіе, долго существовавшее, болѣе всего приписать должно кроткому сердцу Елисаветы Петровны, всегда находившему болѣе удовольствій въ наслажденіяхъ тихой жизни и не помышлявшей о правахъ своихъ на престолъ незабвеннаго родителя. Во время царствованія Анны Іоанновны и ужасныхъ дѣлъ жестокаго любимца ея Елисавета начала еще болѣе бояться опасностей, окружающихъ престолъ, и еще тверже рѣшилась никогда не искать его. Можетъ быть такая безпечность продолжалась бы во всю жизнь Елисаветы, но, видя безпрестанныя ошибки въ правленіе Анны Леопольдовны, особенно со времени удаленія Миниха, Елисавета Петровна замѣтила, что съ самымъ добрымъ сердцемъ и самыми хорошими намѣреніями можно поступать дурно, и это привело ее къ мысли: справедливо ли дѣлала она, предоставляя престолъ, а съ нимъ и судьбу нѣсколькихъ милліоновъ людей правленію слабой принцессы и отдаленному царствованію младенца-императора? Правда, что эта мысль, слегка мелькнувшая, не развилась бы въ спокойномъ и нечестолюбивомъ сердцѣ ея, еслибы не старались объ этомъ многочисленные приверженцы ея и всѣ тѣ люди, которые безпрестанно смотрѣли на легкомысленные поступки правительницы. Ошибки Анны Леопольдовны сдѣлались еще непростительнѣе съ тѣхъ поръ, какъ она лишила довѣренности своей и второго изъ умнѣйшихъ совѣтниковъ своихъ графа Остермана и начала во всемъ слѣдовать наставленіямъ новаго любимца своего, саксонскаго посланника графа Линара. Такіе безпорядки не могли не встревожить людей, истинно-преданныхъ отечеству. Къ нимъ присоединились еще нѣкоторые иностранцы, желавшіе для выгодъ государствъ своихъ перемѣны въ русскомъ правительствѣ. Это были по большой части французы и шведы. Первымъ нужно было отклонить Россію отъ участія въ дѣлахъ австрійцевъ, которымъ отъ всей души хотѣла помогать Анна Леопольдовна; вторые все еще не теряли надежды возвратить области, завоеванныя у Швеціи Петромъ Великимъ, и думали, что Елисавета, изъ благодарности къ усердію ихъ, исполнитъ эту надежду. Между ними главными дѣй-

ствующими лицами были французскій посланникъ маркизъ *де-ла-Шетарди* и домашній докторъ великой княжны *Лестокъ*. Они-то болѣе всѣхъ старались о восшествіи ея на престолъ: первый не только составилъ планъ дѣйствій противъ правительницы, но даже доставлялъ Елисаветѣ Петровнѣ значительныя суммы денегъ, нужныя на расходы въ такомъ случаѣ; а послѣдній, находясь безотлучно при цесаревнѣ, ободрялъ ее въ тѣ минуты, когда робость и нерѣшительность овладѣвали душой ея. По общему совѣту обоихъ, прежде всего надобно было склонить на свою сторону гвардейскіе полки, и Елисаветѣ не трудно было сдѣлать это: солдаты любили въ ней дочь Петра, и каждый, кому открывали ея намѣреніе принять правленіе,—радовался и готовъ былъ жертвовать жизнію за *матушку*[1]). Двѣнадцать гренадеръ преображенскаго полка были первые, узнавшіе объ этой новости; они начали потомъ склонять своихъ товарищей и поступали въ этомъ случаѣ такъ неосторожно, что только одна непонятная безпечность правительницы была причиной, что предпріятіе не открылось. Самъ де-ла-Шетарди и особенно Лестокъ были еще болѣе неосторожны, нежели преображенцы: послѣдній такъ открыто говорилъ вездѣ о своихъ замыслахъ, что въ скоромъ времени всѣ подробности его сдѣлались извѣстны графу Остерману, который, не смотря на то, что былъ уже въ немилости у правительницы и страдалъ жестоко отъ болѣзни, принималъ еще живѣйшее участіе въ судьбѣ наслѣдниковъ Анны Іоанновны и, испугавшись опасностей, какія угрожали имъ, приказалъ перенести себя на носилкахъ во дворецъ и здѣсь съ большимъ страхомъ разсказалъ Аннѣ Леопольдовнѣ все, что̀ готовилось для нея. Но удивительно было невниманіе къ нему великой княгини! Можетъ быть по волѣ Божіей оно нужно было для того, чтобы передать престолъ Россіи знаменитому поколѣнію

[1]) *Матушка наша*—было имя, которымъ называли великую княжну солдаты. Они восхищены были ласковостію ея, особенно съ тѣхъ поръ, какъ, слѣдуя наставленіямъ своихъ совѣтниковъ, она еще увеличила простоту обхожденія своего съ ними и иногда, вмѣсто прогулки, пріѣзжала въ казармы, позволяла солдатамъ говорить съ нею о своихъ нуждахъ.

Петра; какъ бы то ни было, только Анна Леопольдовна во все то время, пока говорилъ Остерманъ, занималась новымъ платьецемъ, сдѣланнымъ для малютки-императора, и когда огорченный министръ кончилъ рѣчь свою, она, вмѣсто отвѣта, съ восхищеніемъ показала ему это платье и не переставала хвалить цвѣтъ и покрой его. Съ такимъ же равнодушіемъ принимала она предостереженія и другихъ приверженцевъ своихъ и всѣмъ имъ отвѣчала только то, что она увѣрена въ добромъ расположеніи къ ней великой княжны, вовсе не помышляющей о престолѣ.

Между тѣмъ у цесаревны, которая одна лучше всѣхъ своихъ сообщниковъ умѣла скрывать свои намѣренія, почти все уже было готово; недоставало только твердости и рѣшимости царствовать: Елисавета съ каждымъ днемъ откладывала и только тогда рѣшилась исполнить свое намѣреніе, когда уже опасно было медлить: намѣренія ея сдѣлались извѣстны многимъ, и съ каждымъ днемъ и сама цесаревна, и всѣ ея приверженцы могли ожидать погибели. Но и тутъ надобно было много усилій, чтобы заставить ее дѣйствовать. Кромѣ всего, что̀ можно было сказать при этомъ случаѣ, Лестокъ употребилъ еще одно средство: онъ принесъ великой княжнѣ аллегорическую картину, на которой съ одной стороны она представлена была въ коронѣ, а съ другой—въ покрывалѣ монахини съ разными орудіями казни кругомъ. Подавая эту картину цесаревнѣ, усердный докторъ еще болѣе убѣдилъ ее, сказавъ: «Избирайте, ваше высочество, быть императрицею или страдать въ монастырскомъ заключеніи и видѣть погибель людей, вамъ преданныхъ». Эти слова произвели свое дѣйствіе въ полной мѣрѣ. Елисавета ужаснулась и монастыря, и мысли быть причиною несчастія своихъ усердныхъ приверженцевъ. Въ слѣдующую ночь назначили произвесть важный переворотъ, не сказывая ни слова французскому посланнику. На это была важная причина: проницательная Елисавета узнала, что преданность его къ ней была неискренняя: онъ условился съ шведами, что корабли ихъ подойдутъ къ Петербургу, заставятъ силою Анну Леопольдовну и сына ея отказаться отъ престола, возведутъ на него Елисавету, и тогда можно будетъ требовать отъ новой, возведенной

ими императрицы согласія на всѣ условія, какія вздумается имъ предложить для выгодъ государствъ своихъ. Къ счастію Россіи, эта хитрость была во-время проникнута и всѣ послѣднія дѣйствія великой княжны удачно скрыты отъ де-ла-Шетарди.—Возвратимся же къ нашему разсказу. Назначенный для переворота день былъ 24-го ноября 1741 года. Чѣмъ болѣе приближалась рѣшительная минута, тѣмъ сильнѣе билось сердце кроткой царевны. Чтобъ успокоить себя, она начала молиться, и долго, долго стояла предъ образомъ Богоматери, какъ будто испрашивая благословеніе ея на правое дѣло свое и на народъ, котораго судьба должна была чрезъ нѣсколько часовъ совершиться. Успѣхъ, увѣнчавшій желанія Елисаветы, не смотря на малыя средства ея, на неосторожность дѣйствовавшихъ лицъ и происшедшую оттого поспѣшность, съ которою надобно было дѣйствовать, доказываетъ, что молитвы доброй княжны не были напрасны. Когда всѣ уже во дворцѣ уснули глубокимъ сномъ, Лестокъ явился сказать о томъ Елисаветѣ. Поручая жребій свой Богу, она чувствовала необыкновенную бодрость въ душѣ своей. Лестокъ спѣшилъ воспользоваться такимъ расположеніемъ и, не медля ни минуты, уговорилъ царевну ѣхать въ преображенскій полкъ, гдѣ уже нетерпѣливо ожидали ее триста человѣкъ приверженцевъ ея изъ нижнихъ чиновъ. Офицеровъ еще не успѣли склонить на сторону будущей императрицы; но она нѣсколькими словами убѣдила тѣхъ изъ нихъ, которыхъ нашла въ караульнѣ. Для того ей стоило только сказать: «*Вы знаете, чья я дочь, идите за мною!*»—«*Готовы, матушка!*»—было отвѣтомъ солдатъ. Офицеры изъявили такую же готовность, и безъ малѣйшаго шума и кровопролитія въ ту же ночь взяли подъ стражу: правительницу со всѣмъ ея семействомъ, фельдмаршала графа Миниха, графа Остермана, оберъ-гофмаршала графа Левенвольда и вице-канцлера графа Головкина. Въ три часа утра Елисавета Петровна, возвратясь во дворецъ свой, въ разныхъ комнатахъ котораго сидѣли всѣ взятые подъ стражу, послала камергера своего графа Шувалова объявить французскому посланнику объ этомъ счастливомъ окончаніи. Можно представить себѣ, какъ удивленъ и раз-

досадованъ былъ де-ла-Шетарди этою поспѣшностію и такимъ успѣхомъ! Онъ еще восхищался своимъ прекрасно-устроеннымъ планомъ, а царевна уже какъ государыня Россіи принимала присягу новыхъ подданныхъ своихъ и имѣла утѣшеніе быть обязанною только имъ, а не иностранцамъ — за престолъ, такъ справедливо ей возвращенный.

НЕПОСТОЯНСТВО СЧАСТІЯ.

отъ 1741 до 1742 года.

(1 годъ).

Милые читатели! На землѣ нѣтъ ничего непостояннѣе счастія: вѣчность и ея безконечныя, чистыя радости ожидаютъ насъ тамъ, за гробомъ, у того милосердаго Спасителя, Который такъ божественно открылъ намъ ее; здѣсь же все невѣрно, все перемѣняется не только съ каждымъ годомъ, но часто даже съ каждымъ днемъ. Итакъ, будемъ спокойны, когда намъ весело; будемъ спокойны и тогда, когда вмѣсто веселья случится намъ въ жизни проводить такіе дни, которые называются у насъ *черными*. Что такое спокойствіе возможно—въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія: во всѣ времена и во всякой землѣ бывали люди, доказавшіе это. Пріятно читать разсказы о судьбѣ такихъ людей, пріятно узнавать подробности жизни ихъ въ то время, когда лишенные блеска, окружавшаго ихъ въ счастіи, они украшались другимъ, болѣе прекраснымъ—блескомъ истиннаго достоинства человѣка. Хотите ли вы послушать о такихъ истинно-превосходныхъ людяхъ? Исторія наша представляетъ намъ теперь случай поговорить о нѣкоторыхъ изъ нихъ. Слушайте же.

Читая въ послѣднемъ разсказѣ нашемъ о переворотѣ, возвратившемъ на престолъ русскій драгоцѣнное поколѣніе одного изъ великихъ царей земныхъ, вы, не смотря на радость свою объ этомъ счастливомъ происшествіи, вѣрно съ

состраданіемъ подумали о судьбѣ этой, хотя слишкомъ безпечной, но доброй и кроткой правительницы и ея маленькаго сына, такъ рано осчастливленнаго и такъ скоро лишеннаго счастія? Вы вѣрно подумали также и о знаменитыхъ людяхъ, пострадавшихъ вмѣстѣ съ ними? Напримѣръ, объ этомъ храбромъ, благородномъ фельдмаршалѣ Минихѣ, объ этомъ умномъ графѣ Остерманѣ, объ этомъ преданномъ и къ императрицѣ Аннѣ, и къ племянницѣ ея—графѣ Левенвольдѣ? Всѣ они, по необходимости, должны были раздѣлить несчастіе принцессы, которую такъ усердно старались поддерживать на тронѣ, не принадлежавшемъ ей, и всѣ они показали столько твердости, столько благородной покорности судьбѣ своей, что жизнь ихъ съ того времени можетъ быть полезнымъ урокомъ и для старшихъ, и для младшихъ читателей моихъ. Начнемъ съ главнаго лица, съ принцессы-правительницы.

Несчастіе, поразивъ Анну Леопольдовну жестокою горестію, возвысило добрыя свойства души ея: она сдѣлалась самою заботливою матерью, самою мужественною утѣшительницею бѣднаго семейства своего. Супругъ ея не имѣлъ половины ея твердости духа, ея покорности судьбѣ, и все время, пока она была жива, положеніе его не могло назваться совершенно несчастнымъ, хотя нѣкоторымъ образомъ и сама она виновата была въ продолжительности своего заключенія: когда императрица Елисавета Петровна предложила ей отказаться за сына отъ короны русской, она никакъ не согласилась на это предложеніе и тѣмъ возбудила подозрѣніе, что надежда возвратить эту корону еще живетъ въ душѣ ея. Съ этою надеждою она и скончалась въ 1746 году, оставивъ супругу своему, кромѣ бывшаго императора, принца Іоанна, еще четырехъ дѣтей, родившихся въ заключеніи: принцевъ *Петра* и *Алексѣя* и принцессъ *Екатерину* и *Елисавету*. Мѣста заключенія ихъ перемѣнялись нѣсколько разъ: сначала содержались они въ Рижской крѣпости, потомъ въ Динаминдѣ, оттуда перевезены были въ Раненбургъ, городъ Рязанской губерніи. Здѣсь принцъ Іоаннъ Антоновичъ былъ разлученъ съ родителями своими, которыхъ никогда не видѣлъ болѣе: его отвезли въ Шлиссельбургскую крѣпость: ихъ—въ не-

большой городокъ Архангельской губерніи, Холмогоры, гдѣ и скончалась Анна Леопольдовна. Супругъ и дѣти ея провели въ этомъ городкѣ еще болѣе тридцати лѣтъ. Скучна и единообразна была жизнь ихъ, но они переносили свое несчастіе съ терпѣніемъ. Единственнымъ наставникомъ молодыхъ принцевъ и принцессъ былъ отецъ ихъ, который, не имѣя самъ отличнаго образованія, могъ научить ихъ только чтенію и письму. Чтеніе церковныхъ книгъ доставляло имъ лучшее утѣшеніе. Не получивъ понятія ни о какихъ наукахъ и искусствахъ, они часто не знали, что дѣлать, и очень радовались, когда научились у отца играть въ вистъ и ломберъ. Кромѣ картъ, имѣли они еще одно удовольствіе: у нихъ была старая карета, въ которой позволялось имъ иногда ѣздить прогуливаться саженъ на двѣсти отъ дома ихъ; но прогулка ихъ никогда не простиралась далѣе высокой стѣны, окружавшей мѣсто жилища ихъ. Вотъ какую жизнь вели дѣти принцессы, управлявшей обширнѣйшимъ въ свѣтѣ царствомъ, братья и сестры принца, названнаго императоромъ еще въ колыбели! Какой полезный урокъ представляетъ намъ эта жизнь! Особливо, если сказать вамъ и то, что они были почти всегда спокойны и веселы. Какъ же стыдно должно быть тѣмъ изъ насъ, друзья мои, которые, наслаждаясь свободою, счастіемъ и всѣми удовольствіями жизни въ образованномъ обществѣ, вздумали бы скучать отъ какой нибудь небольшой непріятности, отъ какого нибудь несбывшагося желанія! А вѣдь бываютъ у насъ такія слабыя существа, не правда ли? Вѣрно каждому изъ насъ случалось видѣть ихъ, а можетъ быть случалось и самимъ испытать эту слабость. Итакъ, въ такіе скучные и, можно сказать, несносные часы, совѣтую вамъ, милые читатели мои, вспомнить самимъ и напомнить другимъ о дѣтяхъ принца Антона Брауншвейгскаго: разскажите имъ о той твердости, съ которою они переносили свое несчастіе [1]). Разскажите имъ также, что

[1]) Семейство принца Антона Брауншвейгскаго не могло наслаждаться свободою, не смотря даже на желаніе императрицъ Елисаветы и потомъ Екатерины II доставить ему эту свободу: многіе злонамѣренные люди пользовались именемъ принца Іоанна и братьевъ его, чтобы заводить безпокойства въ народѣ, и въ 1764 году несчастный

этою удивительною твердостію, этимъ счастливымъ расположеніемъ духа они болѣе всего обязаны были тому рѣдкому согласію, которое всегда царствовало въ семействѣ ихъ, и той сильной привязанности, которую они всѣ чувствовали другъ къ другу. Находясь въ такомъ состояніи, они могли считать величайшимъ бѣдствіемъ только смерть отца своего, случившуюся въ 1776 году [1]).

Такъ и въ самомъ несчастіи можно заслужить славу и уваженіе людей; и въ самомъ несчастіи можно пользоваться пріятными минутами: наше душевное счастіе зависитъ отъ насъ самихъ. Если для доказательства этой истины вамъ недовольно будетъ того примѣра, какой представляетъ семейство принца Брауншвейгскаго, то послушайте еще о другихъ, также знаменитыхъ людяхъ.

Вы знаете, сколько славы и счастія окружали графовъ Миниха и Остермана во время царствованія императрицы

Іоаннъ Антоновичъ сдѣлался жертвою заговора, затѣяннаго нѣкоторыми злоумышленниками, хотѣвшими самовольно освободить его.

[1]) Однакожъ судьба ихъ съ тѣхъ поръ начала улучшаться. Императрица Екатерина II посылала не одинъ разъ приближенныхъ къ себѣ особъ узнавать о положеніи ихъ, приказывала имѣть о нихъ самыя усердныя попеченія, и наконецъ, спустя четыре года послѣ смерти принца Антона, императрица, удостовѣрясь, что освобожденіе дѣтей его не можетъ имѣть никакихъ важныхъ слѣдствій для государства, рѣшилась отправить ихъ въ Данію подъ покровительство родной тетки ихъ, королевы датской Юліаны-Маріи, которая, такъ же какъ и король, сынъ ея, съ удовольствіемъ приняли это предложеніе, и положено было перевезти ихъ въ городокъ Горсенсъ, лежащій внутри Ютландіи. Великая Екатерина со всею заботливостію доброй родственницы отправила дѣтей принца Брауншвейгскаго въ новое жилище ихъ: 200,000 рублей выдано было для покупки всѣхъ нужныхъ для нихъ вещей; путешествіе ихъ изъ Архангельска до Даніи совершилось на прекрасномъ фрегатѣ, со всѣми удобствами, какія только можно было доставить путешественникамъ. Во все время пребыванія ихъ въ Горсенсѣ они получали богатый пенсіонъ (по 8,000 руб. каждый) отъ двора русскаго. Но повѣрите ли вы, друзья мои, что, не смотря на все это видимое улучшеніе судьбы, дѣти Анны Леопольдовны не чувствовали себя счастливѣе въ Даніи и даже скучали о разлукѣ со многими изъ тѣхъ людей, которые выросли вмѣстѣ съ ними въ холмогорскомъ заключеніи ихъ. Особенно скучала принцесса Екатерина; даже здоровье ея отъ того разстроилось и она черезъ полтора года скончалась. Жизнь братьевъ и сестеръ ея была также непродолжительна, но и въ короткое время они успѣли привязать къ себѣ всѣхъ, кто зналъ ихъ въ Горсенсѣ, и память о кротости и добротѣ ихъ существуетъ и до сихъ поръ въ этомъ городкѣ.

Анны. Побѣды перваго и государственный умъ второго восхищали русскихъ, удивляли иностранцевъ. Но въ правленіе Анны Леопольдовны счастіе ихъ поколебалось отъ вліянія любимцевъ ея: не смотря на всю преданность ихъ къ принцессѣ, они не были любимы ею. Цесаревна также не могла быть хорошо расположена къ нимъ: они явно были на сторонѣ правительницы и ревностно подстерегали всѣ движенія великой княжны и приверженцевъ ея, чтобы доносить о томъ принцессѣ. И за то вмѣстѣ съ судьбою ея рѣшилась и ихъ судьба: вы уже слышали, что они въ ту же несчастную для нея ночь были взяты подъ стражу. Поступки ихъ и другихъ знатныхъ особъ, взятыхъ вмѣстѣ съ ними, приказано было разсмотрѣть въ особенной, нарочно назначенной для того слѣдственной комиссіи, гдѣ главными членами были: *Ушаковъ,* генералъ-прокуроръ *Левашевъ,* оберъ-шталмейстеръ *Куракинъ* и тайный совѣтникъ *Нарышкинъ.* Два мѣсяца съ половиной продолжалось разсмотрѣніе и по окончаніи его найдены болѣе всѣхъ виновными въ дѣлѣ о наслѣдствѣ престола — Остерманъ и Минихъ. Кромѣ того, что обвиняли ихъ въ пристрастіи къ Аннѣ Леопольдовнѣ и сыну ея, говорили даже, что Минихъ въ ту ночь, когда схваченъ былъ герцогъ Биронъ, дѣйствовалъ именемъ Елисаветы Петровны, и что только для ея имени солдаты въ караульняхъ дворцовыхъ рѣшились повиноваться ему. Такое увѣреніе объ участіи царевны въ заговорѣ и послѣ того объявленіе, что правительницею государства назначается не она, но принцесса Анна, не могли не казаться важными преступленіями въ глазахъ новой императрицы и всѣхъ приверженцевъ ея, и слѣдственная комиссія приговорила къ смерти преступниковъ. Но казнь не была объявлена имъ до того самаго дня, когда назначено было ея исполненіе. День сей былъ 18-е января 1742 года. Ничего не зная о судьбѣ, ихъ ожидавшей, осужденные были выведены изъ мѣста заключенія своего, Петропавловской крѣпости, и отведены на площадь Васильевскаго острова, противъ дома коллегій. Во время печально-торжественнаго шествія только одинъ больной въ сильной подагрѣ Остерманъ не шелъ пѣшкомъ: его везли въ простыхъ, худо предохранявшихъ отъ стужи саняхъ.

Но, не смотря на жестокія страданія души и тѣла, онъ былъ спокоенъ, точно такъ же, какъ и знаменитый товарищъ его несчастія Минихъ, подходившій твердыми шагами къ площади посреди другихъ преступниковъ. Ужасный видъ ожидалъ ихъ на этой площади: противъ Военной коллегіи былъ поставленъ эшафотъ, окруженный войскомъ. Но и при этомъ видѣ спокойная наружность фельдмаршала не измѣнилась: онъ съ обыкновенною привѣтливостію своею кланялся офицерамъ и солдатамъ, которыхъ узнавалъ въ рядахъ знакомыхъ полковъ и которые съ горестію смотрѣли на сѣрое платье преступника, покрывавшее прежняго знаменитаго начальника ихъ. Остерманъ первый взнесенъ былъ на эшафотъ. Больной несчастливецъ, съ непокрытою головою, выслушалъ приговоръ комиссіи, осуждавшей его на казнь. Съ прежнимъ спокойствіемъ онъ положилъ голову на плаху и уже ожидалъ смертельнаго удара, какъ вдругъ объявлена была милость императрицы, перемѣнившей смертную казнь его на ссылку въ Сибирь. Такая же милость объявлена была и графу Миниху, и всѣмъ другимъ преступникамъ: Елисаветѣ, кроткой и набожной, всегда ужасна казалась мысль отнять жизнь у человѣка, и впослѣдствіи времени она совсѣмъ отмѣнила смертную казнь въ отечествѣ нашемъ и тѣмъ прекрасною чертою отличила его отъ всѣхъ другихъ государствъ Европы.

Помилованные преступники въ тотъ же день отправлены были въ мѣста, назначенныя для ихъ жительства: Остерманъ—въ тотъ же самый сибирскій городъ *Березовъ*, куда сосланъ былъ князь Меншиковъ; Минихъ—въ мѣсто ссылки герцога Бирона, городъ *Пелымъ* [1]). Здѣсь, въ этомъ мѣстѣ изгнанія и горести, вы увидите, милые читатели, нашего Миниха лучшимъ, нежели гдѣ нибудь. Казалось, несчастіе послужило къ совершенствованію его хорошихъ качествъ и къ уничтоженію дурныхъ. Прежде одинъ изъ главныхъ недостатковъ его было чрезвычайное честолюбіе, и если что нибудь оскорбляло въ немъ это чувство, онъ былъ совершенно несчастливъ, даже въ счастливомъ положеніи

---

[1]) *Пелымъ* находится недалеко отъ того мѣста, гдѣ рѣчка Пелымъ соединяется съ Тавдою. Теперь это уже не городъ, но слобода Тобольской губерніи, Туринскаго уѣзда.

своемъ; былъ недоволенъ всѣми окружавшими его людьми. Теперь онъ жилъ въ томъ городѣ, куда, по предложенію его, сосланъ былъ прежде самый жестокій врагъ его, уже возвращенный оттуда; этого еще мало: онъ жилъ даже въ томъ самомъ домѣ, который построенъ былъ по собственному плану его для этого врага! Какое положеніе могло быть еще печальнѣе, еще унизительнѣе? И при всемъ томъ Минихъ не чувствовалъ и половины того нестерпимаго огорченія, какое испытывалъ въ дни славы своей отъ какой нибудь небольшой неудачи въ своихъ честолюбивыхъ планахъ. Нѣтъ! онъ былъ почти всегда спокоенъ, даже иногда веселъ: съ кроткою покорностію судьбѣ утѣшалъ онъ супругу свою, когда она скучала о разлукѣ съ единственнымъ сыномъ ихъ, оставшимся съ семействомъ въ Лифляндіи; съ отраднымъ благочестіемъ христіанина разговаривалъ о святыхъ истинахъ вѣры съ другомъ, ниспосланнымъ ему самимъ Богомъ во время несчастія. Это былъ домашній священникъ его, пасторъ *Мартенсъ,* желавшій сопровождать его на мѣсто ссылки и получившій на то позволеніе государыни. Какое прекрасное доказательство дружества! Какъ немногіе друзья могутъ сравниться съ добрымъ Мартенсомъ! И сколько пользы, сколько утѣшенія приносилъ онъ бѣдному изгнаннику! Какъ умѣлъ онъ дѣлить съ нимъ всѣ заботы, всѣ огорченія и также всѣ тихія радости, иногда залетавшія въ печальное жилище ихъ! Они вмѣстѣ работали въ маленькомъ огородѣ, разведенномъ подлѣ домика ихъ, вмѣстѣ занимались столь усладительнымъ для несчастныхъ чтеніемъ Священнаго Писанія, вмѣстѣ утѣшали этимъ чтеніемъ домашнихъ. Пасторъ часто служилъ всю обѣдню и два раза въ день собиралъ всѣхъ служителей для молитвы. Развлеченіемъ для изгнанниковъ были газетные листки, которыми обертывали сѣмена для огорода и другія вещи, посылаемыя къ нимъ изъ Петербурга. Какъ любопытны казались имъ въ это время самыя запоздалыя извѣстія! Разсуждая о нихъ, друзья проводили часто съ пріятностію нѣсколько часовъ сряду. Такъ протекли семь лѣтъ, и Богу угодно было еще разъ испытать твердость Миниха: несравненный другъ его скон-

чался. Невозможно описать горести, которою поражено было бѣдное сердце страдальца! Но и тутъ оно сохранило свое удивительное мужество, свою кроткую покорность волѣ Божіей, и еще гораздо болѣе: съ этого времени набожный изгнанникъ считалъ долгомъ замѣнить для домашнихъ своихъ все то, чего лишились они въ благочестивомъ пасторѣ. Онъ принялъ на себя всѣ обязанности его, и ревность, съ которою онъ исполнялъ ихъ, въ самомъ дѣлѣ прекрасно напоминала имъ ангела-утѣшителя ихъ. Такъ благочестивыя занятія, утверждая съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе душу Миниха въ ея святой покорности волѣ Господа, имѣли благодѣтельное вліяніе и на его здоровье, и вы удивитесь, друзья мои, когда я скажу вамъ, что чрезъ двадцать лѣтъ изгнанія онъ, возвращенный изъ ссылки императоромъ Петромъ III, снова явится при дворѣ въ славѣ и счастіи. Увѣренные въ этомъ, мы спокойнѣе можемъ оставить его теперь въ Пелымѣ, чтобъ сказать нѣсколько словъ о товарищѣ его, вмѣстѣ съ нимъ осужденномъ на изгнаніе.

Графъ Остерманъ, честолюбивый въ счастіи, хотя съ твердостію покорился судьбѣ своей, но при болѣзненномъ положеніи своемъ прожилъ не болѣе пяти лѣтъ въ мѣстѣ изгнанія своего: въ 1747 году онъ скончался на 61 году отъ рожденія.

Говоря объ этихъ знаменитыхъ несчастливцахъ, нельзя не вспоминать о жестокомъ герцогѣ, любимцѣ императрицы Анны Іоанновны, хотя онъ менѣе всѣхъ заслуживаетъ состраданіе наше. Съ восшествіемъ на престолъ Елисаветы Петровны участь его облегчилась; ему позволено было оставить Пелымъ и жить въ Ярославлѣ, гдѣ выдавалась ему отъ казны значительная сумма на содержаніе [1]). Впослѣдствіи времени императоръ Петръ III,

---

[1]) Чтобы дать читателямъ моимъ небольшое понятіе о тогдашнемъ достаточномъ состояніи Бирона, не смотря на носимое имъ имя изгнанника, я разскажу случай, который, вѣрно, покажется имъ любопытнымъ. Недалеко отъ Ярославля, гдѣ жилъ бывшій герцогъ, было имѣніе одного богатаго помѣщика. Страстно любя охоту, Биронъ часто занимался ею вмѣстѣ съ сосѣдомъ своимъ, и такъ полюбилъ его, что даже вызвался крестить родившуюся у него тогда дочь. Малютка, въ самомъ дѣлѣ окрещенная имъ, получила въ подарокъ отъ крест,

добрый и сострадательный, простилъ совершенно вины его и позволилъ ему пріѣхать въ Петербургъ, а Екатерина II возвратила ему даже и герцогство курляндское. Но онъ владѣлъ имъ не болѣе шести лѣтъ: въ 1769 году онъ отказался отъ этого владѣнія и передалъ всѣ свои права старшему сыну своему, который, спустя двадцать-пять лѣтъ также сложилъ съ себя достоинство герцога, и Курляндія, при случившемся въ то время раздѣленіи Польши, присоединена къ Россіи. Это было въ 1795 году.

Но воображеніе наше, всегда съ любопытствомъ желающее преждевременно проникнуть въ будущее и видѣть судьбу людей, такъ много отличавшихся отъ своихъ современниковъ, увлекаетъ насъ за собою къ годамъ, еще не наступившимъ для нашей исторіи: 1795 годъ еще далеко отъ насъ. Мы еще въ 1742 — при началѣ царствованія Елисаветы Петровны. Возвратимся же ко двору ея, друзья мои: тамъ ожидаетъ насъ много новаго и прекраснаго.

НАСЛѢДНИКЪ ПРЕСТОЛА И ЕГО СУПРУГА.

Когда волненіе, сопровождавшее восшествіе на престолъ императрицы Елисаветы Петровны, утихло и всѣ лица, виновныя въ продолжительномъ удаленіи ея отъ наслѣдства, такъ справедливо принадлежавшаго ей и по праву рожденія, и по духовному завѣщанію ея родительницы, были наказаны, а приверженцы, показывавшіе ей

наго отца своего прекрасный изумрудный крестъ, стоившій въ то время около 500 рублей. Такой богатый подарокъ доказываетъ, что безчисленныя сокровища его не всѣ были у него отняты съ перемѣною судьбы его.

Эта крестница герцога Бирона была добродѣтельной жизни, которою радовала многочисленное семейство свое. Сострадательная и благочестивая, она всегда съ радостью вспоминала о томъ, что день крещенія ея случился въ самую распутицу, такъ что Биронъ, не смотря на все свое желаніе, не могъ пріѣхать самъ и мѣсто его заступалъ другой. «Благодарю Бога моего, съ кротостію говорила набожная старушка, что — такой жестокій человѣкъ не держалъ меня на рукахъ при купѣли!»

столько усердія и преданности, награждены [1]), новая императрица обратила вниманіе и попеченіе свое на то, чтобы отнять у вельможъ возможность сдѣлать еще разъ такую же несправедливость, и назначеніемъ наслѣдника престола утвердила будущее счастіе и безопасность народа.

Елисавета Петровна, имѣвъ несчастіе съ смертію принца голштинскаго, епископа любскаго, лишиться жениха любимаго ею и избраннаго родительницею ея, рѣшилась никогда не вступать въ супружество. И такъ, надобно было избрать лицо, ближайшее послѣ нея къ великому Преобразователю Россіи, и это былъ—родной сынъ старшей сестры ея Анны Петровны, герцогъ голштинскій *Карлъ-Петръ-Ульрихъ*. Онъ былъ владѣтельнымъ принцемъ Шлезвигъ-Голштинскаго герцогства, но что̀ значило оно въ сравненіи съ неизмѣримымъ царствомъ Россіи, гдѣ, кромѣ величія, ожидала его и искренняя привязанность нѣжной тетки? Увѣренная, что онъ согласится оставить германское владѣніе свое для престола русскаго, императрица, тотчасъ по восшествіи, отправила къ нему, съ лестнымъ предложеніемъ своимъ, барона *Корфа*. И она не ошиблась: въ началѣ февраля мѣсяца 1742 года герцогъ, только что достигшій въ это время четырнадцатилѣтнаго возраста, былъ уже въ Петербургѣ. Императрица приняла его съ восторгомъ. Каждый день она искала средствъ показать ему любовь свою: то жаловала его орденами, то ордена украшала бриллiантами, то возвышала его чинами: такъ, чрезъ пять дней пріѣзда своего онъ былъ уже подполковникомъ преображенскаго полка. Но, утѣшаясь бу-

---

[1]) Главными изъ нихъ, кромѣ Лестока, получившаго при этомъ случаѣ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и должность перваго врача при дворѣ, были: графы *Разумовскій* и *Воронцовъ*, два брата *Шуваловы* и камеръ-юнкеръ *Балкъ*. Всѣ они награждены были чинами и почестями. Но отличную награду получили тѣ преображенцы, которые усерднѣе всѣхъ помогали правому дѣлу царевны. Рота ихъ названа была *лейбъ-компаніею;* всѣ унтеръ-офицеры и рядовые въ ней сдѣлались дворянами; тѣмъ же изъ нихъ, которые были уже дворяне, даны къ старымъ гербамъ—новые. Званіе *капитана* этой роты приняла на себя сама императрица; *капитанъ-поручикомъ* сдѣланъ былъ служившій въ русской службѣ генералъ-принцъ Гессенъ-Гомбурскій; *поручиками*—камергеры Разумовскій и Воронцовъ; *подпоручиками* — камергеры: Александръ и Петръ Ивановичи Шуваловы.

дущимъ наслѣдникомъ своимъ, Елисавета Петровна въ то же время думала о томъ, чтобы окончить воспитаніе его такъ, какъ прилично было для наслѣдника короны русской, и почти съ первыхъ же дней пріѣзда его назначены были къ нему три наставника: *Симеонъ Тодорскій*, бывшій потомъ епископомъ костромскимъ, *Исаакъ Веселовскій* и профессоръ *Штелинъ*. Первый училъ его закону греко-россійскому, второй—языку русскому, третій—исторіи и математикѣ. Такимъ образомъ большая часть времени принца посвящалась ученью; оно прервано было на нѣсколько времени только путешествіемъ всего двора въ Москву на коронацію и праздниками этой коронаціи, которая, по словамъ историковъ, происходила *съ пышностію, дотолѣ неизвѣстною въ Россіи*. Увеселенія при дворѣ состояли въ великолѣпныхъ иллюминаціяхъ и фейерверкахъ, въ спектакляхъ итальянской оперы и маскарадахъ, которые иногда продолжались нѣсколько вечеровъ сряду. Въ то время, когда вельможи и дворянство восхищались удовольствіями образованности, простой народъ не менѣе ихъ веселился на площадяхъ московскихъ, гдѣ разставлены были, въ видѣ красивыхъ пирамидъ, жареные быки, начиненные птицами и рыбами, окруженные грудами хлѣбовъ, калачей и пироговъ. Представьте еще при этомъ фонтаны, которые били не водою, но виномъ краснымъ и бѣлымъ и вы будете имѣть полное понятіе объ удовольствіи веселившихся. Радость двора и народа при торжественныхъ праздникахъ коронованія Елисаветы еще не утихла, какъ новыя причины подали случай къ новымъ веселостямъ: война, начатая шведами въ правленіе Анны Леопольдовны за Выборгскую провинцію, хотя и оканчивалась на короткое время перемиріемъ при вступленіи на престолъ Елисаветы Петровны, но вскорѣ потомъ опять возобновилась отъ неумѣренныхъ требованій шведовъ и съ мая мѣсяца продолжалась съ самымъ блестящимъ успѣхомъ для русскихъ. Императрица получала изъ Финляндіи почти безпрестанно извѣстія о побѣдахъ фельдмаршала Ласси надъ генераломъ Левенгауптомъ. Правда, что эти побѣды доставались недорого нашему фельдмаршалу: въ шведскомъ правленіи былъ тогда величайшій безпорядокъ. Ко-

ролева и сестра Карла II Ульрика-Элеонора незадолго передъ тѣмъ скончалась, оставивъ на престолѣ своемъ супруга, стараго и слабаго принца гессенскаго, пользовавшагося только именемъ короля. Дѣтей у нихъ не было, и потому вельможи королевства послѣ смерти государыни своей занялись избраніемъ наслѣдника, который бы принялъ правленіе послѣ кончины супруга ея. Обративъ все свое вниманіе на этотъ важный выборъ, они дурно распорядились военными дѣйствіями противъ Россіи и, отнявъ полную власть отъ главнокомандующаго войсками ихъ въ Финляндіи Левенгаупта, они приказали ему составить военный совѣтъ, который бы разсматривалъ и рѣшалъ всѣ дѣла арміи. Въ этомъ совѣтѣ засѣдали даже всѣ полковники, находившіеся въ то время въ войскѣ. Многочисленность членовъ должна была по необходимости произвесть несогласіе мнѣній и медленность въ дѣлахъ, и это было главною причиною неудачъ Левенгаупта и счастливыхъ успѣховъ фельдмаршала Ласси,—успѣховъ, дошедшихъ наконецъ до того, что Швеція не только уже не требовала назадъ Выборга, но уступала Россіи еще одну провинцію свою, и именно: Кюменегардскую съ тремя находившимися въ ней городами: *Нейшлотомъ*, *Вильманстрандомъ* и *Фридрихсгамомъ*. Такимъ образомъ рѣка Кюмень сдѣлалась границею между двумя государствами, и миръ заключенъ былъ въ городѣ Або 16-го іюня 1743 года.

Между тѣмъ верховные чины Швеціи, занимавшіеся избраніемъ наслѣдника престола, послѣ продолжительныхъ разсужденій, остановили единодушно желанія свои на томъ же самомъ принцѣ голштинскомъ, котораго и Россія съ любовію приняла на престолъ свой. Шведы, хотя знали уже о пріѣздѣ его въ Россію и о томъ восторгѣ, съ которымъ русскіе по справедливости приняли внука великаго государя своего, но все еще думали, что нѣмецкій принцъ, не привыкшій къ нравамъ и обычаямъ русскимъ, предпочтетъ престолъ въ землѣ, имѣющей болѣе сходства съ отечествомъ его, и для того отправили къ нему пословъ своихъ съ предложеніемъ короны шведской. Эти послы, которыми были графъ *Бонде* и бароны *Гамильтонъ* и *Шаферъ*, пріѣхали въ Москву, гдѣ находился въ это время моло-

дой герцогъ. Онъ тронутъ былъ лестною честью, ему оказанною, благодарилъ усердныхъ шведовъ, но отказался отъ предложенія ихъ, какъ уже избранный наслѣдникъ престола русскаго, готовившійся принять вѣру греческую и съ нею вмѣстѣ присягу въ вѣрности будущихъ подданныхъ своихъ. Все это въ самомъ дѣлѣ исполнилось въ ноябрѣ 1742 года, и послѣ крещенія принцъ уже назывался *великимъ князем Петромъ Ѳеодоровичемъ.*

Елисавета Петровна, всегда сильно привязанная къ своему племяннику, полюбила его еще болѣе съ того времени, какъ послѣ принятія греческой вѣры онъ сдѣлался въ глазахъ ея совершенно русскимъ княземъ. Съ нѣжностію заботясь о судьбѣ его, она заранѣе желала устроить его семейное счастіе и потому прежде, нежели ему исполнилось 16 лѣтъ, уже начала думать о той, которая современемъ должна быть его супругою. Выборъ ея остановился на принцессѣ Амаліи, сестрѣ одного изъ умнѣйшихъ государей того времени, прусскаго короля Фридриха II; но, неизвѣстно по какимъ причинамъ, онъ не могъ согласиться на этотъ союзъ и чрезъ посланника своего Мардефельда предложилъ другую невѣсту: родственницу свою, принцессу Софію-Августу Ангальтъ-Цербстскую. Мать ея, принцесса *Іоанна,* была родная сестра покойнаго принца, епископа любскаго, жениха императрицы Елисаветы, и этого было довольно для чувствительнаго сердца государыни, чтобы заочно согласиться назвать племянницею своею принцессу Ангальтъ-Цербстскую, о достоинствахъ которой уже многіе говорили съ восхищеніемъ.

Все, что красота имѣетъ величественно-привлекательнаго, составляло наружность этой принцессы: орлиный носъ, прелестный ротъ, голубые глаза, то горделивые, то чрезвычайно кроткіе, темныя брови и невыразимо-плѣнительная улыбка. Если ростъ ея не принадлежалъ къ самымъ высокимъ, то возвышался величіемъ чела и важностію поступи. Но эта важность исчезала въ необыкновенной прелести всѣхъ движеній, когда молодая принцесса, живая, остроумная, игривая, шутила съ окружавшими ее придворными и часто мучила своими рѣзвостями старыхъ надзирательницъ своихъ. Шутки продолжались до тѣхъ

поръ, пока она замѣчала, что которая нибудь изъ нихъ начинала сердиться, и тогда рѣзвое дитя превращалось снова въ то милое, кроткое существо, котораго одна улыбка, одинъ взглядъ счастливили каждаго изъ приближенныхъ.

Такова была четырнадцати-лѣтняя принцесса Софія-Августа, когда въ началѣ 1744 года привезена была своею родительницею въ Москву, какъ невѣста наслѣдника престола. Съ восхищеніемъ увидѣли ее и императрица, и будущій супругъ ея, и весь дворъ. Это общее восхищеніе, удовлетворяя всѣ желанія дѣтскаго сердца принцессы, придавало новую прелесть плѣнительной любезности, которою она очаровала новое отечество свое. Любимая всѣми съ первыхъ дней своего появленія, она сама также скоро полюбила всѣхъ и невинная, веселая, наслаждалась съ безпечностію младенца всѣми удовольствіями, которыми императрица старалась окружить пріѣзжихъ гостей своихъ. Праздники и балы были такъ великолѣпны, что, казалось, должны были изумить четырнадцати-лѣтнюю принцессу одного изъ самыхъ бѣдныхъ дворовъ Германіи; но этого не чувствовала будущая царица Россіи: такъ справедливо, что для души великой нѣтъ ничего необыкновеннаго. Она смотрѣла на все, какъ будто ужъ имѣя прежде понятіе о чудесахъ, ею видѣнныхъ; разговаривала безъ замѣшательства съ иностранными посланниками и министрами, съ вельможами и полководцами; самый нравъ ея, откровенный и пылкій, недолго скрывался въ принужденности недавняго знакомства съ лицами, ее окружавшими, и вскорѣ явился предъ ними во всемъ своемъ блескѣ, во всей своей увлекательной прелести. Всѣ дамы, приставленныя къ ней, были очарованы ея привѣтливостію и, привыкнувъ къ важности обычаевъ придворныхъ, дивились простотѣ обхожденія и еще болѣе—рѣзвостямъ молодой принцессы, которая часто пугала ихъ своими шутками: напримѣръ, входя съ поспѣшностію на звонъ колокольчика въ ея комнату, онѣ иногда не находили въ ней никого и, съ безпокойствомъ пробѣгая глазами всѣ мѣста, гдѣ могли надѣяться увидѣть ее, слышали снова обманчивый звонъ: онъ не переставалъ раздаваться въ той самой комнатѣ. Когда уже удивленіе ихъ готово было обратиться въ досаду и ужасъ,

за звономъ колокольчика слѣдовалъ веселый, громкій смѣхъ, и прелестная головка Софіи-Августы показывалась изъ-подъ пышной кровати ея: тамъ рѣзвая принцесса пряталась, чтобы пошутить надъ приближенными своими.

Казалось, такая рѣзвость и живость нрава должны бы отдалять принцессу отъ занятій глубокомысленныхъ; но, напротивъ того, въ этомъ-то согласіи противоположностей и заключалась главная прелесть ея: веселую и игривую въ часы отдохновеній, ее видѣли въ высочайшей степени внимательною и прилежною во время уроковъ [1]). Особенно желаніе знать русскій языкъ было въ ней такъ сильно, что часто для занятія заданными ей уроками она вставала по ночамъ и проводила нѣсколько часовъ за книгами въ то время, когда все около нея погружено было въ глубокій сонъ. Это неумѣренное прилежаніе едва не сдѣлалось гибельно для Россіи: вставъ однажды ночью съ постели и безъ обуви пройдя до письменнаго стола, принцесса опасно занемогла: двадцать семь дней не имѣли надежды на ея выздоровленіе. Португальскому доктору Саншесу она была обязана своимъ спасеніемъ, а отечество наше—счастіемъ.

Въ іюнѣ того же 1744 года Софія-Августа уже такъ хорошо знала законъ греческій, что могла принять крещеніе и мѵропомазаніе, послѣ которыхъ уже называлась *великою княжною Екатериною Алексѣевною.* На другой же день было обрученіе ея съ великимъ княземъ; свадьба же совершилась не прежде какъ 21-го августа 1745 года. Будучи невѣстою, Екатерина ѣздила съ женихомъ и императрицею въ Кіевъ, котораго святыя мѣста высоко уважаемы были набожною Елисаветою Петровною. Возвращаясь оттуда, великій князь занемогъ корью и вскорѣ потомъ оспою. Эта жестокая болѣзнь, еще не сдѣлавшаяся въ то время безопасною отъ прививанья, оставила въ немъ такіе сильные слѣды, что даже всѣ черты лица его, прежде довольно привлекательныя, измѣнились и составили разительную противоположность съ прелестнымъ лицомъ его невѣсты.

---

[1]) Такъ же, какъ и великій князь, женихъ ея, она училась закону греко-россійскому у Симеона Тодорскаго, а русскому языку—у Василія Ададурова.

СОСТОЯНІЕ ЕВРОПЫ ВО ВРЕМЯ ЦАРСТВОВАНІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ.

отъ 1745 до 1756 года.

(11 лѣтъ).

Съ тѣхъ поръ, какъ Петръ Великій поставилъ отечество наше на такую высокую степень между государствами Европы, оно пріобрѣтало почти съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе вліянія на судьбу ихъ. При Елисаветѣ Петровнѣ это вліяніе сдѣлалось еще сильнѣе и замѣтнѣе, и для того, чтобы имѣть полное понятіе о происшествіяхъ ея царствованія, надобно намъ взглянуть на тогдашнее состояніе государствъ европейскихъ.

Оно было самое смутное. Въ 1740 году умеръ римскій императоръ Карлъ VI[1]). Не имѣя сына, онъ духовнымъ завѣщаніемъ оставилъ престолъ дочери своей Маріи-Терезіи, о которой вы уже слышали нѣсколько въ разсказѣ нашемъ о правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ.

Богатое наслѣдство рѣдко достается безъ спора: принцесса Марія-Терезія еще не успѣла принять его, какъ со всѣхъ сторонъ явились искатели, изъ которыхъ иные объявили, что имѣли болѣе права на корону отца ея, нежели она сама; другіе требовали только отдѣленія нѣкоторыхъ областей отъ имперіи. Въ числѣ первыхъ находились дворы, соединенные родствомъ съ австрійскими императорами: баварскій, саксонскій и испанскій; въ числѣ послѣднихъ опаснѣйшимъ былъ знаменитый въ то время король прусскій Фридрихъ II, о которомъ впослѣдствіи мы будемъ говорить подробнѣе: этотъ государь названъ исторіею *Великимъ*, и потому заслуживаетъ особенное вниманіе наше. Управляя съ рѣдкимъ искусствомъ королевствомъ своимъ, онъ первый возвелъ Пруссію на ту высокую степень, которую съ тѣхъ поръ она занимаетъ между государствами европейскими. Онъ почиталъ нужнымъ, для безопасности

---

[1]) *Римскими* или *нѣмецкими* императорами называли въ то время нынѣшнихъ австрійскихъ.

владѣній своихъ, присоединить къ нимъ область Силезію, принадлежавшую наслѣдницѣ престола нѣмецкаго. Фридрихъ II предложилъ Маріи-Терезіи самую дѣятельную помощь свою противъ всѣхъ враговъ, если только она согласится уступить ему Силезію. Но Марія-Терезія была одарена твердостію необыкновенною: еще не почитая положенія своего безнадежнымъ, она не согласилась на предложеніе Фридриха, хотя въ это самое время число враговъ ея увеличивалось и они уже опустошали войною прекрасныя области наслѣдницы Карла VI. Особенно опасенъ былъ для нея король французскій, который съ такимъ усердіемъ помогалъ баварскому герцогу *Карлу*, что даже успѣлъ короновать его нѣмецкимъ императоромъ подъ именемъ *Карла VII*. Не смотря на все это, Марія-Терезія не хотѣла уступить Фридриху Силезіи, не хотѣла принять его вспомогательнаго войска. Въ числѣ земель, принадлежавшихъ отцу ея, находилось также королевство венгерское, издавна извѣстное вѣрностію и усердіемъ къ государямъ своимъ. Сюда-то удалилась дочь Карла VI искать защитниковъ противъ многочисленныхъ враговъ своихъ; но прежде нежели они успѣли собраться, Фридрихъ II уже вошелъ съ войскомъ въ Силезію и вскорѣ завладѣлъ почти всею этою областію. Положеніе Маріи-Терезіи было самое горестное: на сторонѣ ея была только Англія, но и ту французы лишили всѣхъ средствъ помогать ей. Несчастная государыня рѣшилась прибѣгнуть къ императрицѣ русской. Англичане также съ своей стороны просили Елисавету Петровну о помощи противъ Франціи и, какъ друзья, говорили за Марію-Терезію. Русская императрица, глубоко тронутая печальнымъ положеніемъ знаменитой государыни, не отказала ей въ помощи. Тридцать шесть тысячъ войска, подъ начальствомъ князя Репнина, было отправлено на помощь къ ней въ Германію, въ іюлѣ 1748 года, и уничтожило гордость всѣхъ враговъ ея: они тотчасъ показали готовность мириться съ нею, и не далѣе, какъ въ октябрѣ того же года, миръ былъ заключенъ въ городѣ Ахенѣ. Марія-Терезія получила наконецъ наслѣдство свое, потерявъ изъ него только завоеванную Фридрихомъ Силезію. Въ то же время и супругъ ея, герцогъ Францъ, избранъ былъ императоромъ нѣмецкимъ, и

тѣмъ съ большимъ единодушіемъ, что Карла VII уже не было на свѣтѣ. Такъ участіе Россіи прекратило кровопролитный споръ почти всей Европы, но ненадолго: не прошло и двухъ лѣтъ, какъ новая жестокая война, извѣстная въ исторіи подъ именемъ *Семилѣтней*, распространилась не только въ Европѣ, но даже и въ другихъ частяхъ свѣта.

Первая искра вспыхнула въ Америкѣ между французами и англичанами за небольшое пространство необработанной земли. Вскорѣ потомъ французы взяли островъ Минорку, принадлежавшій англичанамъ, и намѣрены были отнять у Англіи и другую принадлежащую ей область—Ганноверъ. Пруссія, по просьбѣ англійскаго короля, рѣшилась защищать это сосѣдственное съ нею владѣніе. Австрія, почитавшая себя обиженною Фридрихомъ за Силезію, стала помогать Франціи. Съ нею соединилась Саксонія, Швеція, многіе владѣтельные германскіе князья, и наконецъ Россія, союзница Австріи. Такимъ образомъ почти вся Европа увлечена была въ эту войну и, позабывъ, что первою причиною несогласія были американскія земли, такъ далеко отъ нея лежавшія, видѣла главнаго врага своего въ Фридрихѣ прусскомъ. Здѣсь, читатели мои, я разскажу нѣсколько обѣщанныхъ вамъ подробностей объ этомъ знаменитомъ государѣ. Люди, возвышающіеся надъ другими своими необыкновенными достоинствами, принадлежатъ не одному своему народу; не для однихъ пруссаковъ нужно знать все, что дѣлалъ хорошаго Фридрихъ II, — и другіе народы могутъ извлечь пользу изъ описанія славной жизни его.

Дѣтство Фридриха не было такъ счастливо и блистательно, какъ обыкновенно бываетъ дѣтство принца-наслѣдника престола. Отецъ его, король Фридрихъ-Вильгельмъ, будучи отъ природы весьма суроваго нрава, обходился съ нимъ, съ самаго малолѣтства, неласково, и даже явно показывалъ болѣе любви къ брату его, второму сыну своему, принцу Августу-Вильгельму. Не находя никогда удовольствія въ занятіи науками и даже чувствуя отвращеніе ко всему, что только походило на ученость, король вовсе не считалъ нужнымъ дать отличное образованіе своимъ дѣтямъ, и Фридрихъ обязанъ былъ самому себѣ всѣмъ тѣмъ,

что сдѣлалъ онъ впослѣдствіи, какъ просвѣщеннѣйшій человѣкъ и знаменитый писатель своего вѣка.

Поставленный въ такія обстоятельства при самомъ началѣ жизни, Фридрихъ не могъ быть счастливымъ, не могъ быть даже довольнымъ въ отечествѣ, и потому неудивительно, что желалъ отправиться въ путешествіе по чужимъ краямъ. Необыкновенный умъ и наблюдательность его оправдывали въ полной мѣрѣ это желаніе. Не соединяя съ этимъ намѣреніемъ ни одной дурной мысли, онъ откровенно сказалъ о немъ отцу и сдѣлалъ положеніе свое вдвое тягостнѣе: королю не понравилось желаніе его и суровый отказъ былъ отвѣтомъ на просьбу сына. Когда же принцъ, увлеченный пылкимъ нравомъ своимъ, вздумалъ настаивать и говорилъ даже нѣкоторымъ изъ друзей своихъ, что онъ непремѣнно поѣдетъ, король заключилъ его въ крѣпость Кистринъ, гдѣ Фридрихъ пробылъ болѣе восьми мѣсяцевъ. Не подумайте однакожъ, друзья мои, чтобы онъ, находясь въ скучномъ затворничествѣ, ропталъ на отца или на судьбу свою. Нѣтъ, напротивъ того, онъ скоро почувствовалъ, что самъ былъ виноватъ, и вмѣсто того, чтобы терять время въ напрасномъ огорченіи, онъ старался употребить его на то, чтобы вознаградить недостатокъ воспитанія своего, которое до тѣхъ поръ было совершенно военное: король, почитавшій званіе солдата выше всякаго другого, пріучалъ его только къ перенесенію трудностей войны и не заботился ни о чемъ другомъ. Фридрихъ, не смотря на свое довольно слабое сложеніе, былъ здоровъ и крѣпокъ, благодаря безпрестаннымъ тѣлеснымъ упражненіямъ, предписаннымъ его родителемъ; любилъ точность и порядокъ во всемъ, ненавидѣлъ праздность и забавы, но не имѣлъ ни досуга, ни позволенія отъ короля заниматься науками, страстно имъ любимыми. Это позволеніе дано было ему только въ Кистринѣ, и принцъ позабылъ, что онъ въ заключеніи; съ восторгомъ предался онъ своимъ любимымъ склонностямъ, читалъ всѣхъ лучшихъ писателей того времени, сочинялъ самъ, и когда, по окончаніи ареста, возвратился въ Берлинъ, всѣ удивились познаніямъ, пріобрѣтеннымъ имъ въ такое короткое время. Образованность ума внушила ему еще болѣе почтительности къ отцу, и съ того

времени до самой кончины короля, случившейся въ 1740 году, уже не было между ними никакихъ неудовольствій. На двадцать-восьмомъ году своего возраста Фридрихъ II вступилъ на престолъ, стало быть рожденіе его было въ 1712 году. Петръ Великій былъ крестнымъ отцомъ Фридриха II и, узнавъ это, тѣмъ досаднѣе слышать, что этотъ крестникъ былъ во враждѣ съ дочерью своего знаменитаго воспріемника, которая въ 1756 году съ удовольствіемъ присоединилась къ числу жесточайшихъ враговъ его и даже поклялась никогда не мириться съ нимъ. Не обстоятельства постороннія и не старанія Австріи навлекли на Фридриха такое сильное негодованіе Елисаветы Петровны. Нѣтъ! Онъ самъ виноватъ былъ въ этомъ: увлекаемый острымъ умомъ своимъ и живостію нрава, онъ часто имѣлъ привычку шутить и насмѣхаться и даже описывать въ смѣшныхъ стихахъ тѣхъ людей, которые ему не нравились, или на кого онъ сердился. Такъ, не одинъ разъ случалось, что въ минуту досады онъ неосторожно говорилъ и писалъ о непріятельницахъ своихъ, императрицахъ русской и австрійской. Слова и сочиненія его доходили до нихъ и были первою причиною несогласій между тремя дворами. Это несогласіе впослѣдствіи увеличилось еще болѣе между Россіей и Пруссіей и произвело войну, о подробностяхъ которой вы узнаете изъ слѣдующаго разсказа.

ВОЙНА СЪ ПРУССІЕЙ И КОНЧИНА ИМПЕРАТРИЦЫ.

отъ 1756 до 1762 года.

(6 лѣтъ).

Слава короля Фридриха и храбрость, которою всегда отличалось войско, находившееся подъ его начальствомъ, представляли много опасностей для всякаго народа, начинавшаго съ нимъ войну, и потому Елисавета Петровна, отправляя въ Пруссію войско свое, долго размышляла о томъ, кому поручить начальство надъ нимъ. Выборъ былъ тѣмъ труднѣе, что двое изъ опытнѣйшихъ пол-

ководцевъ ея, графъ Румянцовъ и фельдмаршалъ Ласси, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ скончались. Между тѣмъ въ 1756 году четыре новые генерала удостоились получить званіе фельдмаршаловъ. Это были: князь *Трубецкой*, графы *Разумовскій*, *Бутурлинъ* и *Апраксинъ*. Императрица избрала послѣдняго, и въ 1757 году война съ Пруссіей началась съ самымъ счастливымъ успѣхомъ: 19-го августа одержалъ Апраксинъ при деревнѣ Гросъ-Егерсдорфѣ блестящую побѣду надъ пруссаками, о славѣ которыхъ такъ много говорила въ то время вся Европа. Русскіе, съ восторгомъ услышавшіе объ этой побѣдѣ, вскорѣ потомъ были чрезвычайно удивлены поступками фельдмаршала: онъ не только не воспользовался своимъ успѣхомъ и не погнался за бѣжавшимъ отъ него непріятелемъ, но даже вышелъ изъ завоеванныхъ областей Пруссіи. Ни русскіе, ни пруссаки не понимали сначала, что это значило, и только чрезъ нѣсколько времени узнали о причинахъ, по которымъ Апраксинъ поступалъ такъ странно. Вотъ онѣ.

Великій князь Петръ Ѳеодоровичъ не всѣми былъ любимъ при дворѣ: многіе вельможи, не смотря на давно принятую имъ вѣру греческую, не считали его совершенно русскимъ княземъ и все еще видѣли въ немъ иностраннаго принца, особливо въ то время, когда онъ слишкомъ явно показывалъ пристрастіе свое ко всему, что̀ только имѣло какое нибудь отношеніе къ королю Фридриху II. Надобно сказать читателямъ моимъ, что Петръ Ѳеодоровичъ чувствовалъ такое чрезвычайное уваженіе къ достоинствамъ этого государя, что не только восхищался каждымъ поступкомъ его, но даже открыто говорилъ о своемъ желаніи подражать ему во всемъ. Это не могло нравиться русскимъ, привыкшимъ въ продолженіе всего царствованія Елисаветы Петровны видѣть въ Фридрихѣ непріятеля отечества ихъ. Но великій князь не обращалъ вниманія на ропотъ недовольныхъ, не думалъ даже о томъ, что сама императрица болѣе всѣхъ ненавидѣла Фридриха, и продолжалъ неосторожною откровенностію своею увеличивать число враговъ своихъ. Сильнѣйшимъ между ними былъ канцлеръ графъ Бестужевъ, который

такъ не любилъ великаго князя, что доносилъ на него императрицѣ и даже старался о томъ, чтобы онъ удаленъ былъ отъ престола. Но, прежде нежели Бестужевъ успѣлъ въ своихъ дерзкихъ намѣреніяхъ, императрица вдругъ занемогла. Болѣзнь ея вскорѣ сдѣлалась такъ опасною, что не оставалось никакой надежды на выздоровленіе. Всѣ при дворѣ погружены были въ глубокую горесть, но болѣе всѣхъ канцлеръ. Судьба угрожала ему не только потерею государыни-благодѣтельницы, но и гнѣвомъ наслѣдника ея, такъ жестоко оскорбленнаго имъ. Въ то время, какъ онъ печально размышлялъ о затруднительномъ положеніи своемъ, получается извѣстіе о побѣдѣ Апраксина при Гросъ-Егерсдорфѣ. Апраксинъ былъ другъ и повѣренный его. Отправляясь въ походъ, онъ получилъ отъ канцлера повелѣніе государыни стараться всѣми силами побѣдить Фридриха. Удачное начало восхищало фельдмаршала и потому съ радостію спѣшилъ онъ увѣдомить друга и покровителя своего о побѣдѣ. Но мысли графа Бестужева были теперь совсѣмъ другія: не придумавъ еще никакого средства загладить вины свои предъ наслѣдникомъ, онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, воспользоваться первымъ случаемъ, чтобъ угодить ему, и въ тотъ же день отправлено было графу Апраксину приказаніе перемѣнить расположеніе свое къ Фридриху и не только не нападать болѣе на его владѣнія, но даже оставить и завоеванныя уже области. И такъ, милые читатели мои, теперь вы знаете причины, по которымъ такъ странно дѣйствовалъ Апраксинъ въ Пруссіи. Но какъ жестоко ошибся въ разсчетѣ своемъ канцлеръ! Здоровье императрицы, противъ ожиданія всѣхъ, поправилось. Негодованіе ея было чрезвычайно, когда она узнала о томъ, что̀ сдѣлалъ фельдмаршалъ. Вовсе не подозрѣвая, чтобы въ этомъ дѣлѣ виновенъ былъ и канцлеръ, пользовавшійся величайшею довѣренностію при дворѣ, государыня сначала наказала только одного Апраксина, но черезъ полгода потомъ, когда комиссія, производившая слѣдствіе надъ фельдмаршаломъ, открыла всѣ подробности дѣла, и графъ Бестужевъ подвергся строгому наказанію: онъ лишенъ былъ всѣхъ чи-

новъ, должностей и орденовъ и сосланъ навсегда въ одну изъ деревень своихъ.

Между тѣмъ мѣсто Апраксина въ арміи заступилъ генералъ *Ферморъ*. Онъ не имѣлъ значительныхъ успѣховъ въ сраженіяхъ съ Фридрихомъ, хотя въ началѣ своего вступленія въ должность главнокомандующаго и взялъ городъ Кенигсбергъ и крѣпость Кистринъ. Но за то принявшій послѣ него начальство надъ русскими войсками фельдмаршалъ графъ *Салтыковъ* и начальникъ союзнаго австрійскаго войска баронъ *Лаудонъ* своими искусными распоряженіями и храбростію довели знаменитаго короля прусскаго до того, что въ сраженіи при Куннерсдорфѣ, въ іюлѣ 1759 года, онъ, съ отчаяніемъ смотря на свою разбитую и бѣжавшую армію, восклицалъ: «*Неужели ни одно ядро не поразитъ меня!*» И говоря это, онъ нарочно бросался въ мѣста самыя опасныя до тѣхъ поръ, пока адъютанты его, замѣтивъ русскій сильный отрядъ, скакавшій прямо на него, не рѣшились взять за повода лошадь его и увлечь его съ поля сраженія. Эта битва, гдѣ русскіе показали самымъ блистательнымъ образомъ свою храбрость, надолго оставалась въ памяти ихъ и пруссаковъ и можетъ быть рѣшила бы тогда же судьбу войны, еслибы австрійцы съ прежнимъ жаромъ продолжали участвовать въ ней; но, неизвѣстно по какимъ причинамъ, графъ Салтыковъ видѣлъ въ главнокомандующемъ ихъ съ каждымъ днемъ менѣе и менѣе усердія. Можетъ быть это происходило отъ неудовольствія, какое не могли не чувствовать австрійцы, видя, что во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ проходили они вмѣстѣ съ русскими войсками, жители отдавали преимущество послѣднимъ не только въ отношеніи славы ихъ, но даже и въ отношеніи поступковъ ихъ съ городами завоеванными. Напримѣръ, при взятіи въ 1760 г. Берлина, всѣ жаловались на поведеніе австрійскихъ солдатъ, которые, не смотря на запрещеніе своего начальника, грабили безъ всякой жалости несчастную столицу пруссаковъ, въ то время, когда русскіе не только отличались великодушіемъ и покорностію къ своимъ начальникамъ, но даже, по просьбѣ берлинцевъ, получили приказаніе отъ своего фельдмаршала остановить своевольства союзниковъ.

При этомъ случаѣ одинъ изъ русскихъ генераловъ, защищавшій отъ дерзкихъ нападеній Потсдамъ, сохранилъ отъ разграбленія сокровища этого прекраснаго загороднаго дворца королей прусскихъ. За то иностранные писатели того времени съ удивленіемъ и благодарностью говорили, что имя *варваровъ Сѣвера,* которымъ тогда еще называли русскихъ, совершенно несправедливо приписывается народу доброму и великодушному.

Несогласіе между главнокомандующими русскимъ и австрійскимъ продолжались и тогда, когда уже графъ Салтыковъ, по причинѣ болѣзни своей, сдалъ начальство надъ арміею фельдмаршалу графу Бутурлину. Но этихъ несогласій не довольно было, чтобъ доставить побѣду Фридриху, потому что если отъ нихъ терялись успѣхи той части союзнаго войска, которою распоряжались оба предводителя, за то другая часть его, состоявшая изъ однихъ русскихъ и ввѣренныхъ начальству графа Румянцева, отличалась чудесами храбрости въ Помераніи, гдѣ ей поручено было взять крѣпость Кольбергъ. Здѣсь-то въ первый разъ является свѣту имя знаменитѣйшаго изъ воиновъ русскихъ—*Суворова,* о которомъ вы, милые читатели мои, услышите впослѣдствіи много прекраснаго и чрезвычайнаго. Въ это время онъ былъ еще только подполковникомъ, но дѣла его уже въ полной мѣрѣ показывали, какого великаго полководца посылало въ немъ небо Россіи.

Крѣпость Кольбергъ не могла долго противиться и 4 декабря 1761 года сдалась. Русскіе вмѣстѣ съ нею взяли 2,903 человѣка плѣнныхъ и 146 пушекъ. Такая важная побѣда обѣщала имъ новые блестящіе успѣхи въ войнѣ съ Пруссіею, какъ вдругъ все перемѣнилось: въ арміи получено было извѣстіе о кончинѣ императрицы Елисаветы Петровны и съ тѣмъ вмѣстѣ повелѣніе новаго императора прекратить всѣ непріятельскія дѣйствія противъ короля прусскаго. 25-го декабря, въ самый день Рождества Христова, скончалась эта государыня отъ жестокихъ припадковъ падучей болѣзни, усилившихся съ лѣта 1761 года. Многіе изъ современниковъ императрицы полагали, что война съ Пруссіею имѣла сильное вліяніе на ея здоровье. Такое мнѣніе очень вѣроятно, потому что набожная госуда-

рыня часто посреди жестокихъ страданій своихъ въ послѣднее время съ горестію сознавалась, что мысль о прусской войнѣ, стоившей Россіи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ около 300,000 человѣкъ, тревожила ея сердце. Исполненная самыми благочестивыми чувствованіями, она переносила съ удивительною твердостію мучительную болѣзнь свою.

Русскіе называли царствованіе Елисаветы Петровны счастливымъ, еще болѣе—называли его *золотымъ вѣкомъ* Россіи. И это было справедливо: она царствовала послѣ ужасныхъ лѣтъ владычества Бирона, и царствовала съ материнскою любовью къ подданнымъ. Кромѣ того, царствованіе ея можно было по справедливости назвать счастливымъ и по тому блистательному успѣху, которымъ всегда оканчивались не только дѣла, но даже намѣренія и желанія ея. Удачное исполненіе важнѣйшихъ изъ нихъ уже извѣстно читателямъ моимъ изъ всѣхъ разсказовъ нашихъ о ея царствованіи, но сколько было еще такихъ, которыя, не будучи важными, имѣли также много вліянія на тогдашнее состояніе русскихъ. Напримѣръ, она любила науки и изящныя искусства и желала, чтобы подданные ея занимались ими, чтобы у нихъ были люди, которые поощряли бы ихъ къ этимъ занятіямъ, подавали бы имъ примѣръ, какъ преодолѣвать трудности, соединенныя съ ними, и при ней явился геній, которому опредѣлено показывать путь ко всему изящному умамъ обыкновеннымъ, при ней явился первый великій поэтъ Россіи—*Ломоносовъ*. Блестящее явленіе было такъ удивительно и имѣло такія важныя послѣдствія для ученаго и литературнаго міра Россіи, что маленькіе друзья мои вѣрно не будутъ досадовать, если мы сдѣлаемъ небольшое отступленіе отъ описанія царственной жизни Елисаветы и разскажемъ нѣсколько подробностей о судьбѣ этого необыкновеннаго человѣка. Впрочемъ, это почти не будетъ отступленіемъ: мы говорили о намѣреніяхъ и желаніяхъ императрицы, а многія изъ нихъ были приведены въ исполненіе Ломоносовымъ.

Деревнѣ Денисовской, лежащей въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Холмогоръ, маленькаго городка Архангельской губерніи, принадлежитъ честь быть мѣстомъ рожденія пер-

ваго поэта русскаго. Отецъ его, *Василій Ломоносовъ,* былъ простой крестьянинъ, занимавшійся рыбнымъ промысломъ. Правду сказать, Василій былъ умнѣе другихъ рыбаковъ, своихъ товарищей: однажды онъ вздумалъ построить галіотъ, т. е. родъ небольшого корабля, о постройкѣ котораго земляки его вовсе не имѣли понятія, и сдѣлалъ это такъ удачно, что съ того времени началъ ѣздить для промысла своего даже до морей Бѣлаго и Сѣвернаго. Эти поѣздки съ каждымъ годомъ подавали ему болѣе и болѣе надежды нажить современемъ порядочное состояніе. Въ такихъ обстоятельствахъ былъ умный и дѣятельный Василій въ 1711 году, когда у него родился сынъ *Михаилъ.* Добрый рыбакъ радовался рожденію его, думая видѣть въ немъ наслѣдника будущаго небольшого богатства своего, но ошибся: маленькій сынъ его росъ совсѣмъ не наслѣдникомъ ему, и когда, десятилѣтняго, отецъ взялъ его съ собою въ одну изъ поѣздокъ своихъ на ловлю, Михайло не по-дѣтски, не по-крестьянски любовался прекраснымъ, необозримымъ видомъ моря и небесъ, которыя казались такъ обыкновенны и отцу его, и всѣмъ спутникамъ ихъ. Многіе изъ нихъ даже смѣялись надъ мальчикомъ, когда онъ молча смотрѣлъ почти по цѣлымъ часамъ на тихую поверхность воды, на отражавшіяся въ ней облака, на лучи солнца, съ такимъ блескомъ игравшіе въ ней. Но малютка еще болѣе любилъ то время, когда прелестная картина спокойствія моря перемѣнялась и по гладкой равнинѣ его начала разыгрываться буря. Какъ радовался Миша, что увидитъ теперь и бѣлыя волны на морѣ, и свѣтлую молнію въ темныхъ тучахъ; что услышитъ свистъ вѣтра, перекаты грома! И въ ударахъ грома, и въ свистѣ вѣтра, и въ шумѣ волнъ ему слышалось что-то особенное, что-то такое, чего онъ не понималъ дѣтскимъ, необразованнымъ умомъ своимъ, но что какъ будто чувствовалъ душою. Это чувство, развиваясь въ немъ съ каждымъ годомъ болѣе, обратилось наконецъ въ непреодолимое желаніе узнать ближе чудеса природы, восхищавшія его на дикой его родинѣ, узнать причины и этого вѣчно стройнаго движенія солнца, и этой неподражаемой красоты небесъ, возвышаемой въ странахъ холодныхъ прекрасными

сѣверными сіяніями, и великолѣпной необозримости морей, наконецъ узнать лучше и совершеннѣе то могущественное Существо, Которое съ такимъ величіемъ образовало всѣ созданныя имъ творенія. Никто въ деревнѣ Денисовской и даже въ городѣ Холмогорахъ не могъ удовлетворить это необыкновенное въ быту крестьянскомъ желаніе пламеннаго сердца молодого Михайла. Напрасно спрашивалъ онъ людей грамотныхъ: одинъ изъ нихъ, приходскій дьячокъ, научилъ его только читать; но съ однимъ чтеніемъ многому ли научишься, особливо въ такомъ мѣстѣ, гдѣ и читать нечего? Михайло вскорѣ сдѣлался лучшимъ чтецомъ за обѣднями и заутренями, прочиталъ въ досужные часы всѣ книги, какія были въ церкви, и все не былъ доволенъ своею ученостью и просилъ у учителя своего какихъ нибудь другихъ, свѣтскихъ книгъ, но, къ величайшему сожалѣнію своему, узналъ, что на русскомъ языкѣ трудно найти другія книги, кромѣ духовныхъ, и что на латинскомъ есть всякія книги, а этому языку можно научиться только въ Москвѣ, Кіевѣ и Петербургѣ, гдѣ заведены для того училища.

Грустно было Михайлѣ слышать это. И Москва, и Кіевъ, и Петербургъ далеко, очень далеко отъ Холмогоръ. А ему хоть бы взглянуть только на рѣдкія книги! Судьба на этотъ разъ была очень благосклонна къ нему: въ домѣ одного богатаго холмогорскаго жителя Христофора Дудина онъ увидѣлъ—не духовныя, но гражданскія книги, и восторгъ его былъ неописанъ. Но какъ бы вы думали, какія были эти книги? Старинная славянская грамматика и ариѳметика, напечатанная при Петрѣ Великомъ для морскихъ учениковъ! При всемъ томъ онѣ показались молодому Ломоносову такъ занимательны, что онъ выпросилъ ихъ себѣ у Дудина, какъ драгоцѣнность, и съ тѣхъ поръ читалъ ихъ безпрестанно и съ такимъ вниманіемъ, что въ скоромъ времени выучилъ наизусть каждую страницу. Но могли ли и эти книги удовольствовать его страсть къ ученью? Нѣтъ, напротивъ того, малыя понятія, какія онъ получилъ изъ нихъ, воспламенили его еще болѣе и еще сильнѣе возбудили въ немъ желаніе узнать прославляемый учителемъ его латинскій языкъ, на которомъ писались всѣ книги.

Какъ сладкая мечта мелькала иногда въ головѣ будущаго поэта мысль увидѣть счастливую Москву, гдѣ были латинскія училища. Но какъ сдѣлать это? Нельзя было и думать, чтобы отецъ-крестьянинъ согласился отпустить единственнаго сына своего въ такую даль и за такимъ дѣломъ, которое не могло казаться ему иначе, какъ ненужнымъ и даже пустымъ. И безъ того доброму Василію не нравилось вѣчное занятіе сына съ книгами Дудина, особливо, когда вторая жена его, уже мачиха Михайлы, съ досадою нашептывала ему, что изъ молодого пасынка ея не будетъ пути, что онъ за книгами часто забываетъ нужную работу. Послѣ того, какъ приступить къ отцу съ просьбою, которой онъ вовсе не могъ ожидать? Но непреодолимая страсть придала мужество молодому человѣку: онъ рѣшился хотя намекнуть о путешествіи своемъ и съ перваго же слова отца потерялъ всю надежду на успѣхъ. Въ этой безнадежности прожилъ онъ до семнадцатилѣтняго возраста своего. Тутъ терпѣніе его истощилось, жизнь сдѣлалась еще грустнѣе отъ увеличившейся ненависти мачихи и доведенной до крайности; но болѣе нежели прежде увѣренный въ силахъ своихъ, онъ рѣшился бѣжать изъ дома родительскаго и пѣшкомъ дойти до Москвы. Но съ какими трудностями соединился этотъ побѣгъ! Надобно было найти товарищей, которые бы знали и дорогу въ Москву, и самую Москву, потому что Михайло зналъ все это такъ же мало, какъ пятилѣтній ребенокъ. Къ счастію, къ отцу его каждую зиму пріѣзжали московскіе торговцы за покупкою рыбы. На нихъ-то надѣялся онъ; ихъ-то съ нетерпѣніемъ ожидалъ цѣлое лѣто и цѣлую осень 1728 года. Наконецъ настала зима, московцы пріѣхали, закупили все, что̀ для нихъ было нужно, и уже собрались ѣхать домой. Вотъ они и уѣхали, и, спустя день послѣ ихъ отъѣзда, въ зимнюю холодную ночь, пустился за ними и молодой Ломоносовъ. Горько было ему оставить добраго отца, и оставить какъ преступнику, безъ его согласія, безъ его благословенія. Но онъ надѣялся возвратиться къ нему современемъ съ честью, надѣялся утѣшить старость его своими успѣхами въ ученомъ свѣтѣ, и эта надежда помогла ему перенести тяжкую минуту разлуки.

О! еслибы вы знали, друзья мои, сколько трудовъ, сколько испытаній ожидало молодого бѣглеца съ первымъ шагомъ его изъ дома родительскаго! Началось съ того, что едва черезъ цѣлыя сутки не ходьбы, но почти бѣга, нагналъ онъ обозъ московскій, уже въ семидесяти верстахъ отъ Холмогоръ; потомъ едва умолилъ главнаго приказчика взять его съ собою; наконецъ, вышедъ изъ дома безъ куска хлѣба, безъ копѣйки денегъ, съ однимъ богатствомъ своимъ—двумя книгами Дудина—онъ едва не умеръ отъ голода, и всю дорогу до Москвы ѣлъ то, чѣмъ изъ милости кормили его обозные извозчики и не слишкомъ щедрый хозяинъ ихъ. А сколько непріятностей ожидало его въ самой Москвѣ! Какъ часто, даже и тогда, когда уже онъ, по старанію одного добраго монаха, помѣщенъ былъ ученикомъ въ Заиконоспасскую академію, терпѣлъ онъ голодъ и всякую нужду! Казенный воспитанникъ получалъ въ то время алтынъ, т. е. *три копѣйки* въ день. Изъ этой малой суммы Ломоносовъ употреблялъ денежку на хлѣбъ, денежку на квасъ, а остальное на бумагу и всѣ нужныя для него вещи. Даже и платья не давалось отъ казны, всѣ ученики получали его отъ своихъ родственниковъ; у Ломоносова же ихъ не было, и такъ онъ часто ходилъ въ лохмотьяхъ. Но онъ не замѣчалъ ихъ, онъ немного смотрѣлъ даже и на великолѣпіе Москвы: во все время своего ученья тамъ, классы и книги составляли для него міръ, въ которомъ онъ блаженствовалъ. И за то какъ быстры, какъ велики были успѣхи его, не смотря на все стѣсненіе, какимъ тогдашній способъ ученья ограничивалъ эти успѣхи. Чтобы вы имѣли понятіе объ этомъ, милые читатели мои, стоитъ только разсказать вамъ одинъ случай. Ломоносовъ, будучи въ грамматическомъ классѣ, скоро выучилъ всѣ правила этимологіи латинскаго языка и просилъ позволенія учить синтаксисъ. Учитель его, іеромонахъ Конашевскій, сдѣлалъ ему выговоръ за нетерпѣніе и приказалъ ему заниматься одною этимологіей. Необыкновенный ученикъ повиновался по наружности, но въ то же время тайно и безъ всякой посторонней помощи училъ синтаксисъ и зналъ его безошибочно къ первому экзамену. Но что-жъ? Когда онъ просилъ экзаменовать

его въ этомъ предметѣ, его не только не спросили, но даже наказали за нетерпѣливость и непослушаніе: онъ просидѣлъ двое сутокъ въ *темной* комнатѣ и съ тѣхъ поръ скрывалъ отъ неумолимыхъ учителей своихъ то, что зналъ лишняго противъ приказаній ихъ.

Въ шесть лѣтъ такого медленнаго ученья онъ изучилъ все, что знали его наставники, и особенно языки латинскій и греческій, такъ хорошо, что даже иногда писалъ на нихъ стихи. Въ 1735 году въ Петербургскую Академію Наукъ требовали изъ Заиконоспасской нѣсколько отличныхъ семинаристовъ для продолженія курса физики и математики у петербургскихъ профессоровъ. Первый выборъ, безъ всякаго сомнѣнія, палъ на Ломоносова,—и кто опишетъ восторгъ его, когда онъ узналъ о томъ! Курсы ученья въ Заиконоспасскомъ монастырѣ и въ Кіевской духовной академіи были уже давно имъ кончены, и посреди этой бездѣйственности, мучительной для генія, онъ вдругъ, по собственнымъ заслугамъ своимъ, удостоивался чести учиться у людей умнѣйшихъ во всей Россіи!

То же неутомимое прилежаніе, которымъ славился онъ въ академіи Московской, отличало его и въ Петербургской, и до такой степени, что чрезъ нѣсколько времени онъ посланъ былъ на казенный счетъ въ Германію усовершенствоваться въ философіи, химіи и горномъ дѣлѣ: эти три науки были его любимыми предметами. Въ городѣ Марбургѣ, у знаменитаго профессора Вольфа, началось новое образованіе перваго русскаго ученаго, котораго великія способности вскорѣ сдѣлались извѣстны нѣмецкимъ профессорамъ. Онъ провелъ въ Германіи нѣсколько лѣтъ, и здѣсь-то въ 1738 году открылось въ полной мѣрѣ поэтическое дарованіе его: онъ написалъ русскіе стихи на славную побѣду графа Миниха при Хотинѣ, во время продолжавшейся тогда войны съ Турціей. Надобно сказать вамъ, читатели мои, что написать въ то время стихи значило совсѣмъ не то, что значитъ теперь написать ихъ: тогда русскій языкъ еще не былъ такъ обработанъ, чтобъ могли быть введены въ него разныя мѣры стихосложенія, и если кто нибудь изъ людей ученыхъ отваживался быть поэтомъ, то стихи его были просто набранныя строки, безъ всякаго

правильнаго размѣра слоговъ, совершенно необходимаго при всякомъ стихотвореніи. Ломоносовъ первый показалъ соотечественникамъ своимъ это, и его стихи на взятіе Хотина были удивительнымъ, неслыханнымъ произведеніемъ того времени. За то сколько и шума сдѣлали они не только между учеными и литераторами, но даже и при дворѣ! Императрица Анна Іоанновна получила ихъ отъ президента Академіи Наукъ, барона Корфа, съ гордостію представлявшаго государынѣ удивительное произведеніе ученика Академіи. Вѣрно многіе изъ читателей полюбопытствуютъ прочитать хотя нѣсколько строкъ изъ этихъ столь прославленныхъ тогда стиховъ, и потому мы представляемъ здѣсь два первыхъ куплета ихъ:

Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ,
Ведетъ на верхъ горы высокой,
Гдѣ вѣтръ въ лѣсахъ шумѣть забылъ,
Въ долинѣ тишина глубокой,
Внимая нѣчто ключъ молчитъ,
Который завсегда журчитъ,
И съ шумомъ внизъ съ холмовъ стремится;
Лавровы вьются тамъ вѣнцы,
Тамъ слухъ спѣшитъ во всѣ концы,
Далече дымъ въ поляхъ курится.

Не Пиндъ ли подъ ногами зрю?
Я слышу чистыхъ сестръ музыку,
Пермесскимъ жаромъ я горю,
Теку поспѣшно къ оныхъ лику.
Врачебной дали мнѣ воды:
Испей и всѣ забудь труды;
Умой росой кастальской очи,
Чрезъ степь и горы взоръ прострю,
И духъ свой къ тѣмъ странамъ вперю,
Гдѣ всходитъ день по темной ночи.

Вамъ, молодые читатели мои, конечно, можетъ быть не совсѣмъ понравятся эти стихи, но императрица восхищалась ими, приказала отпечатать нѣсколько экземпляровъ и раздала ихъ самымъ приближеннымъ къ себѣ особамъ на одномъ изъ пышныхъ собраній двора. Но поэтъ ничего не зналъ о торжествѣ своемъ: онъ жилъ въ это время въ Германіи и уже не въ прежнемъ счастливомъ однѣми науками положеніи, но жилъ въ бѣдности, кото-

рую навлекъ на себя знакомствомъ съ нѣкоторыми изъ нѣмецкихъ студентовъ и раннею женитьбою на молодой дѣвушкѣ, хотя очень доброй и умной, но не имѣвшей никакого состоянія. Бѣдность его вскорѣ дошла до того, что онъ долженъ былъ оставить въ Германіи и всѣ ученыя занятія свои, и жену свою, и бѣжать отъ долговъ въ Россію. Дорогою онъ едва не былъ завербованъ въ число прусскихъ гусаръ [1]), но успѣлъ счастливо убѣжать отъ нихъ и достигъ наконецъ до Петербурга, въ первый годъ царствованія императрицы Елисаветы. Наконецъ только эта государыня, отличавшаяся просвѣщеннымъ умомъ и прекраснымъ вкусомъ, оцѣнила въ полной мѣрѣ геній великаго подданнаго своего и устроила его колебавшуюся, такъ долго ненадежную судьбу. Но здѣсь надобно отдать справедливость и тѣмъ достойнымъ лицамъ въ исторіи нашей, которыя представили императрицѣ и молодого поэта, и жалкое положеніе его. Это были вельможи, всегда отличавшіеся любовью къ наукамъ и искусствамъ, это были *Шуваловы*. Покровительству ихъ обязанъ былъ Ломоносовъ и тѣмъ, что необыкновенный умъ и обширная ученость его были узнаны и признаны, и тѣмъ, что легкіе проступки его молодости были забыты, и тѣмъ, что враги его, эти неизбѣжные спутники отличныхъ дарованій, начали менѣе вредить ему: однимъ словомъ, обязанъ былъ совершенно новою жизнію. Получивъ мѣсто адъюнкта, потомъ профессора Академіи, онъ имѣлъ уже достаточное жалованье, чтобы существовать безъ нужды не только

[1]) Большая часть читателей моихъ вѣрно не знаютъ слова: *вербовать?* Вотъ что значитъ оно: въ Пруссіи не набирали въ то время рекрутъ такъ, какъ набираютъ ихъ у насъ, но дѣлали это слѣдующимъ образомъ: выбирали нѣсколькихъ бойкихъ человѣкъ солдатъ и отправляли ихъ съ старшимъ вахмистромъ или унтеръ-офицеромъ ходить по деревнямъ и городкамъ, и стараться заманивать ласками и обѣщаніями, а чаще обманомъ и деньгами, молодыхъ людей въ службу королевскую. Такъ попался къ нимъ и нашъ Ломоносовъ. Убѣжавъ изъ Марбурга, онъ два дня ходилъ по лѣсамъ безъ всякой пищи и наконецъ въ одномъ постояломъ дворѣ встрѣтился съ отрядомъ вербовщиковъ, не имѣя о нихъ никакого понятія. Они угостили его, и когда бѣдный молодой человѣкъ заснулъ, нашили ему красный воротникъ на кафтанъ, положили въ карманъ нѣсколько серебряныхъ денегъ и проснувшагося поздравили солдатомъ его величества короля прусскаго. Счастіе, что Ломоносовъ нашелъ средство убѣжать отъ нихъ.

одному, но даже и съ женою, вскорѣ призванною имъ изъ Германіи. Кромѣ того, онъ получалъ часто богатые подарки за прекрасные стихи, которые писалъ на разные случаи, чаще всего по просьбѣ благодѣтелей своихъ, Шуваловыхъ. Вы, вѣрно, прочтете, друзья мои, эти стихи, достойно восхищавшіе въ то время русскихъ, такъ точно, какъ восхищаются они теперь стихами лучшихъ поэтовъ нашихъ. Между ними есть такіе, которые и до сихъ поръ еще читаются съ наслажденіемъ, не смотря на почти полтора вѣка, послѣ нихъ протекшіе, и на быстрые успѣхи языка нашего. Напримѣръ, прочтите начало одной изъ его одъ на восшествіе на престолъ императрицы Елисаветы Петровны:

«Заря багряною рукою
Отъ утреннихъ спокойныхъ водъ
Выводитъ съ солнцемъ за собою
Твоей державы новый годъ.
Благословенное начало
Тебѣ, богиня, возсіяло,
И нашихъ искренность сердецъ
Предъ трономъ Вышняго пылаетъ.
Да счастіемъ твоимъ вѣнчаетъ
Его средину и конецъ».

Или окончаніе этой оды:

«Но если гордость ослѣпленна
Дерзнетъ на насъ воздвигнуть рогъ,
Тебѣ, въ женахъ благословенна,
Противъ ея помощникъ Богъ.
Онъ верхъ небесъ къ тебѣ преклонитъ,
И тучи страшныя нагонитъ
Во срѣтенье врагамъ твоимъ.
Лишь только ополчишься къ бою,
Предъидетъ ужасъ предъ тобою
И слѣдомъ воскурится дымъ».

Теперь не хотите ли прочесть, какъ въ наше время другой поэтъ описалъ въ четырехъ строкахъ судьбу и геній Ломоносова?

«Неводъ рыбакъ разстилалъ по брегу студенаго моря,
Мальчикъ отцу помогалъ. Отрокъ, оставь рыбака!
Мрежи иныя тебя ожидаютъ, иныя заботы:
Будешь умы уловлять, будешь помощникъ царямъ».

Нужно ли сказать, что эти строки—Пушкина?

Но продолжительность отступленія нашего напоминаетъ, что пора намъ разстаться съ первымъ поэтомъ нашимъ. Однакожъ, прежде нежели мы сдѣлаемъ это, надобно разсказать вамъ одинъ изъ прекраснѣйшихъ дней его жизни. Это былъ день представленія его императрицѣ Елисаветѣ, которая, желая видѣть поэта, чтобы лично благодарить за одно изъ лучшихъ сочиненій его — *Похвальное слово* ей, сказанное въ торжественномъ собраніи Академіи 1749 года.

Въ первую минуту, когда Шуваловъ объявилъ Ломоносову объ этомъ милостивомъ желаніи, сердце его затрепетало отъ радости: оно такъ давно было исполнено живѣйшею благодарностію къ высокой покровительницѣ, такъ давно мечтало о счастіи излить лично предъ нею эту пламенную благодарность. Невозможно описать, что чувствовалъ онъ, сидя въ каретѣ вмѣстѣ съ добрымъ Шуваловымъ и несясь по дорогѣ къ Царскому Селу, гдѣ государыня проводила въ этотъ годъ лѣто. Какъ ни блистательно сіяла золотая кровля новаго дворца царскосельскаго, недавно построеннаго императрицею, какъ ни великолѣпно было все окружавшее это истинно-царское жилище Елисаветы, но Ломоносовъ не могъ ничѣмъ восхищаться, ни о чемъ думать, но весь погруженъ былъ въ одно чувство: въ счастіе представиться государынѣ. Столько же мало впечатлѣній произвели на него и безчисленныя богатства, украшавшія пышныя комнаты, по которымъ онъ шелъ до той, гдѣ, наконецъ, увидѣлъ царицу Сѣвера. Прекрасна и величественна явилась она поэту! Съ благоговѣніемъ устремилъ онъ восхищенные взоры свои на это прелестное лицо дочери могущественнаго, великаго генія Россіи. Пораженный какъ будто какимъ-то очарованіемъ, Ломоносовъ стоялъ безмолвенъ, неподвиженъ, а между тѣмъ императрица уже оставила работу, которою занималась, и съ привлекательною любезностію, составлявшею отличительнѣйшее свойство ея, сказала: «Я въ долгу у васъ, г. Ломоносовъ. Вы такъ хорошо умѣете хвалить меня, а я еще ни разу не поблагодарила васъ за это. Примите же теперь мое благоволеніе». И съ сими словами привѣтливая государыня подала ему руку.

Ломоносовъ въ неизъяснимомъ восторгѣ упалъ на колѣни и едва могъ выразить свою глубокую благодарность:

сердце его было слишкомъ полно, а это всегда мѣшаетъ быть краснорѣчивымъ. Елисавета понимала чувства его и, продолжая милостиво разговаривать съ нимъ, съ участіемъ разспрашивала о женѣ и дочери его, и незабвенный для поэта нашего разговоръ кончился такою царскою милостію, о какой онъ не могъ и воображать: государыня подарила ему помѣстье близь Петербурга, на берегу Финскаго залива. Оно называлось Коровалдай.

Осчастливленный такимъ лестнымъ благоволеніемъ, Ломоносовъ съ этого времени съ новымъ жаромъ принялся за многочисленные труды свои и по Академіи, и по тѣмъ порученіямъ, какія часто дѣлалъ ему знаменитый покровитель наукъ и художествъ, Шуваловъ. Такъ, въ 1754 году онъ просилъ его сдѣлать планъ для университета въ Москвѣ, и къ 1755 это высшее учебное заведеніе, этотъ памятникъ просвѣщенной государыни и двухъ главныхъ участниковъ его учрежденія—Шувалова и Ломоносова, уже было открыто. Это открытіе, столь важное для будущаго просвѣщенія Россіи, восхитило радостію сердце поэта.

Но, не смотря на все счастіе, которымъ, казалось, наслаждался Ломоносовъ, у него было много дней, самыхъ горестныхъ, самыхъ тяжелыхъ для сердца! Это были тѣ дни, въ которые онъ терпѣлъ отъ злобы людей, ненавидѣвшихъ его за дарованіе, такъ много возвышавшее его надъ ними. Къ числу такихъ, по несчастію, принадлежали даже нѣкоторые изъ членовъ Академіи, и всѣхъ болѣе секретарь ея, *Тредіаковскій*. Воображая себя также поэтомъ, онъ писалъ самые дурные стихи того времени, но все-таки ихъ читали и даже иногда находили хорошими, какъ вдругъ явился Ломоносовъ съ своею правильною, звучною поэзіей, и на стихи Тредіаковскаго посыпались насмѣшки. Онъ возненавидѣлъ новаго поэта, и эта ненависть дѣлала много вреда Ломоносову, потому что Тредіаковскій, будучи секретаремъ Академіи, имѣлъ вліяніе на членовъ ея и нерѣдко располагалъ ихъ противъ Ломоносова.

Но величайшее зло состояло въ томъ, что пламенное сердце поэта было слишкомъ чувствительно къ незаслуженнымъ оскорбленіямъ и непріятнымъ слѣдствіямъ не-

согласія между академиками, которое чрезвычайно вредило распространенію просвѣщенія въ Россіи, просвѣщенія, столь драгоцѣннаго для Ломоносова. Досадуя на это, онъ чувствовалъ такое огорченіе, въ которомъ не могли утѣшить его благородные защитники его, Шуваловы. Какъ часто съ истинною печалью онъ говорилъ имъ: «Ахъ! какъ много могъ бы я сдѣлать въ моемъ званіи профессора и члена Академіи, и какъ мало мои товарищи даютъ мнѣ волю дѣлать!» Знаменитые покровители утѣшали его, сколько могли, и иногда помогали его непріятнымъ обстоятельствамъ, и когда нельзя было помочь, совѣтывали имѣть болѣе терпѣнія и ждать всего отъ времени.

Кромѣ обширныхъ успѣховъ, сдѣланныхъ по всѣмъ частямъ наукъ этимъ необыкновеннымъ человѣкомъ, царствованіе Елисаветы Петровны отличалось счастливымъ стеченіемъ обстоятельствъ и въ другихъ отношеніяхъ.

При ней образовался первый истинно-русскій театръ: нѣсколько человѣкъ изъ самаго простого званія, но съ рѣдкими дарованіями, сошлись въ Ярославлѣ, и безъ всякаго ученія, по одной собственной охотѣ, играли между собою разныя пьесы. Удачныя представленія подали мысль одному изъ нихъ, купеческому сыну Ѳеодору Волкову сдѣлать домашній театръ ихъ пообширнѣе и открыть его за деньги для всѣхъ жителей Ярославля. Такъ начался первый вольный театръ русскій. Слухъ о дарованіяхъ новыхъ актеровъ вскорѣ дошелъ до императрицы, и она желала видѣть ихъ. Вся труппа привезена была въ Петербургъ и до того восхитила представленіями своимъ высокую покровительницу изящныхъ искусствъ, что въ 1756 году составленъ былъ придворный русскій театръ и счастливые ярославцы заняли мѣста лучшихъ актеровъ. Изъ нихъ впослѣдствіи особенно прославился знаменитый трагикъ *Дмитревскій.* Директоръ этого театра былъ *Александръ Петровичъ Сумароковъ,* сочинявшій первыя трагедіи и комедіи русскія. Дѣлая во всемъ быстрые успѣхи, соотечественники наши имѣли уже въ это время и повременное изданіе или журналъ. Онъ назывался «*Ежемѣсячныя сочиненія*» и издавался академикомъ Миллеромъ.

Къ счастливѣйшимъ же происшествіямъ царствованія Елисаветы принадлежитъ увеличеніе отечества нашего цѣлою новою областію, извѣстною до сихъ поръ подъ названіемъ *Новороссійской*. Вотъ какъ она составилась на югѣ отечества нашего. Въ грозное правленіе императрицы Анны и герцога Бирона множество русскихъ семействъ бѣжало заграницу. При Елисаветѣ же, кроткой и милосердой, не только они всѣ возвратились, но вслѣдъ за ними перешли въ Россію и многіе иностранцы, въ особенности сербы, народъ, происходившій такъ же, какъ и русскіе, отъ славянскаго племени. Правительство наше поселило ихъ въ степяхъ южной Россіи и назвало новороссіянами.

Такъ все блистало счастіемъ, все увѣнчано было успѣхомъ въ двадцатилѣтнее царствованіе Елисаветы. Въ то время, какъ генералы ея удачно побѣждали героя Фридриха, почитаемаго всѣми непобѣдимымъ, она украшала сѣверную столицу свою съ царскимъ великолѣпіемъ, всегда любимымъ ею. Можно и теперь видѣть памятники прекраснаго и пышнаго вкуса ея, это—дворцы Зимній и Царскосельскій, чудесная церковь въ послѣднемъ, морской соборъ св. Николая въ той части Петербурга, которая называется Коломнoю, Воскресенскій дѣвичій монастырь на берегахъ Невы. Маленькіе читатели мои не найдутъ Воскресенскаго монастыря теперь подъ этимъ названіемъ, потому что мы называемъ его *Смольнымъ*. Онъ не достроился при Елисаветѣ Петровнѣ и примѣчателенъ былъ въ то время только по той причинѣ, которая подала государынѣ мысль построить его: это было намѣреніе ея передать правленіе великому князю Петру Ѳеодоровичу и окончить дни свои въ монастырѣ,—намѣреніе, о которомъ говорила она чрезъ четыре года послѣ вступленія своего на престолъ и которое потомъ перемѣнилось.

Богатство двора при императрицѣ Елисаветѣ и пышные праздники ея приводятъ въ удивленіе всѣхъ, кто знаетъ придворныя записки того времени. Кромѣ собраній у императрицы по воскресеньямъ, во дворцѣ ея давались два раза въ недѣлю маскарады. Одинъ изъ этихъ маскарадовъ былъ для придворныхъ и другихъ знатныхъ особъ,

которыхъ число простиралось выше двухъ сотъ человѣкъ. На другомъ же маскарадѣ, гдѣ позволялось быть всѣмъ, число гостей часто доходило до восьмисотъ человѣкъ. Однажды государынѣ, любившей веселыя шутки, вздумалось, чтобы на одномъ изъ придворныхъ маскарадовъ всѣ мужчины были одѣты въ женскія, а всѣ женщины въ мужскія платья. И въ этомъ странномъ переодѣваньи она сама была прелестнѣе всѣхъ: мужской нарядъ шелъ чрезвычайно къ ея величественному росту. Она часто надѣвала также охотничье платье, потому что любила охоту и искусно стрѣляла изъ ружья. Это увеселеніе нравилось многимъ изъ государынь нашихъ. Императрица Анна Іоанновна была также очень искусна въ стрѣльбѣ, и въ лѣто 1740 года, во время пребыванія своего въ Петергофѣ, она застрѣлила множество дикихъ козъ, зайцевъ и утокъ. Даже великая княгиня Екатерина Алексѣевна любила охоту и часто занималась ею въ первые годы пребыванія ея въ Россіи. Но она дѣлала это просто, отправляясь въ ораніенбаумскій лѣсъ съ однимъ старымъ егеремъ и охотничьею собакою. Императрица же Елисавета Петровна соединяла и съ этимъ увеселеніемъ пышность, вездѣ сопровождавшую ее, и изъ записокъ того времени можно видѣть, что дни, проведенные ею на охотѣ, походили на великолѣпные праздники. Особенно примѣчателенъ изъ нихъ былъ 4-го октября 1751 года, когда охота происходила въ Красномъ Селѣ, и одни охотничьи платья для особъ, участвовавшихъ въ ней, стоили болѣе 20,000 рублей.

Но, не смотря на эту склонность къ веселостямъ и блеску, Елисавета Петровна отличалась рѣдкимъ благочестіемъ. Празднованіе всякаго счастливаго происшествія ея царствованія начиналось всегда приношеніемъ благодарственныхъ молитвъ Богу, и иногда въ церквахъ оставались даже памятники этой благодарности: такъ, изъ серебра, въ первый разъ полученнаго при ней изъ рудниковъ русскихъ, была сдѣлана рака, въ которой почиваютъ мощи св. Александра Невскаго. И въ числѣ благословеній, всегда ниспосылаемыхъ Богомъ душамъ благочестивымъ, было одно, исполнившее величайшею радостію не только сердце набожной государыни, но и всѣхъ

ея подданныхъ: это было открытіе въ 1756 году мощей новаго чудотворца *св. Димитрія Ростовскаго,* жившаго во время Петра Великаго.

ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ III.

1762 годъ.

Чрезвычайна была перемѣна, происшедшая въ Россіи съ восшествіемъ на престолъ Петра III: новый императоръ, казалось, былъ во всемъ различнаго мнѣнія съ покойною императрицею. Читатели мои уже слышали о мирѣ его съ жестокимъ врагомъ Елисаветы, Фридрихомъ II. Но это было не все; вслѣдъ за извѣстіемъ о мирѣ, которое еще не могло назваться дурнымъ, но, напротивъ того, могло обрадовать многихъ, русскіе услышали вѣсти вовсе нерадостныя: всѣ разсказывали другъ другу, что государь хвалитъ и награждаетъ только иностранцевъ; что, не довѣряя подданнымъ своимъ, онъ окружилъ себя, вмѣсто гвардіи, отрядомъ голштинцевъ, выписанныхъ изъ отечества его [1]); наконецъ, что весь народъ русскій сдѣлался какъ будто подвластнымъ королю прусскому, потому что Петръ Ѳеодоровичъ такъ преданъ ему, что малѣйшія желанія его почитаетъ священными. Сначала такіе слухи считали несправедливыми, считали выдумками враговъ императора, но вскорѣ должны были повѣрить имъ. Да и кто бы не повѣрилъ? Все доказывало справедливость разсказчиковъ: и русскіе солдаты, одѣтые, по приказанію императора, въ новые мундиры, точно такіе, какіе были у солдатъ прусскихъ, и удовольствіе, съ которымъ императоръ вводилъ всѣ эти перемѣны, и радость его при полученіи

[1]) Корпусъ голштинцевъ, состоящій изъ 3,000 человѣкъ, выписанъ былъ изъ Германіи спустя нѣсколько лѣтъ послѣ пріѣзда принца. Это было любимое войско Петра III. Оно всегда стояло на квартирахъ тамъ, гдѣ великій князь проводилъ большую часть своего времени: въ Ораніенбаумѣ, одномъ изъ увеселительныхъ дворцовъ государей нашихъ, лежащемъ на берегу морскомъ и составляющемъ теперь собственность государыни великой княгини Екатерины Михаиловны.

отъ Фридриха чина генералъ-лейтенанта его службы, и наконецъ торжественное объявленіе о томъ, что недавно заключенный миръ уже нарушенъ, и войско русское, сражавшееся въ Германіи противъ Фридриха, должно было идти теперь на враговъ его. Вмѣстѣ съ печальною вѣстью объ этой новой войнѣ Петръ Ѳеодоровичъ объявилъ подданнымъ своимъ и о томъ, что онъ самъ будетъ предводительствовать своею арміею, что самъ отправится съ ней въ Германію прежде нежели будетъ короноваться. Послѣднее извѣстіе огорчило русскихъ болѣе всего: по набожности своей, они находили въ одномъ этомъ случаѣ столько причинъ къ обвиненію императора, что въ сердцѣ ихъ истребилась послѣдняя искра привязанности къ наслѣднику Елисаветы. Съ тѣхъ поръ они начали забывать даже то добро, которое онъ сдѣлалъ для нихъ въ первые дни своего восшествія на престолъ и которое состояло въ большихъ преимуществахъ, данныхъ дворянству, и въ уничтоженіи страшной для всѣхъ *Тайной канцеляріи*, такого присутственнаго мѣста, гдѣ разсматривались дѣла по разнымъ доносамъ и въ особенности по тѣмъ, которые извѣстны были подъ названіемъ *слово и дѣло* [1]).

Это были два важныя благодѣянія Петра Ѳеодоровича народу его, но ихъ не оцѣнили тогда въ полной мѣрѣ, такъ велико было общее неудовольствіе! Вскорѣ оно достигло высочайшей степени: всѣ узнали, что Петръ не

---

[1]) Читателямъ моимъ вѣрно трудно понять, что значатъ эти слова. Они значили встарину очень много. Всякаго, кто произнесетъ ихъ, гдѣ бы то ни было, полицейскіе чиновники брали, какъ такого человѣка, который знаетъ какое нибудь важное дѣло и желаетъ объявить его только государю или высшимъ чиновникамъ его, засѣдавшимъ въ Тайной канцеляріи. Съ величайшею поспѣшностію его представляли туда и тутъ-то начинались разспросы и слѣдствіе надъ тѣми людьми, на которыхъ доносилъ закричавшій: *слово и дѣло!* При такомъ случаѣ не дѣлали исключеній ни для кого, и самыя важныя лица подвергались такому же строгому суду и часто даже пыткамъ, какъ и самыя ничтожныя. Вы можете представить себѣ, какъ часто злые люди пользовались правомъ доносителя, и объявляли вещи небывалыя, чтобы избавиться самимъ отъ какихъ нибудь непріятностей. Особливо сколько разъ крѣпостные люди, недовольные господами своими, доносили на невинныхъ, и этими доносами губили ихъ подъ тяжкимъ судомъ Тайной канцеляріи. Петру III обязаны мы уничтоженіемъ этого жестокаго судилища.

отдавалъ справедливости прекраснымъ качествамъ супруги своей, что она страдала отъ его невниманія, отъ оскорбленій, какія причиняла ей дерзость приближенныхъ къ императору. Приверженцы Екатерины узнали даже и то, что Петръ Θеодоровичъ имѣетъ тайное намѣреніе развѣстись съ нею. Такое ужасное извѣстіе встревожило все, что̀ умѣло чувствовать въ отечествѣ нашемъ; холодность же императора къ единственному сыну и наслѣднику его, восьмилѣтнему великому князю Павлу Петровичу, довела до крайности опасенія приверженцевъ Екатерины и заставила ихъ рѣшиться на всѣ пожертвованія, чтобы спасти ее. Эта рѣшительность казалась имъ необходимою, потому что уже все было готово къ перевороту и даже назначенъ день для исполненія его. Это было 28-го іюня, ровно черезъ полгода послѣ кончины Елисаветы. Но наканунѣ дня, который могъ быть такъ пагубенъ для счастія русскихъ, преданнѣйшіе изъ подданныхъ Екатерины и сына ея произвели перемѣну, совершенно противоположную той, какую намѣревался сдѣлать императоръ. Екатерина возведена была на престолъ супруга своего.

Неожиданность этого происшествія, поспѣшность, съ которою оно должно было совершиться по причинѣ того переворота, какой назначался императоромъ, увѣренность въ бѣдствіи своемъ, все это вмѣстѣ заставило Екатерину не колебаться въ выборѣ и дать свое согласіе на желаніе народа, не смотря на кротость, съ которою она до сихъ поръ переносила свои страданія: она должна была дать свое согласіе, потому что этотъ народъ только отъ нея одной могъ ожидать своего счастія и потому что сынъ ея былъ еще такъ молодъ, что не могъ замѣнить ее.

Въ то время, какъ въ Петербургѣ всѣ съ единодушнымъ восторгомъ присягали императрицѣ, Петръ Θеодоровичъ, ничего не зная о томъ, находился, по обыкновенію, въ своемъ любимомъ загородномъ дворцѣ Ораніенбаумѣ и размышлялъ о томъ важномъ происшествіи, которое, по назначенію его, должно было совершиться на другой день. Вдругъ узнаетъ онъ новость совершенно противную! Не имѣя особенной смѣлости въ характерѣ, онъ выслушалъ всѣ подробности о ней съ чрезвычайнымъ разстройствомъ

духа и не только не изъявилъ желанія противиться тому, что уже произошло въ Петербургѣ, но на другой день самъ написалъ письмо къ императрицѣ, въ которомъ отказался навсегда отъ престола русскаго, изъявляя желаніе уѣхать въ свое голштинское герцогство. Вѣроятно, это желаніе было бы исполнено, но Петръ III вскорѣ потомъ, 6-го іюля 1762 года, скончался.

Семейство императора Петра III.

Супруга: принцесса Ангальтъ-Цербстская *Софія-Августа*, при св. муропомазаніи нареченная Екатериною Алексѣевною, родилась 21-го апрѣля 1728, вступила на престолъ всероссійскій 28-го іюня 1762 года.

Сынъ ихъ: великій князь Павелъ Петровичъ, родился 20-го сентября 1754 года.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ИЗДАНІЯ А. С. СУВОРИНА

въ книжныхъ магазинахъ „НОВАГО ВРЕМЕНИ" А. С. Суворина: въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ. Въ Сибири — въ книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина въ Томскѣ.

АВЕРКІЕВЪ, Д. В. Лихо. Историческая повѣсть. Ц. 1 р.

— Хмѣлевая ночь. Историческій романъ. Ц. 1 р.

— Драмы. Томъ I. Слобода Неволя.—Фролъ Скабѣевъ. — Каширская старина.—Темный и Шемяка. Ц. 3 р.

АЛАРКОНЪ, Н. Повѣсти и разсказы. Пер. съ исп. Ц. 75 к.

АНДРЕЕВСКІЙ, С. А. Стихотворенія. 1878 — 1885. Ц. 2 р.

АНТОНОВЪ, А, врачъ. Общедоступная гигіена. Ц. 75 к.

АРСЕНЬЕВЪ, А. В. Карта для нагляднаго обозрѣнія исторіи и хронологіи русской литературы, для класснаго употребленія. Къ картѣ прилагается особою книгою «Словарь писателей древняго періода русской литературы» (862—1700 г.). Изданъ подъ ред. О. Ѳ. Миллера, проф. Спб. унив. Ц. 2 р.

АХШАРУМОВЪ, Н. Д. Во что бы то ни стало. Романъ. Ц. 2 р. 25 к.

БАРАНЕЦКІЙ, И. В. Лѣсоохраненіе. Книга для лѣсовладѣльцевъ, лѣсничихъ и слушателей учебн. лѣсн. зав. Ц. 2 р. 50 к.

ВАШИЛОВЪ, А. Русское торговое право. Практическій курсъ по наброскамъ лекцій, читанныхъ въ Имп. Училищѣ Правовѣдѣнія. Вып. I. Введеніе. Торговыя правоотношенія. Ихъ субъекты (до товариществъ). Ц. 2 р.

ВЕККЕРЪ, К. Древняя исторія, вновь обработанная В. Мюллеромъ, профессоромъ Тюбингенскаго университета. Часть I. Съ 165 рис. и 2 раскраш. картами. Ц. 1 р.

БИБИКОВЪ, В. Маруся.—Старый портретъ.—Первая побѣда.—Мыслитель. —Изъ дневника. —Литературный вечеръ.—Забытая тетрадь. Разсказы. Ц. 1 р.

БИЛЬРОТЪ, ТЕОДОРЪ, д-ръ. Общая хирургическая патологія и терапія. Руководство для учащихся и врачей, обработанное А. Винивортеромъ, проф. хирургіи въ Люттихѣ. Со множ. рисунк. Изд. 5-е. Оставшіеся экз. **продаютсяпо пониженной цѣнѣ** вмѣсто 4 р. 50 к. **за 3 р.**

БИНЕ и ФЕРЕ. Животный магнетизмъ. Пер. съ франц. съ рисунками въ текстѣ. Ц. 2 р.

БЛАГОВО, Д. Разсказы бабушки изъ воспоминаній пяти поколѣній. Съ портретомъ. Ц. 3 р.

БОГОСЛОВСКІЙ, Н. Аракчеевщина. Ц. 2 р.

БОГОСЛОВСКІЙ, В. Лечебныя мѣста Европы. Курорты съ мин. водами, климатич. станціи, морскія купанья, лиманы и грязелечебныя заведенія. Съ бальнеологическ. картою. Ц. 2 р. 50 к.

БОРОВИКОВСКІЙ, А. и ГЕРАРДЪ, Н. Системат. сборникъ рѣшеній Гражданскаго кассаціоннаго департ. правит. Сената за 1877 г. Т. I. Матеріальное право. Т. II. Судопроизводство. Ц. 6 р.

БОРОВИКОВСКІЙ, А. Л. Женская доля по малороссійскимъ пѣснямъ. Ц. 60 к.

— Законы гражданск. (Сводъ законовъ т. X, ч. I). Съ объясненіями по рѣшеніямъ Гражд. Кассац. Д-та Пр. Сената. Изд. 6-е, исправл. и дополн. **(съ текстомъ законовъ по новому офиціальн. изданію и съ этимъ текстомъ согласованы объясн.).** Спб. 1889. Ц. 6 р.

— Законы гражданск. (Сводъ законовъ т. X, ч. I). Съ объясненіями по рѣшеніямъ Гражданскаго кассаціон. департ. прав. Сената. Изд. 5-е, исправл. и дополн. Ц. 6 р.

— Уставъ гражданскаго судопроизводства съ объясненіями по рѣшеніямъ Гражд. кас. деп. пр. Сената. Вып. 1-й (Общія положенія). Ц. 1 р. 50 к.

— То же. Вып. 2-й (Порядокъ производства въ мировыхъ судебн. установленіяхъ). Ц. 1 р. 50 к.

— То же. Вып. 3-й (Порядокъ производства въ общихъ судебныхъ мѣстахъ. Кн. II, разд. I. Гл. I—IX). Ц. 2 р. 25 к.

— То же. Вып. 4-й (Порядокъ производства въ общ. судебн. мѣст. Прод. ст. 566—791). Ц. 1 р. 50 к.

— То же. Вып. 5-й (Порядокъ производства въ общ. суд. мѣстахъ. Прод. ст. 792—923). Ц. 1 р. 75 к.

— То же. Вып. 6-й (Порядокъ производства въ общ. суд. мѣстахъ. Прод. ст. 924—1281). Ц. 1 р. 50 к.

—То же. Вып. 7-й (Окончаніе: ст. 1282—1824, и приложенія). Ц. 2 р.

— Дополненія (рѣшенія, опубликованныя во время печатанія предыд. выпусковъ и «продолженіе» 1886 г.). Ц. 1 р.

—Уставъ гражданскаго судопроизводства съ объясненіями по рѣшеніямъ Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената. Изданіе переработанное: помѣщенныя въ I-мъ изданіи объясненія изложены въ болѣе **сжатомъ** видѣ и введены **новыя** объясненія. — Цѣна 6 р., съ перес. 7 р.

— Алфавитный указатель объясненій къ Уставу Гражд. Судопроизводства. (Общій для I и II изданій). Ц. 50 к.

БОРОДИНЪ, А. П. Его жизнь, переписка и музыкальныя статьи. (1834—1887). Ц. 1 р. 50 к.

ВОРОЗДИНЪ, К. А. Закавказскія воспоминанія. Мингрелія и Сванетія съ 1854 по 1861 г. Съ 5 портретами. Ц 2 р.

БУЛГАКОВЪ, Ѳ. И. Художественная энциклопедія (Иллюстрированный словарь искусствъ и художествъ). Т. I. Ц. 3 р., въ папкѣ 3 р. 25 к.

— Тоже. Томъ II. Ц. 3 р., въ папкѣ 3 р. 25 к.

БУРЕНИНЪ, В. Литератури. дѣятельн. Тургенева. Съ портрет. И. С. Тургенева. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.

— Критическіе очерки и памфлеты. Ц. 1 р. 25 к.

— Изъ соврем. жизни. Фельетонные разсказы Маститаго Беллетриста. Ц. 1 р. 50 к.

— Былое. Стихотворенія. Ц. 1 р. 75 к.

— Стрѣлы. Стихотворенія. Изд. 2-е, дополненное новыми стихотворен. Ц. въ перепл. 1 р. 50 к.

— Пѣсни и шаржи. Новыя стихотворенія. Ц. 1 р. 50 к.

— Мертвая нога. Таинственный процессъ. — Романъ въ Кисловодскѣ. Разсказъ. Изд. 3-е. Ц. 1 р.

— Критическіе этюды (Гоголь. — Гончаровъ. — Біографія и письма Достоевскаго. — «Власть тьмы» гр. Толстого. — Журнальный походъ противъ гр. Толстого. — Лермонтовъ. — Памяти Пушкина. — Глѣбъ Успенскій). Ц. 1 р. 50 к.

— Смерть Агриппины. Драма въ 5-ти дѣйств. Ц. 1 р.

БѢЖЕЦКІЙ, А. Н. Путевые наброски. Въ странѣ мантильи и кастаньетъ (За Пиринеями — Мадридъ — Севилья — Гренада — Біаррицъ — Парижъ). Ц. 1 р. 25 к.

— Военные на войнѣ. — Святочные разсказы. Ц. 1 р. 50 к.

— На пути. Разсказы и очерки. Ц. 1 р. 50 к.

— Дѣтская любовь. Повѣсть. Ц. 1 р.

БѢЛЯЕВЪ, А. П. Записки декабриста (1803 — 1850). Ц. 2 р.

БЭКЕРЪ, САМУЭЛЬ. Выброшенные моремъ. Романъ для юношества. Переводъ съ англ. Съ иллюстраціями. На велен. бумагѣ. Ц. 2 р.

БЭРЪ, МИХ. Струэнзе. Тр. въ 5-ти д. въ стих. и прозѣ. Перев. съ нѣм. А. Н. Плещеева. Ц. 1 руб.

ВАНЪ-ДЕНЪ-БЕРГЪ. Краткая исторія Востока (египтянъ, ассиріянъ, вавилонянъ, мидянъ, персовъ и финикіянъ). Съ 24 гравюрами и виньетками. Ц. 60 к.

ВЕРНЪ-ЖЮЛЬ. Путешествіе вокругъ свѣта въ 80 дней. Съ 55-ю рисунками. Ц. на вел. бум. 2 р.

— Дѣти капитана Гранта. Путешествіе вокругъ свѣта. Въ 3-хъ частяхъ Съ 167 рисунк. Изд. 2-е. Ц. 3 р. На вел. бум. 5 р.

— Приключенія капитана Гаттераса. Съ 252 рисунками. Ц. 2 р. 50 к. На велен. бум. 4 р.

— Плавающій городъ. Съ 25 рис. 150 стр. Ц. 1 р. На велен. бум. 1 р. 50 к.

— Путешествіе вокругъ луны. Съ 43 рис. Ц. 1 р. 25 к. На велен. бум. 2 р.

— Восемьдесятъ тыс. верстъ подъ водой. Путешествіе подъ волнами океана. Въ 2 частяхъ, съ 107 рисунками. Ц. 3 р.

— Приключенія трехъ русскихъ и трехъ англичанъ. Съ 51 рис. Ц. 1 р. 50 к.

ГЕЛЬВАЛЬДЪ, ФРИД. Естественная исторія племенъ и народовъ. Со множеств. иллюстрацій. Сочиненіе это, заключающее въ себѣ исторію развитія культуры племенъ и народовъ земного шара, иллюстрировано художникомъ Келлеръ-Лейцингеромъ: типы расъ, предметы ихъ домашняго быта, и пр. 2 большихъ тома, 1418 стр. Ц. 15 р.

ГЕКЕРЪ, ОСКАРЪ. Ганзейцы (Die Brüder der Hansa). Истор. ром. Съ иллюстрац. Ц. 1 р.

ГЕКСЛИ. Введеніе въ науку. Ц. 30 к.

ГЕТЕ, его жизнь и избранныя стихотворенія. 2-е дополн. изд. Ц. въ изящн. перепл. 1 р. 60 к.

ГИЛЬДЕРЪ, Уильямъ. Во льдахъ и снѣгахъ. Путешествіе въ Сибирь для поисковъ экспедиціи капитана Делонга. Съ 57-ю грав. Ц. 1 р. 50 к.

ГЛИНКА, М. Записки и переписка его съ родными и друзьями. Ц. 3 р.

ГОМЕРЪ. Иліада. Переводъ Н. И. Гнѣдича. Ц. 75 к.

HOMERI ILIAS. Pars I. C. I—XII. Изд. 2-е. Ц. 20 к.

— Pars II. C. XIII — XXIV. Изд. 2-е. Ц. 20 к.

HOMERI ODYSSEA. Pars I. C. I — XII. Изд. 2-е. Ц. 20 к.

— Pars II. C. XIII — XXIV. Изд. 2-е. Ц. 20 к.

ГРЕЧЪ, Н. И. Записки о моей жизни. Съ портретомъ. Ц. 3 р. 50 к.

ГРИГОРОВИЧЪ, Д. В. Акробаты благотворительности. Пов. Ц. 1 р.

— Гуттаперчев. мальчикъ. — Карьеристъ. — Алексѣй Чемезовъ. Ц. 1 р.

ГРУНДВИГЪ, Свендъ. Датск. народ. сказ. Ц. 1 р.

ДАНИЛЕВСКІЙ, Г. П. На Индію при Петрѣ I. — Потемкинъ на Дунаѣ. Историч. романы. Ц. 1 р. 50 к.

— Княжна Тараканова. Историч. романъ. — Уманская рѣзня (Послѣдн. Запорожцы). Историч. повѣсть. Ц. 1 р. 50 к.

— Мировичъ (1762 — 1764 г.). Историческій романъ. Ц. 2 р.

— Сожженная Москва. Истор. ром. Ц. 1 р. 50 к.

ДОДЭ, АЛЬФОНСЪ. Королева Фредерика (Les rois en exil). Романъ Ц. 1 р. 50 к.

— Жены артистовъ. Очерки нравовъ. Ц. 40 к.

ДРУЖИНИНЪ, А. Полинька Саксъ. Повѣсть. Ц. 50 к.

ЕВРЕИНОВЪ, В. Гражданское чинопроизводство въ Россіи. Историческій очеркъ. Ц. 1 р.

ЕСИПОВЪ, Г. В. Люди стараго вѣка. Разсказы изъ дѣлъ Преображенскаго приказа и Тайной канцел. Ц. 1 р. 50 к.

— Тяжелая память прошлаго. Разск. изъ дѣлъ Тайной канцеляр. и друг. архивовъ. Ц. 1 р. 50 к.

ЖЕНЕНЪ. Маленькій герой. Переводъ Е. Н. Ахматовой. Съ рисунк. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к.

ЖИТЕЛЬ. На отдыхѣ. Деревенскія письма. Ц. 1 р. 50 к.

— Сусальныя звѣзды. — Книга раздора. Ц. 1 р.

ЗАГУЛЯЕВЪ, М. А. Русскій Якобинецъ. Романъ изъ франц. революціи. Ц. 1 р.

ЗАХАРЬИНЪ, И. Н. (Якунинъ). Тѣни прошлаго. Разсказы о былыхъ дѣлахъ. Ц. 1 р. 50 к.

ИВАНОВЪ-КЛАССИКЪ. Веселый попут-

чикъ. Письма съ дороги, замѣтки на лету, картинки изъ путевыхъ воспоминаній и дорожныя пѣсни. Ц. 1 р.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ИСТОРІЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО. Текстъ А. Г. Брикнера, профессора Дерптск. университета. Гравюры на деревѣ: Паннемакера и Матте въ Парижѣ, Кезеберга и Эртеля въ Лейпцигѣ, Клосса и Хельма въ Штутгартѣ, Зубчанинова, Рашевскаго, Шлипера и Винклера въ Петербургѣ. Заглавный листъ, заглавныя буквы и украшенія художника Панова. Ц. 15 р.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ИСТОРІЯ ЕКАТЕРИНЫ II. Издана по тому же плану, какъ и «Ил. Исторія Петра Вел.» и заключаетъ въ себѣ до 300 портретовъ, типовъ, бытовыхъ сценъ и проч., воспроизведенныхъ преимущественно съ рѣдкихъ подлинниковъ Екатерининскаго времени. Текстъ А. Г. Брикнера, профес. Дерптскаго универс. 3 тома. Ц. 18 р.

ИСТОРИЧЕСКАЯ портретная галлерея. Собраніе портретовъ знаменитѣйшихъ людей всѣхъ народовъ, начиная съ 1300 года, съ краткими ихъ біографіями. Фототипіи съ лучшихъ образцовъ. Изданіе выходитъ выпусками, по 8 портретовъ въ каждомъ. Цѣна каждому вып. 2 р.

ИСТОРИЧЕСКІЕ разсказы и анекдоты изъ жизни русскихъ государей и замѣчательныхъ людей XVIII и XIX столѣтій. Изд. 2-е, дополн. Ц. 1 р. 50 к.

КАЙГОРОДОВЪ, Д. Собиратель грибовъ. Карманная книжка, содержащая описаніе важнѣйш. съѣдобныхъ, ядовитыхъ и сомнительн. грибовъ, растущихъ въ Россіи. Съ 14-ю раскраш. таблицами. Спб. 1888. Ц. 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 75 к.

— Изъ Зеленаго Царства. Популярн. очерки изъ міра растеній. Со многими рисунк. Ц. въ изящномъ переплетѣ 3 р. 50 к.

— Черная семья (Птицы вороньяго рода). Съ 3-мя хромолит. таблицами. Ц. 25 коп.

КАРАТЫГИНЪ, П. Лѣтопись петербургскихъ наводненій. 1703—1879 гг. Ц. 50 коп.

КАРНОВИЧЪ, Е. П. Историческіе разсказы и бытовые очерки. Съ 50 гравюрами и портретами. Ц. 3 р. 50 к.

— Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи. 2-е исправлен. и допол. издан. Ц. 2 р.

— Родовыя прозванія и титулы въ Россіи и сліяніе иноземцевъ съ русскими. Ц. 1 р.

— Историческія повѣсти. I. Переполохъ въ Петербургѣ.—II. Лимонъ. Ц. 1 р.

КАРТИНЫ ЖИЗНИ. Сборникъ очерковъ и разсказовъ: Г. Андерсена, А. Доде, Э. Золя, Гюи де-Мопассана, Ж. Ришпена и Захеръ-Мазоха. Переводъ А. Н. Чудинова. Ц. 75 к.

КЕНИГЪ, Г. Карнавалъ короля Іеронима. Историч. романъ. Пер. съ нѣм. Ц. 2 р.

КИНГСТОНЪ, У. Г. Д. Молодой раджа. Разсказъ изъ жизни и приключеній въ Индіи. Съ 44 рис. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

КНАКФУСЪ. Рембрандтъ. Очеркъ его жизни и произведеній. Съ 155 снимками съ картинъ, гравюръ и рисунковъ Рембрандта. Пер. съ нѣм. Ц. 5 р.

КОСТОМАРОВЪ, Н. И. Черниговка. Быль второй половины XVIII вѣка Ц. 1 р. 50 к.

— Кудеяръ. Историческая хроника. Ц. 2 р.

КОЛОКОЛОВА, М. Письма матери къ матерямъ. Цѣна 40 к.

КРАУЗЕ, Вл. Гомеровскій словарь (къ Илiадѣ и Одиссеѣ). Съ 130 рисунками въ текстѣ и картою Трои. Ц. 1 р. 50 коп.

КРАМСКОЙ, И. Н. Его жизнь, переписка и художественно-критическія статьи. 1837 — 1887. Съ факсимиле и 2 портретами. Ц. 3 р. 50 к.

КРЕНКЕ, В. О сельскомъ хозяйствѣ, 3-е исправл. и дополн. изданіе. Выпускъ I. Ц. 60 к.

КРЕНКЕ, В. Азбука для народныхъ школъ. Ц. 7 к.

КРЕСТОВСКІЙ, ВСЕВОЛОДЪ. Дѣды. Историческая повѣсть изъ временъ Императора Павла I. Ц. 2 р.

— Въ гостяхъ у эмира Бухарскаго. Съ 3-мя портретами. Ц. 2 р. 50 к.

КРЕСТОВСКІЙ, В. (Псевдонимъ). Обязанности. Ром. Ц. 1 р. 25 к.

— Повѣсти: Томъ I. Старыя дѣвы. — Стоячая вода. — Пансіонерка. — Братецъ. Ц. 2 р.

— Повѣсти: Томъ II. Матери. — Домашнее дѣло.—Два памятные дня.— Свиданіе. Ц. 1 р. 50 к.

— Повѣсти: Томъ III. Семья. — Искушеніе. — Учительница. Ц. 1 р. 50 к.

— Повѣсти: Томъ IV. Идеалы и фразы.—Деревенская исторія. — Дневникъ сельскаго учителя. Ц. 1 р. 50 к.

— Очерки и отрывки. Книга первая: За стѣною. — Вѣра. — На вечерѣ. — Недописанная тетрадь. — Старый портретъ, новый оригиналъ.—Старое горе. Ц. 1 р. 50 к.

— Очерки и отрывки. Книга вторая: Нѣсколько лѣтнихъ дней. — Въ дорогѣ. — Разговоръ. — Доброе дѣло. Изъ связки писемъ, брошенной въ огонь. Сцены: I. Утренній визитъ. — II. У жениха и невѣсты. — III. Для дѣтскаго театра. Ц. 1 р. 50 к.

— Большая Медвѣдица. Романъ въ 5 частяхъ. Издан. 3-е, вновь просмотрѣнное авторомъ. Ц. 3 р.

— Испытаніе. Романъ въ 2-хъ част. Ц. 1 р. 50 к.

— Провинція въ старые годы. I. Свободное время. Романъ. Ц. 1 р.

— Провинція въ старые годы. II. Кто-жъ остался доволенъ? Ром. Ц. 1 р. 25 к.

— Провинція въ старые годы. III. Послѣднее дѣйствіе кмедіи. Ром. Ц. 1 р. 25 к.

— На память 1850 — 1881 (Анна Михайловна.—Послѣ потопа.—Здоровье. — Прощаніе). Ц. 1 р. 50 к.

КРЕСТОВСКАЯ, М. В. I. Раннія грозы.—Испытаніе. Ц. 1 р. 50 к.

— II. Внѣ жизни. — Уголки театральнаго мірка. Ц. 1 р. 50 коп.

КРОТКОВЪ, В. Ныркинъ и Чопуркинъ.—Послѣдняя жертва катастро-

фы.—Во время войны—дома. Ц. 1 р.

— Частный повѣренный.—Гладкія взятки.—Первобытное состояніе. Ц. 1 р.

КЛЮЧЪ къ русскимъ упражненіямъ учебника французскаго языка. Д. Марго. Изд. 5-е, исправлен. Ц. 35 к.

ЛАУБЕ. Графиня Шатобріанъ. Истор. романъ. Ц. 2 р.

ЛЕББОКЪ, Д. Ж. Муравьи, пчелы и осы. Наблюденія надъ нравами общежительныхъ перепончатокрылыхъ. Переводъ съ 5-го англійскаго изданія Д. В. Аверкіева. Съ приложеніемъ статьи переводчика: «Муравьиные слѣды». Съ рисунками въ текстѣ и 5-ю хромолит. табл. Ц. 3 р.

ЛЕЙКСНЕРЪ, ОТТО. Нашъ вѣкъ. Общій обзоръ важнѣйшихъ явленій въ области исторіи, искусства, науки и промышленности въ теченіе послѣдняго столѣтія. Со множ. портретовъ государей, полководцевъ, госуд. людей, ученыхъ, поэтовъ, литераторовъ, путешественниковъ, изобрѣтателей, рисунковъ, снимковъ съ картинъ извѣстныхъ художниковъ автографовъ и проч. Пер. съ нѣм. in-8. Два большихъ тома, 1520 стр. текста и 105 стр. указателей. Ц. за 2 т. 18 р.

ЛЕНДЕРЪ, Н. На Волгѣ. Очерки, картинки, путевыя замѣтки и обозрѣнія (Волжскій Спутникъ). Ц. 60 к.

ЛЕРМОНТОВЪ, М. Ю. Юношескія драмы. Изд. подъ ред. П. Ефремова. Ц. 1 р. 50 к.

ЛѢСКОВЪ, Н. С. Собраніе сочиненій въ 10-ти томахъ. Подписная цѣна 20 р.

— Сказъ о тульскомъ лѣвшѣ и о стальной блохѣ (Цеховая легенда). Ц. 40 к.

— Три праведника и одинъ Шерамуръ. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

ЛѢСНАЯ волшебница (The Lady of the Forest). Повѣсть для юношества. Переводъ съ англійскаго. Цѣна 75 коп.

МАЙКОВЪ, Л. Н. Очерки изъ исторіи русской литерат. XVII и XVIII столѣтій. (Симеонъ Полоцкій. — Одна изъ русскихъ повѣстей Петровскаго времени. — Къ характеристикѣ Ломоносова какъ ученаго.—В. И. Майковъ. — Литературныя мелочи Екатерининскаго времени. — Нѣсколько данныхъ для исторіи русской журналистики). Ц. 2 р. 50 коп.

МАСЛОВЪ, А. Н. Завоеваніе Ахалъ-Теке. Изд. 2-е. Съ 2-мя портретами М. Скобелева и факсимиле, съ прил. «Матеріаловъ для біографіи М. Скобелева». Ц. 1 р. 50 к.

МАГАФФИ. Древне-греческая жизнь. Переводъ съ англійск. Съ примѣч. М. Стратилатова. Ц. 60 к.

МАРКОВЪ, В. В. Илья Муромецъ. Поэма. Ц. 60 к.

— Трилистникъ. Ц. 30 к.

МАСАЛЬСКІЙ, КОНС. Стрѣльцы. Истор. ром. Ц. 1 р. 50 к.

МЕРИМЕ, П. Варѳоломеевская ночь. Истор. ром. Ц. 1 р.

— Карменъ. Романъ. Ц. 40 к.

МИЛЮКОВЪ, А. П. Царская Свадьба. Историческая повѣсть изъ временъ Іоанна Грознаго. Ц. 1 р.

— Разсказы изъ обыденнаго быта (3-е испр. и доп. изданіе). Ц. 1 р.

МЛЕКОПИТАЮЩІЯ въ описаніяхъ КАРЛА ФОГТА и картинахъ ШПЕХТА. Переводъ съ нѣм. Большой томъ in-folio, 454 стр. Съ 448 рис. въ текстѣ и 40 отдѣльн. рис. Ц. въ роскош. тиснен. золот. и краск. перепл. 23 р.

— То же. РОСКОШН. ИЗДАНІЕ на велен. бум. Ц. 30 р., въ роскош. тисн. золот. и краск. перепл. 43 р., съ зол. обрѣзомъ 45 р.

МОЛЧАНОВЪ, А. Н. Путевыя письма, повѣсти, разсказы и набр. Ц. 60 к.

— Между миромъ и конгрессомъ. Письма въ «Новое Время» изъ Константинополя, Исмида, съ Принцевыхъ острововъ, изъ Дарданеллъ, Галлиполи, Санъ-Стефано и Филиппополя. Ц. 2 р.

МОРДОВЦЕВЪ, Д. Л. Царь и Гетманъ. Истор. ром. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 50 к.

— Авантюристы. Истор. пов. Ц. 80 к.

МОРСКОЙ, Н. Аристократія гостинаго двора. Картины нравовъ. Ц. 1 р. 50 к.

— Содомъ. Ром. Ц. 1 р. 50 к.

НАШИ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ и ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ. Сочиненіе автора «Современной Россіи». Ц. 3 р.

НЕВѢДѢНСКІЙ, М. Н. Катковъ и его время. Ц. 3 р.

НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО, В. И. Святыя горы (Русскій Аѳонъ). Очерки и впеч. Ц. 80 к.

— Годъ войны. Дневникъ рус. корреспондента (1877—78 г.). 2 тома. Ц. 4 р.

— Цари биржи (Каиново племя въ наши дни). Ром. Ц. 2 р.

— Стихотворенія. Изящно изданный томъ. Ц. 2 р. 50 к.

НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО, В. И. Кама и Уралъ. Очерки и впечатлѣнія. Ц. 3 р.

—?—О ЖЕНЩИНАХЪ мысли старыя и новыя. Издан. 8-е. Ц. 1 р. 50 к.

ОСТРОВСКІЙ, А. и СОЛОВЬЕВЪ. Драматическія сочиненія: Счастливый день.—Женитьба Бѣлугина. — На порогѣ къ дѣлу.—Дикарка. Ц. 3 р.

ОТКЛИКЪ. Литературный сборникъ, изданный студентами Спб. университета въ пользу нужд. студ. и слуш. выс. женск. курс. Ц. 1 р. 50 к.

ОХОТА И ОХОТНИКИ. Разсказы Псковича. Ц. 2 р.

ПАССЕКЪ, Т. П. Изъ дальнихъ лѣтъ. Воспоминанія. 2 тома, съ пятью портретами и видами храма Спасителя. Ц. 4 р.

ПАЛЬМЪ, А. Петербургская саранча. Ром. Ц. 1 р. 50 к.

— Старый баринъ. Ком. Ц. 65 к.

— Гражданка. Сцены. Ц. 65 к.

ПЕЛЛИКО да САЛУЦЦО. Мои темницы. Воспоминанія. Переводъ съ итальянскаго. Съ 18 рис. Ц. 1 р.

ПЕРВАНОГЛУ, I. Андроникъ Комненъ. Разсказъ изъ Визант. ист. Пер. съ нѣм. Ц. 1 р.

ПЕШЕЛЬ. Народовѣдѣніе. Перев. подъ ред.

Э. Петри съ 6-го изданія, дополненнаго Кирхгоффомъ. Выход. выпусками. Ц. каждаго выпуска 1 р.

ПИСЬМА графа П. Василія. Лондонское Общество.—Вѣнское Общество. Перев. съ франц. Ц. 1 р. 50 к.

ПЛЕЩЕЕВЪ, А. Н. Подснѣжникъ. Стихотворенія для дѣтей и юношества. Ц. 1 р.

— Женщина въ XVIII вѣкѣ (по Гонкуру). Ц. 80 к.

ПОЛЕВОЙ КСЕН. М. В. Ломоносовъ. 2 т. Ц. 2 р.

— Записки. I т. 581 стр. Съ указателемъ личн. именъ и съ 2-мя портрет. Ц. 3 р.

ПОЛЕВОЙ, Н. Клятва при Гробѣ Господнемъ. Русская быль XV вѣка. Ц. 1 р. 50 к.

ПОЛЕЖАЕВЪ А. Стихотворенія, съ біографическимъ очеркомъ, портретомъ и снимками съ рукописей. Изд. подъ ред. П. А. Ефремова. Ц. 2 р. 50.

ПОНОМАРЕВЪ, С. И. Москва въ родной поэзіи. Сборникъ стихотвореній и характеристикъ русскихъ и славянскихъ писателей, относящихся къ Москвѣ. Перечень русскихъ писателей, родившихся и умершихъ въ Москвѣ, и проч. Ц. 1 р. 25 к.

П—Ъ, С. Къ царскому юбилею, 1855—1880. Собраніе прозаическихъ и стихотворныхъ отрывковъ, относящихся къ Государю Императору Александру II, со дня Его рожденія до 19-го февраля 1880 г. Ц. 40 к.

ПОЭ, ЭДГАРЪ. Необыкновенные разсказы. Переводъ съ англійск., кн. I и II. Ц. каждой 60 к. Кн. III. Ц. 1 р.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО РОССІИ. СѢВЕРЪ (Петербургъ. — С.-Петербургская губернія. —Эстляндская губ. —Финляндія.— Олонецкая губ. —Архангельская губ.). Съ 5-ю планами и 2-мя карт. Подъ ред. Р. С. ПОПОВА. Ц. въ пер. 3 р.

— Вып. II. ЗАПАДЪ. (Прибалтійскія губ.—Сѣверозападныя губ.—Привислинскія губ. Царство Польское). Съ планами Варшавы, Вильны и Риги. Ц. 2 р.

ПЫЛЯЕВЪ М. И. Старый Петербургъ. Большой томъ въ 471 стр. Въ этой книгѣ собраны свѣдѣнія объ исторіи и жизни Петербурга въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтій. Источниками для этого труда служили не одни только русскія и иностр. сочиненія, но и изустные разсказы петербургскихъ старожиловъ. Въ книгѣ 86 рис. въ текстѣ и 26 на отдѣльныхъ листахъ, изображающихъ петерб. мѣстности, зданія и типы въ разныя эпохи, а также портреты историч. лицъ и бытовыя сцены. Съ приложеніемъ указателя личныхъ именъ и мѣстностей, зданій и проч. Ц. 8 р., въ изящн. переплетѣ 9 р. 20 к.

— То же, удешевленное изданіе. Съ 122 грав. Ц. 3 р., въ перепл. 4 р.

— Драгоцѣнные камни, ихъ свойства, мѣстонахожденія и употребленіе. 2-е, значительно дополненное изд. Ц. 2 р. 50 к.

— Забытое прошлое окрестностей Петербурга. Съ 104 гравюрами. Ц. 4 р., въ пер. 5 р.

РИШЕ, Ш. Сомнамбулизмъ, демонизмъ и яды интеллекта. Ц. 1 р. 50 к.

РОЗЕНТАЛЬ. Общая мышечная и нервная физіологія. Пер. подъ ред. И. Р. Тарханова. Ц. 2 р.

РОСТОПЧИНСКІЯ афиши 1812 года. Библіографическое изданіе въ 300 экземпляровъ. Ц. 3 р.

РУММЕЛЬ, В. и ГОЛУБЦОВЪ, В. Родословный сборникъ русск. дворянскихъ фамилій. 2 большихъ тома. Ц. 10 р.

РУССКАЯ ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ. Собраніе портретовъ замѣчательныхъ русскихъ людей, начиная съ XVIII столѣтія, съ краткими ихъ біографіями (фототипіи съ лучшихъ оригиналовъ). Галлерея эта выходила всего въ количествѣ 500 экз., по мѣрѣ изготовленія портретовъ, выпусками, каждый изъ 6-ти портретовъ большого формата, съ краткими біографіями. Цѣна каждому выпуску 2 р. Вышло 19 выпусковъ. Полный экземпляръ въ роскошномъ перепл. 42 р., съ перес. 45 руб.

РУССКІЙ КАЛЕНДАРЬ на 1890 годъ. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 60 к.

САЙМЪ, ДЖЕМСЪ. Краткая исторія нѣмецкой литературы. Ц. 60 к.

САЛІАСЪ (графъ). Петербургское дѣйство. Историч. ром. (1762 г.). Изд. 2-е. Ц. 4 р.

— На Москвѣ. Истор. ром. изъ временъ чумы 1771 г. Ц. за 2 т. 4 р.

— Атаманъ Устя. Поволжская быль. Ц. 2 р.

— Поэтъ - намѣстникъ. 1785—1788. Ц. 1 р.

— Свадебный бунтъ. Историческій ром. Ц. 2 р.

САМСОНОВЪ, Л. Н. Пережитое. Мечты и разсказы русскаго актера (1860 — 1878). Изящное изданіе на цвѣтной бум. Ц. 2 р.

САХАРОВЪ, Н. П. Сказанія русскаго народа. Народн. дневн. — Праздники и обычаи. Ц. 75 к.

— Сказанія русскаго народа. Русское народное чернокнижіе. — Русскія народ. игры, загадки, присловья и притчи. Ц. 75 к.

СЕНТСБЕРИ, Д. Краткая исторія французской литературы. Ц. 40 к.

СИМЕОНЪ ПОЛОЦКІЙ. Мѣсяцесловъ въ стихахъ (перепечатка изъ Псалтыря съ мѣсяцесловомъ), переложенный стихами іеромонахомъ Симеономъ Полоцкимъ. Москва, въ Верхней типографіи, 1680 г., въ листъ. Съ заставками (заглавныя въ нѣсколько красокъ) и друг. украш. Печатано въ двѣ краски. Ц. 2 р.

СКАЛЬКОВСКІЙ К. А. Новыя путевыя впечатлѣнія. Ц. 1 р. 25 к.

— У скандинавовъ и фламандцевъ. Путевыя впечатлѣнія по Швеціи, Даніи и Бельгіи. Ц. 1 р.

СМАЙЛЬСЪ, С. Путешествіе мальчика вокругъ свѣта, жизнь въ Австраліи и переѣздъ черезъ Америку. Изд. 3-е, исправленное, съ 9 рис., картою и приложеніемъ статьи изъ путешествія БОВУАРА: Общество и природа въ Австраліи. Ц. 1 р. 75 к.

СМИРНОВА, С. У пристани. Ром. Ц. 1 р. 50 к.

СОВРЕМЕННАЯ РОССІЯ. Очерки нашей государственной и общественной жизни. Изд. 2-е, исправл. и дополнен. 2 тома. Ц. 2 р. 50 к.

СОЛОВЬЕВЪ, Н. Я. На порогѣ къ дѣлу. Деревенскія сцены. Ц. 75 к.

СОЛОГУБЪ, В. (графъ). Тарантасъ. Путевыя впечатлѣнія. Ц. 1 р.

— Воспоминанія. Съ портретомъ. Ц. 1 р. 50 к.

СТИВЕНСОНЪ, Р. Л. Клубъ самоубійцъ. Разсказъ. Ц. 50 к.

— Странная исторія доктора Джекиля и Мистера Хайда (Strange Case of d-r Jekyll and m-r Hyde). Ц. 50 к.

— Принцъ Отто. Повѣсть (Prince Otto by R. L. Stevenson). Ц. 1 р.

— Черная стрѣла. Повѣсть для юношества временъ войны Алой и Бѣлой розы. Пер. съ англ. Ц. 1 р.

СУВОРИНЪ, А. С. Татьяна Рѣпина. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

СУВОРИНЪ, А. и В. БУРЕНИНЪ. Медея. Драма въ четырехъ дѣйств. въ стихахъ и прозѣ. Изд. 2-е Ц. 1 р.

СУХОМЛИНОВЪ, М. И. Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію. Т. I. Введеніе.—Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Императора Александра I.—А. Н. Радищевъ. Ц. 3 руб.

— Тоже. Томъ II-й. (Н. И. Новиковъ, авторъ истор. словаря о русскихъ писателяхъ.—Приложеніе: указатель авторовъ, помѣщенныхъ въ словарѣ Новикова 1772 г.—Ф. Ц. Лагарпъ, воспитатель императора Александра I.—Приложенія. ИмператоръНиколайПавловичъ—критикъ и цензоръ сочиненій Пушкина. Полемическія статьи Пушкина.—Появленіе въ печати сочиненій Гоголя.—Князь П. А. Вяземскій.—Н. А. Полежаевъ и его журналъ «Московскій Телеграфъ». — Три повѣсти Павлова. — Снятіе опалы съ славянофиловъ. — И. С. Аксаковъ въ 40-хъ годахъ. Ц. 3 р.

— ? — ТАНЦЫ, балетъ, ихъ исторія и мѣсто въ ряду изящныхъ искусствъ. Изд. 2-е. Ц. 2 р.

ТАТИЩЕВЪ, Изъ прошлаго русской дипломатіи. Историческія изслѣдованія и полемическія статьи. Ц. 4 р.

ТВЭНЪ, МАРКЪ (Самуэль Клеменсъ). Принцъ и Нищій. Историч. ром. для юношества всѣхъ возрастовъ. Съ 150 рисун. Изд. 2-е. Ц. 2 р.

— Приключенія Тома. Перев. съ англ., съ 109 рис. Ц. 2 р.

— Приключенія Финна. Съ 172 рис. въ текстѣ Пер. съ англ. Цѣна въ хромолитогр. папкѣ 3 р.

— Американскіе разсказы. Пер. съ англ. Ц. 50 коп.

ТРИРОГОВЪ, В. Община и подать. Собраніе изслѣдованій. Ц. 2 р.

ТРУБАЧЕВЪ С. Пушкинъ въ русской критикѣ. (1820—1880). Ц. 2 р.

УСПЕНСКІЙ, Н. Разсказы. Ц. 1 р.

УЭЛЬКЕНСЪ. Древнеримская жизнь. Переводъ съ англ. (съ примѣчаніями М. Стратилатова). Съ 14-ю грав. Ц. 60 к.

ФОФАНОВЪ К. Стихотворенія. Ц. 1 р. 50 к.

ФЛОРИНСКІЙ, В. М. Домашняя медицина. Лечебникъ для народнаго употребленія. Изд. 4-е, испр. Ц. 3 р. 50 к.

ФРЕНЦЕЛЬ. Въ золотомъ вѣкѣ. Истор. ром. Ц. 2 р.

ФРИМАНЪ, Э. А. Очеркъ исторіи Европы. Перев. Стратилатова. Съ 6-ю карт. Ц. 60 к.

ФУРМАНЪ, П. Р. Дочь шута. Ром. изъ временъ Императрицы Анны Іоанновны. Ц. 1 р. 50 к.

— Русскій граверъ. Истор. нов. 1725 и 1726 гг. Ц. 75 к.

ФЕДОРОВЪ. Абиссинія. Историко-географическій очеркъ. Съ картою. Ц. 75 к.

ХМЫРОВЪ, И. Азбука икса. Задачникъ по алгебрѣ и геометріи, съ подр. рѣш. и отвѣтами. Ц. 2 р. 50 к.

ХРУЩОВЪ, И. И. Къ исторіи русскихъ почтъ. Очеркъ ямскихъ и почтовыхъ учрежденій отъ древнихъ временъ до царствованія Екатерины II. Съ портретами, снимками и картами. Ц. 2 р. 50 к.

ЧЕРКАСОВЪ, А. Записки охотника Восточн. Сибири. Изд. 2-е, испр. и доп. Съ рисунк. Ц. 4 р.

ЧЕХОВЪ АН. Въ сумеркахъ. Очерки и разсказы. Изд. 3-е. Ц. 1 р.

— Разсказы. (Счастье.— Тифъ. — Ванька.— Свирѣль.— Перекати-поле.— Задача.— Степь. — Тина. — Тайный совѣтникъ.— Письмо.—Поцѣлуй). Изд. 3-е. Ц. 1 р.

ЧУЙКО, В. В. Шекспиръ, его жизнь и произведенія. Съ 33 гравюрами. Ц. 5 р.

ЧЮМИНА, О. (Михайлова). Стихотворенія. (1884—1888). Ц. 1 р. 50 к.

ШАШКОВЪ, С. С. Исторія русской женщины. Изданіе 2-е, испр. и доп. Ц. 1 р. 75 к.

ШИЛЛЕРЪ, его жизнь и избранныя стихотворенія. Съ 43 рисунками. Ц. 1 р. 50 к., въ изящн. переплетѣ 2 р. 10 к.

ШОПЕНГАУЭРЪ, А. Свобода воли и основы морали. Двѣ основныя проблемы этики. Ц. 2 р.

—Житейская мудрость. Афоризмы и максимы. Изд. 2-е, дополн. Ц. 2 р.

ШПАЖИНСКІЙ, И. В. Драматическія сочиненія. Томъ I (Маіорша.— Легкія средства. — Кручина.—Фофанъ.— Прахомъ пошло!). Ц. 1 50 к.

ШТЕРНЪ, А. Всеобщая исторія литературы. Перев. съ нѣмец., допол. библіограф. указ. Ц. 2 р.

ШТИНДЕ, В. Госпожа Бухгольцъ на Востокѣ. Пер. съ нѣм. Ц. 1 р.

ЩЕГЛОВЪ, И. Дачный мужъ, его похожденія, наблюденія и разочарованіе.—Въ горахъ Кавказа. Картинки минеральныхъ нравовъ. Ц. 1 р.

ЭБЕРСЪ. Дочь египетскаго царя. Истор. ром., разсказанный для юношества О. Шапиръ. Съ рис. Ц. въ переплетѣ 2 р.

ЭЛЬПЕ. Калейдоскопъ, изъ области теоретическаго и прикладного знанія. Изд. 2-е, исправлен. и дополн. Ц. 1 р.

ЭНГЕЛЬГАРДТЪ, А. Н. О хозяйствѣ въ сѣверной Россіи и примѣненіи въ немъ фосфоритовъ. Сборникъ сельско-хозяйственныхъ статей. 1872 — 1888. I т. 522 стр. Ц. 2 р.

ѲЕДОТОВЪ, А. Ф. Про бѣлаго бычка. Комедія въ 4-хъ дѣйст. Ц. 1 р.

ЯКОВЛЕВЪ, Н. (Н. Я. Павловскій). Очерки современной Испаніи 1884—1885. I т. 622 стр. Ц. 3 р.

— Маленькіе люди съ большимъ горемъ. Разсказы. Ц. 1 р.

ДЕШЕВАЯ БИБЛІОТЕКА.

АБЛЕСИМОВЪ. Мельникъ колдунъ, обманщикъ и сватъ. Комич. опера въ 3-хъ дѣйств. Изд. 2-е. Ц. 8 к.

АНЕКДОТЫ и остроумныя изреченія, выбранныя изъ сочиненій лучшихъ древнихъ писателей. 4-е изд. Ц. 10 к.

БАЙРОНЪ, лордъ. Невѣста Абидосская. Турецкая повѣсть. Перев. И. И. Козлова. Ц. 10 к.

БОГДАНОВИЧЪ, И. Душенька. Древн. пов. въ вольн. стихахъ. Ц. 15 к.

БОМАРШЕ. П. Безумный день или женитьба Фигаро. Ком. въ 5-ти дѣйств. Пер. А. Чудинова. Ц. 20 к.

— Севильскій Цирюльникъ или безполезная осторожность. Комедія въ 4-хъ дѣйств. Пер. А. Чудинова. Съ біографіей автора. Ц. 15 к.

— БѢЖЕЦКІЙ А. Н. Сраженіе. — Разстрѣлянный. — Нарочный. — Испытаніе волонтеровъ. Ц. 15 коп., въ папкѣ 23 коп.

ВЕНЕВИТИНОВЪ. Полное собраніе стихотвореній. Съ біографіей и портретомъ Д. В. Веневитинова. Ц. 15 к.

ГРИБОѢДОВЪ, А. С. Горе отъ ума. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ въ стихахъ. Съ біографіей и портретомъ автора. Изд. 9-е Ц. 10 к.

ДАВЫДОВЪ, Д. В. Стихотворенія. Съ біограф. и портр. автора. Ц. 15 к.

ДАНИЛЕВСКІЙ, Г. П. Историческіе разсказы. I. Царь Алексѣй съ соколомъ. — II. Вечеръ въ теремѣ царя Алексѣя. — III. Екатерина Великая на Днѣпрѣ. Ц. 20 к.

— Украинскія сказки. 8-е изданіе. Ц. 20 к.

— Семейная Старина. Кн. I. Прабабушка. — Тѣнь прадѣда. Ц. 10 к. — Кн. II. Дѣдовъ лѣсъ.— Бабушкинъ рай. Ц. 15 к.

ДЕЛЬВИГЪ, А. баронъ. Полное собраніе стихотвореній. Ц. 20 к., на велен. бум. 40 к.

ДИККЕНСЪ, Ч. Оливеръ Твистъ. Ром. въ 2-хъ частяхъ. Ц. 50 к.

ДОСТОЕВСКІЙ, Ѳ. Бѣдные люди. Романъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

ДОЛГОРУКАЯ, Н. Б. княгиня. Записки. Съ портретомъ и рисунками. Ц. 20 коп.

ДМИТРІЕВЪ, И. Сказки, басни и апологи. Съ портретомъ и біографіей автора. Цѣна 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

ЕВРИПИДЪ. Медея. Драма. Перев. съ греч. В. Алексѣева. Съ введеніемъ и примѣчаніями. Ц. 10 к.

ЕВРИПИДЪ. Гипполитъ. Трагедія. Съ греч. пер. В. Алексѣева, съ введеніемъ и примѣчаніями. Ц. 10 к.

— Ифигенія въ Авлидѣ. Драма. Съ греч. пер. В. Алексѣева съ введеніемъ и примѣч. Ц. 10 к.

— Ифигенія въ Тавридѣ. Драма. Съ греч. пер. В. Алексѣева, съ введен. и примѣч. Ц. 10 к.

ДРЕВНІЯ греческія сказанія. Походъ Аргонавтовъ. Съ рис. Ц. 10 к.

КАПНИСТЪ, В. Ябеда. Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Съ портр. и біографіей автора. Ц. 15 к.

КАРАМЗИНЪ, Н. М. Повѣсти. Ц. 20 к.

— Письма русскаго путешественн. Со статьею Ѳ. И. Буслаева, съ портр. автора и рисунк. 2 т. Ц. 1 р., на вел. бум. 2 р.

— Исторія государства россійскаго. Великій кн. Димитрій Іоанновичъ, прозваніемъ Донской. Ц. въ перепл. 30 к.

— Царствованіе Ѳеодора Іоанновича (Правленіе Бориса Годунова.—Убіеніе царевича Димитрія.— Состояніе Россіи въ концѣ XVI вѣка). Ц. 15 к.

— Царствованія Бориса Ѳеодоровича и Лжедимитрія. Ц. въ перепл. 40 к.

— Царствованіе Василія Іоанновича Шуйскаго и междуцарствіе. Ц. въ перепл. 40 к.

— Царствованіе Іоанна IV Васильевича, Грознаго, кн. I. Ц. въ перепл. 40 к.

— Царствованіе Іоанна IV Васильевича, Грознаго, кн. II. Ц. въ перепл. 50 к.

— Исторія государства Россійскаго. Томъ I, II, III, IV, V, VI, VII, VIII и IX. Ц. каждаго тома 20 к.

КОЗЛОВЪ, И. Три поэмы. Ц. 15 к.

КВИТКО - ОСНОВЬЯНЕНКО. Гр. Ѳ. Панъ Халявскій. Ц. за 2 части 50 к., въ папкѣ 58 к.

КОХАНОВСКАЯ. Старина. Семейная память. Повѣсти. Ц. 20 к.

— Послѣ обѣда въ гостяхъ. Повѣсть. Ц. 15 к.

— Кирила Петровъ и Настасья Дмитрова. Повѣсть. Ц. 25 к.

КОТЛЯРЕВСКІЙ, И. П.

— Москаль-Чаривныкъ. Малоросс. опера въ 1 д. Ц. 7 к.

— Наталка Полтавка. Малороссійская опера въ 2-х дѣйств. Ц. 7 коп., въ папкѣ 15 коп.

— Енеида, перелицеванная на малороссійскій языкъ Ц. 20 к.

КУКОЛЬНИКЪ, Н. В. Историческія повѣсти. Книга 1-я (Авдотья Лихончиха.—Купецъ Капустинъ. — Прокуроръ). — Съ портретомъ Петра Великаго. Изд. 2-е. Ц. 15 к. на вел. бум. 30 к.

— Историческія повѣсти. Книга 2-я (I. Сказаніе о синемъ и зеленомъ сукнѣ. — II. Часовой). Съ портр. князя Я. Ѳ. Долгорукова. Изд. 2-е. Ц. 15 к.

— Историческія повѣсти. Книга 3-я (Позументы.—Новый годъ). Съ гравюрой: Солдаты петровскаго врем. Изд. 2-е. Ц. 15 к., на вел. бум. 30 к.

— Историческія повѣсти. Книга 4-я (Чернышевскій миръ.—Остапъ и Ульяна.—Старый хламъ). Изд. 2-е. Ц. 15 к., на велен. бум. 30 к.

— Книга 5-я (Запорожцы. Истор. быль временъ Екатерины Великой). Изд. 2-е. Ц. 10 к.

— Книга 6-я (Сержантъ Ивановъ, или всѣ

за одно. — Вольный гетманъ Панъ Савва.—Староста Меланья). Ц. 15 к.

КСАВЬЕ де-МЕСТРЪ. Параша-Сибирячка. Разсказъ. Изданіе 3-е. Ц. 10 коп.

ЛАМАРТИНЪ, А. Іоанна д'Аркъ (Орлеанская дѣва). Съ рисунками. Ц. 12 к.

ЛОМОНОСОВЪ, М. В. Избраныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ. Съ портретомъ и біографіей М. В. Ломоносова. Изд. 2-е. Ц. 40 к.

ЛѢСКОВЪ, Н. Повѣсти и разсказы. Книга I. (Скоморохъ Памфалонъ. —Спасеніе погибавшаго). Ц. 20 к.

— Книга II. Очарованный странникъ. Ц. 20 к.

— Книга III. Запечатлѣнный ангелъ. Ц. 20 к.

— Старые годы въ селѣ Плодомасовѣ. Три очерка. Ц. 20 к.

— Котинъ Доилецъ. Повѣсть. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к.

— Инженеры-Безсребреники. Изъ исторіи о 3-хъ праведникахъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

ЛЬВОВА, А. Марина Мнишекъ. Историч. поэма въ 5-ти частяхъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

МАРЛИНСКІЙ, А. (А. А. Бестужевъ). Аммалатъ Бекъ. Кавказск. быль. Съ портр. автора. 2-е изд. Ц. 25 к.

— Страшное гаданіе.— Два вечера на бивуакѣ. Вечеръ на кавказскихъ водахъ въ 1824 г. 2-е изд. Ц. 25 к.

— Мулла Нуръ. Быль. Ц. 25 к.

— Наѣзды. Повѣсть 1612 г.— Измѣнникъ. Ц. 25 к.

— Фрегатъ Надежда. Ц. 25 к.

— Мореходъ Никитинъ.—Романъ и Ольга.— Замокъ Эйзенъ.—Шахъ Гуссейнъ. Ц. 25 к.

— Лейтенантъ Бѣлозоръ. Ц. 15 коп.

— Латникъ. Разсказъ партизанскаго офицера. Ц. 10 коп.

МЕРЗЛЯКОВЪ и ЦЫГАНОВЪ. Русскія пѣсни. Съ очеркомъ жизни обоихъ поэтовъ. Изд. 3-е. Ц. 10 к., на велен. бум. 20 к.

МОРДОВЦЕВЪ Д. Кумъ Иванъ. Историч. быль. Ц. 10 к.

НАРѢЖНЫЙ. Бурсакъ. Ром. I т. Изд. 2-е. Ц. 35 к., на вел. бум. 65 к.

ОДОЕВСКІЙ, Ѳ. В., князь. Сказки и разсказы дѣдушки Иринея. Ц. 15 к.

ОЗЕРОВЪ, В. Эдипъ въ Аѳинахъ. Траг. въ 5-ти дѣйст. въ стихахъ съ хорами. — Дмитрій Донской. Тр. въ 5-ти дѣйств., въ стихахъ. Ц. 15 к.

ПОЛЕВОЙ, Н. А. Повѣсть о Суздальскомъ князѣ Симеонѣ. Историческая повѣсть. Ц. 15 к.

— Дѣдушка русскаго флота. — Параша Сибирячка. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

ПОГОРЕЛЬСКІЙ, А. Монастырка. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Ц. 25 к.

— Черная курица или подземные жители. Волшебная повѣсть для дѣтей. Ц. 5 к.

ПУШКИНЪ, А. С. Собраніе сочин. въ 10-ти т. болѣе 4, 100 с.). Съ біогр. А. С. Пушкина, съ порт., факсим., видами мѣстностей, гдѣ жилъ поэтъ. Съ алфавитн. и хронолог. указ. ко всѣмъ его произв. Изданіе 3-е. Ц. за 10 том. 1 р. 50 к., въ изящномъ перепл. 3 р. 50 к., въ папкѣ 2 р. 30 к.

СОЛОГУБЪ, В., графъ. Повѣсти и разсказы. Книга I. Аптекарша. — Метель.—Неоконченныя повѣсти Ц. 20 к., на вел. бум. 50 к. Книга II Исторія двухъ калошъ— Нечистая сила. — Воспитанница. Ц. 25 к., на вел. бум. 50 к. Книга III. Большой свѣтъ. — Медвѣдь. Ц. 25 к., на вел. бум. 50 к.

ФОНВИЗИНЪ, Д. И. Двѣ комедіи: I. Бригадиръ. Комедія въ 5-ти дѣйств. II. Недоросль. Ком. въ 5-ти дѣйствіяхъ. Съ біографіей Фонвизина, его портретомъ и объяснительнымъ словаремъ къ его комедіямъ. Изд. 5-е. Ц. 15 коп.

ФЛОБЕРЪ, Г. Саламбо. Романъ. Ц. 40 к., въ папкѣ 48 к.

ХЕМНИЦЕРЪ, И. Полное собраніе басенъ и сказокъ. Съ біографіей и порт. автора. Ц. 15 к.

ЧЕХОВЪ, Ан. ДѢТВОРА. — Ванька.— Событіе.—Кухарка женится.— Бѣглецъ.—Дома. Ц. 15 к.

ШЕКСПИРЪ, В. Гамлетъ. Трагедія въ 5-ти дѣйств. Перев. съ англ. Н. А. Полевого. Съ допол., варіантами по другимъ переводамъ. 2-е изд. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к. на вел. бум. 50 к.

— Король Лиръ. Траг. въ 5-ти дѣйст. Пер. А. В. Дружинина. Съ предисл. и замѣчан. о трагедіи и о характ. ея Кольриджа, Шлегеля, Бокниля, Джемисонъ, Дружинина. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., на вел. бум. 50 к.

— Отелло, венеціанскій мавръ. Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Перев. П. И. Вейнберга. Съ предисловіемъ и мнѣніями о характерахъ трагедіи Ферниваля, Джонсона, Кольриджа, Шлегеля, Крейссига, Рюмелина, Мезьера. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к. на вел. бум. 50 к.

— Макбетъ. Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Пер. А. Кронеберга. Съ предисловіемъ и мнѣніями о «Макбетѣ» Кольриджа, Галлама, Найта, Гензе, Мезьера, Рюмелина. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к. На велен. бум. 50 к.

— Король Ричардъ III. Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. Переводъ А. Дружинина. Съ предисловіемъ и примѣчаніями. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к.

— Коріоланъ. Трагедія въ 5-ти дѣйств. Перев. А. Дружинина. Ц. 25 к.

ШИЛЛЕРЪ, Ф. Духовидецъ. Пер. М. Коршъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 33 к.

— Марія Стюартъ. Трагедія въ 5-ти дѣйств. Перев. А. Шишкова. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к.

ЭЗОПЪ. Избранныя басни. Перев. съ греческаго. В. Алексѣева. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 коп.

Изящные коленкоровые переплеты отъ 20 до 50 коп. за томикъ; папки по 8 коп.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 17 марта 1890 г.

Заказ № 651 Пор. № 41

Книга имеет: 292 стр. — иллюстр.

— табл. — карт.

Примечания:

Расписка отв. за подгот. в перепл. Зинов

